ЧЕЛОВЕК С ЛУНЫ

ЧЕЛОВЕК С ЛУНЫ

Дневники, статьи, письма
Н. Н. Миклухо-Маклая

ЧЕЛОВЕК С ЛУНЫ

Дневники, статьи, письма
Н. Н. Миклухо-Маклая

МОСКВА
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ"
1982

26.8Г
Ч 39

Составление, подготовка текстов, комментарий и послесловие Б. Н. ПУТИЛОВА

Человек с Луны: Дневники, письма, статьи Миклухо-Маклая /Сост., коммент. и послесловие Б. Н. Путилова. — М.: Мол. гвардия, 1982. — 335 с., ил. — (Стрела).

Ч39

70 коп. 100 000 экз.

В книге помещены путевые дневники, статьи и письма великого русского путешественника, ученого-гуманиста Николая Николаевича Миклухо-Маклая. Центральное место занимают его рассказы о пребывании на Берегу Маклая, о взаимоотношениях с папуасами, о торжестве дружбы, человечности, взаимопонимания. В книге раскрываются нравственный облик русского ученого-демократа и его жизненные принципы, предстает трудный, исполненный драматизма жизненный путь.

Ч $\frac{4702010100-228}{078(02)-82}$ 260—82

ББК 26.8г + 63.5(3)
91(09) + 902.7

© Издательство «Молодая гвардия», 1982 г.

Письмо Л. Н. Толстого Н. Н. Миклухо-Маклаю
25 сентября 1886 г.

Многоуважаемый Николай Николаевич!

Очень благодарен за присылку ваших брошюр. Я с радостью их прочел и нашел в них кое-что из того, что меня интересует. Интересует — не интересует, а умиляет и приводит в восхищение в вашей деятельности то, что, сколько мне известно, вы первый несомненно опытом доказали, что человек везде человек, т. е. доброе общительное существо, в общение с которым можно и должно входить только добром и истиной, а не пушками и водкой. И вы доказали это подвигом истинного мужества, которое так редко встречается в нашем обществе, что люди нашего общества даже его и не понимают. Мне ваше дело представляется так: люди жили так долго под обманом насилия, что наивно убедились в том, и насилующие и насилуемые, что это-то уродливое отношение людей, не только между людоедами и нехристианами, но и между христианами, и есть самое нормальное. И вдруг один человек, под предлогом научных исследований (пожалуйста, простите меня за откровенное выражение моих убеждений), является один среди самых страшных диких, вооруженный вместо пуль и штыков одним разумом, и доказывает, что все то безобразное насилие, которым живет наш мир, есть только старый отживший humbug (т. е. вздор. — **Б. П.**), от которого давно пора освободиться людям, хотящим жить разумно. Вот это-то меня в вашей деятельности трогает и восхищает, и поэтому-то я особенно желаю вас видеть и войти в общение с вами. Мне хочется вам сказать следующее: если ваши коллекции очень важны, важнее всего, что собрано до сих пор во всем мире, то и в этом случае все коллекции ваши и все наблюдения научные ничто в сравнении с тем наблюдением о свойствах человека, которые вы сделали, поселив-

шись среди диких и войдя в общение с ними и воздействуя на них одним разумом, и поэтому, ради всего святого, изложите с величайшей подробностью и свойственной вам строгой правдивостью все ваши отношения человека с человеком, в которые вы вступили там с людьми. Не знаю, какой вклад в науку, ту, которой вы служите, составят ваши коллекции и открытия, но ваш опыт общения с дикими составит эпоху в той науке, которой я служу, — в науке о том, как жить людям друг с другом. Напишите эту историю, и вы сослужите большую и хорошую службу человечеству. На вашем месте я бы описал подробно все свои похождения, отстранив все, кроме отношений с людьми. Не взыщите за нескладность письма. Я болен и пишу лежа, с неперестающей болью. Пишите мне и не возражайте на мои нападки на научные наблюдения. Я беру эти слова назад, а отвечайте на существенное. А если заедете, хорошо было бы.

Уважающий вас

Л. Толстой

Ответное письмо Н. Н. Миклухо-Маклая (С.-Петербург, 29 января 1887 г.)

Ваше сиятельство, глубокоуважаемый граф Лев Николаевич!

Позвольте искренно поблагодарить вас за письмо от 25 сентября и вместе с тем прошу простить, что только теперь отвечаю на него. Письмо не только было для меня интересно, но результат чтения его повлияет немало на содержание книги о моих путешествиях. Обдумав ваши замечания и найдя, что без ущерба научному значению описания моего путешествия, рискуя единственно показаться некоторым слишком субъективным и говорящим чересчур много о собственной личности, я решил включить в мою книгу многое, что я прежде, до получения вашего письма, думал выбросить. Я знаю, что теперь многие, не знающие меня достаточно, читая мою книгу, будут недоверчиво пожимать плечами, сомневаться и т. д. Но это мне все равно. Для того, чтобы мотивировать, почему мне пришлось сделать мой рассказ более длинным, вы, надеюсь, позволите мне в одном из дополнений к 1-му тому моей книги напечатать несколько выдержек из вашего письма, т. к. мне невозможно будет объяснить более кратко и просто причину, заставившую меня вставить несколько эпизодов, характеризующих мои отношения к туземцам, т. к. я убежден, что

самым суровым критиком моей книги, ее правдивости и добросовестности во всех отношениях буду я сам.

Разумеется, я не буду возражать на ваши нападки на науку, ради которой я работал всю жизнь и для которой я всегда готов всем пожертвовать.

Через несколько дней я еду в Сидней; буду назад в мае. Летом или осенью, дорогою в Киевскую губернию, заеду к вам в Ясную Поляну.

С глубоким уважением посылаю, непрошеный, мою фотографию в обмен на Вашу, которую, если можно, пришлите до 8-го февраля.

М.-М.

ПЕРВОЕ ПРЕБЫВАНИЕ НА БЕРЕГУ МАКЛАЯ В НОВОЙ ГВИНЕЕ ОТ СЕНТ. 1871 г. по ДЕК. 1872 г.

*19 сентября 1871 г.**. Около 10 ч. утра показался наконец**, покрытый отчасти облаками, высокий берег Новой Гвинеи***.

Корвет «Витязь» шел параллельно берегу Новой Британии из Port Praslin (Новой Ирландии), нашей последней якорной стоянки. Открывшийся берег, как оказалось, был мыс King William, находящийся на северо-восточном берегу Новой Гвинеи.

Высокие горы тянулись цепью параллельно берегу <...>. В проходе между островом Рук и берегом виднелись несколько низких островков, покрытых растительностью. Течение было попутное, и мы хорошо подвигались вперед. Часу во втором корвет «Витязь» на-

* Дневник сверен по рукописи, приготовленной Н. Н. Миклухо-Маклаем к печати, но не увидевшей свет при его жизни. Публикации дневника начиная с издания 1923 года многократно редактировались, при этом нарушался не только стиль автора, но подчас и смысл отдельных выражений. В нашем издании допущены некоторые сокращения в тексте — они отмечены угловыми скобками. — **Ред.**

Все даты в дневнике по новому стилю. — **Ред.**

** Вышед из Кронштадта 27 окт. (ст. ст.) 1870 г. и заходя в Копенгаген, Плимут, ос. Мадеру, ос. С. Винцент (один из о-в Зеленого мыса), Рио-де-Жанейро, Пунто-Аренас и бухту св. Николая в Магеллановом проливе, Талькахуано, Вальпарайзо, ос. Рапа-Нуа, ос. Мангареву, Папеити (на ос. Таити), Апию (на ос. Уполу, одном из о-в Самоа), ос. Ротуму и Port Praslin (на о-ве Новой Ирландии), мы на 346-й день увидели берег о-ва Новой Гвинеи.

*** Горы Финистер (или, как туземцы называют их, Мана-Боро-Боро), достигающие высоты слишком 10 000 футов, тянутся параллельно берегу, то есть в WSW направлении, и представляют род высокой стены, круто поднимающейся от моря, так как высочайшие вершины их находятся приблизительно милях в 40 от него. Влажный воздух, встречая эту стену, поднимается и, охлаждаясь, образует облака, которые мало-помалу закрывают часов в 10 или 11 утра весь хребет за исключением более низких гор (1500 или 2000 ф. вышины). Накопившиеся в продолжение дня облака должны разрешиться к ночи, при быстром понижении температуры, сильным ливнем, сопровождаемым обыкновенно грозою. Таким образом к утру облака снова исчезают с гор, и хребет Финистер бывает виден во всех деталях.

столько приблизился к берегу Новой Гвинеи, что можно было видеть характерные черты страны. На вершинах гор лежали густые массы облаков, не позволявшие различать верхние их очертания; под белым слоем облаков по крутым скатам гор чернел густой лес, который своим темным цветом очень разнился от береговой полосы светло-зеленого цвета *. Береговая полоса возвышалась террасами или уступами (высоты приблизительно до 1000 футов) и представляла очень характеристичный вид. Правильность этих террас более заметна внизу на небольшой высоте. Многочисленные ущелья и овраги, наполненные густою зеленью, пересекали эти террасы и соединяли таким образом верхний лес с прибрежным узким поясом растительности. В двух местах на берегу виднелся дым, свидетельствовавший о присутствии человека. В иных местах береговая полоса становилась шире, горы отступали более в глубь страны, и узкие террасы, приближаясь к морю, превращались в обширные поляны, окаймленные темною зеленью. Около 6 часов вечера отделился от берега маленький островок, покрытый лесом. Между светлою зеленью кокосовых пальм на островке видны были крыши хижин, и по берегу можно было различить и людей. У островка впадала речка, которая, судя по извилистой линии растительности, протекала по поляне. Не найдя удобного якорного места, мы (90 сажень пронесло) прекратили пары, и корвет «Витязь» лег в дрейф. Вечер был ясный, звездный, только горы оставались закрыты, как и днем, облаками, которые спустились, казалось, ниже, соединясь с белою пеленою тумана, разостлавшегося вдоль берега у самого моря. Из темных туч на вершинах часто сверкала молния, причем грома не было слышно.

20 сентября. За ночь попутное течение подвинуло нас к северу миль на 20. Я рано поднялся на палубу, рассчитывая увидеть до восхода солнца вершины гор свободными от облаков. И действительно, горы ясно были видны и представляли мало отдельных вершин, а сплошную высокую стену почти повсюду одинаковой высоты<...>.

Около $10^1/_2$ часов, подвигаясь к заливу Астроляб [1], мы увидели перед собою два мыса <...>. Стало доволь-

---

* Светло-зеленый цвет оказался цветом высокой травы (разные виды Imperata) на поляне по скатам гор.

но тепло: в тени термометр показывал 31° Ц. Часам к 12 мы были среди большого залива Астроляб.

На предложенный мне командиром корвета «Витязь», капитаном второго ранга Павлом Николаевичем Назимовым, вопрос, в каком месте берега я желаю быть высаженным, я указал на более высокий левый берег, предполагая, что правый, низкий, может оказаться нездоровым. Мы долго вглядывались в берег залива, желая открыть хижины туземцев, но кроме столбов дыма на холмах ничего не заметили, подойдя, однако ж, еще ближе к берегу, старший офицер П. П. Новосильский закричал, что видит бегущих дикарей. Действительно, можно было различить в одном месте песчаного берега несколько темных фигур, которые то бежали, то останавливались.

Около того места выделялся небольшой мысок, за которым, казалось, находилась небольшая бухта. Мы направились туда, и предположение относительно существования бухты оправдалось. Войдя в нее, корвет «Витязь» стал на якорь саженях в 70 от берега на 27 саженях глубины. Громадные деревья, росшие у самой окраины приглыбого скалистого, поднятого кораллового рифа берега бухточки, опускали свою листву до самой поверхности воды, и бесчисленные лианы и разные паразитные растения образовывали своими гирляндами положительную занавесь между деревьями, и только северный песчаный мысок этой бухточки был открыт. Вскоре группа дикарей появилась на этом мыске. Туземцы казались очень боязливыми. После долгих совещаний между собою один из них выдвинулся из группы, неся кокосовый орех, который он положил у берега и, указывая на него мимикой, хотел, казалось, объяснить, что кокос этот назначается для нас, а затем быстро скрылся в чаще леса.

Я обратился к командиру корвета с просьбою дать мне четверку, чтобы отправиться на берег, но когда узнал, что для безопасности предположено отправить еще и катер с вооруженною командою, я попросил дать мне шлюпку без матросов, приказал своим обоим слугам, Ульсону и Бою[2], спуститься в шлюпку и отправился знакомиться с моими будущими соседями, захватив предварительно кой-какие подарки: бусы, красную бумажную материю, разорванную на куски и на узкие ленточки, и т. п.

Обогнув мысок, я направился вдоль песчаного берега к тому месту, где мы впервые увидели туземцев. Минут

через 20 приблизился к берегу, где и увидел на песке несколько туземных пирог[3]. Однако мне не удалось здесь высадиться по случаю сильного прибоя. Между тем из-за кустов показался вооруженный копьем туземец и, подняв копье над головой, пантомимою хотел мне дать понять, чтоб я удалился. Но когда я поднялся в шлюпке и показал несколько красных тряпок, тогда из леса выскочили около дюжины вооруженных разным дрекольем дикарей. Видя, что туземцы не осмеливаются подойти к шлюпке, и не желая сам прыгать в воду, чтоб добраться до берега, я бросил мои подарки в воду, надеясь, что волна прибьет их к берегу. Туземцы при виде этого энергически замахали руками и показывали, чтобы я удалился. Поняв, что присутствие наше мешает им войти в воду и взять вещи, я приказал моим людям грести, и едва только мы отошли от берега, как туземцы наперегонку бросились в воду, и красные платки были моментально вытащены. Несмотря, однако, на то, что красные тряпки, казалось, очень понравились дикарям, которые с большим любопытством их рассматривали и много толковали между собой, никто из них не отваживался подойти к моей шлюпке. Видя такой неуспех завязать первое знакомство, я вернулся к корвету, где узнал, что видели дикарей в другом месте берега. Я немедленно отправился в указанном направлении, но и там не оказалось дикарей; только в маленькой бухточке далее виднелись из-за стены зелени, доходящей до самой воды, концы вытащенных на берег пирог. Наконец, в одном месте берега, между деревьями, я заметил белый песок, быстро направился к этому месту, оказавшемуся очень уютным и красивым уголком; высадившись тут, увидал узенькую тропинку, проникавшую в чащу леса. Я с таким нетерпением выскочил из шлюпки и направился по тропинке в лес, что даже не отдал никаких приказаний моим людям, которые занялись привязыванием шлюпки к ближайшим деревьям. Пройдя шагов тридцать по тропинке, я заметил между деревьями несколько крыш, а далее тропинка привела меня к площадке, вокруг которой стояли хижины с крышами, спускавшимися почти до земли. Деревня имела очень опрятный и очень приветливый вид. Средина площадки была хорошо утоптана землею, а кругом росли пестролиственные кустарники и возвышались пальмы, дававшие тень и прохладу. Побелевшие от времени крыши из пальмовой листвы красиво выделялись на темно-зеленом

фоне окружающей зелени, а ярко-пунцовые цветы китайской розы и желто-зеленые и желто-красные листья разных видов кротонов[4] и Coleus[5] оживляли общую картину леса, кругом состоящего из бананов, пандануса[6], хлебных деревьев, арековых и кокосовых пальм. Высокий лес кругом ограждал площадку от ветра. Хотя в деревне не оказалось живой души, но повсюду видны были следы недавно покинувших ее обитателей: на площадке иногда вспыхивал тлеющий костер, здесь валялся недопитый кокосовый орех, там — брошенное второпях весло; двери некоторых хижин были тщательно заложены какою-то корою и заколочены накрест пластинами расколотого бамбука. У двух хижин, однако, двери остались открытыми, — видно, хозяева куда-то очень торопились и не успели их запереть. Двери находились на высоте в двух футах, так что двери представлялись скорее окнами, чем дверьми, и составляли единственное отверстие, через которое можно было проникнуть в хижину. Я подошел к одной из таких дверей и заглянул в хижину. В хижине темно — с трудом можно различить находящиеся в ней предметы: высокие нары из бамбука, на полу несколько камней, между которыми тлел огонь, служили опорой стоявшего на них обломанного глиняного горшка; на стенах висели связки раковин и перьев, а под крышей, почерневшей от копоти, — человеческий череп. Лучи заходящего солнца освещали теплым светом красивую листву пальм; в лесу раздавались незнакомые крики каких-то птиц. Было так хорошо, мирно и вместе чуждо и незнакомо, что казалось скорее сном, чем действительностью.

В то время как я подходил к другой хижине, послышался шорох. Оглянувшись в направлении, откуда слышался шорох, увидал в недалеких шагах как будто выросшего из земли человека, который поглядел секунду в мою сторону и кинулся в кусты. Почти бегом пустился я за ним по тропинке, размахивая красной тряпкой, которая нашлась у меня в кармане. Оглянувшись и видя, что я один, без всякого оружия, и знаками прошу подойти, он остановился. Я медленно приблизился к дикарю, молча подал ему красную тряпку, которую он принял с видимым удовольствием и повязал ее себе на голову. Папуас этот был среднего роста, темно-шоколадного цвета с матово-черными, курчавыми, как у негра, короткими волосами, широким сплюснутым носом, глазами, выглядывавшими из-под нависших надбровных дуг, с боль-

шим ртом, почти, однако же, скрытым торчащими усами и бородою. Весь костюм его состоял из тряпки, шириною около 8 сантиметров, повязанной сначала в виде пояса, спускавшейся далее между ног и прикрепленной сзади к поясу, и двух, тесно обхватывающих руку над локтем перевязей, род браслетов из плетеной сухой травы. За одну из этих перевязей или браслетов был заткнут зеленый лист Piper betel[7], за другую на левой руке — род ножа из гладко обточенного куска кости (как я убедился потом, кости казуара[8]). Хорошо сложен, с достаточно развитой мускулатурой. Выражение лица первого моего знакомца показалось мне довольно симпатичным; я почему-то подумал, что он будет меня слушаться, взял его за руку и не без некоторого сопротивления привел его обратно в деревню. На площадке я нашел моих слуг Ульсона и Боя, которые меня искали и недоумевали, куда я пропал. Ульсон подарил моему папуасу кусок табаку, с которым тот, однако же, не знал, что делать, и молча принял подарок, заткнул его за браслет правой руки рядом с листом бетеля. Пока мы стояли среди площадки, из-за деревьев и кустов стали показываться дикари, не решаясь подойти и каждую минуту готовые обратиться в бегство. Они молча и не двигаясь стояли в почтительном отдалении, зорко следя за нашими движениями. Так как они не трогались с места, я должен был каждого отдельно взять за руку и притащить, в полном смысле слова, к нашему кружку. Наконец, собрав всех в одно место, усталый, сел посреди их на камень и принялся наделять разными мелочами: бусами, гвоздями, крючками для ужения рыбы и полосками красной материи. Назначение гвоздей и крючков они, видимо, не знали, но ни один не отказался принять. Около меня собралось человек восемь папуасов; они были различного роста и по виду представляли некоторое, хотя и незначительное, различие. Цвет кожи мало варьировал; самый резкий контраст с типом моего первого знакомца представлял человек роста выше среднего, худощавый, с крючковатым выдающимся носом, очень узким, сдавленным с боков лбом; борода и усы были у него выбриты, на голове возвышалась целая шапка красно-бурых волос, из-под которой сзади спускались на шею окрученные пряди волос, совершенно похожие на трубкообразные локоны жителей Новой Ирландии. Локоны эти висели за ушами и спускались до плеч. В волосах торчали два бамбуковых гребня, на одном из которых,

воткнутом на затылке, красовались несколько черных и белых перьев (казуара и какаду) в виде веера. В ушах были продеты большие черепаховые серьги, а в носовой перегородке — бамбуковая палочка толщиною в очень толстый карандаш с нарезанным на ней узором. На шее, кроме ожерелья из зубов собак и других животных, раковин и т. п., висела небольшая сумочка, на левом же плече висел другой мешок, спускавшийся до пояса и наполненный разного рода вещами. У этого туземца, как и у всех присутствовавших, верхняя часть рук была туго перевязана плетеными браслетами, за которыми были заткнуты различные предметы — у кого кости, у кого листья или цветы. У многих на плече висел каменный топор, а некоторые держали в руках лук почтенных размеров (почти что в рост человека) и стрелу более метра длины. При различном цвете волос, то совершенно черных, то выкрашенных красною глиною, и прически их были различные: у иных волосы стояли шапкою на голове, у других были коротко острижены, у некоторых висели на затылке вышеописанные локоны; но у всех волосы были курчавы, как у негров. Волоса на бороде завивались также в мелкие спирали. Цвет кожи представлял несколько незначительных оттенков. Молодые были светлее старых. Из этих впервые восьми встреченных мною папуасов четыре оказалось больных: у двоих элефантиазис [9] изуродовал по ноге, третий представлял интересный случай psoriasis [10], распространенный по всему телу, у четвертого спина и шея были усеяны чирьями, <...> а на лице находилось несколько шрамов <...>.

Так как солнце уже село, я решил, несмотря на интерес первых наблюдений, вернуться на корвет. Вся толпа проводила меня до берега, неся подарки: кокосы, бананы и двух очень диких поросят, у которых ноги были крепко-накрепко связаны и которые визжали без устали; все было положено в шлюпку. В надежде еще более укрепить хорошие отношения с туземцами и вместе с тем показать офицерам корвета моих новых знакомых, я предложил окружавшим меня папуасам сопутствовать мне к корвету на своих пирогах. После долгих рассуждений человек пять поместились в двух пирогах, другие остались и даже, казалось, усиленно отговаривали более отважных от смелого и рискованного предприятия. Одну из пирог я взял на буксир, и мы направились к «Витязю». На полдороге, однако же, и более смелые

раздумали, знаками показывая, что не хотят ехать далее, старались отдать буксир, между тем как другая, свободная пирога быстро вернулась к берегу. Один из сидевших в пироге, которую мы тащили за собою, пытался даже своим каменным топором перерубить конец, служивший буксиром. Не без труда удалось втащить их на палубу, Ульсон и Бой почти что насильно подняли их на трап. На палубе я взял пленников под руки и повел под полуют; они от страха тряслись всем телом, не могли без моей поддержки держаться на ногах, полагая, вероятно, что их убьют. Между тем совсем стемнело, под ют был принесен фонарь, и дикари малопомалу успокоились, даже повеселели, когда офицеры корвета подарили им разные вещи, угостили чаем, который они сразу выпили. Несмотря на такой любезный прием, они с видимым удовольствием и с большою поспешностью спустились по трапу в свою пирогу и быстро погребли обратно к деревне.

На корвете мне сказали, что в мое отсутствие показались опять туземцы и принесли с собою двух собак, которых тут же убили и оставили тела их, в виде подарка, на берегу.

21 сентября. <...> Во многих местах берег окаймляется коралловыми рифами и реже представляется отлогим и песчаным, доступным приливам и в таком случае служит удобною пристанью для туземных пирог. Около таких мест обыкновенно находятся, как я узнал впоследствии, главные береговые селения папуасов. Все эти наблюдения я сделал на рассвете, на мостике корвета, и остался вполне доволен общими видами страны, которую избрал для исследования, быть может, продолжительного пребывания. После завтрака я снова отправился в деревню, в которой был вчера вечером. Мой первый знакомый, папуас Туй, и несколько других вышли ко мне навстречу.

В этот день на корвете должен был быть молебен по случаю дня рождения великого князя Константина Николаевича и установленный пушечный салют; я поэтому решил остаться в деревне среди туземцев, которых сегодня набралось несколько десятков, чтобы моим присутствием ослабить несколько страх, который могла произвести на туземцев пальба.

Но так как времени до салюта оставалось еще достаточно, то я отправился приискать место для моей буду-

щей хижины. Мне не хотелось селиться в самой деревне и даже вблизи ее, во-первых, потому, что не знал ни характера, ни нравов моих будущих соседей; во-вторых, незнакомство с языком лишало возможности испросить на то их согласие; навязывать же мое присутствие я считал бестактным; в-третьих, очень не любя шум, боялся, что вблизи деревни меня будут беспокоить и раздражать крики взрослых, плач детей и вой собак.

Я отправился из деревни по тропиночке и минут через 10 подошел к маленькому мыску, возле которого протекал небольшой ручей и росла группа больших деревьев. Место это показалось мне вполне удобным, как по близости к ручью, так и потому, что находилось почти на тропинке, соединявшей, вероятно, соседние деревни. Наметив, таким образом, место будущего поселения, я поторопился вернуться в деревню, но пришел уже во время салюта. Пушечные выстрелы, казалось, приводили их больше в недоумение, чем пугали. При каждом новом выстреле туземцы то пытались бежать, то ложились на землю и затыкали себе уши, тряслись всем телом, точно в лихорадке, приседали. Я был в очень глупом положении: при всем желании успокоить их и быть серьезным, не мог часто удержаться от смеха; но вышло, что мой смех оказался самым действительным средством против страха туземцев, и так как смех вообще заразителен, то я заметил вскоре, что и папуасы, следуя моему примеру, начали ухмыляться, глядя друг на друга. Довольный, что все обошлось благополучно, я вернулся на корвет, где капитан Назимов предложил мне отправиться со мною для окончательного выбора места постройки хижины. К нам присоединились старший офицер и доктор. Хотя, собственно, мой выбор был уже сделан, но посмотреть еще другие места, которые могли оказаться лучшими, было не лишнее. При трех осмотренных нами мест одно нам особенно понравилось, — значительный ручей впадал здесь в открытое море, но, заключая по многим признакам, что туземцы имеют обыкновение приходить сюда часто, оставляют здесь свои пироги, а недалеко обрабатывают плантации, я объявил командиру о моем решении поселиться на первом, избранном мною самим, месте [11].

Часам к трем высланы с корвета люди, занялись очисткою места от кустов и мелких деревьев, плотники принялись за постройку хижины, начав ее с забивки свай под тенью двух громадных Canarium commune [12].

22, 23, 24, 25 сентября. Все эти дни я был занят постройкою хижины. Часов в 6 утра съезжал с плотниками на берег и оставался там до спуска флага. Моя хижина имеет 7 футов ширины и 14 длины и разгорожена пополам перегородкой из брезента (крашеная парусина). Одну половину я назначил для себя, другую для моих слуг — Ульсона и Боя. Так как взятых из Таити досок не хватило, то стены сделаны из дерева только наполовину, нижние, для верхних же, равно и двух дверей, опять служил брезент, который можно было скатывать. Для крыши заготовлены были особенным образом сплетенные из листьев кокосовой пальмы циновки; работу эту я поручил Бою. Пол, половина стен и стойки по углам были сделаны из леса, купленного в Таити и приспособленного на корвете. Сваи, верхние скрепления, стропила пришлось вырубать и выгонять уже здесь; но благодаря любезности командира корвета рук было много, постройка шла успешно. Туземцы, вероятно, напуганные пальбою 9-го числа и присутствием большого количества людей с корвета, мало показывались, 2—3 человека и то редко. Офицеры корвета занялись съемкою бухты и при этом посетили пять или шесть прибрежных деревень, где за разные мелочи (бусы, пуговицы, гвозди, пустые бутылки и т. п.) набрали множество разного оружия и утвари и выменяли, между прочим, также более десятка черепов.

Многие местности получили названия: небольшая бухточка, где «Витязь» стоит на якоре, названа в честь генерал-адмирала и президента Русского географического общества портом вел. кн. Константина. Все мыски были окрещены именами офицеров, делавших съемку, а остров, который виднелся у мыса Дюпере, назвали островом «Витязя» (впоследствии я узнал, что туземное имя его о-в Били-Били).

13-го числа Бой начал крыть крышу, потому что завтра последний день пребывания корвета. Между тем приходил мой доброжелатель Туй и своей выразительной мимикой старался объяснить, что когда корвет уйдет (при этом он указал на корвет и далекий горизонт) и мы останемся втроем (он указал на меня, Ульсона и Боя и на землю), придут из соседних деревень туземцы (указывая на лес и как бы называя деревни), разрушат хижину (тут он подошел к сваям, делая вид, как бы рубит их) и убьют нас копьями (тут он выпрямился, отставил одну ногу назад и, закинув правую руку над го-

ловой, имел вид человека, бросающего копье; затем подошел ко мне, толкнул меня несколько раз в грудь пальцем и, наконец, полузакрыв глаза, открыв немного рот и высунув кончик языка, принял положение человека, падающего на землю; те же мимические движения он проделал, указывая поочередно на Ульсона и Боя). Очень хорошо понимая предостережения Туя, я сделал, однако же, вид, что не понял его. Тогда он снова стал называть имена деревень: Бонгу, Горенду, Гумбу и т. д., показывать, что рубит сваи; на все это я только махнул рукой и подарил ему гвоздь. Возвратясь на корвет, я рассказал виденную мною пантомиму в кают-компании, что, вероятно, побудило одного из офицеров, лейтенанта С. Чирикова, заведовавшего на «Витязе» артиллерийскою частью, предложить мне приготовить несколько мин и расположить их вокруг моего дома. Я не отказался от такого средства защиты в случае крайней необходимости, если бы туземцы действительно вздумали явиться с теми намерениями, о которых старался объяснить мне Туй.

26 сентября. Лег вчера в 11 часов вечера, встал сегодня в 2 часа утра. Все утро посвятил корреспонденции в Европу и сборам. Надо было разобраться с вещами, часть которых оставалась в Гвинее, а другая отправлялась обратно с корветом в Японию.

Отправляясь в Новую Гвинею не с целью кратковременного путешествия, а продолжительного в течение нескольких лет житья, я уже давно пришел к заключению, что мне следует быть независимым от пищи европейской. Я знал, что плантации папуасов не бедны, свиней они также имеют; главным же образом охота могла всегда доставлять мне средство пропитания.

Вследствие этого и после многих месяцев жизни на судне, в море, где консервы играют всегда значительную роль и немало успели надоесть мне, я совершенно равнодушно отнесся к обеспечению себя провизией в последнем порте. Я взял кое-что, но так мало, что Павел Николаевич Назимов очень удивился и предложил мне весьма любезно уделить многое из своей провизии, которую я принял с благодарностью и которая могла мне пригодиться в случае болезни. Он оставил мне также самую малую из шлюпок корвета, именно четверку, с которою в крайности может управиться и один человек. Иметь шлюпку было для меня удобно в высшей сте-

пени, так как при помощи ее я мог ознакомиться с другими береговыми деревнями, а в случае полной неудачи добиться доверия туземцев, она давала мне возможность переселиться в другую, более гостеприимную местность. Кончив разборку вещей на корвете, после завтрака я стал перевозиться. Небольшое мое помещение скоро переполнилось вещами до такой степени, что значительное число ящиков пришлось поставить под домом для предохранения их от дождя, солнца и расхищения.

Между тем, с утра еще лейтенант Чириков был занят устройством мин, расположив их полукругом для защиты при нападении дикарей со стороны леса, а человек тридцать матросов под наблюдением лейтенанта Перелешина и гардемарина Верениуса занимались расчисткою места около дома, так что получилась площадка в 70 метров длины и 70 метров ширины, окруженная с одной стороны морем, а с трех — густым лесом. П. Н. Назимов был также некоторое время около хижины и помогал мне своими советами. Я указал, между прочим, командиру и офицерам место, где я зарою в случае надобности (серьезной болезни, опасности от туземцев и т. п.) мои дневники, заметки и т. д.*. Место это находилось под большим деревом недалеко от хижины; чтобы легче было найти его, на соответствующей стороне ствола кора была снята приблизительно на один фут в квадрате и вырезана фигура стрелы, направленной вниз.

Около 3 часов Порт Константин — имя, данное небольшой бухточке, у которой стояла моя хижина, — представлял очень оживленный вид. Перевозили послед-

---

* Мне кажется здесь подходящим объяснить, что я это сделал вследствие следующего обстоятельства. Когда перед уходом корвета «Витязь» из Кронштадта вел. кн. Константин Николаевич 17-го октября 1870 года осматривал суда, отправляющиеся в Тихий океан (корвет «Витязь», клипер «Изумруд», лодки «Ермак» и «Тунгуз»), он при осмотре корвета зашел и в мою каюту, где, между прочим, спросил меня, не может ли он что-либо для меня сделать. На это я отвечал, что все, что я желал, уже сделано, так как я уже нахожусь на корвете, который перевезет меня на берега Новой Гвинеи, и что мне остается только выразить мою глубочайшую благодарность за помощь моему предприятию. Когда же князь предложил еще раз подумать, не надо ли мне чего, мне пришла мысль, которую я выразил приблизительно в следующих словах: «Вашему высочеству известно, что так как цель моего путешествия в Новую Гвинею — научные исследования этого малоизвестного острова, то для меня очень важно, чтобы результаты моих исследований и открытий не пропали для науки. Ввиду того, что

ние дрова на корвет в маленьком паровом баркасе, шныряли взад и вперед шлюпки и вельботы, шестерка перевозила мои вещи <...>. Около моей хижины работа также кипела: достраивалась хижина, копали ямы для мин, вырубались кусты, делая более удобный спуск от площадки, на которой стояла моя хижина, к песчаному берегу моря у устья ручья и т. д. <...>.

Крайнее утомление, хлопоты последних дней и особенно вторая бессонная ночь привели меня в такое нервное состояние, что я почти не мог держаться на ногах, говорил и делал все совершенно машинально, как во сне. В час ночи я кончил укладку на корвете; оставалось еще перевезти последние вещи на берег и написать некоторые письма [13].

27 сентября. <...> Поблагодарив за все бескорыстные, оказанные мне услуги командира и офицеров корвета «Витязь» и простившись со всеми, я спустился в свою шлюпку и окончательно съехал на берег. Когда якорь корвета показался из воды, я приказал Ульсону спустить развевавшийся над деревом у самого мыска флаг, но, заметив, что последний не спускается, подошел к Ульсону посмотреть, в чем дело, и к удивлению и негодованию увидел, что у моего слуги, обыкновенно так храбрившегося на словах, руки дрожали, глаза полны слез, и он тихо всхлипывает. Взяв с досадою из его дрожавших рук флаг-линь, я сказал, что, пока корвет еще не ушел, он может на шлюпке вернуться не мешкая, а то будет поздно. Между тем корвет выходил из Порта Константина, и я сам отсалютовал отходящему судну. Первая мысль, пришедшая мне в голову, была та, что туземцы, пользуясь уходом огромного дымящегося стра-

---

я не могу сказать заранее, как долго мне придется прожить в Новой Гвинее, так как это будет зависеть от местной лихорадки и от нрава туземцев, я принял предосторожность запастись несколькими медными цилиндрами для манускриптов разного рода (дневников, заметок и т. п.), которые в этих цилиндрах могут пролежать зарытыми в земле несколько лет. Я был бы поэтому очень благодарен, если можно было бы устроить таким образом, чтобы судно русское военное зашло через год или несколько лет в то место берега Новой Гвинеи, где я останусь, с тем чтобы, если меня не будет в живых, мои рукописи в цилиндрах были бы вырыты и пересланы Рус. географическому обществу». Выслушав меня внимательно, князь, пожимая мне на прощанье руку, сказал, что обещает не забыть ни меня, ни мои рукописи в Новой Гвинее.

Помня это обещание генерал-адмирала, я выбрал подходящее место для зарытия цилиндров и указал его офицерам «Витязя».

шилища, могут каждую минуту нагрянуть в мое поселение, разнести мою хижину и сваленные в беспорядке вещи и что отныне я предоставлен исключительно самому себе, все дальнейшее зависит от моей энергии, воли и труда. Действительно, как только корвет скрылся за горизонтом, на соседнем мыске показалась толпа папуасов. Они прыгали и бегали, описывая круги; их движения были похожи на какую-то пляску; по крайней мере, все делали одни и те же движения. Вдруг все остановились и стали глядеть в мою сторону: вероятно, один из них заметил русский национальный флаг, развевавшийся у моей хижины. Они сбежались в кучку, переговорили, затем опять повернулись в мою сторону, прокричали что-то и скрылись.

Необходимо было немедленно же приступить к разборке вещей, разбросанных в беспорядке в хижине и шалаше; но от усталости, волнения и двух почти бессонных ночей я находился в весьма плачевном состоянии: голова кружилась, ноги подкашивались, руки плохо слушались.

Скоро пришел Туй разведать, остался ли я или нет, не с прежним добродушием поглядывал на меня, подозрительно осматривал мой дом, хотел войти в него, но я жестом и словом «табу»[14] остановил его. Не знаю, что на него подействовало — жест или слово, но он вернулся на свое место. Туй знаками спрашивал, вернется ли корвет, на что я отвечал утвердительно. Желая избавиться от гостя, который мешал мне разбирать вещи, я просил его (я уже знал десятка два слов) принести кокосовых орехов, подарив ему при этом кусок красной тряпки.

Он действительно сейчас же удалился, но не прошло и часу, как снова вернулся с двумя мальчиками и одним взрослым папуасом. Все они почти не говорили, сохраняя очень серьезное выражение лица; даже и маленький мальчик лет семи был погружен, смотря на нас, в глубокую задумчивость. Туй пытался заснуть или показывал вид, что спит, следя зорко по временам за моими движениями, так как, уже не стесняясь гостями, я продолжал устраиваться в моем помещении. Туй опять обошел все мины, подозрительно смотря на рычаги с привешенными камнями и веревками; они его, кажется, сильно интересовали, но он не осмеливался близко приближаться к ним. Наконец, он простился с нами, причем сделал странный кивок головою назад, проговорил что-

то, чего я, однако, не расслышал и не успел записать (с первого дня знакомства с папуасами я носил постоянно в кармане записную книжку для записывания при каждом удобном случае слов туземного языка), и удалился.

Часов около четырех послышался свист, звонкий, протяжный и из-за кустов выступил целый ряд папуасов с копьями, стрелами и другим дрекольем.

Я вышел к ним навстречу, приглашая знаками подойти ближе. Они разделились на две группы; одна, более многочисленная, поставив свое оружие около деревьев, приблизилась ко мне с кокосами и сахарным тростником; другая, состоящая из шести человек, осталась около оружия. Это были жители деревни за мыском, которых я наблюдал сегодня утром, по уходе корвета, прыгающими и бегающими. К этой деревне, которую называют Гумбу, я старался подойти на шлюпке в первый день прихода «Витязя» в Порт Константин. Я им подарил разные безделки и отпустил, показав, что хочу спать.

28 сентября. Лунный вечер вчера был очень хорош. Разделив ночь на три вахты, я взял на себя самую утомительную — вечернюю (от 9 до 12 ч.). Когда в 12 ч. я был сменен Ульсоном, то вследствие сильного утомления долго не мог заснуть, так что ночь показалась мне, несмотря на все свое великолепие, очень длинною.

День прошел, как и первый, в разборке и установке вещей, что оказалось не так просто: вещей много, а места мало. Наконец, кое-как их разместил в несколько этажей, другие подвесил, третьи поместил на чердаке, который Ульсон и я ухитрились устроить под крышею. Одну сторону моей комнаты (7 фут. в длину и 7 фут. шир.) занимает стол (около 2 фут. шир.), другую — две корзины, образующие мою койку (не совсем 2 фута шир.). В проходе, шириною около 3 фут., помещается мое удобное, необходимое складное кресло.

Папуасы вытаскивали из моря большие клетки или корзины, продолговатой формы, в которых ловят рыбу. Бой (повар) приготовлял нам три раза есть и спросил в девятом часу, не сварить ли еще в четвертый раз немного рису.

Я сегодня отдыхал, никуда не ходил и решил спать всю ночь.

29 сентября. Проспал как убитый, не просыпаясь ни разу. Погода стоит очень хорошая. Целый день не было и признака папуасов. Я предложил моим людям последовать моему примеру, т. е. спать по ночам, так как узнал, что они разделили прошлую ночь на четыре вахты; но они не захотели, говоря, что боятся папуасов. На руках и на лбу образовались подушки от укушений комаров, муравьев и других бестий. Странное дело, я гораздо менее страдаю от этой неприятности, чем Ульсон и Бой, которые каждое утро приходят жаловаться на не дающих по ночам им покоя насекомых.

30 сентября. Днем видел только несколько туземцев; все, кажется, входит в свою обычную колею, которую приход корвета на время нарушил. Решил, однако же, быть очень осторожным во всех отношениях с туземцами. В описаниях этой расы напирают постоянно на их вероломство и хитрость; пока не составлю о них собственного мнения, считаю рациональным быть настороже. По вечерам любуюсь великолепным освещением гор, которое доставляет мне каждый раз новое удовольствие.

По уходе корвета здесь царствует всегда мне приятная тишина: не слыхать почти людского говора, спора, брани и т. д., только море, ветер и порою какая-нибудь птица нарушают общее спокойствие. Эта перемена обстановки очень благотворно на меня действует — я отдыхаю. Потом эта ровность температуры, великолепие растительности, красота местности заставляют совершенно забывать прошлое, не думать о будущем и только любоваться настоящим. Думать и стараться понять окружающее — отныне моя цель.

Чего мне больше? Море с коралловыми рифами с одной стороны, лес тропической растительности — с другой, то и другое полно жизни, разнообразия, вдали горы с причудливыми очертаниями, над которыми клубятся облака с не менее фантастическими формами. Я лежал, думая обо всем этом, на толстом стволе повалившегося дерева и был доволен, что добрался до цели или, вернее, до первой ступени длиннейшей лестницы, которая должна привести к цели...

Пришел Туй, у которого взял урок папуасского языка, я прибавил несколько слов к моему лексикону, точным образом записал их и, оставшись доволен учителем, подарил ящик от сигар, а Ульсон дал ему старую шляпу. Туй был в восторге и быстро удалился, как бы бо-

ясь, чтобы мы не раздумали и не взяли данных вещей назад, или желая скорей показать свои новые подарки своим соплеменникам.

Около часу спустя показалась вереница туземцев, человек около 25-ти; впереди двое несли на плечах привешенного к бамбуковой палке поросенка, затем на головах посуду и, наконец, остальные — кокосовые орехи. Туй и много других знакомых были в толпе. Все свои дары туземцы положили на землю передо мной; потом каждый отдельно передал свой подарок мне в руки. Часть толпы отделилась от тех, которые расположились около меня. Туй объяснял им, что успел узнать об употреблении каждой вещи; те с большим интересом рассматривали каждую вещь, быстро переходя от одного предмета к другому. Мало говорили и вообще не шумели. К лестнице, т. е. к дверям моего дома, они не подходили из деликатности или просто боязни — не знаю. Все знали мое имя и, обращаясь, называли по имени. Около Боя собрался кружок послушать его игру на маленьком железном инструменте — губной гармонии, которая на островах Самоа в большом ходу и на которой Бой играл с большим искусством. Музыка произвела необычайный эффект: папуасы обступили Боя и с видимым любопытством и удовольствием прислушивались к этой детской музыке. Они очень обрадовались, когда я им подарил несколько подобных гармоний, и тотчас же начали упражняться на новом инструменте. Просидев около часу, они ушли; при прощанье протягивали левую руку. У весьма многих я заметил сильно развитый элефантиазис.

Часов в 10 вечера разразилась над нами сильная гроза, дождь лил ливнем, но крыша, к нашему общему удовольствию, не промокла.

1 октября. Проснувшись до рассвета, решил идти в одну из деревень — мне очень хочется познакомиться с туземцами ближе.

Отправляясь, я остановился перед дилеммою — брать или не брать револьвер? Я, разумеется, не знал, какого рода прием меня ожидает в деревне, но, подумав, пришел к заключению, что этого рода инструмент никак не может принести значительной пользы моему предприятию. Употребя его в дело при кажущейся крайней необходимости, даже с полнейшим успехом, т. е. положи я на месте 6 человек, очень вероятно, что в первое время

после такой удачи страх оградит меня; но надолго ли? Желание мести, многочисленность туземцев в конце концов превозмогут страх перед револьвером. Затем размышления совершенно иного рода укрепили мое решение идти в деревню невооруженным.

Мне кажется, что заранее человек не может быть уверен, как он поступит в каком-нибудь дотоле не испытанном им случае. Я не уверен, как я, имея револьвер у пояса, отнесусь, например, сегодня, если туземцы в деревне начнут обращаться со мною неподходящим образом, смогу ли я остаться совершенно спокойным и индифферентным на все любезности папуасов. Но я убежден, что какая-нибудь пуля, пущенная некстати, может сделать достижение доверия туземцев невозможным, т. е. совершенно разрушить все шансы на успех предприятия. Чем более я обдумывал мое положение, тем яснее становилось мне, что моя сила должна заключаться в спокойствии и терпении. Я оставил револьвер дома, но не забыл записную книжку и карандаш.

Я намеревался идти в Горенду, т. е. ближайшую от моей хижины деревню, но в лесу нечаянно попал на другую тропинку, которая, как я полагал, приведет меня все-таки в Горенду, но, заметив, что я ошибся, я решил продолжать путь, будучи уверен, что тропа приведет меня в какое-нибудь селение. Я был так погружен в раздумье о туземцах, которых еще почти что не знал, о предстоящей встрече, что был изумлен, когда очутился, наконец, около деревни, но какой — я не имел и понятия.

Слышались несколько голосов мужских и женских. Я остановился для того, чтобы сообразить, где я и что должно теперь случиться.

Пока я стоял в раздумье, в нескольких шагах от меня появился мальчик лет 14-ти или 15-ти. Мы молча с секунду поглядели в недоумении друг на друга... Говорить я не умел, подойти к нему — значило напугать его еще более. Я продолжал стоять на месте. Мальчик же стремглав бросился назад, в деревню. Несколько громких возгласов — женский визг, и затем полнейшая тишина.

Я вошел на площадку. Группа вооруженных копьями людей стояла посредине, разговаривая оживленно, но вполголоса между собою. Другие, все вооруженные, стояли поодаль; ни женщин, ни детей не было — они, вероятно, попрятались. Увидев меня, несколько копий были

подняты, и некоторые из туземцев приняли очень воинственную позу, как бы готовясь пустить копье. Несколько восклицаний и коротких фраз с разных концов площадки имели результатом, что копья были опущены. Усталый, отчасти неприятно удивленный встречей, я продолжал медленно подвигаться, смотря кругом и надеясь увидеть знакомое лицо. Такого не нашлось. Я остановился около барлы [15], и ко мне подошли несколько туземцев. Вдруг пролетели, не знаю, нарочно ли или без умысла, одна за другой две стрелы, очень близко от меня. Стоявшие около меня туземцы громко заговорили, обращаясь, вероятно, к пустившим стрелы, а затем, обратившись ко мне, показали на дерево, как бы желая объяснить, что стрелы были пущены с целью убить птицу на дереве. Но птицы там не оказалось, и мне подумалось, что туземцам хочется знать, каким образом я отнесусь к сюрпризу, вроде очень близко мимо меня пролетавших стрел. Я мог заметить, что, как только пролетела первая стрела, много глаз обратились в мою сторону, как бы изучая мою физиономию. Но, кроме выражения усталости и, может быть, некоторого любопытства, вероятно, ничего не открыли в ней. Я, в свою очередь, стал глядеть кругом — все угрюмые, встревоженные, недовольные физиономии и взгляды, как будто говорящие, зачем я пришел нарушить их спокойную жизнь. Мне самому как-то стало неловко — начто прихожу я стеснять этих людей. Никто не покидал оружия, за исключением двух или трех стариков. Число туземцев стало прибывать, кажется, другая деревня была недалеко, и тревога вследствие моего прихода дошла и туда. Небольшая толпа окружила меня; двое или трое говорили очень громко, как-то враждебно поглядывая на меня. При этом, как бы в подкрепление своих слов, они размахивали копьями, которые держали в руках. Один из них был даже так нахален, что копьем при какой-то фразе, которую я, разумеется, не понял, вдруг размахнулся и еле-еле не попал мне в глаз или в нос. Движение было замечательно быстро, и, конечно, не я был причиною того, что не был ранен, — так как я не успел двинуться с места, где стоял, — а ловкость и верность руки туземца, успевшего остановить конец копья своего в нескольких сантиметрах от моего лица. Я отошел шага на два в сторону и мог расслышать несколько голосов, которые неодобрительно (как мне, может быть, показалось) отнеслись к этой бесцеремонности.

В эту минуту я был доволен, что оставил револьвер дома, не будучи уверен, так же ли хладнокровно отнесся я ко второму опыту, если бы мой противник вздумал его повторить.

Мое положение было глупое: не умея говорить, лучше было бы уйти, но мне страшно захотелось спать. Домой идти далеко. Отчего же не спать здесь? Все равно, я не могу говорить с туземцами, и они не могут меня понять.

Недолго думая, я высмотрел место в тени, притащил туда новую циновку (вид которой, кажется, подал мне первую мысль — спать здесь) и с громадным удовольствием растянулся на ней. Закрыть глаза, утомленные солнечным светом, было очень приятно. Пришлось, однако же, полуоткрыть их, чтобы развязать шнурки башмаков, расстегнуть штиблеты, распустить пояс и найти подложить что-нибудь под голову. Увидел, что туземцы стали полукругом, в некотором отдалении от меня, вероятно, удивляясь и делая предложения о том, что будет далее.

Одна из фигур, которую я видел перед тем, как снова закрыл глаза, оказалась тем самым туземцем, который чуть не ранил меня. Он стоял недалеко и разглядывал мои башмаки.

Я припомнил все происшедшее и подумал, что все это могло бы кончиться очень серьезно, и в то же время промелькнула мысль, что, может быть, это только начало, а конец еще впереди. Но, если уж суждено быть убитым, то все равно, будет ли это стоя, сидя, удобно лежа на циновке или же во сне. Далее я подумал, что если пришлось бы умирать, то сознание, что при этом 2, 3 или даже 6 диких также поплатились жизнью, было бы весьма небольшим удовольствием. Был снова доволен, что не взял с собою револьвер.

Когда я засыпал, голоса птиц заняли меня; резкий крик быстро летающих лори [16] несколько раз заставлял меня очнуться; оригинальная жалобная песня «коки» [17], напротив, наводила сон; треск цикад также нисколько не мешал, а способствовал сну.

Мне кажется, я заснул скоро, так как встал очень рано и, пройдя часа два почти все по солнцу, с непривычки чувствовал большую усталость и в особенности усталость глаз от яркого дневного света.

Проснулся, чувствуя себя очень освеженным. Судя по положению солнца, должен был быть, по крайней мере,

третий час. Значит, я проспал два часа с лишком. Открыв глаза, я увидел нескольких туземцев, сидящих вокруг циновки шагах в двух от нее; они разговаривали вполголоса, жуя бетель [18]. Они были без оружия и смотрели на меня уже не так угрюмо. Я очень пожалел, что не умею еще говорить с ними, и решил идти домой, приведя мой костюм в порядок; эта операция очень заняла окружавших меня папуасов. Затем я встал, кивнул головой в разные стороны и направился по той же тропинке в обратный путь, показавшийся мне теперь короче, чем утром.

После 6 часов вечера поднялся довольно сильный ветер с Nord'a, со шквалом и дождем; температура быстро понизилась.

Темно делается уже в 7 часов; безлунные ночи, темень страшная, шагах в четырех от дома трудно его отличить.

Всю ночь лил дождь ливнем. Утро пасмурное, и опять идет мелкий дождь.

Муравьи здесь выводят из терпения, ползают по голове, забираются в бороду и очень больно кусаются. Бой до того искусан и так расчесал укушенные места, что ноги его распухли, а одна рука покрыта ранами. Обмыв раны разведенным нашатырным спиртом, я перевязал более глубокие раны карболовой кислотой. Вечером зашел ко мне Туй, вооруженный копьем, и выпросил топор (ему необходимо перерубить что-то), обещая скоро возвратить; я поспешил исполнить его просьбу, интересуясь знать, что выйдет из этого опыта моей доверчивости. Курьезнее всего, что, еще не зная языка, мы понимали друг друга.

Утром бродил при отливе по колено в воде, но ничего интересного не попалось.

Папуасы притащили мне 4—5 длинных бамбуковых палок, футов в 20, для веранды.

Туй также принес мне бамбук, но о топоре ни слова. Нашел, что книги и рисунки кажутся туземцам чем-то особенно страшным; многие встали и хотели уйти, когда я им показал рисунок (портрет) из какой-то иллюстрации. Они просили меня унести скорее его в дом и, только когда я это сделал, успокоились.

Я напрасно усомнился в честности Туя: сегодня не было еще 6 часов, как он явился и принес топор. Довольный этою чертой характера моего приятеля, подарил ему зеркало, с которым он немедленно и убежал в

деревню, вероятно, похвастаться подарком. Этот подарок побудил, вероятно, и других туземцев посетить меня. Они принесли мне кокосов и сахарного тростнику, на что я ответил пустой коробкой и гвоздями средней величины. Немного погодя еще явилось несколько человек также с подарками; дал каждому по два гвоздя средней величины. Надо заметить, что в этом обмене нельзя видеть продажу и куплю, а обмен подарков: то, чего у кого много, то он дарит, не ожидая непременно вознаграждения. Я уже несколько раз испытывал туземцев в этом отношении, т. е. не давал им ничего в обмен за принесенные ими кокосы, сахарный тростник и проч. Они не требовали ничего за них и уходили, не взяв своих подарков назад.

Я сделал еще другое замечание: моя хижина и я сам производят на туземцев какое-то особенное чувство: им у меня не сидится, они осматриваются, точно каждую минуту ожидают появления чего-то особенного. Весьма немногие смотрят мне в глаза, а отворачиваются или нагибаются, когда я взгляну на них. Некоторые из них смотрят на мою хижину, на вещи в ней как-то завистливо (хотя я не могу описать точного выражения таких лиц, но почему-то мне положительно кажется, что в их лице, вероятно, выражается зависть). Раза два или три приходили ко мне люди, смотревшие на меня очень злобным, враждебным взглядом. Брови у них были сильно нахмурены и верхняя губа как-то поднята вверх; каждую минуту я ожидал, что она поднимется выше и что я увижу их сжатые зубы.

Следы «Витязя» видны кругом моего мыса; по лесу трудно пройти, везде срубленные деревья, сучья, висящие на спутанных лианах, заграждают путь. Старые тропинки завалены во многих местах. Понятно, все это приводит папуасов в изумление; своими каменными топорами они не нарубили бы в целый год столько деревьев, сколько матросы в несколько дней.

Всю ночь была слышна у моих соседей в Горенду музыка: дудка и барабан. Дудка состоит из просверленной сверху и сбоку скорлупы кокосового ореха, особенно малой величины; есть также дудки из бамбука. Барабан же представляет большой выдолбленный ствол от двух до трех метров длины и от $^1/_2$ до $^3/_4$ метра ширины; имеет вид корыта, поддерживается двумя брусьями; когда ударяют по бокам его большими палками, то удары слышатся на расстоянии нескольких миль [19].

У моих соседей сегодня, вероятно, праздник: приходившие ко мне имели физиономию, окрашенную красною охрою, и имели на спине разные узоры; почти у всех в волосах воткнуты гребни с перьями. Туй прислал с одним из своих сыновей свинины, плодов хлебного дерева, бананов и таро [20], все хорошо сваренное и аккуратно завернутое в больших листах Artocarpus incisa [21].

2 октября. Приходили и сегодня мои соседи из Горенду с несколькими гостями — жителями островка Били-Били (на русской карте назван островом «Витязь»). Большее число разных украшений (из раковин, зубов собак и клыков свиньи), размалеванные физиономии и спины, взбитые, выкрашенные волосы давали гостям положительно парадный вид. Хотя тип физиономий был не отличен, но различие внешних украшений давало людям из Били-Били такой вид, что их сейчас же можно было отличить от людей Горенду и других ближайших деревень.

Мои соседи из Бонгу показывали многие из моих вещей своим знакомым, причем последние каждый раз при виде неизвестного им предмета широко раскрывали глаза, немного разевали рот и клали один из пальцев между зубами.

Когда стало темнеть, я вздумал пройти немного по тропинке. Мне хотелось убедиться, можно ли будет возвращаться ночью из деревень; но вдруг так стемнело, что я поспешил вернуться домой, и хотя можно было разглядеть общее направление тропинки, но я вернулся домой с разбитым лбом и больным коленом, наткнувшись сперва на сук, а затем на какой-то пень.

Итак, по лесу ночью ходить не придется.

Замечаю, что в бутылке чернил осталось очень мало, и положительно не знаю, найдется ли в багаже другая.

3 октября. Отправился утром при отливе за добычей на риф; гулял по колено в воде, сверх ожидания набрел на несколько интересных Calcispongia [22]. Через полчаса у меня было более чем на день работы. Вернувшись с рифа, я решил, однако же, оставить микроскоп в покое до завтра и идти знакомиться с моими соседями — в деревню на восток от мыса Обсервации. Отправился туда сам, разумеется, не зная дороги, а просто выбирая в лесу тропинки, которые, по моим соображе-

ниям, должны были привести меня в деревню. Сперва шел по лесу — густому, с громадными деревьями. Шел и наслаждался разнообразием и роскошью тропической растительности, новостью всего окружающего.

Из леса вышел я к морю. Следуя морским берегом, нетрудно было добраться до деревни. Так как я не встретил никого дорогою, то некому было дать знать жителям Гумбу о моем приближении. Свернув с морского берега в хорошо утоптанную тропинку и сделав несколько шагов, я услыхал голоса мужчин и женщин. Скоро показались из-за зелени крыши хижин. Пройдя около одной из них, я очутился на первой площадке деревни, где увидел довольно многолюдную и оживленную сцену. Двое мужчин работали над исправлением крыши одной из хижин и казались очень занятыми, несколько молодых девушек и мальчиков плели, сидя на земле, циновки из листьев кокосовой пальмы и подавали их людям, поправлявшим крышу; двое или трое женщин возились с детьми разного возраста; две громадные свиньи с поросятами доедали остатки завтрака. Хотя солнце было уже высоко, но тени на площадке было много, и жар вовсе не чувствовался. Разговор был общий и казался очень оживленным. Картина эта по своей новизне имела для меня громадный интерес. Вдруг пронзительный крик — разговор оборвался, и наступила страшная суматоха. Женщины и девушки с криками и воплями бросили свои занятия и стали хватать грудных детей, которые, разбуженные внезапно, плакали и ревели; подростки, приведенные в недоумение испугом матерей, завизжали и заголосили; таща детей с собой, женщины, боясь оглянуться, кинулись в лес; за ними последовали девушки и подростки; даже собаки с воем и свиньи с сердитым хрюканьем побежали за ними.

Встревоженные воплями женщин, сбежались мужчины со всей деревни, по большей части вооруженные чем попало, и обступили меня со всех сторон. Я стоял спокойно посреди площадки, удивляясь этой тревоге, недоумевая, почему мой приход мог произвести такую кутерьму. Я очень желал успокоить туземцев словами, но пока я таковых не знал, и лишь приходилось довольствоваться жестами, что было вовсе не легко. Они стояли вокруг меня нахмурившись и перекидываясь словами, которых я не понимал. Устав от утренней прогулки, я отправился к одной из высоких платформ, взобрался

на нее, расположился довольно удобно и знаками пригласил туземцев последовать моему примеру. Некоторые поняли, кажется, что я не имею намерения повредить им, заговорили между собою уже спокойнее и даже отложили в сторону оружие, — между тем как другие, все еще подозрительно оглядываясь на меня, не выпускали своих копий из рук. Группа туземцев вокруг меня была очень интересна, но мне нетрудно было заметить, что мой приход был им крайне неприятен. Большинство посматривало на меня боязливо, и все как будто томительно ожидали, чтобы я удалился. Я вынул мой альбом, сделал несколько набросков хижин, расположенных вокруг площадки, высоких платформ, подобных той, на которой я сидел, и перешел затем к записыванию некоторых замечаний самих туземцев, оглядывая каждого с ног до головы очень внимательно. Мне стало ясно, что мое поведение начинает смущать туземцев; особенно не нравился им мой внимательный осмотр. Многие, чтобы избавиться от моего пристального взгляда, встали и ушли, что-то ворча. Мне очень хотелось пить. Кругом меня соблазняли кокосовые орехи, но никто не подумал предложить мне даже один из валявшихся на земле свежих кокосов, чтобы утолить жажду. Никто из туземцев не подошел ближе и не постарался заговорить со мною, а все смотрели враждебно и угрюмо.

Понимая, что, оставаясь долее, я не подвину вперед моего дела — знакомства с туземцами, — я встал и, при общем молчании, прошел через площадку, направляясь по тропинке, которая и привела меня к морю.

Возвращаясь домой и обдумывая виденное, я пришел к заключению, что сегодняшняя моя экскурсия доказывает, как нелегко будет одолеть недоверие туземцев и что на это потребуется очень немало терпения и такта в обращении с ними с моей стороны <...>.

6 октября. Часу в четвертом из мыска вдруг показался парус, а затем большая пирога особенной постройки, с крытым помещением наверху, в котором сидели люди, и один только стоял на руле и управлял парусом. Подойдя ближе к моему мыску, рулевой, повернувшись в нашу сторону, начал что-то кричать и махать руками. Такой большой пироги я здесь по соседству еще не видал. Пирога направилась в Горенду, но через пять минут показалась другая, еще больше первой; на ней стоял целый домик, или, вернее, большая клеть, в которой помещалось человек 6 или 7 туземцев, защищенных кры-

шею от жарких лучей солнца. На обеих пирогах было по две мачты, из которых одна была наклонена вперед, другая назад. Я догадался, что мои соседи захотят показать своим гостям такой курьез, как белого человека, и приготовился поэтому к встрече. Действительно, через четверть часа с двух сторон, из деревень Горенду и Гумбу, показались прибывшие туземцы. С гостями, прибывшими, как я узнал, с островка Били-Били, пришло несколько моих соседей туземцев, чтобы объяснить своим гостям разные диковинные вещи у хижины белого. Люди из Били-Били с большим удивлением и интересом рассматривали все: кастрюли и чайник в кухне, мое складное кресло на площадке, небольшой столик там же; мои башмаки и полосатые носки возбудили их восторг. Они не переставали открывать рот, приговаривая протяжные а-а-а... е-е-е..., чмокать губами, а в крайних случаях вкладывать палец в рот. Гвозди им также понравились. Я дал им, кроме гвоздей, несколько бус и по красной тряпке, к великой досаде Ульсона, которому не нравилось, что я раздаю вещи даром и что гости пришли без подарков. У людей из Били-Били часть волос была тщательно выкрашена красною охрой; лоб и нос были раскрашены той же краской, а у некоторых даже спины были размалеваны. У многих на шее висело ожерелье, которое опускалось на грудь и состояло из двух клыков папуасской свиньи, связанных таким образом, что, вися на груди, они представляли лежащую цифру 3 с равною верхнею и нижнею частью. Это украшение, называемое жителями Горенду «буль-ра», по-видимому, очень ценится ими. Я предлагал им взамен буль-ра нож, но они не согласились на такой обмен, хотя и очень желали добыть нож. Они были очень довольны моими подарками и ушли в отличном настроении духа. Я был, однако же, удивлен, увидев их снова чрез полчаса, на этот раз нагруженными кокосами и бананами; они успели сходить к своим пирогам и принести мне свои подарки. Церемония делания подарков имеет здесь свои правила: так, например, каждый приносит свой подарок от других отдельно и передает его прямо в руки лицу, которому хочет дарить. Так случилось и сегодня; каждый передал свой подарок сперва мне, затем Ульсону значительно менее, а затем Бою еще меньше. Люди Били-Били долго оставались у хижины и, уходя, когда стало темнеть, знаками указывая на меня и шлюпку мою, а затем на свой островок, который виднелся вдали, пока-

зывали жестами, что не убьют и не съедят меня и что там много кокосов и бананов. Прощаясь, они пожимали мне руку выше локтя. Двое, которым я больше почему-то подарил безделок, обнимали меня левою рукой и, прижимая одну сторону моей груди к своей, повторяли: «О Маклай! О Маклай!» Когда они отошли на несколько шагов, то, полуобернувшись и остановившись, согнули руку в локте и, сжимая кулак, разгибали ее; это был их последний прощальный привет, после которого они быстро скрылись.

11 октября. Меня свалил сегодня первый пароксизм лихорадки; как ни крепился, пришлось лечь и весь день пролежать... Было скверно.

12 октября. Сегодня наступила очередь Ульсона. Когда я встал, ноги у меня дрожали и подгибались. Бой тоже уверяет, что он нездоров. Моя хижина настоящий теперь лазарет! Узнал сегодня от Туя имена разных деревень, виднеющихся с моего мыска. Я удивлялся числу имен: каждый ничтожный мысок и ручеек имеет специальное туземное название; так, например, небольшой мысок, на котором стоит моя хижина, где никогда до меня никто не жил, называется Гарагасси; мыс Обсерватории напротив — Габина и т. п. Деревня, которая была посещена мною вечером, в день прихода «Витязя» в Порт Константин, называется Горенду. Затем идет Бонгу, дальше Мале, еще дальше (отличающаяся несколькими светло-желтоватыми кустами Coleus и лежащая у самого берега деревня, которую я посетил с офицерами «Витязя») Богатим. Еще далее у мыска, недалеко уже от островка Били-Били, деревня Горима; на восток от Гарагасси деревня, в которой мне не удалось пристать в первый день, называется Гумбу, затем далее Марагум, еще далее деревня Рай. При расспросах Туя я не мог не подивиться его смышлености, с одной стороны, и некоторой тупости или медленности мышления, с другой. Слушая названия, я, разумеется, записывал их и на той же бумаге сделал набросок всей бухты, намечая относительное положение деревень. Туй это понимал, и я несколько раз проверял произношение названий деревень, прочитывая их громко, причем Туй поправил не только два названия, но даже и самый набросок карты. В то же время мое записывание имен и черчение на бумаге нисколько не интересовали его; он как

будто и не замечал их. Мне казалось странным, что он не удивлялся. Отпустив Туя, я принялся ухаживать за двумя больными, которые стонали и охали, хотя и сам после вчерашнего пароксизма еле-еле волочу ноги. Пришлось приготовить обед самому. Весь вечер охание обоих больных не прекращалось.

13 октября. У меня пароксизм повторился; все больны... скверно, а когда начнется дождливое время года, будет, вероятно, еще сквернее.

14 октября. Дав людям по приему хины и сварив к завтраку по две порции риса на человека, я отправился в лес, главным образом, чтобы отделаться от стонов и оханий. Птиц много. Как только туземцы попривыкнут ко мне, буду ходить на охоту, так как консервы для меня противны.

Когда я вернулся, то застал Ульсона все еще охающим на своей койке, Бой же был на ногах и варил бобы к обеду. Приходил Туй с тремя людьми из Гумбу. Привезенный мною табак (американский в табличках) начинает нравиться туземцам. Они употребляют его, смешивая со своим. <...> Занятие одного из моих гостей заинтересовало меня. Он приготовлял тонкие узкие полоски из ствола какого-то гибкого, вьющегося растения. Он сперва выскабливал одну сторону его, отдирал от него тонкую полоску, разрезал ее потом осколками раковины, которые он менял или обламывал, чтобы получить острый край, служивший ему ножом. Эти полоски назначались для плетения браслетов «сагю» [23], носимых туземцами на руках выше бицепсов и на ногах у колен. Туземец так ловко и быстро работал своим примитивным инструментом, что, казалось, никакой другой не может послужить лучше для этой цели.

Единственным лакомством является здесь для меня кокосовая вода. Кроме нее и чаю, я ничего не пью. Обыкновенно выпиваю два кокосовых ореха в день.

15 октября. Из вчерашнего моего разговора с Туем оказывается, что горы вокруг залива Астроляб весьма населены. Он называл множество имен деревень, прибавляя к каждому имени слово «мана», т. е. гора. <...>

16 октября. Вчера вечером — сильнейшая гроза. Дождь шел ливнем и пробил мою крышу. На столе мо-

ем был настоящий потоп; пришлось убирать бумаги и книги, и ночь я провел в большой сырости.

Сегодня в продолжение дня перебывало в моей хижине более 40 человек из разных деревень, что мне порядком надоело; умей я говорить — дело было бы иное; но изучение языка идет вперед все еще туго.

17 октября. У Боя, только что оправившегося от лихорадки, явилась новая болезнь — сильная опухоль лимфатических желез в паху, от чего он движется еще медленнее прежнего. Ульсон тоже плох. Еле-еле шевелит языком, словно умирающий, валяется весь день, ночью вздыхает и охает; вечером же при заходе солнца выползает и прохлаждается с непокрытою головой, разумеется, украдкою от меня, так как я ему запретил выходить куда-либо без шляпы, особенно при свежем береговом ветре.

Последнюю неделю мне часто приходилось стряпать на нас троих.

Я привязан к этим двум субъектам и не могу никуда уйти из дома на несколько дней. Туземцы их нисколько не слушаются, между тем как я взглядом заставляю моих соседей останавливаться и повиноваться мне. Замечательно, как они не любят, когда я на них смотрю, а если нахмурюсь и посмотрю пристально — бегут.

18 октября. Начали разводить огород, сделали гряды. Работа была нелегкая, так как слой земли очень незначителен, и, покопав немного, натыкаешься на коралл. Кроме того, множество корней так перепутаны, что приходится работать топором столько же, сколько и лопатой. Посеяли бобы, семена тыквы из Таити и кукурузу; не знаю, что взойдет еще, так как семена, кажется, плохи (т. е. лежали слишком долго).

Был несколько часов в лесу, дивясь громадному разнообразию растительных форм, сожалея на каждом шагу, что смыслю так мало в ботанике.

19 октября. Погода меняется. Кажется, что скоро начнутся дожди, а моя крыша протекает. Чувствуются последствия лихорадки: усталость во всем теле и нежелание чем-либо заняться.

К ночи собралась гроза. Беспрестанно сверкала яркая молния, но грома почти что не было слышно.

20 октября. Сегодня визит 13-ти человек из Ямбомбы, островка близ Били-Били, которые, должно быть, много слышали обо мне от последнего. Из моих подарков они ценили всего более гвозди.

Наблюдал долго, как сын Туя, мальчик лет 15, стрелял из лука в рыбу, но очень неуспешно, не попал ни в одну. Стрелы исчезали на секунду в воде, а затем выплывали на поверхность, стоя в воде перпендикулярно. Затем они снова были собраны охотником. Стрелы эти отличаются от обыкновенных тем, что имеют вместо одного острия — несколько: четыре, пять, иногда и более; острие сделано из твердого дерева и всажено в длинный, тонкий тростник.

Я решил увеличить мое помещение — заменить высокое крыльцо верандою, т. е. переставить трап и закрыть полустеною из кокосовых листьев переднюю часть веранды.

Вздумано — сделано. Отправился в лес с Боем. У каждого из нас было по топору. Мы нарубили разного материала для постройки, и к обеду, т. е. к 4 часам, веранда была готова. Она имеет 4 фута ширины и 7 длины. Из высокого ящика, поставленного на другой, устроил я род стола. Это будет мое обычное место для работы днем, так как здесь светло, и можно будет говорить с туземцами, не двигаясь с места. Кроме того, отсюда прелестный вид на море.

22 октября. Расскажу сегодня, как проводил до сих пор большинство дней.

Вставал я ранее моих слуг, еще в полутемноте, часов в пять; отправлялся кругом дома посмотреть, не случилось ли чего нового за ночь, затем спускался к ручью мыться, причем очень часто забывал взять с собою мыло. Придешь вниз, вспомнишь, что мыло забыл, ну и лень подняться за ним в хижину, особенно когда я нашел прекраснейший суррогат мыла в мелком песке на дне ручья. Захватишь немного этого песку, потрешь им руки, которые делаются немного красными, но зато совершенно чистыми, затем, крепко зажмурясь, вытрешь им лицо. Одно неудобство: много песку остается в бороде. Возвращаюсь к дому около трех четвертей шестого; уже светло. Бой разводит огонь и греет воду для чая. Я отправляюсь на веранду и жду там чай, который мне подают с сухарями или печеными бананами, очень приятными на вкус. Около 7 часов записываю температуру

воздуха, воды в ручье и в море, высоту прилива, высоту барометра, направление и силу ветра, количество испарившейся воды в эвапорометре[24], вынимаю из земли зарытый на один метр глубины термометр и записываю его показание. Окончив метеорологические наблюдения, отправляюсь или на коралловый риф за морскими животными, или в лес за насекомыми. С добычею сажусь за микроскоп или кладу в спирт собранных насекомых, или же принимаюсь за какую-нибудь другую работу до 11. В 11 завтракаю. Завтрак состоит из отваренного рису с кёри. После завтрака ложусь в повешенный на веранде гамак и качаюсь в нем до часа, причем часто засыпаю. В час те же метеорологические наблюдения, как в 9 часов. Затем опять принимаюсь за какую-нибудь работу, как, например, приведение в порядок наблюдений, записанных в карманной книжке, реже за чтение. Приход папуасов часто прерывает мои занятия, так как я спешу к ним, не желая упустить случая прибавить несколько слов к моему папуасскому словарю. После пяти отправляюсь погулять в лес до обеда, который подает мне Бой около 6 часов и который состоит из тарелки отваренных чилийских бобов с небольшим куском «чарки» * и одной или двух чашек чаю. Тарелка рису утром, тарелка бобов вечером, несколько чашек чаю в день — вот моя ежедневная пища. Привезенные мною несколько банок мясных и рыбных консервов я вполне предоставил моим слугам. Самый вид их мне противен. Время после обеда я посвящаю на разные домашние работы, как-то: чистку ружей, уборку своей кельи, а затем, сменив мой костюм, сделанный из бумажной материи, на фланелевый, когда темнеет, сажусь на пень у берега, слежу за приливом и отливом, рассматриваю далекий горизонт, облака и т. д. Иногда ложусь снова в гамак и прислушиваюсь к раздающемуся кругом меня в лесу крику птиц и трескотне десятков разноголосых цикад. В 8 часов иду в комнату и, зажегши свою небольшую лампочку (более похожую на ночник, чем на лампу), записываю происшествия дня в дневник. В 8—9 часов опять метеорологические наблюдения и, наконец, — предпоследний акт дня — очищаю кокосовый орех и выпиваю его прохладительную воду. Вернувшись в комнату, осматриваю заряженные ружья

* «Чарки» — чилийское название сушеной говядины, привезенной мною из Вальпарайзо.

и ложусь на жесткую постель, состоящую из двух корзин, покрытых одеялом вместо тюфяка и простынь. Засыпаю обыкновенно очень скоро.

Визиты туземцев и заболевание Ульсона и Боя нарушают немного ход этой с виду однообразной, но в действительности для меня очень интересной жизни.

23 октября. Приходил Туй с двумя другими туземцами. Все были вооружены копьями, луками со стрелами, и у каждого было по топору на плече. Я выразил желание, чтобы гости показали мне употребление лука и стрел, что они сейчас же и исполнили. Стрела пролетела около 65 шагов, но при этом было заметно, что даже легкий ветер имеет большое влияние на полет ее. На таком расстоянии она навряд ли могла бы причинить серьезную рану; шагов на 20 или на 30 — иное дело, и Туй, может быть, прав, показывая, что стрела может пронзить руку насквозь.

Затем Туй показал целый маневр боя: держа лук и стрелы на левом плече, а копье в правой руке, он отбежал шагов 10, кидаясь в разные стороны, сопровождая каждое движение коротким, резким криком. Он то натягивал тетиву лука и пускал стрелу, то наступал и копьем как будто старался ранить неприятеля, то прятался за деревьями, иногда нагибался или быстро отпрыгивал в сторону, избегая воображаемую стрелу. Другой туземец, соблазнившись примером, присоединился к нему и стал представлять противника; этот турнир был интересен и довольно характеристичен.

24 октября. Сегодня утром я был удивлен внезапным появлением грибов различных форм, которых я прежде не видел. Они выросли решительно повсюду: на стволах деревьев, на земле, на камнях и даже на перилах моей веранды. Вчера вечером их положительно не было. Очевидно, они выросли за ночь. Чему приписать это появление — не знаю. Думая об этом, мне пришло на ум внезапное и труднообъяснимое появление разных эпидемических болезней, которые также, вероятно, происходят от внезапного развития микроскопических грибков и т. п. организмов. Один из более курьезных грибов, выросших в продолжение нескольких часов и удививший меня своею величиною и формою, я тщательно нарисовал.

Сегодня я обратил внимание еще на то обстоятель-

ство, что в этих странах носовой платок делается почти ненужною вещью. В продолжение месяца у меня в кармане пролежало почти без употребления только два платка. Причина тому — отсутствие или большая редкость катара носовой полости, который в Северной Европе почти что постоянен.

Лунная ночь сегодня великолепна. В лесу фантастически хорошо. Качаясь в своем гамаке, подвешенном между деревьями, прислушиваясь к ночной музыке и созерцая разнообразие растительных форм, облитых лунным светом... Verlor mich ganz in der Contemplation der prachtvollen geheimniβ voll — fantastischen Umgebung... (...)[25].

25 октября. Лежание в гамаке вечером не прошло мне даром. Ночью чувствовал озноб и проснулся весь в испарине и каким-то расслабленным. Все утро одолевала такая лень, что почти ничего не делал. Лень было даже и читать, так как держать книгу, лежа в гамаке, показалось мне слишком утомительным. После обеда рисовал, но вскоре стемнело, не успел кончить. Снова идет дождь; приходится переносить вещи с одного места на другое. Бой все еще лежит, Ульсон еле-еле двигается.

Удобный у меня характер — живу и смотрю на все окружающее, точно до меня не касается. Иногда, правда, приходится выходить из этого созерцательного состояния, как, например, в настоящую минуту, когда крыша протекает, на голову падают крупные капли холодного дождя и когда все бумаги, рисунки и книги на столе, перед которым я сижу, могут вымокнуть.

26 октября. Я и Ульсон работали целый день в лесу, а затем в хижине, стараясь поправить крышу. Бой, все еще страдающий от своей опухоли, охает, или, вернее, мычит, как теленок. Этот концерт мне был так невыносим, что выгнал меня из дома. Дав больному небольшой прием морфия, я вышел на площадку. Ночь была великолепная, и долетавшие стоны больного представляли резкий диссонанс с невыразимою прелестью природы.

27 октября. Стон Боя продолжался всю ночь, часто будил меня, и благодаря ему я проснулся, когда уже было совсем светло и когда Ульсон принес мой завтрак на веранду, сказав при этом, что Туй уже давно сидит в кухне. Выпив чай, я отправился в кухню (в шалаш) и,

действительно, увидел там папуаса, но совершенно мне незнакомого. Я принялся рассматривать его, но все-таки не мог припомнить, где и когда я его видел. Я предположил, что незнакомец пришел вместе с Туем, а последний уже ушел. Каково же было мое удивление, когда Ульсон спросил меня: «Неужели я не узнаю Туя?»

Я снова взглянул на туземца, который, улыбаясь, показывал на осколки стекла и на свою верхнюю губу. Тут я заметил, что он выбрил усы и часть бороды. Это так изменило лицо моего старого знакомого, что я его сперва вовсе не узнал. Губы и подбородок были отлично выбриты, он так искусно совершил эту операцию, что нигде не было ни царапины. Открытие, что стеклом удобно бриться (на островах Полинезии этот способ очень в ходу), до которого Туй дошел совершенно самостоятельно, сильно возвысит ценность разбитых бутылок, в чем я сейчас же убедился, видя, с каким выражением удовольствия Туй получил в подарок от Ульсона несколько осколков стекла.

Сходство разбитого стекла с отбитыми осколками кремня или кусочками разбитых раковин — инструменты в употреблении у папуасов для резания — легко объясняет открытие Туя, но вместе с тем доказывает наблюдательность и желание туземцев знакомиться опытом с новыми для них предметами. Взойдя на мою веранду, я сделал неприятное открытие: крыша, над которой я трудился часов пять, снова протекает, чего я никак не мог ожидать, накладывая сплетенные кокосовые листья очень часто. Обдумывая причину течи, я пришел к заключению, что виною тому не материалы и не кладка листьев, а слишком малая покатость крыши. Таким образом объясняется высота крыш хижин на островах Тихого океана. Эта-то высота и крутизна, главным образом, и делают крыши непромокаемыми.

Чувствуя себя плохо, я принял хины (прием в $^1/_2$ грамма) и хорошо сделал, потому что к часу я чувствовал лихорадку во всех членах и благодаря приему хины предупредил пароксизм.

Ульсон тоже плох; ходит и говорит как больной. Бой не встает; опять лазарет. Бываю в доме только по вечерам и ночью. Целый день на площадке около дома и нередко на веранде. Приходится зажигать лампу в половине седьмого. Не проходит вечера или ночи без отдаленного грома и очень яркой молнии. Сегодня опять гроза, опять течет на стол, на книги... Везде мокро...

29 октября. Несмотря на стоны Ульсона, я заснул, но не успел проспать и получаса, как снова был разбужен странным воем, который, казалось, то приближался, то опять удалялся. Спросонья я не мог дать себе отчета, что это может быть. Вышел на веранду. Дождь перестал, и было не слишком темно. Я оделся, вышел, сошел к ручью, и мне пришла фантазия пойти по тропинке в Горенду и послушать вблизи пение папуасов, так как вышеупомянутый вой не мог быть ничем иным, как пением туземцев. Надо было сказать Ульсону, что я ухожу; ему моя фантазия очень не понравилась. Он уверял меня, что если папуасы вдруг придут, то непременно убьют его и Боя, так как оба они больны и защищаться не могут. В утешение я поставил мое двуствольное ружье около его койки и уверил, что при первом выстреле вернусь немедленно в Гарагасси. Дождь хотя и прошел, но было пасмурно; однако благодаря взошедшей, хотя и скрытой облаками, луне я мог пробираться осторожно по тропинке. Пение слышалось все громче, по мере того как я приближался к Горенду. Очень утомившись от этой прогулки в полутемноте, я сел на пень и стал вслушиваться. Пение или вой, несшийся мне навстречу, был очень прост, и напев постоянно повторялся. Кроме того, этот примитивный мотив еще подымался и опускался неправильными волнами, то неожиданно совсем обрывался, чтобы начаться через полминуты. От времени до времени слышались удары барума.

Иногда тот же напев, начинаясь медленно, тихо, протяжно, постепенно рос, делался все громче и громче, такт все учащался; наконец, пение переходило в какой-то почти что нечеловеческий крик, который, внезапно обрываясь, замирал [26].

Сидя на пне, я раза два чуть было не свалился. Мне казалось, что я вижу какой-то страшный сон <...>. Я пошел назад и не помню как добрался до моей хижины, где тотчас же лег, даже не раздеваясь. Несколько раз еще в просонках слышал урывки папуасского концерта.

30 октября. Сегодня утром шел в первый раз в это время дня дождь. Не наступает ли дождливое время года? Когда дождь перестал, сидя на пне у моего флагштока, я был свидетелем оригинальной ловли рыбы. Был отлив; мелкая рыба, должно быть преследуемая акулами, которых здесь немало, металась во все стороны, выпрыгивая иногда из воды. Из-за деревьев у берега

вышел Туй и следил за эволюциями рыб. Вдруг рыбы, вероятно жестоко преследуемые неприятелем, кинулись к берегу. В несколько прыжков Туй очутился около них. Вода там была немного ниже колен, и дно, разумеется, хорошо видно. Вдруг Туй сделал энергический прыжок, и одна из рыбок оказалась пойманною. Туй ловил их ногою. Он сперва придавил ее ступнею, потом поднял, ухватив между большим и вторым пальцем ноги. Согнув колено, он протянул руку и, высвободив добычу, положил рыбу в мешок. После этого, быстро нагнувшись и схватив камень, Туй бросил его в воду с значительною силою; потом подойдя к тому месту, куда был брошен камень, он, стоя на одной ноге, поднял другою убитую камнем рыбку. Все было сделано не только очень искусно, но даже и весьма грациозно. Туй, однако же, человек далеко не молодой; мне он кажется лет около 45 или более. Увидев меня на моем мыске, он пришел в Гарагасси. Я бросил на землю четвертушку бумаги и сказал, чтобы он поднял ее ногой. Я хотел знать, может ли он так плотно прижать большой палец ко второму, чтобы удержать бумагу. Бумага была мигом поднята и, перейдя у него за спиною в руку, была передана мне. Он то же сделал с небольшим камнем, который поднял с земли, не останавливаясь ни секунды.

31 октября. Приходило несколько жителей Бонгу со своими гостями из ближайших гор, которые отличаются от береговых папуасов более небрежною прическою и, как мне показалось, немного более светлым цветом кожи.

1 ноября. Видел снова нескольких туземцев, живущих в горах. Они носят меньше украшений, чем береговые папуасы.

Вдали показались две парусные пироги, идущие от деревни Богати, направляясь, кажется, сюда.

У папуасов нет обычая здороваться или прощаться между близкими соседями; они делают это только в экстренных случаях. Туй, бывающий в Гарагасси чаще других туземцев, приходит и уходит, не говоря ни слова и не делая никакого жеста.

Я не ошибся: две партии туземцев, человек около 20, приходили ко мне. Так как я желал от них отделаться поскорее, то промолчал почти все время, не переставая наблюдать за моими гостями, расположившимися вокруг моего кресла.

Я не открыл пока у папуасов какой-нибудь любимой позы, они часто меняют свое положение: то сидят на корточках, то, опускаясь на колени, сидя на своих икрах, то, почти не изменяя этого положения, раздвигают ноги так, что их ступни приходятся по обеим сторонам ягодиц; иногда они ложатся, подпирая подбородок рукою, и продолжают, переменяя положение, говорить или есть [27].<...>

2 ноября. Ночью решил, что отправлюсь один в шлюпке посмотреть на конфигурацию ближайших холмов. Встав еще до света и выпив холодного чаю, так как завтрака ждать мне не хотелось, я отправился на шлюпке сперва к мыску Габина (мыс Обсервации), а затем вдоль берега по направлению к деревне Мале. За береговым лесом поднималось несколько холмов футов в 300 вышины, склоны которых были не везде лесисты и покрыты высокою травой. В нескольких местах в горах, подымавшихся над холмами, вились дымки костров. Вероятно, там расположены деревни.

В это же утро я занялся ловлею морских животных на поверхности, и скоро моя банка наполнилась несколькими небольшими медузами, сифонофорами и множеством ракообразных. Во всяком случае, сегодняшняя экскурсия показала мне богатство здешней морской фауны.

Немало утомившись, голодный, вернулся в Гарагасси к завтраку, после которого провел несколько часов за микроскопом, рассматривая более внимательно мою добычу.

После дневных трудов я лежал вечером спокойно в гамаке на веранде. Хотя не было поздно (всего 6 ч. 45 м.), но было уже очень темно. Черные облака приближающейся грозы надвигались все более и более. Я спокойно любовался молниею, внезапно озарявшей облака, как вдруг почувствовал, что мой гамак закачался, затем последовал другой толчок, но на этот раз покачнулся и заходил не только гамак, но вместе с ним и крыша, и стены, и столбы моего дома. Прибежавший из кухни Ульсон стал меня настойчиво спрашивать, будет ли еще землетрясение и будет ли оно сильнее или нет.

Часа через два я сидел в хижине и только что принялся осчитывать деления анероида, как снова почувствовал, что земля заколебалась, но сильнее первого

раза и продолжительнее. Записав случившееся в метеорологический журнал, я лег спать, прося Ульсона разбудить меня, если почувствует ночью что-нибудь подобное. Я боялся проспать землетрясение, как это уже случилось со мною в Мессине в 1869 году, когда я проспал отлично всю ночь и узнал только на другое утро, что большинство жителей не могло сомкнуть глаз всю ночь. Действительно, ночью я был разбужен, когда подо мною койка и пол снова зашатались. Все уже успокоилось, когда я услышал голос Ульсона, звавшего меня. Собиравшаяся всю ночь гроза совсем рассеялась к утру, и при восходе солнца небо было почти совсем безоблачно.

3 ноября. Надо было мне вырубить в лесу несколько шестов, и я только что вернулся домой, как Ульсон пришел с известием, что земля все еще не успокоилась. «Как так?» — спросил я. Ульсон очень удивился, что я ничего не заметил, уверяя, что много раз он чувствовал незначительные толчки. «Это колебание не земли, а ваших колен, — сказал я Ульсону, — так как часа через полтора у вас будет опять пароксизм лихорадки». Ответом моим Ульсон остался очень недоволен, заявляя, что он не ошибается. Оказалось действительно, что он был прав, так как в продолжение следующего часа я и сам почувствовал два или три незначительных, хотя и явственных, колебания.

Необходимо было укоротить канат якоря моей шлюпки, так как при бывшем ночью сильном прибое ее подрейфовало, и киль ее терся о рифы. Пришлось бродить по пояс в воде, так как Ульсон действительно принужден был лечь по случаю лихорадки. Барометр, который весь месяц не подымался выше 410 д., оба эти дня стоял очень высоко и поднялся сегодня до 464.

После обеда пришел Туй. Он выбрил себе еще часть бороды и брови. Я долго и внимательно рассматривал его волосную систему. Тело мало покрыто волосами; на руках их вовсе незаметно, на груди и спине также немного, но положительно нигде нет и признака распределения волос пучками.

4 ноября. Вот скоро 6 недель, как я познакомился с папуасами, а они не видали еще у меня никакого оружия. Дома оно у меня, разумеется, есть, но, даже уходя в лес, я редко беру с собою револьвер; отправляясь же

в туземные деревни, не беру его положительно никогда. Эта обезоруженность кажется туземцам весьма странною. Они уже не раз старались разузнать, не имею ли я в доме копья, лука или стрелы. Предлагали даже взять у них, но я отвечал на это только смехом и с очень презрительным жестом отодвинул от себя их оружие, показав, что я в нем не нуждаюсь. Их было человек 20, и все вооружены. Мой поступок их очень озадачил; они поглядели на свое оружие, на дом, на меня и долго толковали между собою. Я их оставляю в неведении, пока это возможно.

5 ноября. Комары и муравьи не давали мне покоя. Спал скверно. Около двух часов утра опять дом заходил и закачался.

Землетрясение длилось не более полуминуты, но оно было сильнее, чем два дня тому назад <...>.

9 ноября. Утро было сырое и свежее (всего 22 °С). Тепло одетый, я пил чай на веранде, когда увидел перед собою Туя, который, также чувствуя свежесть утра и не имея подходящего температуре костюма, принес с собою примитивную, но довольно удобопереносимую печь — именно толстое тлеющее полено. Подойдя ближе, он сел у веранды. Курьезно было смотреть, как он, желая согреться, переносил тлеющее полено от одной стороны тела к другой и то держал его у груди, то клал сперва у одного, а затем у другого бока, то помещал его между ногами, смотря по тому, какая часть тела казалась ему более озябшею. Скоро пришло еще несколько жителей Бонгу; среди них находился человек низкого роста с диким и робким выражением лица. Так как он не решался подойти ко мне, то я сам пошел к нему. Он хотел было бежать, но был остановлен другими. Посмотрев на меня, он долго смеялся, затем стал прыгать, стоя на месте. Очевидно, вид первого белого человека привел его в такое странное состояние. Люди из Бонгу постарались объяснить мне, что этот человек пришел из очень далекой деревни, лежащей в горах и называемой Марагум. Он явился с целью посмотреть на меня и на мой дом. Все пришедшие имели на себе по случаю холодного утра свои «согреватели»; у некоторых вместо полен был аккуратно связанный пук тростника. Присев перед моим креслом, они сложили свои головни в тростник в виде костра и принялись греться около огня.

Я уже не раз замечал, что туземцы носят с собою головни с целью иметь возможность, во время перехода из одного места в другое, зажигать свои сигары. Немного позже другая партия туземцев явилась из Гумбу, также со своими гостями из Марагум-Мана, которые заинтересовали меня как жители гор. Тип их положительно был одинаков с приморскими жителями, но цвет кожи был гораздо светлее, чем у моих соседей. Он не казался темнее цвета кожи многих жителей Самоа, что мне сразу бросилось в глаза. Особенно у одного из пришедших кожа на лице была гораздо светлее, чем на теле. Жители Марагум-Мана были приземисты, но хорошо сложены: ноги крепкие, с развитыми икрами. Я им сделал несколько подарков, и они ушли весьма довольные, не переставая удивляться дому, креслу и моему платью.

У Ульсона опять лихорадка, скверная тем, что пароксизмы наступают совершенно неправильно. В пять часов опять гроза, дождь, сырость, так что я принужден сидеть дома и кутаться. Дождливые дни для меня очень неприятны. Так как моя келья очень мала, то она служит мне и спальней, и складочным местом. Когда дождя нет, я провожу целые дни вне ее; разные углы площадки вокруг дома составляют собственно мой дом: здесь моя приемная с несколькими бревнами и пнями, на которых могут располагаться мои гости; там, в тени, с далеким видом на море, мой кабинет с покойным креслом и со складным столом; было также специальное место, предназначенное мною для столовой. Вообще, я был очень доволен моим помещением.

10 ноября. Нахожу, что туземцы здесь народ практичный, предпочитающий вещи полезные разным безделкам. Ножи, топоры, гвозди, бутылки и т. п. они ценят гораздо более, чем бусы, зеркала и тряпки, которые они хотя и берут с удовольствием, но никогда не выпрашивают их, в противуположность вещам, упомянутым раньше.

Недоверчивость моих соседей доходит до смешного. Они рассматривали мой нож с большим интересом. Я показал им два больших ножа фута в полтора длиною и, шутя и смеясь, объяснил им, что дам эти два больших ножа, если они оставят жить у меня в Гарагасси маленького папуасенка, который пришел с ними. Они переглянулись с встревоженным видом, быстро переговорили между собою и затем сказали что-то

мальчику, после чего тот бегом бросился в лес. Туземцев было более десятка, и все вооруженные. Они, кажется, очень боялись, что я захвачу ребенка. И это были люди, которые уже раз 20 или более посещали меня в Гарагасси.

Другой пример: приходят ко мне человека три или четыре, невооруженные. Я уже знаю наперед, что недалеко в кустах они оставили человека или двух с оружием, чтобы подоспеть к ним на помощь в случае нужды. Обыкновенно туземцы стараются скрыть, что они приходят вооруженными.

О женщинах и говорить нечего. Я не видал еще ни одной вблизи, а только издали, в то время, когда они убегали от меня как от дикого зверя <...>.

12 ноября. По ночам гораздо шумнее, чем днем. С полудня до трех или четырех часов, исключая кузнечиков и весьма немногих птиц, никого не слышно; с заходом же солнца начинается самый разноголосый концерт: кричат лягушки, цикады, ночные птицы, к ним примешиваются также голоса разных животных, которых мне еще не удавалось видеть. Почти каждый вечер аккомпанементом к этому концерту являются раскаты грома, который днем раздается редко. Ночью и прибой на рифах слышится яснее; ко всему этому присоединяется еще назойливый писк комаров, а подчас издали долетает завывание папуасов, заменяющее у них песни. Несмотря на всю эту музыку, мне вообще спится хорошо.

Сегодня целый день чувствую утомление во всем теле после вчерашнего пароксизма.

13 ноября. У здешних туземцев существует только одно обозначение для выражения понятий «писать» и «рисовать», что очень понятно, так как до изобретения письмен они еще не дошли. Когда я записываю что-нибудь, они говорят: «Маклай негренгва». Если я рисовал кого-нибудь из них, они также говорили «негренгва». Показываю им печатную бумагу — снова «негренгва». Объясняя друг другу пользу маленького гвоздя при черчении узора на бамбуковом футляре для извести, они опять употребляли слово «негренгва».

Опять приходили ко мне жители Бонгу со своими гостями из гор (горцами). Я старался узнать, как они добывают огонь, но не мог добиться, не зная еще достаточно языка.

Туземцы очень приставали, чтобы я пожевал с ними бетель, на что я, однако же, не согласился, вспомнив, что раз попробовал, но обжег себе язык негашеною известью, которой я примешал слишком много.

15 ноября. Во время прилива (около 4-х часов) я и Ульсон принялись за нелегкую работу: втащить на берег четверку, чтобы просушить ее и выкрасить. Шлюпка оказалась очень тяжелой для двух человек, но, несмотря на это, мы ее одолели, причем нам очень помогли железный лом и система блоков, полученные мною от П. П. Новосильского. После более чем часовой работы мы наконец втащили шлюпку на берег до такого места, куда вода никогда не доходит даже при самом приливе. Устали порядком.

16 ноября. После утреннего чая опять принялись за работу: надо было установить шлюпку для очистки и окраски. Тяжелая работа эта продолжалась, однако, не более часа. Пришлось напрячь все усилия, чтобы достигнуть удовлетворительного результата. В другом месте, где можно было бы легко найти помощь, мы оба объявили бы нашу вчерашнюю и сегодняшнюю работу невозможною, и прибегли бы к чужой помощи. Здесь же, где не на кого надеяться, сам принимаешься за все и пробуешь таким образом свои силы. Это полное напряжение способностей и сил во всех отношениях возможно при нашей цивилизации только в исключительном положении, и то редко, и чем далее, тем реже оно будет встречаться. Усовершенствования при нашей цивилизации клонятся все более и более к развитию только некоторых наших способностей, к развитию одностороннему, к односторонней дифференцировке. Я этим не возвожу на пьедестал дикого человека, для которого развитие мускулатуры необходимо, не проповедую возврата на первые ступени человеческого развития, но вместе с тем я убедился опытом, что для каждого человека его физическое развитие во всех отношениях должно было бы идти более параллельно, а не совершенно отстраняться преобладанием развития умственного.

17 ноября. Нового ничего нет. Все по-старому. Утром я зоолог-естествоиспытатель, затем, если люди больны, повар, врач, аптекарь, маляр, портной и даже прачка, etc. etc. Одним словом, на все руки, и всем рукам дела

много. Хотя очень терпеливо учусь туземному языку, но все еще понимаю очень мало; более догадываюсь, что туземцы хотят сказать, а говорю еще меньше.

Папуасы соседних деревень начинают, кажется, меньше чуждаться меня... Дело идет на лад; моя политика терпения и ненавязчивости оказалась совсем верною: не я к ним хожу, а они ко мне; не я их прошу о чем-нибудь, а они меня, и даже начинают ухаживать за мною. Они делаются все более и более ручными: приходят, сидят долго, а не стараются, как прежде, выпросить что-нибудь и затем улизнуть поскорее со своею добычей.

Одно досадно, что я еще так мало знаю их язык. Знание языка, я убежден, единственное средство для удаления этого недоверия, которое все еще держится, а также единственный путь к ознакомлению с туземными обычаями, по всей вероятности, очень интересными. Учиться языку мне удобнее дома, чем посещая деревни, где туземцы, при моих посещениях, бывают обыкновенно так возбуждены и беспокойны, что трудно заставить их усидеть на месте. В Гарагасси малейшие признаки нахальства у них пропадают; они терпеливо отвечают на вопросы, дозволяют рассматривать, мерить и рисовать себя. К тому же в Гарагасси у меня все под рукою — и инструменты для антропологических измерений, и аппараты для рисования.

Нелишним является также и большой выбор подарков для вознаграждения их терпения или для обмена на какие-нибудь безделки, украшения или вообще различные мелочи, которые папуасы носят с собою всюду, под мышкою в особых мешках. Я не упускаю случая, при посещении горных жителей, измерять их головы, делать разные антропологические наблюдения и, между прочим, собирать образчики для моей коллекции волос. Как известно, изучение качества волос представителей разных рас имеет большое значение в антропологии, почему я никогда не пренебрегаю случаями пополнять мою коллекцию новыми образчиками. Здесь это собирание представляло сперва некоторую трудность. Уморительно было смотреть, с каким страхом отскочил Туй при виде ножниц, которые я поднес к его волосам. Он готов был бежать и не подходил ко мне все время, пока я держал ножницы. Отказаться от собирания волос в этой местности я не мог, но как победить нежелание Туя, который между всеми моими новыми знакомыми

становился самым ручным? Если уж он не соглашается на это, то что же будут делать другие, более дикие? [28] Я подумал, не примет ли он в обмен на свои волосы несколько моих, и, отрезав пучок своих волос, предложил ему взять их, конечно, на обмен. Это удалось, я выбрал несколько локонов, отрезал их и отдал ему свои. Пока я завертывал образчик волос в бумагу и надписывал пол, приблизительно лета и место головы, откуда были срезаны, Туй также завернул тщательнс мои волосы в лист, который он сорвал недалеко. Таким образом, т. е. способом обмена на собственные волосы, моя коллекция волос туземцев значительно увеличилась. Но в один прекрасный день Ульсон заметил мне, что я выстриг себе всю левую сторону головы. Это произошло оттого, что держа ножницы в правой руке, мне было легче срезать волоса на левой стороне головы. Тогда я стал резать с другой стороны.

Раз, гуляя по лесу, я забрел так далеко, что чуть-чуть на заблудился: но, к счастью, наконец, набрел на тропу, которая привела меня к морю, где я сейчас же мог ориентироваться. Это случилось около деревни Мале, куда я, однако ж, не пошел, а направился в Бонгу, по дороге домой. Но дойти до Бонгу мне не удалось; было уже почти темно, когда я добрался до Горенду, где я решил переночевать, к великому удивлению туземцев. Придя в деревню на площадку, я прямо направился в большую буамрамру * Туя, желая как можно менее стеснять туземцев и зная очень хорошо, что мое посещение встревожит всех жителей деревни. Действительно, послышались возгласы женщин и плач детей. Пришедшему Тую я объяснил, что хочу спать у него. Он что-то отвечал мне много, кажется, хотел проводить меня при свете факела в Гарагасси, говорил что-то о женщинах и детях. Я почти что не понял его и, чтоб отделаться, лег на барлу — род длинных нар с большими бамбуками вместо подушек и, закрыв глаза, повторял: «Няварь», «няварь» — спать, спать. У меня часов не было, и хотя было не поздно, но, утомленный моей многочасовой прогулкой, я вскоре задремал и затем заснул. Проснулся я, вероятно, от холода, так как я спал ничем не покрытый, а ночной ветер продувал насквозь ввиду отсутствия у этих хижин стен спереди и сзади.

---

* Буамрамрами называются большие хижины, особенным образом построенные и исключительно назначенные для мужчин [29].

Не ев ничего с 11 часов утра, я чувствовал также большой аппетит. Я был один в буамрамре, где царил полумрак. Встав, я направился на площадку, к костру, вокруг которого сидело несколько человек туземцев. Между ними был и Туй. Я обратился к нему, указывая на рот и повторяя слово «уяр» (есть), которое он сейчас же понял и принес мне небольшой табир[30] (овальное неглубокое блюдо) с холодным таро и вареными бананами. Несмотря на недостаток соли, я съел несколько кусков таро с удовольствием; бананы я также попробовал, но они показались мне очень безвкусными. Я чувствовал себя настолько освеженным получасовой дремотою и затем подкрепленным пищею, что предложил двум молодым туземцам проводить меня с факелами до Гарагасси. В ночной темноте попасть домой без огня было совершенно невозможно. Туземцы поняли мое желание и были, кажется, даже довольны, что я не остаюсь ночевать. Мигом добыли они несколько факелов из сухих пальмовых листьев, которые связываются для этой цели особенным образом, взяли каждый по копью, и мы отправились. Лес, освещенный ярким светом горящих сухих листьев, представлялся еще красивее и фантастичнее, чем днем. Я любовался также моими спутниками, их быстрыми и ловкими движениями: они держали факел над головой, а копьем отстраняли нависшие ветви лиан, местами преграждавшие нам путь. Один из туземцев шел за мной; оглянувшись на него, я невольно подумал, как бы легко ему было бы сзади проткнуть меня копьем. Я был невооружен по обыкновению, и туземцам это обстоятельство было хорошо известно. Я дошел, однако ж, цел и невредим до Гарагасси, где и был встречен крайне встревоженным Ульсоном, почти уже потерявшим надежду видеть меня в живых.

22 ноября. На днях я убил голубя у самой хижины, и так как подобного экземпляра я еще никогда не видел, то и отпрепарировал аккуратно скелет и повесил его сушиться на дерево довольно высоко. Не прошло и двух часов, как мой скелет среди белого дня пропал с дерева, в трех шагах от дома. Сидя на веранде и чем-то занимаясь, я видел мельком быстро скрывшуюся в кустах собаку, но не думал, что она уносит скелет, над которым я работал около часа. Сегодня утром удалось убить другого голубя, но он упал в море. Не чувствуя охоты купаться и не желая тревожить Ульсона, кото-

рый занимался приготовлением чая, я стал ждать, чтобы наступающий прилив прибил мою добычу к берегу. Сидя за чаем на веранде, я следил за медленным движением убитой птицы, которую волны подвигали к берегу. Однако это продолжалось недолго: мелькнул один плавник, затем другой, и тело птицы вдруг скрылось в воде, оставив после себя только несколько водяных кругов. В некотором расстоянии появилось на секунду несколько плавников акул, которые, вероятно, сражались из-за добычи.

Вчера вечером Туй хотел выказать мне свое доверие и попросил позволения ночевать у меня. Я согласился. Уходя, он сказал, что придет позднее. Предполагая, что он не вернется, я уже лег на койку, когда услыхал голос его, зовущий меня. Я вышел, действительно, это был Туй. Вид его при лунном свете был очень характеристичен и даже эффектен: темное, но хорошо сложенное тело красиво рисовалось на еще более темном фоне зелени. Он одною рукой опирался на копье, в другой, опущенной, держал догорающее полено, которое освещало его с одной стороны красноватым отблеском. Плащ или накидка его из грубой тапы[31] опускалась с плеч до земли. Стоя таким образом, он спрашивал, где ему лечь. Я ему указал на веранду, где он может провести ночь, и дал ему циновку и одеяло, которыми он остался очень доволен. Туй улегся. Это было часов около десяти. В половине 12-го я встал, чтобы посмотреть на термометр. Луна еще ярко светила. Я взглянул на веранду, но Туя там не было, а на его месте лежали только свернутая циновка и одеяло. Видно, голые нары его хижины ему более по вкусу, чем моя веранда с циновкою и одеялом.

23 ноября. Пристрелил одну из птичек, которые так кричат на высоких деревьях около дома. Туземное имя ее «коко». Это имя — не что иное, как звукоподражание ее крику — «коко-ниу-кай»; при этом, когда она кричит, звук «коко» выделяется очень ясно.

Сегодня я сделал неожиданное, но весьма неприятное открытие: все собранные мною бабочки съедены муравьями; в коробке остались только кусочки крыльев некоторых из них.

У Ульсона лихорадка снова, мне опять пришлось колоть дрова, варить бобы и кипятить воду для чая. Вечер иногда провожу над приготовлением серег, которые

режу для туземцев из жестяных ящиков из-под консервов. Я подражаю форме черепаховых серег, носимых туземцами. Первую пару сделал я ради шутки и подарил Тую, после чего множество туземцев перебывало у меня, прося сделать им такие же. Серьги из жести положительно вошли в моду, и спрос на них растет.

24 ноября. Застрелил белого какаду, который упал с дерева в море. Я только что перед этим встал и собирался идти к ручью мыться, поэтому я тотчас же разделся и сошел в воду, чтобы достать птицу и выкупаться. Отливом она была отнесена от берега, но я направился к ней, несмотря на глубину, и был уже саженях в двух, как вдруг большая акула схватила птицу. Близость таких соседей не особенно приятна, когда купаешься.

25 ноября. <...> Дни проходят, а мое изучение туземного языка подвигается очень туго вперед. Самые употребительные слова остаются неизвестными, и я не могу придумать, как бы узнать их. Я даже не знаю, как по-папуасски такие слова: «да», «нет», «дурно», «хочу», «холодно», «отец», «мать»... Просто смешно, а что я не могу добиться и узнать их — это остается фактом. Начнешь спрашивать, объяснять — не понимают или не хотят понять. Все, на что нельзя указать пальцем, остается мне неизвестным, если только не случайно узнаешь то или другое слово. Между другими словами, узнанными от Туя, который пришел отдохнуть в Гарагасси, возвращаясь откуда-то, я узнал совершенно случайно название звезды — «нири». Оригинально то, что папуасы называют (но не всегда) солнце не просто «синг», а «синг-нири», луну — «кааран-нири», т. е. звезда-солнце, звезда-луна.

27 ноября. <...> Сегодня полнолуние, и двое молодых людей из Горенду, Асол и Вуанвум сейчас (около 9 часов вечера) заходили сюда, раскрашенные красною и белою краскою, убранные зеленью и цветами, по дороге в Гумбу, где они проведут ночь. У туземцев, как я заметил, с полнолунием сопряжены особенные собрания; они делают друг другу визиты, т. е. жители одной деревни посещают жителей другой, ходят всегда более разукрашенными, и песни их долетают обыкновенно в такие ночи (т. е. во время полнолуния) в форме пронзи-

тельного и протяжного воя до Гарагасси. Так случилось и в прошлую ночь. Я был разбужен Ульсоном, спрашивающим, слышал ли я крики и заряжены ли все у меня ружья? Я не успел ответить, как из леса, по направлению к Горенду, послышался громкий пронзительный крик, в котором, однако ж, можно было признать человеческий голос. Крик был очень странный и принадлежал, вероятно, многим голосам. Ульсон сказал мне, что последние пять минут он слышал уже несколько подобных звуков. Первый из них был так громок и пронзителен и показался ему до того страшным, что он решился разбудить меня, полагая, что это может быть сигнал нападения на нас. Я встал и вышел на площадку; из многих деревень неслись однообразные удары барума. Полная луна только что показывалась величественно из-за деревьев, и я сейчас же подумал, что слышанные крики произведены были в честь восхода луны, припомнив, что при появлении луны туземцы вскрикивали каким-то особенным образом, как бы приветствуя восход ее. Это объяснение мне показалось совсем удовлетворительным, и, посоветовав Ульсону не ожидать нападения на нас, а просто спать, сам заснул немедленно.

29 ноября. Спустили опять на воду вычищенную и выкрашенную. шлюпку. Я очень устал, главная работа выпала в этот раз на меня, так как Ульсон, по слабости после лихорадки, мало мог делать.

30 ноября. Солнце становится у нас редкостью, проглядывая ненадолго из-за туч.

Большое удобство моего помещения в этом уединенном месте заключается в том, что можно оставлять все около дома и быть уверенным, что ничего не пропадет, за исключением съестного, так как за собаками усмотреть трудно.

Туземцы пока еще ничего не трогали. В цивилизованном крае такое удобство немыслимо; там замки и полиция часто оказываются недостаточными.

3 декабря. Ходил в деревню Горенду за кокосами. По обыкновению предупредил о моем приближении громким свистом, чтобы дать женщинам время попрятаться. На меня эта деревня всегда производит приятное впечатление, так в ней все чисто, зелено, уютно.

Людей немного; они не кричат и не производят разных шумных демонстраций при моем появлении, как прежде. Только птицы, летая с дерева на дерево или быстро пролетая между ними, нарушают благотворный покой. На высоких барлах важно восседают на корточках двое или трое туземцев, редко перекидываясь словами и молча разжевывая кокосовый орех или очищая горячий «дегарголь» (сладкий картофель); иные заняты в своих хижинах, другие около них, многие, ничего не делая, греются на солнце или расщипывают свои волосы. Придя в Горенду, я также сел на барлу и также занялся свежеиспеченным дегарголем. Человек восемь собралось скоро около барлы, на которой я сидел, и поочередно стали высказывать свои желания: одному хотелось иметь большой гвоздь, другому кусок красной тряпки; у этого болела нога, и он просил пластыря и башмак. Я слушал молча; когда они кончили, я сказал, что хочу несколько зеленых кокосов. Двое мальчиков, накинув петлю себе на ноги, быстро поднялись на кокосовую пальму и стали бросать кокосы вниз. Я пальцами показал, сколько кокосов хочу взять, и предложил отнести их в «таль-Маклай», или дом Маклая, что и было исполнено. Довольные моими подарками, они убрались все через полчаса. С двоих я успел снять довольно удачный портрет. Вечером опять дождь, гром и молния. Ветер много раз задувал лампу. Иногда поневоле приходится ложиться спать, так как писание дневника и приведение в порядок заметок постоянно прерываются необходимостью зажечь постоянно потухающую от ветра лампу. Скважин, щелей и отверстий всякого рода в моем помещении так много, что защититься от сквозняка нечего и думать. Теперь с 8 или 9 часов вечера дождь, который начался при заходе солнца, будет идти, вероятно, часов до 3-х или 4-х утра.

В октябре было еще сносно, но в ноябре дождь шел чаще. В декабре он имеет, кажется, намерение идти каждый день. Дождь барабанит по крыше, протекает во многих местах, даже на стол и на кровать, но так как поверх одеяла я закрыт еще непромокаемым, то по ночам мне до дождя нет дела. Я убежден, что мне было бы комфортабельнее, если бы я жил совершенно один, не имея слуг, за которыми до сих пор я ухаживал более, чем они за мною. Про Боя уж и говорить нечего; он лежит, не вставая, второй месяц, но и Ульсон болеет втрое чаще меня; правда, что по-

следний, чувствуя самое легкое нездоровье, готов валяться весь день. Так, например, сегодня он пролежал весь день, почему вечером я должен был приготовлять чай для нас троих, не позволив ему выйти по случаю дождя.

Делать чай в Гарагасси в темные дождливые ночи, как сегодня, не так просто. Пришлось при сильном дожде пройти в шалаш, набрать там по возможности сухих ветвей, наколоть их, зажечь потухнувший от дождя костер, долго раздувать его, потом, так как не оказалось достаточно воды в чайнике, надо было в темноте и под дождем спуститься к ручью. При этом было так темно, что, зная наизусть дорогу, я чуть было два раза не упал, сбившись с дороги; приходилось ожидать молнию, при помощи которой я снова попадал на знакомую тропу. При этом дожде и порывах ветра брать фонарь с собою было бы бесполезно. Когда я вернулся промокшим до костей, мое крохотное помещение показалось мне очень удобным; я поспешил переодеться и пишу эти строки, наслаждаясь чаем, который именно сегодня кажется мне очень вкусным. Надо заметить, что вот уже второй месяц, как у нас нет сахара, и недель пять, как были выброшены последние сухари, которые изъели за нас черви. Мы долго боролись с ними, старались высушить их сперва на солнце, а потом на огне, они все-таки одолели и остались живы. Я заменяю сухари печеными бананами или, когда нет бананов, ломтиками печеного таро. Я, действительно, нисколько не чувствую этой перемены, хотя Ульсон и даже Бой ворчали, когда сахар кончился. Остальная наша пища та же, что и прежде: вареный рис с кёри и бобы с солью. Но довольно о пище. Она несложна, и ее однообразность даже нравится мне; кроме того, все неудобства и мелочи эти вполне сглаживаются кое-какими научными наблюдениями и природою, которая так хороша здесь... Да, впрочем, она хороша везде, умей ею только наслаждаться...

Вот пример. Полчаса тому назад, когда мне пришлось отправиться к ручью за водой, я был в самом мерзком настроении духа, утомленный десятиминутным раздуванием костра, дым которого разъедал мне до слез глаза. Когда огонь был сделан, оказалось, что воды не было достаточно в чайнике. Отправляюсь к ручью. Совершенно темно, мокро, ноги скользят, то и дело оступаешься; дождь, уже проникший через две

фланелевые рубашки, течет по спине, делается холодно; снова оступаешься, хватаешься за куст, колешься. Вдруг сверкает яркая молния, освещает своим голубоватым блеском и далекий горизонт, и белый прибой берега, капли дождя, весь лес, каждый листок и даже шип, который сейчас уколол руку, — только одна секунда, и опять все черно, и мокро, и неудобно; но этой секунды достаточно, чтобы красотой окружающего возвратить мне мое обыкновенное хорошее расположение духа, которое меня редко покидает, если я нахожусь среди красивой местности и если около меня нет надоедающих мне людей.

Однако ж уже 9 часов. Лампа догорает. Чай допит, и от капающей везде воды становится очень сыро в моей келье, — надо завернуться скорее в одеяло и продолжать свое дальнейшее существование во сне.

<...>

6 декабря. ...Бой очень страдает, я не думаю, что он проживет долго. Другой инвалид сидит тоже повеся нос.

Приходил Туй и, сидя у меня на веранде, между прочим, с очень серьезным видом сообщил, что Бой умрет скоро, что Виль (туземцы так называют Ульсона) болен и что Маклай останется один; при этом он поднял один палец, потом, показывая на обе стороны, продолжал: «Придут люди из Бонгу и Гумбу, — при этом он указывал на все пальцы рук и ног, т. е. много людей, — придут и убьют Маклая». Тут он даже показывал, как мне проколют копьем шею, грудь, живот, и нараспев печально приговаривал: «О Маклай! О Маклай!»

Я сделал вид, что отношусь к этим словам как к шутке (сам же был убежден в возможности такого обстоятельства), и сказал, что ни Бой, ни Виль, ни Маклай не умрут, на что Туй, поглядывая на меня както недоверчиво, продолжал тянуть самым жалостным голосом: «О Маклай! О Маклай!»

Этот разговор, мне кажется, тем более интересен, что, во-первых, это может действительно случиться, а, во-вторых, по всей вероятности, мои соседи толковали об этом на днях, иначе Туй не поднял бы старого вопроса о моем убиении.

Скучно то, что вечно нужно быть настороже; впрочем, это не помешает спать. Пришло человек восемь

туземцев из Горенду и Мале. Будучи в хорошем расположении духа, я каждому гостю из Мале дал по подарку, хотя они сами ничего не принесли.

Туй и Лали спросили меня вдруг: «Придет ли когда корвет?» Разумеется, определенного ответа я не мог дать. Сказать же: «Придет, но когда не знаю», я не сумел. Не умею также выразить большое число по-папуасски. Думая, что нашел случай поглядеть, как мои соседи считают, я взял несколько полосок бумаги и стал резать их поперек. Нарезал сам не знаю сколько и передал целую пригоршню одному из туземцев Мале, сказав, что каждая бумажка означает два дня. Вся толпа немедленно его обступила. Мой папуас стал считать по пальцам, но, должно быть, неладно, по крайней мере, другие папуасы решили, что он не умеет считать, и обрезки были переданы другому. Этот важно сел, позвал другого на помощь, и они стали считать. Первый, раскладывая кусочки бумаги на колене, при каждом обрезке повторял: «наре, наре» (один); другой повторял слово «наре» и загибал при этом палец, прежде на одной, затем на другой руке. Насчитав до десяти и согнув пальцы обеих рук, опустил оба кулака на колени, проговорив: «две руки», причем третий папуас загнул один палец руки. Со вторым десятком было сделано то же, причем третий папуас загнул второй палец; то же самое было сделано для третьего десятка: оставшиеся бумажки не составляли четвертого десятка и были оставлены в стороне. Все, кажется, остались довольными. Мне снова пришлось смутить их: взяв один из обрезков, я показал два пальца, прибавив: «бум-бум» — день-день. Опять пошли толки, но порешили тем, что завернули обрезки в лист хлебного дерева, тщательно обвязали его, чтобы, должно быть, пересчитать их в деревне.

Вся эта процедура показалась мне очень интересной. Недоверие папуасов и какая-то боязнь передо мною, разумеется, мне очень неприятны. Пока они будут не доверять мне, я ничего от них не добьюсь. Бой вряд ли проживет еще много дней. Ульсон такой трус, что при нем туземцы могут разграбить и сжечь дом. Но как только научусь более туземному языку, так перестану сидеть дома. Кое-какие инструменты и письменные принадлежности закопаю, находя, что они будут сохраннее в земле, чем в доме, под охраною одного Ульсона.

8 декабря. Вчера вечером мимо моего мыска проезжали две пироги с огнем. Ночь была тихая и очень темная. Мне пришла фантазия зажечь фальшфейер [32]. Эффект был очень удачен и на моих папуасов произвел, вероятно, сильное впечатление: все факелы были брошены в воду, и, когда после полуминутного горения фальшфейер потух, пирог и след простыл. Приходил Лалай из Били-Били, человек с очень характеристичной физиономией, с крючковатым носом и очень плохо развитыми икрами. Было бы, однако ж, неверно придавать этому обстоятельству значение расового признака. Брат этого человека имеет нос вовсе не крючковатый, совершенно сходный с носами других туземцев, а что ноги его представляются такими худощавыми, это также неудивительно, имея в виду жизнь на маленьком острове или в пироге, в поездках по деревням. У горных жителей икры прекрасно развиты, как это я заметил у приходивших туземцев горцев.

Затем нагрянула целая толпа людей из Бонгу с двумя мальчиками лет семи или восьми. У этих ребят очень ясно выдавался африканский тип: широкий нос, большой, немного выдающийся вперед рот с толстыми губами, курчавые черные волосы. Животы у них очень выступали и казались туго набитыми. Между детьми такие негроподобные особи встречаются гораздо чаще, чем между взрослыми.

Бой очень плох. Ульсон начинает поговаривать, что хорошо было бы выбраться отсюда, а я отвечаю, что я не просил его отправляться со мною в Новую Гвинею, и даже в день ухода «Витязя» предлагал ему вернуться на корвет, а не оставаться со мною. Он каждую ночь ожидает, что туземцы придут и перебьют нас, и ненавидит Туя, которого считает за шпиона.

Недавно в начале ночи, часу в двенадцатом, я был пробужден от глубокого сна многими голосами, а затем ярким светом у самого спуска от площадки к морю. Вероятно, несколько пирог приближались или уже приблизились к нам. Ульсон завопил: «Идут, идут!» Я вышел на веранду и был встречен ярким светом факелов и шестью туземцами, вооруженными стрелами и копьями и беспрестанно зовущими меня по имени. Я не двигался с места, недоумевая, что им от меня нужно. Ульсон же, подойдя сзади, сам вооруженный ружьем, совал мне двустволку, приговаривая: «Не пускайте их идти далее». Я знал, что выстрел одного дула, заряжен-

ного дробью, обратит в бегство большую толпу туземцев, не знающих еще действия огнестрельного оружия *, и поэтому ждал спокойно, тем более, что мне казалось, что я узнаю знакомые голоса.

Действительно, когда после слова «гена» (иди сюда), которым я их встретил, они высыпали на площадку перед верандой, каждый из них, придерживая левой рукой свое оружие и факел и вопя «ники, ники», протягивал мне правую с несколькими рыбками. Я поручил несколько пристыженному Ульсону собрать рыбу, которой ему давно хотелось. При этом группа вооруженных дикарей, освещенных яркими факелами, заставляла меня пожалеть, что я не художник: так она была живописна. Спускаясь к своим пирогам, они долго кричали мне на прощанье: «еме-ме, еме-ме», а затем быстро скрылись за мыском. Рыба оказалась очень вкусной.

13 декабря. Несмотря на большое утомление, хочу записать происшествия дня, так как нахожу, что рассказ выйдет более реален, пока ощущения еще не стушеваны несколькими часами сна.

Теперь ровно 11 час. 50 мин. вечера, и я удобно сижу в моем зеленом кресле и записываю при свете очень неровно горящей лампы происшествия дня.

Встав утром, я счел сообразным с моим настоящим положением приготовить все, чтобы зарыть в землю, при первой необходимости, мои бумаги, не только исписанные, т. е. дневник, метеорологический журнал, заметки и рисунки, но и чистую бумагу на случай, если я уцелею, а хижина будет разграблена или сожжена туземцами. Пришедший Туй показался мне сегодня действительно подозрительным. Поведение его как-то смахивало на шпионство. Он обходил, внимательно смотря кругом, нашу хижину, посматривал с большим интересом в комнату Ульсона, причем несколько раз повторял «о Бой, о Бой», затем, подойдя ко мне, пристал отпустить Боя в Гумбу, чем мне так надоел, что я ушел в комнату и этим заставил уйти. К полудню я почувствовал легкий пароксизм, выразившийся в очень томительной зевоте и чувстве холода и подергивания во всем теле. Я оставался на ногах все утро, находя лучшим при

* Я до сих пор не стрелял из ружья или револьвера в присутствии туземцев. Звуки выстрелов, когда я убиваю птиц в лесу, они не соединяют с понятием о смертоносном оружии.

таких условиях ложиться только в самой крайней необходимости.

Приехало трое туземцев из Горенду. Один из них, заглянув в комнату Ульсона и не слыша стонов Боя, спросил, жив ли он, на что я ему ответил утвердительно. Туземцы стали снова предлагать взять Боя с собою. На что он им? Не понимаю, бояться его как противника они не могут; может быть, желают приобрести в нем союзника? Теперь уж поздно.

Пообедав спокойно, я указал Ульсону на громадный ствол, принесенный приливом, угрожавший нашей шлюпке, и послал его сделать что-нибудь, чтобы ствол не придавил ее. Сам же вернулся в дом заняться письменной работой; но стоны Боя заставили меня заглянуть в его комнату. Несчастный катался по полу, скорчившись от боли. Подоспев к нему, я взял его на руки, как ребенка, — так он похудел в последнюю неделю, — и положил на койку. Холодные, потные, костлявые руки, охватившие мою шею, совершенно холодное дыхание, ввалившиеся глаза и побелевшие губы и нос убедили меня, что недолго остается ему стонать. <...>.

...Я сошел к берегу, где Ульсон возился с шлюпкой, и сказал ему, что Бой умрет часа чрез полтора или два. <...>.

...Пока мы ходили к ручью за камнями, он умер так же молча, как и лежал во все время своей болезни <...>.

Надо было отправлять труп Боя в его сырую могилу, но так осторожно, чтобы соседи наши ничего не знали о случившемся.

Не стану описывать подробно, как мы вложили покойника в два большие мешка, как зашнуровали их, оставив отверстие для камней, как в темноте несли его вниз к шлюпке, как при спуске к морю благодаря той же темноте Ульсон оступился и упал, покойник на него, а за покойником и я, как мы не могли сейчас же найти нашу ношу, так как она скатилась удачнее нашего, прямо на песок. Отыскав, однако же, его, мы опустили его, наконец, в шлюпку и вложили пуда два камней в мешок. Все это было очень неудобно делать в темноте. Был отлив, как назло. Нам опять стоило больших усилий стащить по камням тяжелую шлюпку в воду. Не успели мы взяться за весла, как перед нами, в одной четверти мили, из-за мыса Габина (мыса Обсервации на карте) мелькнул один, затем второй, третий... десятый огонек. То были одиннадцать пирог, прибли-

жавшихся в нашу сторону. Туземцы непременно заедут к нам или, увидя шлюпку, подъедут близко к ней. Их ярко горящие факелы осветят длинный мешок, который возбудит их любопытство. Одним словом то, чего я не желал, т. е. чтобы туземцы узнали о смерти Боя, казалось, сейчас наступит. «Нельзя ли Боя спрятать в лес», — предложил Ульсон. Но теперь, с камнями и телом, мешок был слишком тяжел для того, чтобы тащить его между деревьями, и потом туземцы будут скоро здесь. «Будем грести сильнее, — сказал я, — мы, может быть, ускользнем». Последовали два, три сильных взмаха веслами, но что это? — шлюпка не подвигается, мы на рифе или на мели. Папуасы все ближе, мы из всех сил принялись отпихиваться веслами, но безуспешно. Наше глупое положение было для меня очень досадно; я готов был прыгнуть в воду, чтобы удобнее спихнуть шлюпку с мели; я хотел сделать это даже несмотря на присутствие многочисленных акул. Мне пришла счастливая мысль осмотреть наш борт; моя рука наткнулась тогда на препятствие. Оказалось, что второпях и в темноте отданный, но не выбранный конец, которым шлюпка с кормы прикреплялась к берегу, застрял между камнями и запутался между сучьями, валявшимися у берега, и что именно он-то и не пускает нас. С большим удовольствием схватил я нож и, перерезав веревку, освободил шлюпку. Мы снова взялись за весла и стали сильно грести. Туземцы выехали на рыбную ловлю, как и вчера; их огни сверкали все ближе и ближе. Можно было расслышать голоса. Я направил шлюпку поперек их пути, и мы старались как можно тише окунать весла в воду, чтобы не возбудить внимания туземцев.

Всех туземцев на пирогах было 33 — по три человека на пироге. Они были хорошо вооружены стрелами и копьями и, сознавая свое превосходство сил, могли очень хорошо воспользоваться обстоятельствами. Но и у нас были шансы: два револьвера могли, очень может быть, обратить всю толпу в бегство. Мы гребли молча, и отсутствие огня на шлюпке было вероятною причиною, что нас не заметили, так как факелы на пирогах освещали ярко только ближайшие предметы вокруг них. Нас, действительно, кажется не замечали. Туземцы были усердно заняты рыбною ловлею. Ночь была тихая и очень темная; от огней на пирогах шли длинные столбы отблеска на спокойной поверхности моря. Каж-

дый взмах весел светился тысячами искр. При таком спокойном море поверхностные слои его полны очень богатою и разнообразною жизнью. Я пожалел, что нечем было зачерпнуть воды, чтобы посмотреть завтра, нет ли чего нового между этими животными, и совсем забыл о присутствии покойника в шлюпке и о необходимости хоронить его. Любуясь картиною, я думал, как скоро в человеке одно чувство сменяется совершенно другим. Ульсон прервал мои думы, радостно заметив, что пироги отдаляются значительно от нас и что никто нас не видел. Мы спокойно продолжали путь и, отойдя наконец на милю приблизительно от мыска Габина, опустили мешок с трупом за борт. Он быстро пошел ко дну; но я убежден, что десятки акул уничтожат его, вероятно, в эту же ночь.

Вернулись домой, гребя на этот раз очень медленно. Пришлось опять благодаря темноте и отливу долго возиться со шлюпкой. В кухонном шалаше нашелся огонь, и Ульсон пошел приготовить чай, который теперь, кажется, готов и который я с удовольствием выпью, дописав это последнее слово.

14 декабря. Встав, я приказал Ульсону оставить все в его отделении хижины, как было при Бое, и в случае прихода туземцев не заикаться о смерти его. Туй не замедлил явиться с двумя другими, которых я не знал; один из них вздумал подняться на первую ступеньку лестницы, но, когда я ему указал, что его место — площадка перед домом, а не лестница, он быстро соскочил с нее и сел на площадке. Туй снова заговорил о Бое и с жаром стал рассуждать, что, если я отпущу Боя в Гумбу, то тот человек, который пришел с ним, непременно его вылечит. Я ему отвечал отрицательно. Чтобы отвлечь их мысли от Боя, я вздумал сделать опыт над их впечатлительностью. Я взял блюдечко из-под чашки чаю, которую я допивал; вытерев его досуха и налив туда немного спирта, я поставил на веранду и позвал моих гостей. Взяв затем стакан воды, сам отпил немного и дал попробовать одному из туземцев, который также убедился, что это была вода. Присутствующие с величайшим интересом следили за каждым движением. Я прилил к спирту на блюдечке несколько капель воды и зажег спирт. Туземцы полуоткрыли рот и, со свистом втянув воздух, подняли брови и отступили шага на два. Я брызнул тогда горящий спирт из блюдечка, который

продолжал гореть, на лестницу и на землю. Туземцы отскочили, боясь, что я на них брызну огнем, и, казалось, были так поражены, что убрались немедленно, как бы опасаясь видеть что-нибудь еще страшнее. Но минут через десять они показались снова и на этот раз уже целою толпою. То были жители Бонгу, Били-Били и острова Кар-Кар. Толпа была очень интересна, представляя людей всех возрастов; на всех было их праздничное убранство, но особенно гости мои отличались украшениями, материал которых совершенно определялся местом их жительства. Так, например, мои соседи, мало занимающиеся рыбной ловлей, имели украшения преимущественно из цветов, листьев и семян, между тем как на жителях Били-Били и Кар-Кара, живущих у открытого моря и занимающихся ловлею морских животных, были навешаны разного рода убранства из раковин, костей рыб, скорлупы черепах и т. п.

Жители Кар-Кара представляли еще ту особенность, что все тело, преимущественно голова, было вымазано черною землею, и так основательно, что при первом взгляде можно было подумать, что цвет их кожи действительно такой черный, но при виде некоторых из них, у которых одна только голова была окрашена, легко можно было убедиться, что и у первых черный цвет был искусственный, и что тело жителей Кар-Кара в действительности только немногим темнее жителей этого берега. Жители Бонгу были сегодня, как бы в контраст своим черным гостям, вымазаны красною охрою; и в волосах, за перевязями рук и под коленами у них были воткнуты красные цветы Hibiscus[33]. Всех пришедших было не менее 40 человек, и 3—4 между ними отличались положительно красивым лицом. Прическа каждого из них представляла какое-нибудь отличие от всех остальных. Кроме того, что волосы были окрашены самым различным образом, частью черной, частью красной краской, в них были воткнуты гребни, украшенные разными цветными перьми (какаду, разных попугаев, казуара, голубей и белых петухов). У многих гостей из Кар-Кара мочка уха была оттянута в виде петли значительных размеров, как на островах Новых Гебридских и Соломоновых. Гости оставались более двух часов. Пришедшие знали от Туя о горящей воде, и всем хотелось видеть ее. Туй упрашивал показать всем, «как вода горит».

Когда я исполнил эту просьбу, эффект был неопи-

санный: большинство бросилось бежать, прося меня «не зажечь моря». Многие остались стоять, будучи так изумлены и, кажется, испуганы, что ноги, вероятно, изменили им, если бы они двинулись. Они стояли как вкопанные, озираясь кругом с выражением крайнего удивления. Уходя, все наперерыв приглашали меня к себе, кто в Кар-Кар, кто в Сегу, в Рио и в Били-Били, и мы расстались друзьями. Не ушли только несколько туземцев из Кар-Кара и Били-Били, которые стали просить о «гаре» (кожа), чтобы покрыть раны, гной которых привлекал целые стаи мух; они летали за ними и, конечно, очень надоедали и мучили их, облепляя раны, как только пациент переставал отгонять их. Я не мог помочь им серьезно, но облегчил их значительно, обмыв раны карболовой водой, а затем перевязав их карболовым маслом и освободив их, таким образом, хотя и временно, от мух.

Из одной раны я вынул сотни личинок и, разумеется, этот туземец имел причину быть мне благодарным. Я особенно тщательно обмыл и перевязал раны на ноге ребенка лет пяти, который был принесен отцом. Последний так расчувствовался, что, желая показать мне свою благодарность, снял с шеи ожерелье из раковин и захотел непременно надеть его на меня.

15 декабря. Снова больные из Били-Били; один страдает сильною лихорадкою; я хотел дать ему хины, разумеется, не во время пароксизма, и показал ему, что приду потом и дам выпить «оним» [34] (т. е. лекарство); но он усиленно замахал головой, приговаривая, что умрет от моего лекарства. Принимать что-либо туземцы боятся, хотя очень ценят наружные средства. У Боя осталась бутылка с кокосовым маслом, настоянным на каких-то душистых травах. Один туземец из Били-Били жаловался очень на боль спины и плеч (вероятно, ревматизм); я ему предложил эту бутылку с маслом, объяснив, что надо им натираться, за что он сейчас же и принялся. Сперва он делал это с видимым удовольствием, но вдруг остановился, как будто соображая что-то, а затем, вероятно подумав, что, употребляя незнакомый «оним», он, пожалуй, умрет, и пришел в большое волнение, бросился на своего соседа и стал усердно тереть ему спину, а потом, вскочив на ноги, как сумасшедший, стал перебегать от одного к другому, стараясь мазнуть их маслом. Вероятно, он думал при этом, что если с

ним случится что-нибудь неладное, так то же самое должно случиться и с другими. Его товарищи, очень озадаченные его поведением, не знали, как отнестись к этому, не знали, сердиться ли им или смеяться.

Сегодня я убедился, что наречие Били-Били отличается от здешнего (диалекта Бонгу, Горенду и Гумбу), и даже записал несколько слов, нисколько не схожих с диалектом Бонгу. Приходил опять отец с детьми, которые мне показались не темнее жителей Самоа.

18 декабря. Туземцев не видать. И очень часто думаю, как я хорошо сделал, устроившись так, чтобы не иметь слишком близких соседей.

Сегодня я случайно обратил внимание на состояние моего белья, упакованного в одной из корзин, служащей мне койкой. Оно оказалось покрытым во многих местах черными пятнами, и места, где были эти пятна, можно без затруднения проткнуть пальцем. Это, разумеется, была моя вина: я ни разу в продолжение трех месяцев не подумал проветрить белье. Я поручил Ульсону вывесить все на солнце: многое оказалось негодным.

Сегодня туземцы спрашивали меня, где Бой. Я отвечал им: «Бой арен» (Боя нет). «Где же он?» — был новый вопрос. Не желая говорить неправду, не желая также показать ни на землю, ни на море, я просто махнул рукой и отошел. Они, должно быть, поняли, что я указал на горизонт, где далеко-далеко находится Россия. Они стали рассуждать и, кажется, под конец пришли к заключению, что Бой улетел в Россию. Но что они действительно думают и что понимают под словом «улетел», я не имею возможности спросить, не зная достаточно туземного языка.

Сделал сегодня интересное приобретение: выменял несколько костяных инструментов, которые туземцы употребляют при еде — род ножа и две ложки. Нож называется туземцами «донган», сделан из заостренной кости свиньи, между тем как «шелюпа» — из костей кенгуру. Она обточена так, что один конец ее очень расширен и тонок. Приложенный рисунок даст лучшее понятие, чем длинное объяснение.

20 декабря. Наша хижина приняла очень жилой вид, и обстановка в ней очень удобна при хорошей погоде. Когда льет дождь, то течь в разных местах крыши

очень неудобна. Приходили туземцы из Бонгу. Они, кажется, серьезно думают, что Бой отправлен мною в Россию и что я дал ему возможность перелететь туда. Я прихожу к мысли, что туземцы считают меня и в некоторой степени Ульсона какими-то сверхъестественными существами.

25 декабря. Три дня лихорадки. Ложился только на несколько часов каждый день, когда уж буквально не мог стоять на ногах. <...>

...Вот уж три месяца, как мы питаемся исключительно растительною пищею, и я замечаю, что силы мои слабеют. Отчасти, разумеется, это происходит от лихорадки, но главным образом от недостатка животной пищи. Есть все консервы мне так противно, что я и не думаю приниматься за них. Как только я буду в лучших отношениях с туземцами, то займусь охотой, чтоб немного разнообразить стол. Свинину, которой я мог бы иметь здесь вдоволь, я терпеть не могу.

<...> При рисовании мелких объектов руки мои, привыкшие уже к топорной работе, к напряжению больших систем мускулов, плохо слушаются, в особенности когда требуются от них движения отдельных мускулов. Вообще при моей теперешней жизни, т. е. когда приходится быть часто и дровосеком, и поваром, и плотником, а иногда и прачкою, и матросом, а не только барином, занимающимся естественными науками, — рукам моим приходится очень плохо. Не только кожа на них огрубела, но даже сами руки увеличились, особенно правая. Разумеется, не скелет руки, а мускулатура ее, отчего пальцы стали толще и рука шире. Руки мои и прежде не отличались особенною нежностью, но теперь они положительно покрыты мозолями, обрезами и ожогами; каждый день старые подживают, а новые являются. Я заметил также, что ногти мои, которые были всегда достаточно крепки для моих обыкновенных занятий, теперь оказываются слишком слабыми и надламываются. На днях я сравнил их с ногтями моих соседей-папуасов, которым, как не имеющим разнообразных инструментов, приходится работать руками гораздо больше моего. Оказалось, что у них ногти замечательнейшие: по крайней мере, в три раза толще моих. (Я срезал их и мой ноготь для сравнения.) Особенно толсты у них ногти больших пальцев, причем средняя часть ногтя толще, чем по бокам.

27 декабря. Пока пришедшие туземцы разглядывали в выпрошенных у меня зеркалах свои физиономии и выщипывали себе лишние, по их мнению, волосы, я осматривал содержание одной из сумок (так наз. «гун»[35]), носимых мужчинами на перевязи через левое плечо и болтающихся у них под мышкой. Я нашел в ней много интересного. Кроме двух больших «донганов», тут были кости, отточенные на одном конце, служащие как рычаг, кол или нож; в небольшом бамбуковом футляре нашлись четыре заостренные кости, очевидно инструменты, могущие заменить ланцет, иглу или шило, затем «ярур», раковину, имеющую зубчатый нижний край и служащую у туземцев для выскребывания кокосов. Был также удлиненный кусок скорлупы молодого кокосового ореха, заменяющий ложку; наконец, данный мною когда-то большой гвоздь был тщательно отточен на камне и обернут очень аккуратно корою (разбитою подобно тапе полинезийцев); это могло служить очень удобным шилом. Все эти инструменты были очень хорошо приспособлены к своей цели. Туземцы очень хорошо плетут разные украшения, как браслеты (сагю), повязки для придерживания волос (дю) из различных растительных волокон. Но странно, они не плетут циновок, материал для которых (листья панданyса) у них в изобилии. Я не знаю, чему приписать это обстоятельство: отсутствию ли надобности в циновках или недостатку терпения.

Корзины, сплетенные из кокосовых листьев, чрезвычайно схожи с полинезийскими. Они их очень берегут; правда, при их примитивных инструментах из камней и костей каждая работа не очень легка, так, например, над деревцом сантиметров 14 диаметром двум папуасам приходится проработать со своими каменными топорами, если они хотят срубить его аккуратно, не менее получаса. Все украшения и обтеску им приходится делать камнем, обточенным в виде топора, костями, также обточенными, осколками раковин или кремнем, и можно только удивляться, как с помощью таких первобытных инструментов они строят порядочные хижины и пироги, не лишенные иногда довольно красивых орнаментов. Заметив оригинальность и разнообразие последних, я решил скопировать все орнаменты, которые встречаю на туземных вещах.

28 декабря. Я остановил проходящую пирогу из Го-

ренду, узнав стоящего на платформе Бонема, старшего сына Туя. Он был особенно разукрашен в это утро. В большую шапку взбитых волос было воткнуто множество перьев и пунцовых цветков Hibiscus. Стоя на платформе пироги, с большим луком и стрелами в руках, внимательно глядя по сторонам, следя за рыбою, грациозно балансируя при движениях очень маленькой пироги, каждую минуту готовый натянуть тетиву лука и опустить стрелу, фигура его действительно была очень красива. Длинные зеленые и красные листья Colodracon, заткнутые за браслеты на руках и у колен, а также по бокам за пояс, который был сегодня совершенно новый, окрашенный заново охрою и поэтому ярко-красный, — немало способствовали приданию Бонему особенно праздничного вида. Туземцы с видимым удовольствием приняли мое приглашение, сделанное мною с целью не упустить случая снять рисунок красивой куафюры молодого папуаса. Она состояла, как видно из приложенного рисунка, из гирлянды или полувенка пунцовых цветов Hibiscus; спереди — три небольших гребня, каждый с пером, поддерживали гирлянду и тщательно вычерненные волосы; четвертый, большой гребень, также с двумя цветами Hibiscus, придерживал длинное белое петушиное перо, загибающееся крючком назад. Чтобы другие два туземца не мешали мне, я дал им табаку и отослал курить на кухню, в шалаш, и, когда кончил рисунок, согласился исполнить их просьбу дать им зеркало, после чего каждый по очереди принялся за подновление прически. Бонем вытащил все гребни и цветы из волос и принялся большим из гребней взбивать слежавшиеся в некоторых местах, как войлок, волосы, после чего волосяная шапка увеличилась раза в три против первоначального; он подергал локоны на затылке, или «гатесси», которые тоже удлинились. После этого он снова воткнул цветы и гребни в свой черный парик, посмотрел в зеркало, улыбнулся от удовольствия и передал зеркало соседу, который, в свою очередь, принялся за свою куафюру. (Я рассказываю эти мелочи потому, что они объясняют, после каких манипуляций волосы папуасов представляют иногда различный вид, который побудил некоторых путешественников, заглядывавших в разные местности Новой Гвинеи на очень короткое время, своими сообщениями подать повод к значительной разноголосице, встречающейся в разных учебниках по антро-

пологии.) Из плотно прилегающей к голове мелкокурчавой куафюры обоих туземцев, сопровождавших Бонема, она превратилась минут через пять раздергивания и взбивания в эластичную шапку папуасских волос, так часто описанную путешественниками, которые видели в ней что-то характеристичное для некоторых «разновидностей» папуасской расы.

Налюбовавшись своими физиономиями и прическами, мои гости вернулись в свою пирогу, прокричав мне «эме-ме» (не знаю все еще, что это значит).

У Ульсона сегодня лихорадка.

Не успел я немного оправиться, как он заболевает.

29 декабря. Заходил в Горенду напомнить туземцам, что они давно не приносили мне свежих кокосов. «Не приносили оттого, — хором возразили папуасы, — что «тамо-русс» (русские люди, матросы «Витязя») срубили много кокосовых деревьев, и теперь мало осталось кокосовых орехов».

Зная очень хорошо, что это было большое преувеличение и что если это случилось, то только в виде исключения, я предложил указать мне, где срубленные деревья. Несколько туземцев вскочили и побежали указать мне срубленные стволы кокосовых пальм около самой деревни, приговаривая: «Кокосы есть можно, но рубить стволы нехорошо». Они были правы, и я должен был замолчать.

Привезенная посуда мало-помалу исчезает, бьется, почему мне приходится заменять ее туземною — небольшими табирами вместо блюд и раковинами скорлупы кокосовых орехов, служащими мне тарелками.

Туземцы здесь чернят себе не только физиономии, но и рот (язык, зубы, десны и губы) веществом, которое они разжевывают; оно называется «тавань». Это они делают не постоянно, а при особенных случаях.

1872 год

*1 января, понедельник**. Новый год встретил 12 выстрелами из 2-х револьверов и потом, выпив целый ко-

---

* Дневник за 1—14 января приводится нами по фрагментам полевого дневника, случайно сохранившимся (весь дневник согласно воле Миклухо-Маклая был после его смерти сожжен его женой вместе со многими другими бумагами). Полевые записи более подробны и дают очень ценные сведения о жизни путешественника, которые он часто опускал, готовя дневник к печати. — **Ред.**

кос за здоровье родных и друзей моих, — лег спать. Ночью была сильная гроза и шел проливной дождь, который несколько раз шел и днем. Ветер также был силен, много обрубленных лиан падало в лесу и около дома, и я понес очень чувствительную потерю. Одна сухая лиана сажени 4 дл., висевшая над крышей, свалилась, пронзила крышу и разбила один из термометров моих, тот самый, которым я мерил обыкновенно темп. воды. У меня остаются теперь только 2: один на веранде и другой, закопанный на 1 м глубины в земле. Досадно — придется сократить метеорологические наблюдения. Думал, что 6 термометров для Новой Гвинеи достаточно — оказалось, что нет. <...>

2 января, вт. Ночью свалилось большое, подрубленное у корня дерево и легло поперек ручья, было много работы очистить последний от ветвей и листвы. Погода опять поправилась.

3 января. <...> Несколько дней как я занимаюсь рассматриванием моей коллекции волос папуасов и нахожу много интересных фактов, но одно, и даже самое важное, обстоятельство ускользало от моих наблюдений, именно: распределение волос на голове папуасов, которое до сих пор считается особенною особенностью этой породы людей. Уже давно мне казалось положение, что волосы папуасов растут пучками или группами, неверным. Но частый парик моих соседей не позволял мне ясно убедиться, как именно волосы распределялись. На висках и на затылке, в верхней части шеи взрослых индивидуумов можно было видеть, что особенной группировки волос пучками не существует. Я придумывал способы, как бы обстричь одного из мальчиков достаточно коротко, чтобы можно было видеть, как волосы растут. Но, как ни придумывал, ничего подходящего не приходило в голову. Качаясь в койке после сытного нашего сегодняшнего завтрака, я скоро заснул. что было сегодня особенно легко, свежий ветер качал мой гамак. Сквозь сон услыхал я голос, зовущий меня; нехотя открыл я глаза, но сейчас же, увидев зовущих меня, вскочил: это был Коле из Бонгу и мальчик лет 9, очень коротко выстриженный, совершенно соответствующий моим желаниям. С большим интересом и вниманием осмотрел я его голову и срисовал, что казалось мне особенно важным. Я так углубился в из-

учение распределения волос, что не обратил внимания на принесенные кокосы и сахарный тростник. Моим папуасам стало даже страшно, что я так внимательно изучаю голову Сороя (имя мальчика), и поспешили объявить мне, что хотят идти. Я с удовольствием подарил им вдвое более, чем обыкновенно даю, и с сожалением отпустил обладателя интересной головы — я бы в 100 раз дал бы ему более, если бы он позволил мне вырезать небольшой кусок кожи головы. Волосы растут не группами или пучками, а совершенно одинаково, как и у нас на всем теле, т. е. грядами, т. е. волосы растут в большем числе в борозде, чем на маленьких полях нашей кожи, распределение волос на голове папуаса совершенно гомологично распределению волос на теле остальных рас. Это для многих, может быть, кажущееся очень незначительное наблюдение отняло у меня сон и привело в приятное расположение духа.

Пришедшие несколько человек из Горенду подали мне снова повод к наблюдениям. Лалу попросил у меня зеркало и, когда я ему его дал, стал выщипывать себе волосы из усов, которые росли слишком близко от губ, а также из бровей. Особенно старательно выщипывал он седые волосы и просил Бонема посмотреть, много ли у него седых волос на голове, и с большим терпением выдерживал, когда я ему предложил услуги помочь ему и когда для обогащения моей коллекции я стал выщипывать по одному и по нескольку волос, чтобы видеть корни волос. Волосы папуасов очень тонки, тоньше даже европейских, и с очень маленьким корнем.

Бонем, заглянув также в зеркало, нашел, что его парик недостаточно велик <...>, стал его расщипывать, и скоро он стал почти вдвое больше и очень эластичен <...>.

...Соображая мое сравнительно долгое пребывание здесь ($3^1/_2$ м.) и количество недостающих наблюдений, приходишь к результату, что факты научные очень мало-помалу собираются, по зернышку, и то зерны неравные. Но старая истина: чем дальше в лес, тем больше дров <...>.

105 Д. 4 января, чтверг.* Недели две как здесь появились (от 10—5 ч.) довольно свежие ветры, вслед-

---

* 105 Д. — 105-й день пребывания Миклухо-Маклая на берегу Новой Гвинеи.

ствие чего сделалось гораздо свежее. Выехали вечером удить рыбу; как я и ожидал, ничего не поймали; в разных местах у берега видел огни — папуасы Горенду и Бонгу также ловили рыбу. Я направил шлюпку к 3 ближайшим огонькам посмотреть процесс ловли. Подъехав довольно близко и не желая показать, что я подкрадываюсь к ним, я подал голос, на пирогах произошло смятение, огни сейчас же потухли, и пироги скрылись в темноте, по направлению к берегу. Недоумевая, отчего папуасы так испугались, я был в нерешимости, что мне самому делать — приблизиться ли к берегу, или вернуться домой. Но минуты через 2 на пирогах снова появились огни, и они отчалили от берега по направлению моего голоса. Они окружили мою шлюпку, и каждый подал мне по одной или по 2 рыбки, и потом продолжали ловлю. На платформе лежало много соломы, из пучков которой делал впереди пироги стоящий папуас большие факелы и освещал поверхность воды. На платформе помещался другой со своим многозубцем футов 8 или 9 длины, которым он метал в рыбу. Почти каждый раз он ногой снимал со своего копья 2 и 3 рыбки. Наконец, 3-й папуас управлял шлюпкой, сидя в корме.

Причина, что пироги бросились к берегу, услыша мой голос, было обстоятельство, что на пирогах были женщины, которых они так бережно скрывают от наших взоров...

106 Д. 5 января, птнц. <...>

После обеда ходил в Горенду и застал папуасов за приготовлением ужина. Туй чистил, сидя на столе, картофель, перед ним на костре стояли обложенные камнями 2 горшка, один большой ($1^1/_2$ ф. в диаметре), другой поменьше, и оба были закрыты листьями, а сверху листьев, образуя крышку, лежала кокосовая скорлупа. В горшках варились рыба и картофель. Каждая рыбка была завернута в свежие листья, картофель лежал незавернутый, все это варилось без воды — парилось. Перед приходом в деревню я обыкновенно даю о себе знать свистком, не желая, чтобы папуасы думали, что я подкрадываюсь к их хижинам, они уже без того очень недоверчивы. Услыхав мой свисток, 2—3 фигуры (женщины) скрылись в хижины, и скоро вокруг меня собралось все мужское население деревни. Я обошел несколько хижин, у многих были разложены

костры, у некоторых отдельно — другие несколько человек вместе приготовляли себе ужин. Странно, что папуасы почти не пьют никогда, я не видал у них воду и никогда не мог получить ее для питья. Я недолго оставался в деревне — мой приход нарушил их спокойствие, и, обладая даже немногим количеством наблюдательности, можно было заметить, что мой приход тяготит их <...>.

107 Д. 6 января, сбт. Пароксизм!

108 Д. 7 января вскрс. (7½ ч. веч. дождливого холодного дня. Нахожусь при самом начале 2-го (в 24 ч.) пароксизма, дрожь пробирает понемногу, голова начинает по временам кружиться все чаще и чаще.)

Не папуасы, не тропический жар и не труднопроходимые леса стерегут берега Новой Гвинеи. Защищающий ее от чужих нашествий могучий союзник — это бледная, холодная, дрожащая, потом сожигающая лихорадка! Она сторожит прибывшего при первых лучах солнца и при палящем зное полдня, она готова захватить неосторожного и при догорающем свете дня; черная тихая или бурная ночь, чудный месячный блеск не мешают ей напасть на человека. Она сторожит его везде изменнически, человек даже не чувствует ее холодных объятий... Но это только на время, скоро точно свинец вливается в его ноги, голова туманится. Холодная дрожь пробирает его, трясет его. Мозг начинает изменять ему, образы, то громадные и чудовищные, то печальные и тихие, сменяются перед его закрытыми очами. Холод, мороз переходят в жар, палящий, сухой, нескончаемый... Образы переходят в какую-то скачущую фантастическую пляску. Человек остатками чувств сознает, что он в руках врага, но только на секунду... Его мозг...

109 Д. 8 января, пон. 110 Д. 9 января, втр. 111 Д. 10 января, сред. Лихорадка.

112 Д. 11 января, четвр. 5 дней подряд надоедала мне лихорадка. Вчера и сегодня чувствую себя лучше, но еще плохо хожу. Не стану подробно описывать мое состояние эти пять дней, скажу только, что голова несносно болела, и я при этом был так слаб, что, чтобы

сделать 3 шага, я с постели своей осторожно опускался на пол и полз остальные 2 шага, поддерживая одною рукою страшно болящую голову. Чтобы, например, ложку лекарства поднести ко рту, я одною рукою поддерживал другую, и то обе недолго могли держать такую тяжесть. Вчера не мог я еще ходить, сегодня медленно двигаюсь, и опухоль глаз и лба (от лихорадки) понемногу проходит. Но что увеличивало неприятность положения — были частые посещения папуасов, заставлявшие меня вставать и показываться с книгою у дверей, показывая вид, что очень занят, и, чтобы они скорее бы убрались, бросать им табак. Я считаю нерациональным дать им узнать, что я болею — так как они одного меня боятся. С У. обходятся запанибрата, несмотря на то, что он с ними частенько грубо обращается <...>.

114 Д. 13 января, сбт. Около 12-ти пришло несколько человек из деревни Бонгу с приглашением прийти к ним. Один из пришедших сказал мне, что он есть хочет. Я ему отдал тот самый кокос, который он мне принес в подарок. Отделив зеленую кору ореха сперва топором, потом костяным своим ножом, он попросил у меня блюдо (деревянное). Я ему принес фаянсовую глубокую тарелку. Тогда, ударив как обыкновенно по ореху, он разломил его на 2 почти равные части и воду вылил в тарелку. К нему подсел другой папуас, и оба достали из своих мешков крепкую раковину и, взяв каждый по половинке кокоса, стали выскребать свежее мясо ореха, а натертую массу опускать в кокосовую воду. Таким образом в короткое время вся тарелка наполнилась белою натертою кашею, которая, будучи разбавлена сладкою кокосовою водою, дала весьма вкусное блюдо. Начисто выскребленные куски скорлупы превратились в тарелки, а довольно большая выгнутая раковина — в ложку. Все кушанье это было так опрятно приготовлено и инструменты, при этом употребленные, так просты и целесообразны, что я должен был дать предпочтение этому способу еды кокосового ореха a la Papoua предо всеми другими, виденными мною. Один кокос хватил на достаточную закуску для 4-х. Одному было бы трудно съесть весь орех зараз. Папуасы после этой закуски попросили дать им барабан [36], который они же в начале знакомства подарили мне, и один из них, одною рукою держа барабан, другою ударял по

краям натянутой шкуры ящерицы, при этом он очень ловко делал прыжки, сгибая колена и потом снова выпрямляясь. Затянутую им песню подхватили хором остальные и попарно последовали за первым, который со своим барабаном представлял главное лицо танца. Танец был еще тем своеобразен, что у всех за поясом по бокам (но за руками) были заткнуты большие зеленые ветки, что с зеленью за наручниками и цветами на голове представляло очень недурной эффект.

Наплясавшись, они отправились домой, приглашая сейчас же следовать за ними в шлюпке, обещая столько кокосов и сладкого картофеля, что пешком нам не снести. Я был в нерешительности, отправиться ли мне в Бонгу сегодня, так как собирался дождь, или завтра, когда пришедший Туй убедил меня ехать сейчас же, говоря, что меня все ожидают сегодня в Бонгу. Мы отправились.

Пошел дождь, и прибой у открытого берега Бонгу был силен. Шлюпке было бы трудно пристать, если бы не нашлось громадного сухого дерева, которого ствол рос когда-то над самою водою. На берег сбежалось $^1/_2$ мужского населения Бонгу, и уже несколько рук протягивалось над нами, с ветвей дерева, под которое мы подъехали. Конец со шлюпки был подан и прикреплен к толстому суку, и несколько спин ожидали меня у борта для переноски на берег, что я и исполнил. Десятки рук протянулись для пожимания ко мне, и я уже направился к деревне, когда, еще раз обернувшись посмотреть на шлюпку, нашел, что она ненадежно была привязана, так как не было сделано узла, а конец был прикреплен к шлюпке железными гаками, которые могли при волнении открыться, и тогда шлюпка рисковала бы разбиться у берега. ...Я опять вскочил на плечи одного рослого папуаса, который молча, против сильного прибоя, который почти нас заливал, направился к шлюпке. Привязав конец как следует, я во 2-й раз вернулся на берег, но этот раз папуасы перевезли меня на пироге, потому что прибой мог бы легко нас опрокинуть. По весьма узкой тропинке, которая потом расширилась, пошли мы к деревне. Около меня пробежал один из молодых папуасов, чтобы возвестить, что шествие приближается. Я шел впереди, за мною гуськом человек 25 туземцев. Дождь продолжался, и мы при ливне вошли в деревню. Шагов за 5 не было видно и слышно присутствие обитаемого места, и толь-

ко у крутого поворота увидал я одну крышу. Пройдя шагов 5, я вошел на площадку, окруженную десятком хижин [37]. В начале дневника я уже описывал хижины папуасов. Они почти совсем состоят из крыши, имеют очень низкие стены и небольшие двери. Не имея окон, они внутри темны, и единственная их мебель состоит из нар. Но, кроме этих частных хижин, принадлежащих отдельным личностям, в деревнях встречаются другие постройки для общественных целей. Эти последние представляют большие сараеобразные здания гораздо больше и выше остальных, они обыкновенно не имеют передней и задней стен, очень часто даже и боковых стен, и состоят тогда из одной только высокой крыши, стоящей на столбах. Под этой крышею устроены нары для сидения, хранится посуда для общественных празднеств, оружие и т. п.

Таких общественных сборных мест было в Бонгу 5 или 6. Каждая площадка почти имела таковое. Меня сперва заставили по порядку обойти все эти сараи. В каждой ожидала меня группа папуасов, и в каждой оставлял я полоски пестрого катуна для женщин, табак и гвозди для мужчин и шел далее и скорее не шел, а следовал далее, потому что мне один папуас указывал путь, так как, не желая показать мне своих женщин, папуасы попрятали их в несколько хижин и боялись, чтобы я даже не проходил около них. Деревня была очень значительна, хижины стояли под кокосовыми пальмами и бананами, и хижины расположены вокруг небольших площадок; одна из них была больше, в середине был устроен длинный очаг из камней, и мне сказали, что здесь жарят свиней и пляшут, когда приезжают гости. Наконец, мне дали отдохнуть, и я уселся на нарах большого общественного сарая и, раздав все свои подарки, мог спокойно отвечать на все просьбы словом «арен» (нет, не имею). Сарай, в котором я сидел, окруженный 40 или более папуасами, представлял род коридора шагов 8 ширины и шагов 14 длины и в средине футов 20 вышины. Крыша только на 1 фут не доходила до земли, поддерживалась в средине 3 толстыми столбами, и, кроме того, по сторонам были вбиты несколько столбов в 1 м вышины, которые поддерживали нары, несли на себе также тяжесть крыши. Крыша выгнутая наружу, была капитально и красиво сделана, представляя изнутри частую аккуратную решетку. Можно положиться на нее, что устоит от любого

ливня и что продержится много десятков лет. Над нарами были повешены разное оружие, плоды, посуда глиняная и деревянная стояла на полках; все солидно, довольно удобно и опрятно. У одного большого сарая верхняя часть задней стены, состоящая из коры, была разрисована белою, черною и красною краскою. Шел дождь, и я не мог срисовать этих первобытных портретов рыб, солнца, кажется, людей и т. п. Под другим я, наконец, нашел несколько идолов, которые уже не раз искал по деревням. Самый большой из них (фут. 8) стоял среди сарая около нар. Я расположился рисовать и снял копии с 3-х, разговаривая с папуасами, которые расспрашивали, есть ли таковые «телум»[38] (идолы) в России, как они называются etc. etc. В длину сарая, но укрепленное довольно высоко, так что я не мог удобно рассмотреть его, висело целое бревно, состоящее из целого ряда человекоподобных фигур, но папуасы не захотели трогать его с места <...>.

Я направился к шлюпке, сопровождаемый рукопожатиями и возгласами «е-ме-ме». В пироге пристал к шлюпке, вернулся к 6 часам домой. Когда вынуты были из шлюпки кокосы, картофель и т. п., Ульсон, ожидавший целый груз съестных припасов, был очень разочарован поездкою. Женщин не показывают и мало дают, да и то кокосы старые и рыба так жестка, как дерево, ворчал он, принимаясь доваривать бобы к обеду, которые не доварились до половины восьмого, когда я решил обедать.

Так встретил я русский Новый год 1872-й в Н. Гвинее.

115 Д. 14 января, вскрс. Ночью и утром был дождь; так как у У. снова лихорадка, то пришлось мне стрянать, а теперь я только что вычерпывал воду из шлюпки — набралось 32 полных ведра, немалая работа наполнить их и вылить за борт, притом входя и выходя из шлюпки, почти что приходится плыть <...>.

15 января. Ночью была гроза и ветер (SW) порывистый и очень сильный. Лес кругом стонал под его напором; по временам слышался треск падающих деревьев, и я раза два думал, что наша крыша слетит в море. В такие ночи спится особенно хорошо: почти что нет комаров, и, чувствуется, очень прохладно. Около часа утра я был разбужен страшным треском и тяжелым

падением, после которого что-то посыпалось на нашу крышу. Я выглянул за дверь, но темь была такая, что положительно ничего нельзя было разобрать, почему я снова лег и скоро заснул. Был разбужен, однако ж, очень рано шумом сильного прибоя.

Было 5 часов; начинало только что светать, и в полумраке я разглядел, что площадка перед моим крыльцом была покрыта черною массою, выше роста человеческого; оказалось, что большое дерево было сломано ночью ветром и упало перед самою хижиною. Когда здесь падает дерево, то оно не валится одно, а волочит за собой массу лиан и других паразитных растений, ломает иногда ближайшие деревья или, по крайней мере, сучья их, опутанные лианами упавшего дерева. Чтобы пробраться к ручью, надо было топором прочистить себе дорогу через зелень. Весь день прошел в очень пустых, но необходимых работах: у Ульсона была лихорадка, и он не мог подняться. Пришлось поэтому отправиться за водой, разложить костер и сварить чай, потом очистить немного площадку от поломанных ветвей, чтобы свободно ходить вокруг дома. Сделав метеорологические наблюдения и дав лекарство Ульсону, часа на два я освободился и мог приняться за кое-какие анатомические работы. К 10 часам я принужден был, однако, оставить их, вспомнив, что нет дров для приготовления завтрака и обеда. Нарубив достаточно дров, я отправился к ручью вымыть рис, который я сварил, испекши в то же время в золе сладкий картофель. После завтрака я прилег отдохнуть, моя сиеста была прервана приходом нескольких туземцев, которые надоедали мне до трех часов. Один из них указал мне на глубоко сидящую шлюпку; она была полна воды вследствие дождя, и невозможно было оставить ее до следующего дня в этом положении, так как ночью мог быть снова дождь и мог совершенно заполнить ее. Нехотя полуразделся, добрался до шлюпки и вычерпал не менее $23^1/_2$ ведер воды; занятие это с непривычки очень утомительно. Сбросив мокрое платье, я посмотрел на часы. Было около 5 часов. Пришлось идти снова в кухню и готовить обед, варить бобы я, разумеется, и не подумал, так как на варку их требуется около четырех часов. Сварил поэтому снова рису, приготовил кёри, испек картофель и сделал чай. Провозился с этой стряпней, которая наводит на меня хандру, до 6 часов. Пообедал, да и то неспокойно: пришлось идти

снять сушившееся белье, так как стал накрапывать дождь, приготовить лампу и т. д.

Даже питье чая не обходится без работы; не имею сахару уже несколько месяцев, а один чай не приходится мне по вкусу; я придумал его пить с сахарным тростником. Вооружившись ножом, я откалываю кору тростника, режу его на мелкие пластинки, кусаю их и постепенно высасываю сладкий сок, запивая чаем. Около 8 часов принялся за дневник; в 9 запишу температуру воздуха, сойду к морю, запишу температуру воды ручья и моря, посмотрю на высоту прилива, замечу направление ветра, занесу все это в журнал и с удовольствием засну.

Я описал сегодняшний день как пример многих других на тот случай, когда, позабыв подробности моей жизни здесь, я буду к досаде моей находить, что мало сделал в научном отношении в Новой Гвинее.

17 января. Вздумал отправиться в Бонгу, докончить рисунки телумов и изображений на стене одной барлы. Встретив Туя, который шел ко мне, я предложил ему идти со мной. Он согласился. Когда мы проходили через Горенду, к нам присоединились Бонем и Дигу. Выйдя из леса к морю, мы пошли по отлогому песчаному берегу. Был прилив, и волны набегали на отлогий берег почти что выше линии прилива, где лес образовал густую стену зелени. Не желая замочить обувь, мне приходилось выбирать моменты, когда волна откатывалась, и перебегать с одного места на другое.

Туземцы очень обрадовались случаю побегать или, может быть, пожелали узнать, могу ли я бегать, пустились вдогонку. Желая сам сравнить наши силы в этом отношении, я поравнялся с ними, и мы пустились бежать. Туземцы поняли сейчас же, в чем дело, и мало отставали; к моему удивлению, мои ноги оказались крепче, я обогнал всех. Их было человек 5, все они были здоровы, молоды и, кроме пояса, совершенно голы; на мне же, кроме обыкновенного платья, были надеты башмаки и гамаши. Придя в Бонгу, я направился прямо к барле снимать рисунки, находящиеся на фронтоне ее. Кончив рисунки, я роздал туземцам несколько кусков табаку, который им все более и более нравится, и отправился походить по деревне. Хотя мое присутствие было известно всей деревне, на этот раз (кажется, первый) и женщины не убежали в лес, а только при

моем приближении прятались в хижины; лиц их я не мог разглядеть, фигура же их походит на мужскую. Костюм отличается от последних, так как вместо пояса спереди и сзади на них болтаются какие-то толстые фартуки.

Когда я собрался уйти, мне принесли несколько бананов и два куска мяса, вероятно, испеченных на угольях и аккуратно защемленных между расщепленными палочками; один из этих кусков, назначенный для меня, оказался свининой, а другой — собачье мясо, которое просили передать Ульсону. Вернувшись домой и почувствовав хороший аппетит, я передал свинину Ульсону, а сам принялся за собачье мясо, оставив ему половину; оно оказалось очень темным, волокнистым, но съедобным. Ульсон сперва ужаснулся, когда я ему предложил собачьего мяса, но кончил тем, что съел его.

Новогвинейская собака, вероятно, не так вкусна, как полинезийская, о чем свидетельствует Кук, находивший собачье мясо лучше свинины.

25 января. Дней шесть страдал от лихорадки, один пароксизм сменялся другим. Шел много раз дождь.

Был в Горенду за сахарным тростником. Пока туземцы сходили за ним на плантации, я сделал несколько рисунков хижин и в первый раз увидел, каким образом туземцы хранят для себя воду, а именно в больших бамбуках, как это делается и во многих местах Малайского архипелага. Узнал только сегодня, т. е. на 5-й месяц пребывания, название слов «утро», «вечер»; названия ночи еще не добился. Смешно и досадно сказать, что только сегодня узнал наверное, как сказать по-папуасски слово «хорошо» или «хороший». До сих пор я уже два раза был в заблуждении, предполагая, что знаю это слово, и, разумеется, употреблял его. Очевидно, папуасы не понимали при этом, что я этими словами хочу сказать «хорошо». Очень трудно заставить себя понять, если слово, которое хочешь знать, не просто название предмета. Например, как объяснить, что желаешь знать слово «хорошо»?

Туземец, стоящий перед вами, понимает, что вы хотите знать какое-нибудь слово. Берешь какой-нибудь предмет, о котором знаешь, что он туземцу нравится, а затем другой в другую руку, который, по вашему мнению, не имеет для него никакой цены, показываешь ему первый предмет и говоришь «хорошо», стараясь

при этом сделать довольную физиономию. Туземец знает, что, услыхав русское слово, он должен сказать свое, и говорит какое-нибудь; потом показываешь другой предмет, делаешь кислую физиономию и бросаешь его с пренебрежением; на слово «дурно» туземец тоже говорит свое; пробуешь несколько раз с разными туземцами — слова выходят различные. Наконец, после многих попыток и сомнений я наткнулся на одного туземца, который, как я был убежден, меня понял; оказывалось, слово «хорошо» по-папуасски — «казь». Я его записал, запомнил и употреблял месяца два, называя что-нибудь «казь», и имел удовольствие видеть, что при этом туземцы делали довольную физиономию и повторяли «казь», «казь». Однако же я заметил, что как будто не все понимают, что я желаю сказать «хорошо». Это случилось, однако, только на третий месяц; я стал искать поэтому случая проверить это слово. Я наткнулся, как мне казалось, в Бонгу на очень сметливого человека, который сообщил мне уже много мудреных слов. Перед нами, возле хижины стоял хороший горшок, и невдалеке валялись черепки другого. Я взял то и другое и повторил процедуру вышеописанную. Туземец меня понял, кажется, подумал немного и сказал два слова. Я стал его проверять, показывая на разные предметы, как-то: целый и разорванный башмак, плод, годный для пищи, и другой — негодный, и спрашиваю — «ваб»? — слово, которое он мне сказал. Он повторял «ваб» каждый раз. Наконец, думаю, узнал. Снова употреблял это слово «ваб» около месяца и опять заметил, что это слово не годится, и даже открыл, что «казь» — туземное название значит «табак», второе же — «ваб» — означает большой горшок. К тому же у диких племен вообще есть обыкновение повторять ваши слова. Вы говорите, указывая на хороший предмет, «казь»; туземец вторит вам «казь», и вы думаете, что он понял вас, а папуасы думают, что вы говорите на своем языке, и стараются запомнить, что вы такую-то вещь называете «казь». Узнанное теперь, кажется, окончательно, и настоящее значение слова «хорошо» — «ауе» — я приобрел окольными путями, на что употребил ровно 10 дней. Видя, что первый способ не выдерживает критики, я стал вслушиваться в разговор папуасов между собою, и, чтобы узнать слово «хорошо», стал добиваться значения «дурно», зная, что человек склонен чаще употреблять слово «дурно», чем

«хорошо». Это мне удалось, но все же я не был вполне уверен, что нашел его, почему и прибегнул к хитрости, которая помогла: стал давать пробовать разные соленые, горькие, кислые вещества и стал прислушиваться к тому, что говорят пробующие своим товарищам. Я узнал, что «дурно», «скверно», одним словом «нехорошо» называется «борле». С помощью слова «борле», которое оказалось понятным для всех, я добился от Туя значения противного, которое есть «ауе».

Еще комичнее история слова «киринга», которое туземцы употребляют очень часто в разговоре со мною и которое, я полагал, означает «женщина». Только на днях, т. е. по прошествии четырех месяцев, я узнал, что это слово не папуасское, а Туй и другие туземцы убедились, что оно не русское, за которое они его считали. Как оно вкралось и каким образом произошло это недоразумение — я не знаю.

Вот почему мой лексикон папуасских слов так туго подвигается и вряд ли когда будет обширный.

Зубы начинают болеть от жевания и сосания сахарного тростника, а без него чай невкусен. Странно, что чувствую по временам какую-то потребность съесть что-нибудь сладкое.

7 февраля. По уговору зашел ко мне Туй часов в 6, чтобы вместе идти в Бонгу. Туй решился сегодня съесть тарелку вареного рису, и мы отправились.

От Горенду в Бонгу приходится идти у самого берега, и во время прилива, как я уже упоминал, вода обдает ноги.

В Бонгу я открыл еще один большой «телум», который я не замедлил срисовать. В левой руке большой телум держал маленького, из глины и весьма неискусной работы. Я приобрел последний за три куска табаку.

Я добивался, чтобы мне принесли черепа, но туземцы уверяли меня, что русские забрали все, показывая мне разный хлам, который они получили за них. Один из туземцев Бонгу показал мне, наконец, куст, под которым должен был находиться череп. Но ни он и никто из туземцев не хотели доставить его. Тогда я сам направился к кусту и открыл его лежащим на земле и окруженным костями свиней и собак. Туземцы отступили на несколько шагов, говоря, что это нехорошо и чтобы я его выбросил. Этот случай, как и обстоятельство, что туземцы за разные пустяки расставались с черепами

своих земляков, казался мне доказательством, что черепа у них не в особенном почете. Я подумал, что приобретенный мною череп принадлежит какому-нибудь неприятелю и что поэтому его мало ценят, и спросил об этом туземцев, на что с удивлением услыхал, что это был «тамо Бонгу». Я приступил затем к закупке съестных припасов. Рыбы достал я много, потом выменял ветку дозревающих бананов, которую взвалил на плечи. Наконец, с обоими телумами в карманах и с черепом в руках я направился домой. От тяжести и скорой ходьбы мне стало очень жарко, но затем, когда высокая вода обдавала ноги, уже раньше совершенно вымокшие, я почувствовал сильный холод, дрожь и головокружение. В Горенду я предложил Дигу донести бананы и пару кокосов. Наконец я добрался домой. Едва успел я сбросить вымокшую одежду, как принужден был лечь, так как пароксизм сегодня был очень силен. Мои челюсти под влиянием лихорадки так тряслись, зубы так стучали, что мне невозможно было сказать несколько слов Ульсону, который до того испугался, думая, что я умираю, что бросился к койке и зарыдал, сокрушаясь о своей участи в случае моей смерти. Не запомню я такой высокой температуры, не понижавшейся в продолжение почти шести часов.

При этом я был немало удивлен странным ощущением: при переходе из периода озноба к периоду жара я почувствовал вдруг очень странный обман чувства осязания. Я положительно чувствовал, что мое тело растет, голова увеличивается все более и более, хватает почти до потолка, руки делаются громадными, пальцы на руках становятся так толсты и велики, как мои руки, и т. д. Я ощущал при этом чувство громадной тяжести разрастающегося тела. Странно, что при этом я не спал, это не был бред, а положительное ощущение, которое продолжалось около часу и которое очень утомило меня. Пароксизм был так силен и ощущения так странны, что я долго не забуду его.

Мои промокшие ноги и ощущение холода во время утренней прогулки не прошли мне даром.

8 февраля. Я принял 0,8 гр. хины ночью и ту же дозу перед завтраком, и хотя в ушах страшно звенело и я был глух весь день, — пароксизма не было. Сегодня погода была особенно приятная: слегка пасмурно, тепло (29° Ц), — совершеннейший штиль. Полная тишина

прерывалась только криком птиц и постоянною почти песнью цикад. Монотонность освещения сменялась проглядывающим по временам лучом солнца. Освеженная ночным дождем зелень в такие минуты блестела и оживляла зеленые стены моего палаццо; далекие горы казались более голубыми, и серебристое море блестело заманчиво между зелеными рамами; потом опять мало-помалу все тускнело и успокаивалось. Глаз также отдыхал. Одним словом, было спокойно, хорошо...

Крикливые люди также не мешали сегодня; никто не приходил. Я думал при этом, что в состоянии большого покоя (правда, труднодостижимого) человек может чувствовать себя вполне счастливым. Это, вероятно, думают миллионы людей, хотя другие миллионы ищут счастья в противуположном.

Я так доволен в своем одиночестве, встреча с людьми для меня хотя не тягость, но они для меня почти что лишние; даже общество (если это можно назвать обществом) Ульсона мне часто кажется назойливым, почему я и отстранил его от совместной еды. Каждый из нас ест на своей половине. Мне кажется, что, если бы не болезнь, я здесь не прочь был бы остаться навсегда, т. е. не возвращаться никогда в Европу.

В то время, когда я прогуливался между кустами, мое внимание было обращено на одно дерево, почти все листья которого были изъедены насекомыми и покрыты разными грибами. Притом в умеренных странах я никогда не встречал таких различных форм листьев на одном и том же дереве. Рассматривая их, трудно поверить, что они все росли на одной ветке. Здешняя растительность отличается от растительности в умеренных полосах громадным разнообразием разноформенных паразитных растений и лиан, которые опутывают стволы и ветви деревьев, теряющих по удалению всех этих паразитов свой роскошный вид и кажущихся очень мизерными. Те же деревья, которые растут свободно, отдельно, как, например, у берега моря, представляют великолепные образчики растительного мира.

Я каждый день наблюдаю движение листьев, положительно замечательное. У одного растения из семейства лилий они гордо поднимаются по утрам и после каждого дождя и уныло опускаются вдоль ствола, касаясь земли, в жаркие солнечные дни. Жалеешь, что не хватает глаз, чтобы все замечать и видеть кругом, и что мозг недостаточно силен, чтобы все понимать...

9 февраля. Забрел утром довольно далеко. Вышел из леса по тропинке, она привела меня к забору, за которым я увидал головы нескольких знакомых жителей Горенду. Между ними были и женщины; они работали, сняв лишнюю одежду, которая вместо длинных фартуков из бахромы спереди и сзади состояла, как и у мужчин, из пояса, гораздо более узкого, чем у первых; перевязь его проходила между ногами. Как только я показался, они не замедлили скрыться за группою сахарного тростника и не показывались, пока я был на плантации.

Плантация была недавнего происхождения. Забор в рост человека, совсем новый, был сделан весьма прочно. Он состоял из очень близко друг к другу воткнутых в землю палок, собственно стволов сахарного тростника; они были насажены в два ряда, отстоящие друг от друга на 20 сант. Этот промежуток был наполнен всевозможными обрубками стволов, сучьев, расколотого дерева; а затем, очень часто тростники, приходящиеся друг против друга, были связаны и придерживали всю эту массу хвороста. Главным образом придавало забору крепость то обстоятельство, что в непродолжительном времени после его насаждения тростник пускал корни, начинал расти и с каждым месяцем и годом становился все крепче. Калитка или ворота заменялись вырезкою в заборе так, что приходилось переступать порог фута в два вышины. Это — мера предосторожности против диких свиней, которые могли бы забраться на плантацию. Несколько перекрещивающихся дорог разделяли большое огороженное пространство на участки, на этих участках возвышались очень аккуратно расположенные, довольно высокие, полукруглые клумбы. Они имели около 75 сант. в диаметре, а земля, из которой они состояли, была очень тщательно измельчена. В каждой клумбе были посажены различные растения, как сладкий картофель, сахарный тростник, табак и много другой зелени, мне неизвестной. Замечательно хорошая обработка земли заставила меня обратить внимание на орудия, служащие для этой цели; но, кроме простых длинных кольев и узких коротких лопаток, я ничего не мог найти. У забора дымился небольшой костер, который, главным образом, служил туземцам для закуривания сигар. До сих пор я не мог открыть у папуасов никакого способа добывать огонь и всегда видел, что они носят его с собою и, придя на

место, раскладывают небольшой костер для того, чтобы огонь не потух. Вечером я узнал от Туя много слов, но не мог добиться слова «говорить», никак не мог объяснить. Туй, кажется, начинает очень интересоваться географией и повторял за мной имена частей света и стран, которые я ему показывал на карте. Но очень вероятно, что он считает Россию немного больше Бонгу или Били-Били.

12 февраля. Сегодня был счастливый день для меня. Добыл шесть хорошо сохранившихся цельных черепов папуасов, и вот каким образом. Узнав случайно, что в Гумбу много черепов, я отправился туда и приступил сейчас же к рисованию телумов, что, однако ж, оказалось неудобным по случаю темноты хижины. В других, однако ж, тоже нашлись телумы, которые были вынесены на площадку, где я их и нарисовал, после чего, раскрыв связку с подарками, гвоздями, табаком и полосками красной материи, я объявил, что желаю «тамо-гате».

Послышались голоса, что черепов больше нет, что русские забрали все. Я остался при своем, что есть, и показал еще раз на кусок табаку, три больших гвоздя и длинную полоску красного ситца; это была назначенная мною плата за каждый череп. Скоро принесли один череп, немного погодя два других, затем еще три. С большим удовольствием роздал я туземцам обещанное, да еще дал каждому вместо двух три полоски красной материи. Я связал добытые черепа, прикрепив их к палке, и, несмотря на сотни муравьев, взвалил добычу на плечи. Я очень жалею, что ни к одному черепу не была дана мне нижняя челюсть, которую туземцы здесь хранят у себя и нелегко с нею расстаются. Она служит им памятью по умершим [39].

<...>

16 февраля. Я был занят около шлюпки, когда пришел впопыхах один из жителей Горенду и объявил, что послан позвать меня Туем, на которого обрушилось дерево. Он рубил его, и при падении оно сильно ранило Туя в голову, и теперь он лежит и умирает. Собрав все необходимое для перевязки, я поспешил в деревню; раненый полулежал на циновке и был, кажется, очень обрадован мои приходом и, видя, что я принес с собою разные вещи для перевязки, он охотно снял ту, которая была у него на голове и состояла из трав и листьев.

Рана была немного выше виска, с довольно длинными разорванными краями. Я забыл захватить с собою кривые ножницы, которые оказались необходимы, чтобы обрезать волосы около раны; большими же, бывшими со мной, я только раздражал рану. Мелко курчавые волосы, слепленные кровью, представляли плотную кору. <...>

Когда я уходил, Туй указал мне на большой сверток ауся[40] и сахарного тростника, приготовленного для меня; это должен был, кажется, быть гонорар за лечение. Он не хотел взять за это табаку, который я, однако же, ему оставил, не желая, чтобы он думал, что я ради гонорара помог ему. Многие жители Горенду, приходившие ко мне вечером, указывая на деревья, стоящие около дома и угрожавшие мне падением, прибавляли, что крыша моего дома нехороша, что она протекает, и предлагали переселиться к ним в Горенду, говоря, что все люди в Горенду очень скоро построят мне дом.

Что крыша плоха — это правда, так как в двух местах я могу видеть луну, просвечивающую между листьями <...>.

18 февраля. Утром, придя в Горенду, я нашел Туя в гораздо худшем состоянии, чем третьего дня; рана сильно гноилась и над глазом, и даже под ним распространилась значительная опухоль. Побранив раненого за его легкомысленное вчерашнее гулянье, я перевязал рану, сказал, что он умрет, если будет ходить по солнцу, и прибавил, что увижу его вечером. Я только что расположился обедать, как прибежал Лялай, младший сын Туя, с приглашением от отца прийти обедать в Горенду; он сказал, что для меня готова там рыба, таро, аусь, кокосы и сахарный тростник. Я пообедал, однако же, дома, а затем отправился с Лялай и Лялу в деревню. Пройдя ручей, я услыхал вдруг восклицание Лялу; обернувшись и спросив, что такое, я узнал, что Лялу наступил на змею, очень «борле» (дурную), от укушения которой человек умирает. Немедля я вернулся к тому месту, где Лялу указал мне на змею, спокойно лежащую поперек тропинки. Видя, что я приближаюсь к змее, оба туземца подняли крик: «Борле, борле, ака, Маклай моен» (дурно, дурно, нехорошо, Маклай умрет). Чтобы овладеть животным, мне пришлось почти что отделить голову ножом, потом, подняв змею за хвост, я позвал Ульсона и отправил мою добычу домой, а сам скорым

шагом (солнце уже садилось) пошел в деревню. По обыкновению мой свисток предупредил жителей Горенду о моем приближении... Я много раз замечал, что туземцам очень нравился мой образ действий. Они видели, что я поступаю с ними открыто и не желаю видеть больше, чем они хотят мне показать. При моем свистке все женщины от мала до велика прятались в кусты или хижины. Сегодня было то же самое; пользуясь последними лучами солнца, я перевязал рану Туя и расположился около больного, вокруг которого собралось уже большое общество соседей, а также и жителей Бонгу и Гумбу. Туй заметил, что при моем «кин-кан-кан» (название это он выдумал для моего свистка и произносил его в нос) все «нангели» (женщины) убежали, — но что это очень дурно, потому что Маклай — «тамо-билен» (человек хороший). При этом я услыхал за собою женский голос, как будто опровергающий слова Туя, и, обернувшись, увидал старую женщину, которая добродушно улыбалась, — это была жена Туя, старая, очень некрасивая женщина, с отвислыми плоскими длинными грудями, морщинистым телом, одетая в род юбки из каких-то грязных желто-серых волокон, закрывающей ее от пояса до колен. Волосы ее висели намасленными пучками вокруг головы и опускались также и на лоб. Она так добродушно улыбалась, что я подошел к ней и пожал ей руку, что ей и окружающим туземцам очень понравилось. При этом из-за хижин и кустов появились женщины разных возрастов и небольшие девочки. Каждый из мужчин представил мне свою жену, причем последняя протягивала мне свою руку. Только молодые девушки в очень коротких костюмах хихикали, толкали друг друга и прятались одна за другой. Каждая женщина принесла мне сахарного тростника и по пучку ауся. Все, кажется, были довольны знакомством или тем, что избавились наконец от стеснения прятать своих жен при моем приходе. Мужчины образовали группу около лежащего Туя, курили и разговаривали, беспрестанно обращаясь ко мне (я теперь уже много понимаю, хотя еще немного говорю). Женщины расположились в некотором расстоянии около жены Туя, занимавшейся чисткою таро. Многие из молодых женщин, как, например, жена старшего сына Туя, Бонема, были недурны собою <...>.

...Подарков от женщин было так много, что двое туземцев должны были снести их в Гарагасси, куда я по-

спешил, потому что темнота уже наступала. Не успел я дойти домой, как ливень захватил меня.

19 февраля. Нашел рану Туя в худшем состоянии вследствие того, что он не может усидеть на одном месте и ходит много по солнцу. Он захотел угостить меня таро, но костер в его хижине потух. Лялай был послан за огнем, но, вернувшись минут через десять, объявил отцу, что огня нигде нет. Так как в деревне никого, кроме нас троих, не было и хижины все были плотно заложены бамбуком, то Туй приказал сыну осмотреть все хижины, не найдет ли в них где огня. Прибежали несколько девочек и вместе с Лялаем стали осматривать хижины, но огня нигде не оказалось. Туй очень досадовал, желая сварить таро, а также и покурить. Он утешал себя, говоря, что люди с поля скоро принесут огонь. Я убедился таким образом, что у моих соседей пока еще нет средств добывать огонь. Пришедшие женщины расположились около нас и с большим любопытством осматривали меня и мой костюм. Это любопытство было довольно натурально, так как они до сих пор никогда не видели меня вблизи. Я и сам осматривал их внимательно. У некоторых девочек волосы были совсем острижены, у многих смазаны золою или известью; первое — для уничтожения насекомых, второе — чтобы сделать волоса светлыми. Старухи носят их длинными, и «гатеси» (локоны на затылке), густо смазанные черною землею, висят вокруг всей головы. Пришедшие с плантации женщины и девочки принесли на спине большие мешки, перевязь которых охватывала верхнюю часть лба. Когда мешок был полон и тяжел, то они сильно нагибались, чтобы сохранить равновесие.

Как и у мужчин, носовая перегородка у женщин пробуравлена. В ушах, кроме обыкновенной дырочки для больших серег, есть еще отверстие в верхней части ушей. Через них проходит шнурок, которого средняя часть перехватывает голову как раз от одного уха к другому, а на обоих свободных концах, висящих до плеч, нанизаны попарно клыки собак. Под крышей над входом в одну хижину я заметил большого жука, энергично старавшегося освободиться из петли, которая стягивала его поперек. Лялай, семилетний сын Туя, заявил, что это его жук, которого он принес, чтобы съесть, но если я хочу, то могу взять его. Жук этот был новый вид и совершенно цел, почему я и воспользовался пред-

ложением мальчика. Пока я отвязывал жука, Туй показал мне на большого паука и сказал, что жители Горенду, Бонгу и Гумбу едят также и «кобум» (т. е. пауков). Итак, к мясной пище папуасов следует причислить личинки бабочек, жуков, пауков и т. д. <...>.

22 февраля. Сегодня сделал интересное открытие: проходя мимо хижины одного туземца, я обратил внимание на его занятия. Перед ним стояла чаша, сделанная из большого кокосового ореха; другая с отверстием посредине — тоже скорлупа ореха — имела дно, покрытое слоем тонкой травы. Поставив вторую на первую, он из третьей налил на траву какую-то темно-зеленую густую жидкость, которая профильтровывалась в нижнюю. Когда я спросил, что это такое, он мне ответил, подавая кусок корня «кеу», и показал мне, что, выпив эту жидкость, он заснет.

Хотя я не видал листьев этого «кеу», но я думаю, что это не что иное как Piper methysticum [41], или полинезийская кава [42]. Насколько я знаю, употребление кавы туземцами Новой Гвинеи до сих пор было неизвестно.

24 февраля. Не найдя Туя в Горенду, я отправился на плантации, предполагая найти его там, и не ошибся. Он сидел, несмотря на палящее солнце, около работавших членов семьи. Отправив его в деревню, я остался несколько времени на плантации посмотреть на способ обработки земли. Я уже говорил выше, что плантации папуасов очень хорошо обработаны и что круглые высокие клумбы состоят из тщательно измельченной земли. Все это достигается, как я увидел, весьма просто, но с большим трудом, с помощью двух самых примитивных орудий: простого заостренного кола, более двух метров длины, называемого туземцами «удя», и узкой лопаты в 1 м длины. Вот в чем заключается процесс обработки: двое, трое или более людей становятся в ряд и вместе разом вонзают свои колья, по возможности глубже, в землю, потом тоже разом поднимают продолговатую глыбу земли, затем идут далее и выворачивают целые ряды таких глыб. Несколько человек, также при помощи кольев, разбивают эти глыбы на более мелкие; за ними следуют женщины, которые, вооруженные «удя-сабами» — узкими лопатами, — разбивают большие комья земли, делают клумбы и даже растирают землю руками.

26 февраля. Достал из Гумбу еще череп, и на этот раз с нижнею челюстью. Видел нескольких жителей Колику-Мана, которые приглашали прийти к ним; с ними была молодая женщина, сравнительно с другими очень красивая.

27 февраля. Встал до света. Запасся провизиею, вареными бобами и таро на целый день и отправился в Горенду, где по уговору я должен был найти Бонема и Дигу готовыми сопровождать меня. Перевязав рану Туя, которому гораздо лучше, я спросил о Бонеме. Ответ — ушел в Теньгум-Мана. Где Дигу? Ушел с Бонемом. «Тамо барле», — сказал я. Мне было тем досаднее, что я не знал дороги в Колику-Мана. Направление было мне известно по компасу, но тропинки здесь такие капризные, что, желая попасть на S, идешь часто на N, затем, идя большими извилинами то на W, то на O, добираешься наконец до настоящего направления. Бывают также такие оказии: тропинка, по которой шел, вдруг кончается, перед тобою узкий, но глубокий овраг, внизу ручей, на другой стороне сплошная стена зелени. Куда идти, чтобы попасть далее? Тропинка хорошо протоптана, много людей прошло здесь, но здесь ей конец. Что же оказывается? Надо при помощи свесившегося над оврагом дерева спуститься к ручью, там найти другое дерево, взобраться на один сук, почти что скрытый зеленью, перейти на другое дерево и затем пройти до известного поворота и спрыгнуть на пень, уже на другой стороне оврага, растущего дерева; перейдя, наконец, через этот секретный и сложный мост, тропа продолжается. Или случается, что надо подняться или спуститься по течению ручья, идя в воде, шагов на 100 или 200, чтобы выйти на продолжение тропинки. Подобные загадки, встречающиеся на дорогах, заставили меня еще более досадовать на изменников.

Не желая подать виду, что меня можно водить за нос, я объявил, что сам найду дорогу. Вынул компас. Туземцы отступили шага на два, но все же могли видеть движущуюся стрелку компаса. Я посмотрел на него (более для эффекта) и очень самоуверенно выбрал дорогу, к великому удивлению папуасов, и отправился. Я решил идти в Бонгу и там найти себе спутника. Пройдя уже полдороги, я услышал за собою голоса знакомых, зовущих меня. Жители Горенду одумались, побоялись рассердить меня и прислали двух человек. Но эти люди

пришли более для того, чтобы уговорить меня не идти в Колику-Мана, а не для указания дороги. После длинных разговоров они вернулись в Горенду, а я пошел вперед. Снова послышались шаги. Это был Лако, вооруженный копьем и топором; он сказал мне просто, что пойдет со мною в Колику-Мана.

Более я ничего не желал и весело отправился по тропинке. Часто сворачивал я в сторону. Лако, шедший за мною (папуасы так недоверчивы, что не допускают, чтобы я шел за ними), указывал мне настоящую тропинку. Будь я один, я бы уже много раз сбился с пути.

Из леса вышли мы наконец к обрывистому морскому берегу. Внизу, футов 30 или 40 ниже, была хорошенькая бухточка. Надо было сойти вниз. Эта бухточка оказалась бы для меня задачею, подобно вышеупомянутым. Тропинка, подойдя к обрыву, сворачивала и шла на юг, в глубь леса, а мне надо было идти на SW. Лако подошел к дереву и махнул рукою, чтобы я следовал за ним. Когда я приблизился, он указал мне на путь и сам быстро, но осторожно стал опускаться по корням дерева к морскому берегу. Я последовал по этой воздушной лестнице, которая хотя и казалась головоломною, но в действительности была не особенно трудною. Приходилось, разумеется, держаться на руках и, вися в пространстве, искать ногами следующую опору, в случае если бы я оборвался, то, вероятно, раздробил бы себе череп. Внизу, пройдя минут пять по берегу, мы опять вошли в лес. Послышался снова вдали крик. То были те же люди из Бонгу. Мы подождали немного, пока они присоединились к нам с заявлением, что пойдут со мной в Колику-Мана. Сначала лесом, затем вброд, через два ручья, потом через небольшую речку Теньгум. Мы спустились по ней к морскому берегу; перешли затем еще две речки. Вода речек была сравнительно очень холодна (25,5° Ц) и контрастировала очень неприятно с температурой горячего песка морского берега, уже накаленного солнцем до 39° Ц, хотя было всего $8^1/_2$ часов утра. Пройдя еще с полчаса берегом, мы остановились у двух больших деревьев, откуда тропинка вела в лес; это место, оказалось, служит постоянным привалом путников в Колику-Мана, которое, однако ж, скоро заменилось поляною, покрытою высокой травой в рост человека. Эта трава покрывает все плоские и отлогие места в окрестностях и называется туземцами «унан»; она так густа и жестка, что без тропинки почти невозможно про-

браться даже на короткое расстояние. Солнце давало себя чувствовать. Пересекавшие иногда поляны участки леса приятно действовали своею прохладою. Мы незаметно поднимались в гору, но опять пришлось спуститься в глубокий овраг, внизу которого стремительно бежала речка. Нависшие с обеих сторон деревья образовали свод над нею; она напомнила мне сицилианские фьюмары. Дно ее было как бы вымощено камнями, и вода, не более фута глубины, со своеобразным ропотом неслась к морю. Все речки этого берега имеют горный характер, очень крутые склоны, что объясняет их стремительность, и при дожде в несколько часов они делаются совершенно непроходимыми, с шумом и пеною катя вниз большие камни, роя берега и неся оборвавшиеся или поломанные деревья.

Поднявшись на другую сторону, тропинка вела все в гору и почти все время лесом. У последнего дерева Лако показал мне первые хижины Колику-Мана. Ряд открытых холмов тянулся к главному хребту. По ним в некоторых местах можно было различить черную линию тропинки, которая вела выше и выше. Тропинка оказалась крутою, скользкою от бывших недавно дождей. Солнце пекло сильно, но виды по обе стороны были очень хороши. Мы прошли вдоль забора очень обширной плантации, расположенной на скате холма. Можно было подивиться предприимчивости и трудолюбию туземцев, взглянув на величину ее и тщательную обработку земли. У забора рос сахарный тростник, и моим спутникам захотелось потешиться. Мы остановились: сопровождавшие меня туземцы прокричали что-то; им ответил женский голос, который скоро приблизился. Тогда мои спутники стали перед мной на возвышенном крае тропинки и совсем закрыли меня. Между тростником я увидел скоро приближавшуюся молодую женщину; когда она подошла к забору, говорившие с нею туземцы быстро расступились, и перед нею стоял я. Сильнейший ужас изобразился на лице папуаски, никогда еще не видавшей белого; полуоткрытый рот испустил протяжное выдыхание, глаза широко раскрылись и потом редко и конвульсивно заморгали, руки ухватили судорожно тростник и удерживали откинутую назад верхнюю часть туловища, между тем как ноги отказывались служить ей. Спутники мои, довольные эффектом своей шутки, стали объяснять ей, кто я; бросив ей кусок красной материи, я пошел далее. Тропинка становилась все кру-

че. Наконец показалась первая кокосовая пальма, а затем крыша туземной хижины. Минуты через две я был на площадке, окруженной шестью или семью хижинами. Меня приняли двое мужчин и мальчик, к которому присоединилась старая, очень некрасивая женщина. Мои спутники очень заботились о том, чтобы жители Колику-Мана получили хорошее впечатление обо мне. Насколько я мог понять, они расхваливали мои качества: исцеление раны Туя, говорили о разных диковинных вещах в моем «таль» [43] и т. п. Отдохнув и роздав табак мужчинам, а тряпки женщинам, я принялся рассматривать местность кругом и хижины. Площадка, на которой мы расположились, была вершиной одной из возвышенностей хребта и окружена густою растительностью и десятком кокосовых пальм, так что только в двух или трех местах можно было видеть окрестную местность. Вид на N был особенно хорош: зеленые холмы на первом плане, цепь зеленых гор, а за ними оригинальный контур пика Константина; внизу блестящее море с островами. На S и на SO был целый лабиринт гор и холмов, покрытых лесом. Некоторые скаты были зеленого цвета, именно те из них, которые были покрыты не лесами, а унаном [44].

Хижины не особенно отличались от характера хижин береговых деревень; они были, однако же, меньше, вероятно, вследствие небольшого пространства на вершине и трудности переноски строительного материала.

Собравшиеся вокруг меня туземцы не представляли различия от берегового населения, по внешности они отличались тем, что носили гораздо меньше украшений. В буамрамре я нашел телум, которого нарисовал; потом пошел к следующей группе хижин, а затем к третьей, которая стояла отдельно, выше двух остальных и куда пришлось лезть по крутой тропинке.

Пока для меня и моих спутников готовили обед, я стал расспрашивать о маб [45] (вид cuscus'a), который по уверениям береговых жителей очень часто встречается в горах. Мне принесли только обломанный череп одного и нижние челюсти 2 других маб.

Нам подали, наконец, 2 табира: один для меня, другой для моих спутников. После прогулки все показалось мне отлично сваренным. Когда мы принялись за еду, все туземцы вышли на площадку и оставили меня и моих спутников одних. Некоторые из туземцев занялись

приготовлением кэу. Поданное мне блюдо было огромно, и я, разумеется, не съел и одной четверти содержимого; несмотря на мое возражение, все оставшееся было завернуто в банановые листья, чтобы кушать это «мондон» (потом), а пока повешено в буамрамре.

В одном месте, где деревья расступались, можно было видеть окрестности на SO, где мне, между прочим, указали положение деревень Энглам и Теньгум-Мана, куда я собираюсь отправиться. Все туземцы были очень предупредительны, и, когда я собрался идти, из каждой хижины хозяйкою ее было вынесено по несколько аян [46], которые были положены мне к ногам.

Уходя, я пригласил туземцев в Гарагасси.

Был час четвертый, и солнце все еще сильно пекло; особенно утомительна была дорога вниз по открытым холмам; в тени же леса было очень сыро и прохладно. Выйдя к морю и охваченный ветром, мне показалось очень холодно, почему я, несмотря на усталость, прибавил шагу, но все-таки от пароксизма лихорадки не увернулся. Пришед в Бонгу, не говоря ни слова, я отправился в одну из больших хижин, стащил мокрую обувь, растянулся на барле и скоро заснул. Проснувшись ночью и чувствуя себя вполне здоровым, я решил идти домой, что было возможно по случаю прекрасной лунной ночи.

28 февраля. Отправился в Гумбу, надеясь набрать там еще несколько черепов. Я не спешил, чувствуя еще некоторую усталость от вчерашней прогулки. Добравшись до тропинки, направляющейся в деревню, я присел отдохнуть и полюбоваться морем. Мое раздумье было прервано появлением туземца, который бежал по берегу. Держа в левой руке над головою лук и стрелы, с каменным топором, висевшим на плече, он бежал весьма быстро и по временам правою рукою делал какие-то знаки. Вышедшие ко мне навстречу жители деревни при виде бегущего о чем-то оживленно заговорили и еще более оживились, когда за первым бегущим последовал второй, третий, четвертый. Все бежали скоро, ровно и, казалось, с важным известием. Трудно было не любоваться ими; так легко, свободно они двигались вперед. Я сидел на своем месте; первый, не останавливаясь, пробежал мимо нас, прямо в деревню. Хотя он и не остановился, но выразительной мимикой сказал новость, которую бежал сообщить деревне. Поравняв-

шись с нами, он ударил правой рукой себе в грудь, закинул на сторону голову и, высунув немного язык (жест, которым папуасы выражают обыкновенно смерть, убийство или что-нибудь подобное), он крикнул «Марагум — Горенду!» Второй последовал за ним; окружавшие меня туземцы побежали также в деревню; я сам направился туда же. Не дойдя до первых хижин, услышали мы ускоренные удары барума; эти удары были другого tempo, чем обыкновенно. Из хижин было вынесено большое количество разного рода оружия. Не понимая, в чем дело, но видя общее смятение, я почти что силою остановил одного из бежавших в Гумбу туземцев и узнал от него новость: люди Марагум напали на Горенду, убили нескольких, в том числе и Бонема, затем отправились на Бонгу, но придут, вероятно, и в Гумбу и в «таль Маклай».

Марагум-Мана — большая деревня, с которой мои соседи уже давно в неприязненных отношениях. Я припомнил, что в Горенду уже несколько недель около хижин лежала постоянно наготове куча стрел и копий, так как жители все ожидали нападения со стороны горцев. В Гумбу царствовало общее смятение, которое невольно подействовало и на меня. Мужчины громко разговаривали с большим жаром, другие приготовляли оружие, женщины, дети и собаки кричали и выли.

Я направился скорым шагом домой, мысленно браня тревогу и глупых людей, мешающих моей покойной жизни. Несколько слов о происшедшем, сказанных Ульсону, привели его в сильную тревогу. Он попросил приготовить шлюпку на случай, если Марагум-Мана-тамо оказались слишком многочисленными, и сказал, что если нам не удастся отстоять хижину, мы можем перебраться в Били-Били. Чтобы успокоить его, я согласился, но сказал, что переносить что-либо в шлюпку еще слишком рано и что первый выстрел так озадачит туземцев, что навряд ли они сунутся, чтобы испытать действие на них дроби, которая почти наверно разгонит их. Я, однако ж, зарядил мои ружья и решил обождать их прихода, спокойно растянувшись на койке. Я весьма скоро заснул, зная очень хорошо, что Ульсон, будучи сильно возбужден, не проспит прихода гостей. Знаю, что заснул очень крепко и спал хорошо. Был разбужен криками и шумом в лесу. При этом я услышал изменившийся голос Ульсона: «Вот они! Пусть господин теперь приказывает, я все буду делать, что он скажет, а то я не

буду знать, что делать», — говорил он на своем ломаном шведско-немецком языке. Я приказал ему загородить ящиками его дверь, самому же оставаться в доме и заряжать ружья и револьверы, которые я ему буду передавать по мере надобности; при том постараться, чтобы руки его не так тряслись. Пока мы приводили все в осадное положение, крики и шум в лесу приближались. Я вышел на веранду, положив перед собою два револьвера и ружье-револьвер. Двуствольное ружье, заряженное мелкою дробью, я держал в руках. Между деревьями, за ручьем показались головы. Но что это? Вместо копий и стрел я вижу кокосы и бананы в руках приближающихся. Это не могут быть люди из Марагума. Действительно, то были жители Бонгу, которые пришли мне сказать, чтобы я не беспокоился о Марагум-тамо, и рассказали мне причину тревоги. Утром сегодня женщины Бонгу, выйдя на работу далеко в поле, заметили на холмах несколько незнакомых вооруженных людей; им показалось, что эти люди стараются окружить их, и некоторым из женщин почудилось, что вооруженные люди направляются в их сторону и приближаются. Они с криком бросились бежать; те, которые были впереди, услышав шаги бегущих за собою, убедились, что за ними гонятся, стали еще более кричать и направились к плантации, где работали несколько мужчин. Последние, увидав скоро, что все это была ложная тревога, стали бить своих жен, чтобы заставить их замолчать, но достигли, однако же, противного. Жены и дочери их подняли такой гвалт, что вдалеке проходившие люди Гумбу не могли более сомневаться, что люди Марагум-Мана бьют и убивают жителей Горенду, потому кинулись бежать к Гумбу, где уже рассказали слышанную мною повесть о нападении на Горенду, смерти Бонема и т. д. Они прибавили, что люди, виденные женщинами Бонгу, могли быть действительно жителями Марагум-Мана, и поэтому все-таки опасаются нападения.

Моим соседям очень понравилось обстоятельство, что и я приготовился принять как следует неприятеля, и просили позволения прислать своих женщин под мое покровительство, когда будут ожидать нападения горцев. Я подумал, что это удобный случай познакомить моих соседей с огнестрельным оружием. До сих пор я этого не делал, не желая еще более возбуждать подозрительность и недоверие туземцев; теперь же я мог им показать, что в состоянии, действительно, защитить себя

и тех, кого возьму под свое покровительство. Я приказал Ульсону принести ружье и выстрелил. Туземцы схватились за уши, оглушенные выстрелом, кинулись было бежать, но остановились, прося спрятать ружье скорее в дом и стрелять только тогда, когда придут Марагум-тамо. Ружье туземцы назвали сегодня «табу», вследствие того, кажется, что с первого дня моего пребывания здесь все недозволенное, все, до чего я не желал, чтобы туземцы дотрагивались или брали в руки, я называл «табу», употребляя полинезийское слово, которое таким образом ввелось в употребление здесь.

1 марта. Приходили люди Гумбу просить меня идти с ними и жителями Горенду и Бонгу на Марагум, говоря, что будут делать все, что я прикажу, и прибавляя, что, услыхав о приближении Маклая, жители деревни Марагум убегут дальше в горы.

Пришли также жители Колику-Мана, а с ними Туй и Лялу. Все говорили о Марагум и хором прибавляли, что теперь, когда Маклай будет с ними, Марагум-тамо будет плохо.

Такое распространяющееся мнение о моем могуществе мне не только не лестно, но в высшей степени неприятно. Чего доброго, придется вмешаться в чужие дела; к тому же такие штуки нарушают мою покойную жизнь лишним шумом и тревогою.

Пошедший вечером дождь заставил меня опять отложить поездку в Били-Били.

Сидя в шалаше у костра, я занимался печением на углях ауся и бананов себе на ужин и наслаждался тишиною ночи, когда мой слух внезапно был поражен сильными, затем учащенными ударами барума в Горенду. Одна и та же мысль мелькнула в голове у меня и у Ульсона: люди Марагум нападают на жителей Бонгу и Горенду, откуда стали доноситься протяжные звуки каких-то нестройных инструментов. Это обстоятельство, как и то, что бессонницей делу не поможешь, заставили меня лечь спокойно спать и не прислушиваться к фантастическим звукам, долетавшим из деревни.

2 марта. Ночью, сквозь сон, несколько раз слышал звуки барума, звуки папуасских музыкальных инструментов и завывания самих туземцев. Около половины пятого утра послышалось сквозь сон, что кто-то зовет меня. Я вышел на веранду и разглядел в полумраке

Бангума из Горенду, который пришел позвать меня от имени всех туземцев, жителей Горенду, Бонгу и Гумбу, на их ночной праздник. Я, конечно, согласился, оделся второпях, и мы пошли, вследствие темноты часто спотыкаясь о корни и лианы.

На первой площадке Горенду я был встречен Туем, весьма бледным от бессонной ночи. Он попросил перевязать его рану, которая все еще сильно беспокоила его. Когда я кончил, он указал на тропинку, которая из деревни вела между деревьями к морю, и прибавил: выпей «кэу» и покушай «аяна» и «буам» [47]. По тропинке пришел я к площадке, окруженной вековыми деревьями, на которой расположились человек 50 туземцев. Открывшаяся картина была не только характеристична для страны и жителей, но и в высшей степени эффектна. Было, как я сказал, около пяти часов утра. Начинало светать, но еще лес покоился в густом мраке. Площадка была с трех сторон окружена лесом, а переднюю представлял обрывистый морской берег; но и эта сторона не была совершенно открыта. Стволы двух громадных деревьев рисовались на светлой уже поверхности моря. Мелкая растительность и нижние сучья этих двух деревьев были срублены, так что прогалины между ними казались тремя большими окнами громадной зеленой беседки среди леса.

На первом плане, вблизи ряда костров, группировалась на циновках и голой земле, вокруг нескольких больших табиров толпа туземцев в самых разнообразных позах и положениях. Некоторые, стоя, закинув голову назад, допивали из небольших чаш последние капли кэу; другие уже с отуманенными мозгами, но еще не совсем опьяненные, сидели и полулежали с вытаращенными, неподвижными и мутными глазами и глотали зеленый напиток; третьи уже спали в разнообразнейших позах (лежа на животе, другие на спине с раскинутыми руками и ногами, третьи полусидели с головами, низко склонившимися на грудь). Между тем как некоторых одолела бессонная ночь и кеу, другие, сидя вокруг табиров с аяном и буамом, весело болтали. Были еще и такие, которые хлопотали около больших горшков с варящимся кушаньем. Несколько, вероятно, отъявленных любителей папуасской музыки, подняв высоко над головою или прислонив к деревьям свои бамбуковые трубы, более чем в два метра длины, издавали протяжные завывающие громкие звуки [48]; другие, дуя в

продолговатый, просверленный сверху и сбоку орех, производили очень резкие свисткообразные звуки [49]. Кругом к стволам деревьев были прислонены копья; луки и стрелы торчали из-за кустов. Картина была в высшей степени своеобразна, представляя сцену из жизни диких во всей ее первобытности, — одна из тех, которые вознаграждают путешественника за многие труды и лишения. Но и для художника картина эта могла бы представлять значительный интерес своим разнообразием поз и выражений толпы здоровых, разного возраста туземцев, — странностью освещения первых лучей утра, уже золотивших верхние ветви зеленого свода, и красного отблеска костров.

Я погрузился в рассматривание новой для меня картины. Мой взгляд переходил от одной группы к другой, от окружающей обстановки к спокойному, серебрившемуся морю и далеким горам, по которым разливался розоватый свет восхода. Мне жаль было, когда несколько знакомых голосов, приглашавших присесть к ним, оторвали меня от наблюдений и созерцания. (Я часто в моих путешествиях желал и желаю быть единственно зрителем, наблюдателем, а не участником происходящего.)

Завтрак должен был быть сейчас готов, что было возвещено усиленным завыванием бамбуковых труб, причем я ощутил всю неприятность этих раздирающих ухо звуков.

Скоро собралось значительное число жителей трех деревень — Бонгу, Горенду и Гумбу. Они накинулись на кушанья, принесенные в табирах очень большого размера. Из одного табира мне было положено в свежеотколотую половину кокосовой скорлупы немного желтовато-белой массы, предложенной мне с уверениями, что это очень вкусно. То был буам (саго, приготовленное из саговой пальмы) с наскобленным кокосовым орехом. Это папуасское кушанье имело, действительно, приятный вкус. Затем меня угостили хорошо сваренным аяном, который надо было есть сегодня с так называемым орланом [50], но этот кислый соус имел такой острый запах, что я отказался от него. Скатертью служили нам банановые листья, посудою, т. е. тарелками и чашами — скорлупа кокосовых орехов, вилками — обточенные бамбуковые палочки, заостренные кости, а многие пускали в ход свои гребни (на папуасском языке вилка и гребень — синонимы); ложками — туземные яруры. Было

оригинально видеть это разнообразие орудий, которые употребляются здесь при еде.

Уже совсем рассвело, и, рассматривая окружающих, я везде встречал знакомые лица из соседних деревень. Когда я поднялся, чтобы уйти, мне был дан целый сверток вареного аяна и послышались приглашения прийти обедать. Уходя, я должен был посторониться, чтобы дать пройти процессии, которая несла припасы для продолжения праздника. Туй с Бонемом принесли на палке большой сверток буама, тщательно обвернутый листьями; за ними несколько туземцев несли кокосы, а другие пронесли, также повешенную на палке, лежащей на плечах двух носильщиков, большую корзину аяна, за нею другую и третью. Дальше шесть туземцев несли трех свиней, крепко привязанных к палкам, концы которых лежали у них на плечах. Это процессия подвигалась с некоторою торжественностью; припасы раскладывались по порядку на известных местах площадки. Гости из других деревень осматривали и считали принесенное, делая свои замечания; все это должно было быть съедено за обедом, которым заканчивалось угощение, начавшееся накануне вечера.

Не зная наверное, приду ли я к обеду, за мною пришли несколько туземцев, чтобы снова звать меня в Горенду. Пришлось опять вернуться в деревню, что я и сделал, запасшись обещанным табаком; по дороге я был остановлен женщинами трех деревень: «Дай им табаку!» Пришлось дать. Женщины не принимают непосредственного участия в этих папуасских пиршествах; они едят отдельно и служат только при чистке съестных припасов; для них, как и для детей, доступ на площадку воспрещен. Так было и в Горенду. Мужчины пировали в лесу, женщины и дети расположились в деревне и чистили аян. На площадке сцена была очень оживлена и имела иной характер, чем утром. На одной стороне, на циновках лежали куски распластанных свиней; кроме нескольких ножей, обмененных у меня, туземцы резали мясо бамбуковыми ножами и, кроме того, своими костяными донганами, отделяя мясо по мускулам, а затем очень искусно рвали его руками.

Другая сторона площадки была занята двумя рядами бревен, положенных параллельно; на них были поставлены большие горшки, фута $1^1/_2$ в диаметре; таких горшков я насчитал 39; далее стояли, также на двух бревнах, пять горшков еще большего размера, в кото-

рых варился буам. В середине площадки очищали буам от листьев и других нечистот и скребли кокосы. Жители Горенду, как хозяева, разносили воду в больших бамбуках и складывали дрова около горшков. Я пришел как раз в то время, когда шел дележ мяса; оно лежало порциями, нарезанное или оторванное руками от костей. Туй громко вызывал каждого гостя, называя его имя и прибавляя «тамо» (человек) такой-то деревни. Названный подходил, получал свою порцию и шел к своему горшку (для каждого из гостей пища варилась в особенном горшке). Не успел я сесть около одной группы, как раздался голос Туя: «Маклай, тамо-русс». Я подошел к нему и получил на зеленом листе несколько кусков мяса [51]. Услужливый знакомый из Бонгу указал мне, где стоял для меня назначенный горшок, и так как я остановился в раздумье перед ним, не особенно довольный перспективой заняться варкой своей порции, как это делали все гости, то мой знакомый, догадавшись, что мне не хочется варить самому, объявил, что он сделает это для меня, и сейчас же принялся за дело. Он сорвал с соседнего дерева два больших листа и положил их крест-накрест на дне горшка; затем вынул из стоящей большой корзины несколько кусков очищенного аяна и положил вниз, а сверху куски свинины. Его сменили двое других туземцев, которые наполняли поочередно все горшки аяном: один, стоя с полною корзиною по одну сторону ряда горшков, другой же по другую, наполняя их как можно плотнее аяном. Когда у всех гостей были приготовлены таким образом горшки, жители Горенду, которые, будучи хозяевами, приняли на себя роль слуг, вооружились большими бамбуками, наполненными морской и пресной водою, и стали разливать воду в каждый горшок, причем морской воды они лили приблизительно $^1/_3$, доливая $^2/_3$ пресной. Каждый горшок был прикрыт сперва листом хлебного дерева, а затем «гамбою» [52]; это опять было сделано одним из молодых людей Бонгу, который затем стал разводить огонь под горшками. Все это делалось одно за другим в большом порядке, как бы по установленному правилу; то же самое случилось и при разведении громадного костра, на котором должно было вариться кушанье. Этот костер был не менее 18 метров длины и метра ширины. Топливо было так хорошо расположено под бревнами, на которых стояли горшки, что оно скоро вспыхнуло. Я направился к другим группам. В одной несколько ту-

земцев скребли кокосовый орех, усердно работая своими ярурами, сохраняя начисто выскобленные половинки скорлупы. Наскобленный кокосовый орех назначался для буама, который варился в особенных больших горшках. Около другой группы лежали разные музыкальные инструменты, которые без различия называются папуасами «ай». Главнейший состоит из бамбука метра в два и более длины; он хорошо очищен, и перегородки внутри уничтожены; один конец этих длинных труб папуасы берут в рот, растягивая значительно губы, и, дуя или, вернее, крича в бамбук, издают пронзительные, протяжные звуки, немного похожие на завывание собак; звук этих труб можно слышать за полмили. Другой инструмент, называемый «орлан-ай», состоит из ручки, к которой прикреплено много шнурков с нанизанными на них скорлупами орлана. Держа ручку и потрясая инструментом, туземцы производят такой звук, как будто кто трясет большими деревянными четками. Затем — «монки-ай», пустая скорлупа кокосового ореха с отверстием наверху и с другим сбоку, которые попеременно закрываются пальцем. Приложив к губам и дуя в верхнее отверстие (отверстие не вкладывается в рот, а в него дуют сверху), туземцы производят резкий звук, который варьируется вследствие открывания и закрывания бокового отверстия, а также и величины кокосового ореха. Было еще несколько других инструментов [53], но три описанных были главные. Участники этого папуасского пиршества, отрываясь на минуту от работы, принимались за какой-нибудь из описанных инструментов и старались показать свое искусство на одном из них, по возможности более оглушительным образом, превзойти, если можно, все предшествовавшие уширазодирающие звуки.

Я отправился в деревню посмотреть, что там делается. Женщины все еще чистили аян, по временам отщепливая внутренние слои бамбуковой пластинки, которая служила им вместо ножа, вследствие чего край пластинки снова делался более острым. Что эти туземные ножи режут очень хорошо, я убедился сам, накануне вырезав себе, вовсе не желая того, из пальца кусок мяса. В деревне было жарко, гораздо меньше тени, чем в лесу, и уставшие от работы женщины пристали ко мне за табаком. Так как мужчин нигде не было видно, то они были гораздо менее церемонны, чем обыкновенно, в присутствии их мужей, отцов и братьев. Доступ женщинам

на площадку, где пировали мужчины, как и мальчикам до операции «мулум» [54], после которой они считаются уже мужчинами, строго воспрещен.

Я вернулся на площадку, где готовился наш обед. Несколько туземцев из стариков принялись за приготовление кэу.

Несколько раз в продолжение дня я замечал, что туземцы, обращаясь ко мне, называют меня Туй, а Туя Маклаем. На мое замечание, что я Маклай, а не Туй, один из туземцев объяснил мне, что я так заботился о Туе во время болезни, что исцелил его, Туй готов решительно все делать для меня; мы теперь такие друзья, что Туй называется Маклай, а Маклай Туем.

Значит, и здесь, в Новой Гвинее, существует обычай передачи имен, подобно как и в Полинезии.

Жара, а особенно оглушительная музыка имели результатом сильнейшую головную боль, и я сообщил Тую, что отправляюсь домой. Как раз кушанье в моем горшке было готово, и меня не хотели отпустить, не дав мне его с собою. Его положили в корзину, обложенную внутри свежими листьями хлебного дерева. Моя порция была так велика, что тяжесть ее равнялась той, которую может нести рука человека. Я пожалел тех, кому предстояло набить свои желудки даже половиною того, что я отнес домой в руках.

3 марта. Пришедший Туй, заметя около кухни пустую корзину, в которой я вчера принес свою порцию из Горенду, привязал ее к одной из ветвей дерева около хижины, сказав мне, что если кто спросит, откуда это, я бы отвечал: «Буль (свинина) и аян от Туя в Горенду». Таким образом я узнал значение корзин разной величины, висящих на деревьях в деревнях. Я не раз спрашивал, зачем они там висят, на что мне отвечали имя какой-нибудь деревни.

4 марта. Заперев палками, гвоздями и веревками обе двери моей хижины и укрепив перед каждою пальмовую ветвь, одним словом, заперев их совершенно á la papoua, т. е. так, как делают туземцы, я поднял около 12 часов ночи якорь и направился в Били-Били, островок, отстоящий отсюда миль на 15.

Я рассчитывал добраться туда при помощи берегового ветра и вернуться, пользуясь обыкновенно дующим днем NW, к вечеру сегодняшнего же дня. Береговой ве-

терок, действительно, потащил нас вперед, хотя и медленно; к тому же спешить было некуда, перед нами была еще почти вся ночь. К рассвету ветерок посвежел, и мы пошли скорее. Поднявшееся солнце осветило интересную для меня картину гор, которые на этом расстоянии кажутся очень высокими. Я старался рассмотреть конфигурацию гор и запомнить, в каких местах можно было с меньшими препятствиями проникнуть далее. За Мале, не доходя Богати, береговой хребет как бы расступается. Солнце совсем поднялось, и ветер стал спадать; наступил, наконец, полный утренний штиль перед NW, который начинает задувать около 8—9, а иногда только 10-ти часов утра. Пришлось грести, что было довольно утомительно после ночи, проведенной без сна. Мы наконец приблизились к юго-восточному берегу островка, состоявшего из поднятого кораллового рифа и о который бил прибой. Высыпавшие туземцы, узнав меня, весело бежали по берегу и показывали мне, что следует обогнуть остров. Вскоре открылась и деревня. На песчаный берег, на который были вытащены большие пироги, и так высоко, что казалось — они стояли в самой деревне. Между ними возвышались высокие крыши хижин, за которыми, в свою очередь, высились ряды кокосовых пальм, светлая зелень которых выдавалась на темно-зеленом фоне остального леса.

Когда мы подошли ближе к песчаному берегу, шлюпка моя была мигом подхвачена десятками рук и скоро вытащена на отлогий берег. Оставив Ульсона в шлюпке при вещах, я отправился в деревню, сопровождаемый почти что всем мужским населением. Не видя женщин, желая также познакомиться с ними, а главное — желая избавить их от затруднения прятаться при моем приближении, что было бы стеснением для нас всех, — я настоял, чтобы они сами вышли получить подарки, которые я намеревался им дать. Каин, одна из влиятельных личностей деревни, который уже не раз бывал в Гарагасси и знал диалект Бонгу, узнав от меня, что женщины Гумбу, Горенду, Бонгу и других деревень более от меня не прячутся, уговорил и жителей Били-Били согласиться на мое желание. Тогда на зов мужчин из хижин вылезли несколько старух, почти совсем голых, некрасивых существ. Мне объяснили, что большинство женщин на плантациях, на материке, но что они скоро вернутся. Раздав мужчинам табак, а женщинам тряпки и бусы, я пожелал посмотреть на их телумы. Меня повели к од-

ной хижине, но в ней было так темно, что пришлось уговорить туземцев вынести телум из хижины. Это был первый телум, изображавший женскую фигуру. Нарисовав его, мы направились в довольно обширную буамрамру, стоящую посередине деревни. Четыре угловых столба были вырезаны в виде телумов. Нарисовав и их в мой альбом, я обошел всю деревню. Вышел также на противоположный берег острова. Вид оттуда был великолепный, к сожалению, однако ж, все вершины гор были покрыты клубами облаков. Когда я вернулся в деревню, меня окружили женщины и девушки, только что вернувшиеся с плантаций. Все они громко просили бус и красных тряпок, которые они видели у старух, получивших их от меня утром. У женщин украшений из раковин и собачьих зубов было гораздо больше, чем в деревнях на материке, но зато костюм их был короче и воздушнее. У девочек моложе 13 лет он ограничивался очень небольшой кисточкой спереди и более длинной сзади. К поясу, который придерживал кисточки, по обеим сторонам были привешены украшения из раковин, больших черных и красных зерен, которые лежали по сторонам, сзади, на ягодицах. Уши были пробуравлены во многих местах. Женщины на островке Били-Били очень деятельны: на них лежит приготовление или выделка горшков, которые развозятся и выменива́ются их отцами или мужьями в береговых деревнях. Перед отъездом я хотел напиться, почему спросил кокосовых орехов. Мне принесли несколько таких, которые туземцы называют «пиу». Я записал слов 15 или 20 диалекта Били-Били, который оказался весьма отличим от языка моих соседей, хотя некоторые слова встречаются и одинаковые. Многие жители Били-Били, однако ж, знают диалект Бонгу.

Шутя я сказал, что, может быть, я перееду жить в Били-Били. Эти слова были подхвачены, и жители острóвка с восторгом (скорее поддельным, чем истинным) стали повторять, что Маклай будет жить в Били-Били, что Били-Били люди лучше, чем Бонгу и т. д. Когда я собрался ехать, пошел сильный дождь, и я решил остаться ночевать в Били-Били, к видимому удовольствию жителей.

Оставить вещи в шлюпке нельзя было по случаю дождя, почему я попросил указать мне место, где я мог бы провести ночь. Мне предложили хижину или каюту одной из вытащенных на берег больших пирог. Эти пи-

роги заслуживают внимания своею постройкою, почему я их здесь опишу. Сама пирога отличается от малых единственно своими размерами. Длина некоторых из них приблизительно около 10 или 12 метров, и они (как и малые) выдолблены из одного толстого ствола; но для того, чтобы пирогу не так легко заливало, к обоим краям выдолбленного ствола «пришиты» по длинной планке или две, одна на другой. В крае пироги (в стволе), а также в планке сделано по соответственному отверстию, через которое проходит гибкий, тонкий ствол, связывающий планку с самой пирогой. Щели и промежуток, оставшиеся в отверстиях, законопачиваются разбитою и вымоченною в воде древесиною какого-то дерева. Нос и корма кончаются высокою, иногда выгнутою доскою с различною резьбою. На одной стороне находится вынос [55], прикрепленный к пироге двумя поперечными перекладинами. Размеры выноса относительно длины пироги можно видеть на приложенном рисунке. На перекладинах выноса находится платформа, на которой, в больших пирогах Били-Били, выстроена целая хижина длиною метра в два, шириною в 4 или 5. Стены ее сделаны из расколотого бамбука, крыша из сплетенных листьев саговой пальмы. Мачта как раз разделяла хижину на две части, по обеим сторонам которых находились два длинных сиденья, где лежа могли помещаться двое. Таким образом, считая двух других, могущих спать на полу в хижине, находилось на ночь или на случай непогоды помещение не менее как для восьми человек. Верхняя половина хижины имела разборные стены, даже крыша могла быть разобрана в очень непродолжительное время. Вообще можно было заметить, что все в пироге было прилажено очень удобно, и нигде в этой хижине не терялось даром место. У самой мачты, на высоте сиденья, был укреплен плоский ящик, наполненный землей, в котором в случае надобности мог быть разложен огонь, совершенно безопасно. Я нашел предложенное мне помещение очень удобным, светлее и чище, чем в хижине, и мне тотчас же пришла мысль воспользоваться со временем подобной большой пирогой для посещения деревень вдоль берега.

Каин, хозяин пироги, мой хороший приятель, принес скоро большой табир с дымящимся саго и наскобленным кокосовым орехом. Переставший перед заходом солнца дождь позволил мне обойти еще раз деревню, причем в углу одной хижины я открыл череп

крокодила, которых, как меня уверяли, очень много в море.

Я затем имел случай видеть производство горшков, которым Били-Били славится на берегу материка Новой Гвинеи на несколько десятков миль. Неудивительно, что Били-Били доставляет их такое количество, так как выделкою их занимается почти каждая семья, и у каждой хижины, под крышей, стоят ряды готовых и полуготовых горшков. Выделывание горшков выпадает на долю женщин. Я проследил весь процесс, начиная от смешивания глины с мелким песком, до обжигания готовых горшков.

Орудие, употребляемое при выделке их, ограничивается двумя или тремя дощечками и парою круглых, немного приплюснутых с обеих сторон камней. Сперва, с помощью плоской палочки, делается из глины верхнее отверстие горшка, которое оставляется сушиться на солнце. Когда оно немного отвердеет, к нему мало-помалу прилепляются по кускам остальные стенки, которые выравниваются. Правильная форма горшку дается тем, что, держа горшок на коленях, женщины просовывают левую руку с круглым или плоским камнем в горшок, подставляя его к внутренней поверхности стенки, а правой рукой ударяют дощечкой по соответствующему месту на внешней стороне и выравнивают при этом как поверхность, так и толщину горшка. Когда горшок готов, его сперва сушат на солнце, а потом обжигают на слое хвороста, обкладывая листьями, тонкими прутьями и т. п. Положив горшки в несколько рядов один на другой и обложив всю кучу мелким, легким хворостом, поджигают костер. Все они приблизительно одной формы, хотя разной величины. Украшений на них мало: иногда ряд точек вокруг горла, или род звезды вместо круга; иногда те же украшения выдавлены ногтем.

При заходе солнца я сделал снова прогулку вокруг островка. Я уже чувствовал себя в Били-Били, как у себя дома, и познакомился уже со многими главными тропинками и закоулками островка. Как я уже заметил выше, весь остров, за исключением деревни, покрыт лесом, в котором находится несколько экземпляров красивых старых деревьев и живописных групп пальм. Самый край берега, который у деревни отлог и песчан, здесь обрывист и состоит из поднятого кораллового известняка; в некоторых местах в нем находятся глубокие пещеры, в которые с шумом льется вода. Вид высоких

гор, открытое море, красивые деревья вокруг и даже однообразный, убаюкивающий гул прибоя мне так понравились, что мысль переселиться сюда, которую я высказал туземцам шутя, показалась мне довольно хорошей. Я даже нашел два уголка, куда я мог бы поставить свою хижину, и не знал, которому отдать преимущество. Одно обстоятельство, однако ж, мешает: островок мал, а людей много, — пожалуй, будет тесно. Когда я отправился гулять, мне понравилось, что никто из туземцев не побежал за мною поглядеть, куда я иду, никто не спросил, куда и зачем я отправляюсь. Все были заняты своим делом. Мои соседи на материке гораздо любопытнее или, может быть, подозрительнее. Здесь, однако ж, люди гораздо разговорчивее или любознательнее. Место жительства туземцев на небольшом островке повлияло значительно на характер их занятий и на их собственный. Не имея места на острове заниматься земледелием, они получают все главные съестные припасы из соседних береговых деревень, сами же занимаются разными ремеслами: горшечным производством, выделыванием деревянной посуды, постройкой пирог и т. п.

Возвращаясь в деревню, я был остановлен у одной хижины: хозяин пожелал поднести мне подарок и, схватив какую-то несчастную собаку, которая, вероятно, не ожидала такого конца, за задние лапы, ударил ее с размаха головой о соседнее дерево и, размозжив ей таким образом череп, положил ее к моим ногам. Он это сделал так скоро, что я не успел остановить его. Поняв, что это был подарок и не желая обидеть дарящего, я принял его, но попросил, чтобы хозяин сам приготовил, сварил или изжарил бы собаку. Когда мне подали целый табир с кусками вареного собачьего мяса, я роздал обступившим меня туземцам по кусочку, оставив большую порцию Каину, небольшую Ульсону и маленькую себе. Перед тем, как стало темнеть, все население островка, мужское и женское, было налицо. Также очень много детей, многим из которых родители хотели дать имя Маклая, на что, однако ж, я не согласился.

5 марта. Проспав отлично ночь, я отправился на восточный берег островка посмотреть на вершины гор Мана-Боро-Боро, как называют туземцы горы Финистер. При восходе солнца горы видны ясно; к 7—8-ми часам утра облака собираются и ложатся на вершины до ве-

чера. Сегодня утро было великолепное, и два прохода в береговой цепи около дер. Мале и около дер. Богати так и манили возможностью пробраться внутрь страны.

Я так замечтался, что не заметил, как около меня расположилась целая группа туземцев и молча следила за моими взорами. Подошел также и Каин, которому я сказал, что, поев его саго, я отправлюсь домой, как только ветер будет посильнее. В ожидании саго и ветра я занялся составлением словаря диалекта Били-Били, который значительно разнится от языка моих соседей. В физиономиях туземцев я мог заметить желание, чтобы я убрался поскорее. Это желание они довольно хорошо скрывали под личиною большой любезности. Чувство это я нашел таким естественным, может быть, вследствие того, что сам испытывал его подчас. Эти люди привыкли быть одни; всякое посещение, особенно такого чужестранного зверя, как я, было для них сперва хотя и интересно, но потом утомительно, и желание избавиться от него, отдохнуть очень натурально.

Поэтому, как только подул слабый ветерок, я подал знак, и человек 30 проворно стащили в воду мою шлюпку. Я поднял флаг, который жителям очень понравился, что они выразили громким «ай!», и медленно стал подвигаться домой, сопровождаемый прощальными криками жителей Били-Били и обещаниями скоро навестить меня. Главною причиною этого желания было, что ребенок из Кар-Кара, с большими ранами на ногах, отцу которого я дал свинцовую мазь, очень поправился, почему множество больных Били-Били пристали помочь и им, но, не взяв никаких лекарств с собою, я объявил, чтобы они приехали ко мне.

К двум часам пополудни, по случаю слабого NW, мы были уже в виду мыса Гарагасси, и не без чувства ожидания и любопытства поднялся я к своей хижине, которую в первый раз оставил так долго без присмотра, и не был совершенно уверен, что мои веревки и пальмовые листья окажутся достаточно надежною преградою любопытству папуасов. Все, однако же, оказалось целым, и не успел я распутать веревки у дверей, как один за другим явилось человек 20 или более, которые с удивленными физиономиями спрашивали, где я был, и на мой ответ — в Били-Били — сказали, что думали, что я отправился в Россию. После обеда мы выгрузили подарки из Били-Били: оказалось около 50 кокосов,

4 ветви хороших бананов и фунтов 20 саго. Табак и гвозди окупились. <...>

29 марта. Туземцы настолько привыкли ко мне и настолько убеждены, что я им не причиню никакого вреда, что я перестал стесняться относительно употребления огнестрельного оружия. Хожу почти каждое утро в лес за свежею провизией. Разные виды [пропущено в рукописи] предпочитаются, разумеется, мною, но я не пренебрегаю мясом попугаев, какаду и других. Попробовал на днях мясо Corvus senex[56], которого скелет я, разумеется, отпрепарировал.

Туземцы очень боятся выстрелов из ружья; несколько раз уже просили не стрелять близ деревень, но вместе с тем очень довольны, когда я им дарю перья убитых птиц, которыми они украшают свои гребни.

Вчера часы у меня остановились. Желая встать до света, я лег очень рано и заснул крепким сном. Когда я проснулся, было темно; мне показалось почему-то, что я спал долго и что скоро пора идти. Часы стоят. Я оделся и пошел сам развести огонь. Заварил чай и спек в золе аусь и бананы. Позавтракал, стал потом дожидаться первых лучей. Сидел, сидел, сидел, все так же темно. Решил, наконец, снять часть охотничьей амуниции и поспать немного. Я заснул, несколько раз просыпался — все еще было темно. Наконец, проснувшись, я вскочил, так как было уже совсем светло. Полагаю, что я завтракал в 12 часов или в час ночи. Положительно очень неудобно не иметь часов. В Горенду застал Туя, готового сопровождать меня, и с восходом солнца мы отправились. Влезли сперва на Горенду-Мана (около 300 футов вышины) и прошли лесом на SO. Хребет невысокого кряжа был покрыт не густым, но высоким лесом, и, раз взобравшись туда, идти было удобно. Птиц, однако же, почти что не было, даже крика их не было слышно. Пройдя около часа, мы вышли из леса к другому скату хребта, покрытому высоким унаном, и отсюда открылась очень красивая обширная панорама холмов, кряжей и гор, покрытых темным лесом, между которым в немногих местах проглядывали светло-зеленые лужайки и склоны, покрытые унаном. На дальних высоких вершинах гор клубились уже облака. Туй не дал мне долго любоваться видом и стал быстро спускаться по крутому скату кряжа, держась за унан и почти что исчезая в нем. Мы сошли к болоту, где вы-

сокая трава была заменена тростником и папоротниками. Здесь послышалось далекое журчанье. Туй объяснил мне, что мы приближаемся к большой воде (реке). Снова вошли в лес. Изрытая везде земля показывала частое посещение этой местности дикими свиньями. Шум воды становился все сильнее. Деревья стали редеть. Мы выходили к опушке леса, когда на одном из деревьев я заметил несколько фигур. Они меня очень заинтересовали. Я их срисовал. Спрошенный Туй объяснил мне, что кто-нибудь из людей Теньгум- или Энглам-Мана вырубил их топором. Я спросил, стало ли это дерево теперь телум, на что получил отрицательный ответ. Хотя я уже здесь слишком полгода, но все-таки знания языка оказалось недостаточным, я не мог спросить обстоятельно, зачем, почему сделаны эти фигуры и что они означают.

Мы подошли к самой реке, которая оказалась видною далеко с моря. Она на значительном протяжении отделяет низкий береговой хребет от более высокого, течет с S на N и на значительном расстоянии впадает около Гумбу в море. Русло речки очень широкое, но в это время года оно было пересохшим, и несколько отдельных рукавов различной ширины образовали множество островков, покрытых преимущественно крупным булыжником. Ложе реки было в этом месте широкое (шире Невы против Петроплавловской крепости), и я насчитал не менее пяти рукавов, которые надо было перейти, чтобы попасть на другой берег. В двух или трех средних вода бежит очень стремительно. Не желая смочить обувь, я снял башмаки, что оказалось ошибкою, так как, не привыкши ходить босиком, мне было трудно идти по мелкому булыжнику. Течение было здесь также сильное, и только благодаря копью Туя, которое он мне подал, я перешел благополучно на одну из отмелей. Перейти через четыре остальных рукава мы не рискнули. Туй попробовал было, но в нескольких шагах погрузился выше пояса в воду. Я не настаивал идти далее, потому что при глубине воды и силе течения я, не умея плавать, не мог бы без чужой помощи добраться до противоположного берега. На силы Туя, не совсем еще поправившегося от раны, я не мог положиться. Переходя вброд через первый рукав, ноги мои были неприятно бомбардированы довольно крупными булыжниками (больше куриного яйца), которые неслись по течению. В средних, более широких и глубоких рукавах булыж-

ники эти, разумеется, больше и могут, я полагаю, сшибить человека с ног.

Виды на оба берега были живописны, и я пожалел, что при жарком солнце не нашел возможным сделать полный рисунок, а удовольствовался поверхностным наброском, который прилагаю. Булыжники островка, на который мы перешли, были очень крупны (некоторые из них величиною с детскую голову) и свидетельствовали о силе течения во время дождей. Толстые стволы деревьев, лежащие там и сям на островках, тоже доказывали, что при дождях масса воды должна быть очень значительна. Туй сказал мне, что в реке много рыбы и что люди Горенду и Бонгу приходят иногда ловить ее.

Я не захотел возвращаться старою дорогой. Мы поэтому влезли на крутой холм, цепляясь за корни. На вершине опять оказался унан и опять жара от палящего солнца. Снова сошли вниз к реке и опять поднялись по отлогому скату холма, покрытого лесом. Здесь, думал Туй, будет богатая охота на птиц. Но их нигде кругом не было ни видно, ни слышно. Позавтракав очень рано и не взявши ничего с собою, я почувствовал, что желудок очень пуст. Не находя добычи решительно никакой, я направился домой. Туй попросил подождать его, говоря, что он хочет вырезать недалеко несколько бамбуков. Я согласился. Прождав полчаса, я стал звать его — ответа нет. Употребил свисток в дело — молчание. Прождав еще четверть часа и думая, что Туй преспокойно возвратился домой, я также направился к дому. Надо было пройти сперва широкий луг унана. Не найдя настоящей тропы, я должен был проложить себе сам путь, что оказалось очень трудно. Жесткий, густой, выше человеческого роста унан представляет упругую массу, раздвинуть которую подчас руками или ногами мне оказывалось не под силу. Чтобы двигаться далее в таких критических местах, придумал употреблять средство, которое увенчалось успехом. Я во весь рост ложился на унан, который под тяжестью моего тела медленно опускался; вставая, я мог идти далее или снова повторять придуманный маневр. Трава была выше моего роста, почему только при помощи компаса, который я, к счастью, захватил с собою, я мог идти по направлению к дому, а не блуждать по сторонам. Раз пять я отдыхал, — так трудно было прокладывать себе дорогу по этому зеленому морю. Отвесные лучи солнца, пустой желудок, вся охотничья сбруя заставили ме-

ня даже бояться солнечного удара, так как я несколько раз почувствовал головокружение. Я, наконец, добрался до леса, и здесь долго пришлось искать тропинку в Гарагасси. Вернувшись домой, две чашки чаю, хотя не особенно хорошего и очень жиденького, и без сахару, значительно освежили меня.

30 марта. Приготовил скелеты серого ворона и красного попугая. Из обрезанных мускулов, окончив работы, сам срубил себе котлетку, которую сам изжарил, так как Ульсон был занят стиркой белья. Котлетка оказалась очень вкусная.

Погода так же хороша, как и вчера: в тени не более 31° Ц, что здесь вообще бывает не часто. Когда стемнело, туземцы из Горенду приехали ловить рыбу перед самой моей хижиной, на что они сперва пришли спросить позволения. Туй и Бугай остались посидеть и покурить около меня, отправив молодежь ловить рыбу. По их просьбе Ульсон спел им шведскую песню, которая им очень понравилась. Ловля рыбы с огнем очень живописна, и я долго любовался освещением и сценою ловли. Все конечности ловящего заняты при этом; в левой руке он держит факел, которым размахивает по воздуху, как только последний начинает гаснуть; правою туземец держит и бросает юр [57]; на правой ноге он стоит, тогда как левою по временам снимает рыбок с юра. Когда ловля кончилась, мне преподнесли несколько рыбок.

31 марта. Я размерил рис и бобы на следующие 5 месяцев; порции оказались очень небольшими, но все-таки, имея этот запас, приятно чувствовать, что не завишу от туземцев. К тому же ружье доставляет мне ежедневно свежую провизию, так что с этой стороны наша жизнь вполне обеспечена. Последние недели я замечаю изменение погоды: NW, иногда очень свежий, дувший последние месяцы в продолжение дня, заменился тихим ветерком, и часто даже днем случаются штили. В марте выпало меньше дождя, чем в предыдущие месяцы, но последние дни по ночам собираются кругом черные тучи.

По деревням я замечаю также недостаток провизии.

2 апреля. Около 3-х часов почувствовал себя скверно — пароксизм — и должен был пролежать весь ве-

чер, не двигаясь, по случаю сильнейшей головной боли. Ночью была великолепнейшая гроза. Почти постоянная молния ярко освещала деревья кругом, море и тучи. Гроза обнимала очень большое пространство: почти одновременно слышались раскаты грома вдали и грохот его почти что над головой. Частые молнии положительно ослепляли, в то же время самый дальний горизонт был так же ясен, как днем; я вспомнил Шопенгауэра.

В то же время меня трясла сильная лихорадка. Я чувствовал холод во всем теле. Кроме того, холод и сырость, врывающиеся с ветром в двери и щели, очень раздражали меня. Как раз над головой на крыше была небольшая течь, и не успевал я немного успокоиться, как тонкая струйка или крупная капля дождя падала на лицо. Каждый порыв ветра мог сорвать толстые сухие лианы, все еще висящие над крышею, что имело бы последствием падение тяжелых ящиков, лежащих на чердаке надо мною.

Нуждаясь в нескольких часах сна и отчаиваясь заснуть при всех этих условиях, я принял незначительную долю морфия и скоро уснул.

3 апреля. После обеда отправился в Бонгу достать проводников для экскурсии в Теньгум-Мана. Я воспользовался отливом, чтобы засухо дойти туда. По обыкновению по приходе гостя туземцы готовят ему угощение, которое сегодня выпало не особенно удачным: вместо аяна сварили бау[58], и саго имело сильный запах плесени. Я сидел у костра, у которого несколько женщин занимались приготовлением ужина, и удивлялся ловкости, с какой они чистили овощи своими первобытными инструментами: обломком раковины и бамбуковым ножом. Одна из женщин пробовала чистить бау ножом, данным мною ее мужу, но легко было заметить, что она владела им гораздо хуже, чем своими инструментами. Она беспрестанно зарезала слишком глубоко, вероятно, потому, что, работая своими инструментами, они привыкли употреблять гораздо более силы, чем при усовершенствованных европейских.

Мне показали сегодня в первый раз род бобов («могар»), который туземцы поджаривают здесь, как мы, например, жарим кофе.

У одной женщины на руках был грудной ребенок, который вдруг раскричался. Я невольно нахмурился,

что испугало женщину, которая поднялась моментально и удалилась в хижину; ребенок не переставал кричать однако ж, почему женщина вышла снова из хижины, положила его в большой мешок, который повесила себе на спину таким образом, что снурок охватывал лоб, и, нагнув голову, чтобы сохранить равновесие, принялась быстро бегать взад и вперед по площадке между хижинами, причем ребенок, крик которого был, вероятно, затруднен движением, скоро умолк.

Мой ужин был готов, и меня повели в буамрамру и пригласили сесть на нары, после чего передо мной поставили табир с дымящимся бау и аусем. У папуасов здесь обычай оставлять гостя одного во время еды или только сидеть против него и прислуживать ему; хозяин при этом ничего не ест, а только прислуживает, другие же все отворачиваются или уходят на время.

Я нашел себе двух проводников, и еще третий по собственному желанию присоединяется к нам.

Когда я собрался идти, уже почти что совсем стемнело, и только на берегу моря можно было различать предметы, в лесу же царствовала полная темнота, и ощупью только я мог пробраться по узкой тропинке и не без труда дошел до Горенду, где жители были крайне удивлены моему позднему приходу. Несколько человек сидело около своих хижин и в темноте перекидывались иногда словами, только в буамрамре горел костер и варился ужин для гостя из Гумбу. Мне также предложили ужинать; я отказался и попросил только горящее полено, чтобы добраться до дому. Мне хотели дать проводника, я отказался, находя, что мне следует привыкать быть в некоторых отношениях папуасом. Я отправился с пылающим поленом в руках, но огонь скоро погас, а зажечь его снова я не сумел. Тлеющий конец мне вовсе не помогал, почему я и бросил его на полдороге. Несколько раз сбивался с тропинки, по которой днем я проходил уже много сотен раз, я натыкался на пни и ветви и раза два усумнился, что дойду в этой темноте до дому. Я уже мирился с мыслью переночевать в лесу, но все же двигался вперед и все-таки добрался до дому, где удивился, что пришел с целыми глазами и неоцарапанным лицом.

6 апреля. Приготовился совсем идти в Теньгум-Мана, думал в шлюпке отправиться в Бонгу, переночевать там и рано, с восходом солнца, идти в Теньгум-Мана, но

сильная гроза с проливным дождем заставили меня остаться дома.

7 апреля. Теньгум-Мана — горная деревня, лежащая за рекою Габенеу, и особенно интересует меня как одна из самых высоких деревень этого горного хребта, носящего общее имя Мана-Боро-Боро. Хотя я многих жителей горных деревень не раз уже видел в Гарагасси, мне хотелось посмотреть, как они живут. Оставив Ульсона в Гарагасси, я взвалил на плечи небольшой ранец, с которым, будучи студентом в Гейдельберге и в Иене, я исходил многие части Германии и Швейцарии. Захватив с собою самое легкое одеяло, я направился в Бонгу. Дорогой, однако ж, ноша моя оказалась слишком тяжелою, почему в Горенду я отобрал некоторые вещи, свернул их в пакет и передал его Дигу, который охотно взялся нести мои вещи. Прилив был еще высок; пришлось разуть ноги и, часто по колена в воде, идти по берегу. Солнце садилось, когда я вошел в Бонгу. Большинство жителей собиралось на рыбную ловлю, но многие по случаю моего прихода остались, чтобы приготовить мне ужин. В Бонгу были также гости из Били-Били, и мы вместе поужинали. Совсем стемнело, но папуасы и не думали зажечь других костров, кроме тех, которые были необходимы для приготовления ужина, и эти не горели, а догорали. Люди сидели, ели и бродили почти в полной темноте. Это хотя и показалось мне оригинальным, но не совсем удобным. Может быть, это происходит от недостатка сухого леса и значительной трудности рубить свежий каменными топорами. Когда надо было немного более света, туземцы зажигали пук сухих кокосовых листьев, который ярко освещал окружающие предметы на минуту или на две. Папуасы имеют хорошую привычку не говорить много, особенно при еде, процесс которой совершается молча. Наскучив сидеть впотьмах, я пошел к морю посмотреть на рыбную ловлю. Один из туземцев зажег пук кокосовых листьев, и при свете этого факела мы пришли к берегу, где дюжина ярких огней пылала на пирогах, и отражения их, двигаясь по воде, местами освещали пену прибоя. Весь северный горизонт был покрыт темными тучами. Над Кар-Каром беспрестанно сверкала молния, и по временам слышался далекий гром. Я присоединился к группе сидевших на берегу, на стволе выброшенного прибоем большого дерева. Пироги одна за другой скоро

стали приставать к берегу, и рыбаки приступили к разборке добычи. Мальчики лет 8 или 10 стояли у платформы пирог, держа факелы, между тем как взрослые раскладывали в кучки словленных рыбок. При резком освещении профиль мальчиков мне показался типичным, типичнее, чем профиль взрослых, у которых усы, бороды и громадная шевелюра, у каждого различная, представляли индивидуальный отпечаток. У мальчиков же безволосая нижняя часть лица и почти у всех выбритая голова представляли очень типические силуэты. Три особенности кинулись мне в глаза: высокий, бегущий назад череп с покатым лбом, выдающиеся вперед челюсти, так что верхняя губа выдавалась далее вперед, чем оконечность носа, и, в-третьих, тонкость шеи, особенно верхней полости, под подбородком. Каждый из рыбаков принес мне по нескольку рыбок, и один из них, когда мы вернулись в деревню, испек их для меня в горячей золе. Когда я отправился в буамрамру, где должен был провести ночь, меня сопровождали человек пять туземцев, которым было любопытно знать, как я лягу спать. Лако, хозяин хижины, сидел у светло горящего костра и занимался печением пойманной им рыбы. Внутренность хижины была довольно обширна и производила, при ярком освещении, позволявшем рассмотреть все до малейшей подробности, странное впечатление своей пустотой. Посередине помещался костер, у правой стены — голые длинные нары; род широкой полки шел вдоль левой стороны, на ней лежало несколько кокосов, над нарами висели 2—3 копья, лук и стрелы. От конька крыши опускалась веревка, имевшая 4 конца, которые прикреплялись к четырем углам небольшой висячей низкой бамбуковой корзины, в которой, завернутые в зеленые листья, лежали вареные съестные припасы. Вот все, что было в хижине.

Несколько кокосовых орехов, немного печеного аяна и рыбы, 2—3 копья, лук и стрелы, несколько табиров, 3 или 4 маль были единственною движимою собственностью Лако, как и большинства папуасов. Хотя у него еще не было жены, но была уже хижина, между тем как у большинства неженатых туземцев хижин не имеется.

Я приготовил себе постель, разостлав одеяло на длинных нарах, подложил под голову ранец, надул каучуковую подушку, к величайшему удивлению диких, сбросил башмаки и лег, закрывшись половиною одеяла,

между тем как другая половина находилась подо мною. Человек шесть туземцев следили молча, но с большим интересом, за каждым моим движением. Когда я закрыл глаза, они присели к костру и стали шептаться, чтобы не мешать мне. Я очень скоро заснул.

8 апреля. Я проснулся ночью, разбуженный движением нар. Лако, спавший на противоположном конце, соскочил с них, чтобы поправить тухнувший костер; на голое тело его, должно быть, неприятно действовал ночной ветерок, пробиравшийся через многочисленные щели хижины. Лако не удовольствовался тем, что раздул костер, и, подложив дров, он разложил еще другой, под нарами, под самым тем местом, где лежал, так что теплый дым проходил между расколотым бамбуком, из которого был сделан верх нар, и согревал одну сторону его непокрытого тела. Я сам нашел, что мое войлочное одеяло было не лишним удобством; ночь была действительно прохладная. Несколько раз сквозь сон слышал, как Лако вставал, чтобы поправить огонь; также по временам будил меня крик детей, раздававшийся из ближайших хижин. Крик петуха и голос Лако, разговаривавшего с соседом, окончательно разбудили меня, так что я встал и оделся. Не найдя ни у хозяина, ни у соседей достаточно воды, чтобы умыться, я отправился к ручью. Было еще совсем темно, и я с горящей головней в руках принужден был искать дорогу к берегу моря, куда впадал ручей. Над Кар-Каром лежали темные массы облаков, из которых сверкала частая молния; восточный горизонт начинал только что бледнеть. Умывшись у ручья и захватив принесенный бамбук с водою, я вернулся в деревню и занялся приготовлением чая. Процесс этот очень удивил Лако и пришедших с утренним визитом папуасов, которые все стали хохотать, увидя, что я пью горячую воду и что она может быть «инги» (кушанье, еда) для Маклая. Покончив с чаем и выйдя из хижины, я был неприятно удивлен тем, что еще господствует темнота, несмотря на то, что я уже около часа был на ногах. Не имея часов с собою, я решил снова лечь и дождаться дня. Я проснулся, когда уже совсем рассвело, и стал собираться в путь. Оказалось затруднение. Люди Бонгу не желали ночевать в Теньгум-Мана, между тем как я хотел провести там ночь. Я решил так, что отпущу людей Бонгу по приходе в деревню, сегодня же, и вернусь завтра с

людьми Теньгум-Мана домой. Дело уладилось, и вместо двух со мной отправилось семь человек.

Перейдя через береговой хребет (около 400 ф.), мы спустились к реке Габенеу. Спуск был очень крут, так как тропинка шла без всяких зигзагов, прямо вниз. Я спустился благополучно только благодаря копью, которое взял у одного из спутников. Наш караван остановился у берега реки, мутные воды которой шумно неслись мимо, стуча камнями, катившимися вдоль дна. Я разделся, оставшись в одной рубашке, башмаках, которые принес для этой цели, и шляпе, распределив снятые вещи между спутниками. Дал один конец принесенного линя, который захватил с этою целью, одному туземцу и сказал другому, дав ему другой конец, чтобы переходил через реку. Течение значительно подвигало его наискось, и он еще не был на другом берегу, когда мой 25-саженный линь оказался недостаточно длинным, почему я приказал первому зайти в воду настолько, чтобы веревки хватило бы до другого берега. Таким образом линь был растянут поперек самого стремительного места рукава. Я сошел в реку, держась одною рукою за линь. Вода показалась мне очень холодною (хотя термометр показывал 22° Ц) и доходила мне выше груди, а в одном месте до плеч. Камни действительно бомбардировали ноги, но течение могло нести только небольшие, которые не в состоянии были сбить человека с ног. Я нашел, что и без линя я мог бы перейти реку, подвигаясь наискось, что я и сделал при переходе через следующие три рукава. Главное неудобство состояло в неровном, кремнистом дне и в мутности воды, не позволявшей разглядеть характер дна.

Перейдя на другой берег, я уже хотел одеться, когда мне сказали, что нам придется перейти еще через один рукав, почему я и остался в своем легком, но не совсем удобном костюме. Солнце очень пекло мои голые и мокрые ноги; вместо того, чтобы взобраться на правый берег, мы пошли вверх по руслу реки, по каменистым отмелям, переходя десяток раз рукава реки, вода которой была во многих местах выше пояса. Мы шли таким образом около двух часов, под палящим солнцем, и чтобы предупредить возможность пароксизма лихорадки, я принял грана три хины. Оба берега реки были высоки и покрыты лесом и в некоторых местах обрывисты, причем можно было видеть пласты серо-черного глинистого сланца. У большого ствола саговой

пальмы, принесенной сюда, вероятно, в последнюю высокую воду, Лако сказал мне, что здесь я могу одеться, так как более в воде не придется идти. Пока я следовал его совету, туземцы курили, жевали бетель, разглядывая мои башмаки, носки, шляпу, и, рассуждая о них, делали очень смешные замечания.

На пне, где мы сидели, я заметил несколько фигур, вырубленных топором, похожих на ге, которые я видел во время последней экскурсии к реке.

Подойдя к правому берегу, в месте, где я менее всего ожидал тропинки, мне указали узкую тропу вверх, и только с помощью корней и ветвей можно было добраться до площадки, откуда тропинка становилась шире и отложе. Не стану описывать наш путь вверх, скажу только, что дорога была очень дурна и крута, и я несколько раз принужден был отдыхать, не будучи в состоянии идти постоянно в гору. Обстоятельство это ухудшалось тем, что, идя впереди всех и имея за собою целый караван, я не мог останавливаться так часто, как если бы я был один. Никто из туземцев не смел или не хотел идти передо мной. Наконец, пройдя обширную плантацию сахарного тростника и бананов, мы достигли вершины. Я думал, что сейчас покажется деревня, но ошибся, — пришлось идти далее. В ответ на крик моих спутников послышалось несколько голосов, а затем, немного спустя, показалось несколько жителей деревни, из которых, однако, многие бросились назад, завидя меня. Много слов и крику стоило моим спутникам вернуть их; боязливо приблизились они снова, но, когда я протянул одному из них руку, он опять стремглав бросился в кусты. Было смешно видеть, как эти здоровенные люди дрожали, подавая мне руку, и быстро пятились назад, не смея взглянуть на меня и смотря в сторону. После этой церемонии мы отправились в деревню: я вперед, а за мною гуськом человек 25. Мое появление там произвело тоже действие панического страха: мужчины убегали, женщины быстро ретировались в хижины, закрывая за собою двери, дети кричали, а собаки, поджав хвосты и отбежав в сторону, принялись выть. Не обращая внимания на весь этот переполох, я присел, и в очень короткое время почти все убежавшие жители стали показываться один за другим снова из-за углов хижин. Мое знание диалекта Бонгу здесь не пригодилось, и только при помощи переводчика я мог объяснить, что я намереваюсь остаться ноче-

вать в деревне, чтобы мне указали хижину, где я могу провести ночь, и прибавил, что желал бы достать, в обмен за ножи, один экземпляр маб и дюга [59]. После некоторых прений меня привели в просторную хижину, и, оставив там вещи, я отправился, сопровождаемый толпою туземцев, осмотреть деревню. Она была расположена на самом хребте. Посредине тянулась довольно широкая улица; с обеих сторон стояли хижины, за которыми спускались вниз крутые скаты, покрытые густою зеленью. Между хижинами и за ними подымались многочисленные кокосовые пальмы; по скату ниже были насажены арековые пальмы, которые здесь растут в изобилии, к великой зависти всех соседних деревень.

Большинство хижин было значительно меньше, чем в прибрежных деревнях. Все они были построены на один лад: имели овальное основание и состояли почти что из одной крыши, так как стен по сторонам почти не было видно. Перед маленькой дверью была полукруглая площадка под такою же крышею, которая опиралась на две стойки. На этой площадке сидели, ели и работали женщины, защищенные от солнца. Пока я занялся рисованием двух телумов, для нас, т. е. гостей, готовились «инги». Прибежали два мальчика с известием, что инги готово, за ними следовала процессия: четыре туземца, каждый с табиром; в первом находился наскобленный кокосовый орех, смоченный кокосовой водой, в трех остальных — вареный бау. Все четыре были поставлены у моих ног. Взяв по небольшой порции монки-ла и вареного таро, я отдал все остальное моим спутникам, которые жадно принялись есть. Немного поодаль расположились жители Теньгум-Мана, и я имел удобный случай рассмотреть их физиономии, так как они были заняты оживленным разговором с людьми Бонгу. Между ними было несколько таких физиономий, которые вполне соответствовали понятию о дикаре. Вряд ли самое пылкое воображение талантливого художника могло придумать более подходящую.

Мне принесли несколько сломанных черепов маба, но между ними не оказалось ни одного черепа казуара. По всему было видно, что здешние жители не занимаются правильной охотой, а убивают этих животных при случае. Мои спутники между тем наговорили так много страшного обо мне, т. е. что я могу жечь воду, убивать огнем, что люди могут заболеть от моего взгляда и т. д. и т. д., что, кажется, жителям Теньгум-Мана

стало страшно оставаться в деревне, пока я там нахожусь. Они серьезно спрашивали людей Бонгу, не лучше ли им уйти, пока я у них в деревне. Я очень негодовал на моих спутников за такое застращивание горных жителей моей личностью, не догадываясь тогда, что это было сделано с целью установить между жителями горных деревень мою репутацию как очень опасного или очень могучего человека. Они это делали, как я потом понял, для своей же пользы, выставляя меня как их друга и покровителя.

Мне так надоели вопросы, останусь ли я в Теньгум-Мана или вернусь домой, что я повторил мое решение — остаться и лег на нары под полукруглым навесом хижины и заснул. Моя сиеста продолжилась более часа. Сквозь сон я слышал прощанья туземцев Бонгу с жителями Теньгум-Мана.

Отдохнув от утренней ходьбы, я пошел погулять по окрестностям деревни, разумеется, сопровождаемый целою свитою туземцев. Пять минут ходьбы по тропинке привели нас к возвышенности, откуда слышались голоса. Взбираясь туда, я увидел крыши, окруженные кокосовыми пальмами. Это была вторая площадка; выше ее была еще третья — самая высокая точка в Теньгум-Мана; вид отсюда должен был быть очень обширный, но его значительно скрывала растительность. На NO вдали простиралось море, на O, отделенная глубокою долиной, возвышалась Энглам-Мана, на W, за рядом холмов, виднелось каменистое ложе реки Коли, на SW тянулся целый лабиринт гор. Расспросы о них привели к результату, что только Энглам-Мана заселена, что все другие, видневшиеся с этой точки, совершенно необитаемы и что туда никто не ходит и нет нигде в тех местах тропинок. Возвращаясь, я обратил особенное внимание на хижины. Перед входом многих из них висели кости, перья, сломанные черепа собак, кускусов, у некоторых даже человеческие черепа, но без нижней челюсти. В одном месте, поперек площадки, на растянутой между двумя деревами веревке, висел ряд пустых корзин, свидетельствовавших о подарках из других деревень. Энглам-Мана изобилует арековой пальмой и кэу.

Когда я поставил столик, сел на складную скамейку, вынул портфель с бумагой и камеру-луциду [60], туземцы, окружавшие меня, сперва попятились, а затем совсем убежали. Не зная диалекта их, я не пытался гово-

рить с ними и молча принялся рисовать одну из хижин. Не видя и не слыша ничего страшного, туземцы вновь приблизились и совершенно успокоились, так что мне удалось сделать два портрета: как раз один из них был именно тот, о котором я сказал, что он внешностью особенно подходит под наше представление о дикаре. Но так как эта «дикость» не заключается в чертах лица, а в выражении, в быстрой перемене одного выражения на другое и в подвижности мускулов лица, — то, перенеся на бумагу одни линии его профиля, я получил очень недостаточную копию с оригинала. Другой туземец был гораздо благообразнее и не имел таких выдающихся челюстей.

Обед и ужин, который мне подали, состояли снова из вареного бау, бананов и наскобленного кокосового ореха. Один из туземцев, который знал немного диалект Бонгу, взялся быть моим чичероне, не отходил все время от меня; заметив, что принесенное бау так горячо, что я не могу есть его, он счел обязанностью, своими не особенно чистыми руками, брать каждый кусок таро и дуть на него. Поэтому я поспешил взять табир из-под его опеки и предложил ему скушать те кусочки бау, которые он приготовлял для меня. Это, однако ж, не помешало ему следить пристально за всеми моими движениями. Заметив волосок на куске бау, который я только что подносил ко рту, мой туземец поспешно полез своей рукой, снял его и, с торжеством показав его мне, бросил.

Чистотою здешние папуасы, сравнительно с береговыми, не могут похвастаться. Это отчасти обусловливается недостатком воды, которую им приходится приносить из реки по неудобной, горной, лесной дороге.

Когда я спросил воды, мне вылили из бамбука, после долгого совещания, откуда налить, такую грязную бурду, что я отказался даже попробовать ее.

Около 6 часов облака опустились и закрыли заходящее солнце: стало сыро и холодно, скоро совершенно стемнело. Как и вчера в Бонгу, мы остались в темноте; при тлеющих угольях можно было едва-едва разглядеть фигуры, сидящие в двух шагах. Я спросил огня. Мой чичероне понял, должно быть, что я не желаю сидеть в темноте, и принес целый ворох сухих пальмовых листьев и зажег их. Яркое пламя осветило сидящую против меня группу туземцев, которые молча курили и жевали бетель. Среди них, около огня, сидел туземец, которого я

уже прежде заметил; он кричал и командовал больше всех, и его слушались; он также вел преимущественно разговор с жителями Бонгу и хлопотал около кушанья. Хотя никакими внешними украшениями он не отличался от прочих, но манера его командовать и кричать заставила меня предположить, что он главное лицо в Теньгум-Мана, и я не ошибся. Такие субъекты, род начальников, которые, насколько мне известно, не имеют особенного названия, встречаются во всех деревнях; им часто принадлежат большие буамрамры, и около них обыкновенно группируется известное число туземцев, исполняющих их приказания.

Мне захотелось послушать туземное пение, чтобы сравнить с пением береговых жителей, но никто не решался затянуть «мун» Теньгум-Мана, и я счел поэтому самым рациональным лечь спать.

9 апреля. <...> После завтрака, состоявшего также из вареного таро и кокоса, я дал нести мои вещи трем туземцам и вышел из-под навеса хижины. На площадке стояло и сидело все население деревни, образуя полукруг: посредине стояли двое туземцев, держа на плечах длинный бамбук с привешенной к нему свиньею. Как только я вышел, Минем, держа в руках зеленую ветку, подошел торжественно к свинье и проговорил при общем молчании речь, из которой я понял, что эта свинья дается жителями Теньгум-Мана в подарок Маклаю, что ее люди этой деревни снесут в дом Маклая, что там Маклай ее заколет копьем, что свинья будет кричать, а потом умрет, что Маклай развяжет ее, опалит волосы, разрежет ее и съест. Кончив речь, Минем заткнул зеленую ветвь за лианы, которыми свинья была привязана к палке. Все хранили молчание и ждали чего-то. Я понял, что ждали моего ответа. Я подошел тогда к свинье и, собрав все мое знание диалекта Бонгу, ответил Минему, причем имел удовольствие видеть, что меня понимают и что остаются довольны моими словами. Я сказал, что пришел в Теньгум-Мана не за свиньею, а чтобы видеть людей, их хижины и гору Теньгум-Мана, что хочу достать по экземпляру маба и дюги, за которых я готов дать по хорошему ножу (общее одобрение с прибавлением слова «эси»), что за свинью я также дам в Гарагасси то, что и другим давал, т. е. «ганун» (зеркало) — (общее одобрение), что когда буду есть свинью, то скажу, что люди Теньгум-Мана хорошие люди, что если

кто из людей Теньгум-Мана придет в таль Маклай (дом Маклая), то получит табак, маль (красные тряпки), гвозди и бутылки; что если люди Теньгум-Мана хороши, то и Маклай будет хорош (общее удовольствие и крики: «Маклай хорош, и тамо Теньгум-Мана хороши!»). После рукопожатий и криков «эме-ме» я поспешил выйти из деревни, так как солнце уже поднялось высоко.

Проходя мимо последней хижины, я увидел небольшую девочку, которая вертела в руках связанный концами шнурок. Остановившись, я посмотрел, что она делает; она с самодовольною улыбкою повторила свои фокусы со шнурком, которые оказались теми же, которыми занимаются иногда дети в Европе.

Сходя с одной возвышенности, я удивился многочисленности проводников, которые все были вооружены копьем, луком и стрелами. Для закуривания многие несли с собою дымящееся обугленное полено, не открыв до сих пор способа добывания огня. Они повели меня другою дорогою, а не той, по которой я пришел. Зная свои тропинки лучше, чем люди Бонгу, они хотели сократить путь, который оказался круче и неудобнее, чем тот, по которому мы шли вчера. В одном месте, около плантации, вдоль тропинки лежал толстый ствол упавшего дерева, по крайней мере в метр в диаметре. На стороне, обращенной к деревне, были вырублены несколько иероглифических фигур, подобных тем, которые я видел в русле реки на саговом стволе, но гораздо старее последних. Эти фигуры на деревьях, как и изображения в Бонгу (о которых я говорил) и на пирогах Били-Били, заслуживают внимания, потому что они не что иное, как первый фазис развития письменности, первые шаги изобретения так называемого идейного шрифта [61]. Человек, рисовавший углем или краскою или рубивший топором свои фигуры, хотел выразить какую-нибудь мысль, изобразить какой-нибудь факт. Эти фигуры не служат уже простым орнаментом, а имеют абстрактное значение; так, напр., в Били-Били изображения процессии для приготовления к празднеству были сделаны в воспоминание окончания постройки пироги. Знаки на деревьях имеют очень грубые формы, состоят из нескольких линий; их значение, вероятно, остается понятным только для вырубавшего их и для тех, которым он объяснил значение своих иероглифов.

Я с удовольствием услыхал шум реки, потому что

тропинка была утомительна, и необходимо было полное внимание, чтобы не задеть ногою за какую-нибудь поперек лежащую лиану, не оступиться о камень, не расшибить себе колено о лежащий поперек ствол, скрытый травою, не выколоть себе глаз о сучья и т. п. Все это мешало спокойно рассматривать местность. Мы подошли к тому самому месту, где вчера начали восхождение к Теньгум-Мана. У последнего уступа в несколько десятков футов вышиною была прогалина, и вид на реку был очень живописен. Я остановился, чтобы отдохнуть и сделать набросок местоположения в альбом, сказав людям, чтобы они сошли вниз к реке и там бы ждали меня. Картина оживилась сошедшими вниз папуасами и приобрела тем туземный колорит. Я насчитал 18 человек. Они расположились отдыхать разнообразными группами. Одни лежали, вытянувшись на теплом песке, другие, сложив принесенные головни, сидели у костра и курили, третьи жевали бетель. Некоторые, наклонившись к реке, пили мутную воду. Многие, не расставаясь со своим оружием, стояли на больших камнях, опираясь на копья. Они зорко осматривали противоположный берег. Я потом узнал, что жители Теньгум-Мана находятся во вражде и ведут войну с жителями Гадаби-Мана; поэтому они все были вооружены, и несколько человек стояли часовыми во время отдыха товарищей. Я так загляделся на окружающую меня картину, что позабыл рисовать; притом мой неискусный карандаш мог бы воспроизвести лишь неполную, бледную копию с этой своеобразной местности и ее жителей. Я сошел к реке, как вчера, разделся, и мы отправились вниз по ее руслу. Солнце сильно пекло, и камни, по которым пришлось идти, поранили мне ноги до крови. Две сцены оживили нашу переправу. Один из туземцев, заметив гревшуюся на солнце ящерицу и зная, что я собираю различных животных, подкрался к ней, затем с криком бросился на нее, но она улизнула. Человек десять пустились преследовать ее, она металась между камнями, туземцы преследовали ее с удивительною ловкостью и проворством, несмотря на все препятствия, ношу и оружие. Наконец, ящерица скрылась между камнями под группою камыша, но и здесь дикие отыскали ее. В один миг камыш был выдернут, камни разбросаны и земля быстро раскопана руками. Один из туземцев схватил ящерицу за шею и подал ее мне. Кроме платка, у меня не нашлось ничего, чтобы спрятать ее;

пока ее завязывали, она успела укусить одного из туземцев так, что кровь сейчас же показалась, но улизнуть она не могла.

При переходе через один из рукавов реки туземцы заметили множество маленьких рыбок, быстро скользивших между камнями; мои спутники схватили камни, и в один миг десятки их полетели в воду, часто попадая в цель. Убитые и пораненные рыбки были собраны, завернуты в листья и сохранены на ужин. Сегодня пришлось идти вниз по реке дольше, чем вчера, так как я хотел попасть прямо домой, а не в Бонгу или в Горенду. Придя, наконец, домой часам к 4, я застал Ульсона бледным и шатающимся вследствие двух пароксизмов, так как он не вовремя принял хину. Я узнал, что в мое отсутствие Туй ночевал в Гарагасси (вероятно, приглашенный Ульсоном), чем я остался очень недоволен. Пришли еще жители Горенду и их гости из Били-Били. Около моей хижины расположились, болтая, человек 40 туземцев. Раздав табаку и по куску красной материи моим проводникам, я дал согласно обещанию зеркало одному из них за свинью, две бутылки и несколько больших гвоздей за телума и отпустил их, очень довольных мною, обратно в Теньгум. Сам же, не евши в течение 10 часов, с удовольствием выпил чай без сахару с вареным аяном.

10 апреля. Ночью я почувствовал боль в ноге, и, когда встал утром, она оказалась сильно опухшею, с тремя ранками, наполненными материей. Это был результат вчерашнего перехода через реку. Невозможность надеть башмаки и боль при движении заставили меня сидеть дома. Я поручил жителям Бонгу привязать на свой лад принесенную вчера свинью, так как я не хотел приказать зарезать ее немедленно.

12 апреля. Два дня сидения дома имели хороший результат для моей ноги, так что я был в состоянии отнести сам порции свиного мяса в подарок жителям Горенду, так как сегодня свинья из Теньгум-Мана была зарезана Ульсоном. Она была слишком велика для двоих, и я, не желая возиться с солением и следуя местному обычаю, решил дать половину знакомым в Горенду и Бонгу. Принесенные куски мяса произвели большой эффект в Бонгу, и хотя я принес свинину только трем из жителей, но сейчас же были созваны женщины с трех площадок, чтобы чистить и готовить аян и бау.

Отдыхая, лежа в прохладной буамрамре, я заметил старый телум, у которого тело было человеческое, а голова крокодила. Затем я обратил внимание на приготовление папуасского кушанья — кале, которое видел в первый раз. Оно состояло из наскобленного, слегка поджаренного кокосового ореха, растертого с бау или аяном, из чего выходит довольно вкусное тесто.

Детей здесь рано приучают помогать в хозяйстве. Смешно видеть, как ребенок года в полтора или два тащит к костру большое полено, а затем бежит к матери пососать грудь.

Сегодня опять имел случай видеть обстоятельно процедуру приготовления кэу. Видел также, как и женщины пьют иногда этот напиток.

14 апреля. Несколько человек явилось из Бонгу за лекарством; один пришел с больными ногами, другой принес мне экземпляр трубы, которую я ему уже давно заказал, остальные явились с кокосовыми орехами.

Передавая мне длинный бамбук, туземец сказал мне, чтобы я не показывал «ай» (общее название всех музыкальных инструментов) женщинам и детям, что это для них может быть худо. Здесь туземцы хранят все свои музыкальные инструменты втайне от женщин и детей и занимаются своим «ай» (т. е. музыкой) всегда вне деревень. Причина этого устранения женщин от музыки, пения и т. п. мне остается неизвестной.

15 апреля. Погода меняется, частые штили, слабый ветер иногда от SO, пасмурность. Мое помещение так мало, что, если не соблюдать самый строгий порядок и не аккуратно каждый день ставить и класть все на место, — положительно негде было бы сидеть. Эти постоянные уборки сопряжены со значительною скукою и потерею времени.

16 апреля. Придя утром в Горенду, я встретил там двух женщин из другой деревни, которые пришли в гости к женам Туя и Бугая. Большие мешки с подарками (бау и аяна) висели у них за спинами, между тем как веревки этих мешков обвивали лоб. Мешки были так тяжелы, что они не могли идти или стоять иначе, как полусогнувшись. Они были очень любезно встречены женщинами Горенду, которые пожимали им руки и гладили по плечу. Женщины при здоровании между собою подают друг другу руки или 2 или 3 пальца. У этих

женщин от плеч над грудями, опускаясь к средней линии тела, был выжжен ряд пятен, которые отличались своим более светлым цветом от остальной кожи. Этот род татуировки встречается далеко не у всех.

17 апреля. Сегодня видел в Гумбу, как при помощи простой раковины и нескольких осколков кремня выделываются из бамбука папуасские гребни. Верхняя часть этих гребней украшается бордюром орнаментов, выцарапанных очень искусно осколками кремня. Бордюры эти очень разнообразны, и я нарисовал несколько из них (сделал факсимиле). Чтобы сделать подобный гребень своими примитивными инструментами, туземцу требуется почти что полдня работы.

Последнее время приходилось серьезно заниматься охотою, так как наша дневная пища (стакан кофе утром, с небольшим количеством таро, вареного или печеного, и немного бобов, таро и чашка чаю за обедом) становилась недостаточною. Охота здесь не оказалась трудною, так как птицы, еще незнакомые с действием огнестрельного оружия, не боязливы и подпускают меня очень близко.

Мне вздумалось испытать на себе действие кэу. Наскреб ножом корень и стебель Piper methysticum, нарезал листьев и на полученную массу, составляющую около двух полных столовых ложек, налил воды в обыкновенный стакан почти до края. Дал настояться около часу, после чего выжал размокшую массу (корень, стебель и листья) через полотно несколько раз, постоянно смачивая ее тою же жидкостью. Выжатая жидкость была зелено-коричневого цвета и имела горький, но не неприятный вкус. Запах был сильный, характеристичный, но не неприятный. Выпив около стакана этой горькой жидкости так, как пьют лекарство, т. е. не обращая внимания на не особенно хороший вкус, — я не почувствовал никакого особенного действия. Не думаю, чтобы виною этого была слабость настоя, а скорее отсутствие слюны, которая производит брожение жидкости и делает напиток кэу одуряющим.

19 апреля. Дождь лил всю ночь и все утро и наполнил 480 делений моего дождемера.

20 апреля. Зайдя в Горенду, я сидел в ожидании ужина на барле. От нечего делать взял в руки лежав-

шую на земле стрелу и, заметя обломанный конец, вынул нож, чтобы заострить его, так как туземцам эта операция, производимая кремнем, не очень легка и отнимает много времени. Стоящий около меня Вангум объяснил, что стрела сломалась, будучи пущена в маба. Когда я спросил, убит ли маб, он отвечал, что нет, что он находится в соседней хижине. Я отправился или, вернее, влез в нее (так высоки пороги и так малы двери) и в полумраке рассмотрел белую, висящую у потолка массу, которая оказалась мабом. Хижина была в два этажа, и животное висело крепко привязанным за хвост головою вниз. Желая рассмотреть его ближе, я сказал, чтобы его вынесли из хижины. Вангум раковиною перерезал лиану, привязанную к хвосту маба, который при этом ухватился передними лапами за бамбук и с такой силою, что Вангум, ухвативший его за хвост обеими руками, не мог стащить с места, так как животное вонзило свои крепкие, острые когти в дерево. Прежде чем я мог остановить его, Вангум с силою ударил толстою палкою по передним ногам маба, так что от боли животное должно было уступить и было, наконец, стащено вниз. Держа его за хвост, чтобы не быть укушенным, Вангум выбросил его из хижины. Я последовал за ним. Бедное раненое животное сердито разевало рот при каждом моем движении, показывая свои длинные нижние резцы и серо-красноватый язык, но не пробовало убежать. Оно было около 50-ти сант. длины, серовато-белого цвета. Мех был мягок и густ, волоса, однако ж, не длинны. Жирное тело не могло держаться на коротких ногах, снабженных длинными согнутыми когтями. Когда, собравшись с духом, маб вздумал бежать, то это не удалось ему на ровной земле. Он сделал несколько неуклюжих движений, остановился и прилег на сторону; может быть, это случилось потому, что животное не оправилось еще от сильного удара палкою по передним ногам или от раны стрелою. Желая приобрести маба, я сейчас же предложил за него нож, который для туземцев был бы хорошею ценою за животное, и спросил, кому он принадлежит. Оказалось, что настоящего владельца его не было, потому что он был пойман следующим образом. Утром двое туземцев в одно и то же время заметили животное, которое спускалось с дерева почти что у самой деревни. Когда они бросились ловить его, испуганный маб, не видя другого спасения, влез быстро на отдельно стоящую пальму, после чего в ловле при-

няло участие полдеревни: один выстрелил из лука, ранил животное слегка в шею, другой влез на дерево и сбросил его, — остальные поймали его уже внизу. Было решено съесть его сообща, и уже приготовляли костер, чтобы опалить его густую шерсть. Мое предложение поэтому очень озадачило туземцев. Каждому хотелось получить нож, но никто не смел сказать: животное мое. Мне отвечали, что дети в Горенду будут плакать, если им не дадут поесть мяса маба. Я знал очень хорошо, что, если я возьму животное и унесу его домой, никто из жителей Горенду не посмеет воспротивиться этому; но мне противно было совершить такую несправедливость и силою завладеть чужою собственностью. Я объявил поэтому стоящим в ожидании моего решения туземцам, что пусть люди Горенду съедят маба, но что голову его я беру себе. Обрадованные таким оборотом дела, несколько человек бросилось помогать мне. Тупым ножом за неимением другого перепилил я шею несчастного животного, которое во время этой варварской операции не испустило ни единого звука. Когда я мыл покрытые кровью руки, я вспомнил, что надо было отрезать переднюю и заднюю ногу, но маб был уже на костре, и я должен был довольствоваться полуобугленными конечностями. Я успел спасти еще часть цепкого, голого хвоста, который очень похож на длинный палец и покрыт в разных местах роговыми бородавками.

21 апреля. Срисовал морду, ноги и хвост маба, отпрепарировал череп, который оказался отличным от черепов, полученных в Теньгум-Мана; мех у той разновидности был также черный с желтоватыми пятнами. Вынул мозг, срисовал его, сделал несколько разрезов и т. д. Когда я занимался этим, я услышал легкий шорох. Большая ящерица, по крайней мере, метра полтора длины, собирала под верандою обрезки мускулов маба, которые я выбросил, препарируя череп. Пока я схватил заряженное ружье, ящерица, быстро пробежав по площадке перед домом, скрылась в лесу. Я сделал несколько шагов и был остановлен странным звуком над головою. Высоко между зеленью я заметил красивый гребень черного какаду. Он, должно быть, увидел меня и с криком улетел в лес. В то же время услыхал падение ореха кенгара [62]. Обойдя дерево, я увидел другого какаду, который сидел еще выше и молча раскусывал твердую скорлупу ореха. Я рискнул выстрелить, и большая

птица, махая одним крылом (другое было прострелено), упала вниз. Несколько дробинок пробили череп, глаз был залит кровью. Какаду бился здоровым крылом и рыл клювом землю. Бамбуковая палка в 3 сант. в диаметре, схваченная клювом, была изгрызена в щепки. Он упал, наконец, на спину, открыл широко клюв и усиленно дышал. После продолжительного дыхания он совершенно мог закрыть мясистым языком все отверстие рта, хотя клюв был раскрыт. Язык, как хорошо прилаженный клапан, прижатый к небу, замыкает совершенно рот. Эта способность (вероятно, встречающаяся и у других птиц), несомненно, имеет значение, напр. при полете птиц. Какаду недолго заставил ждать меня, я скоро мог начать препарировать скелет. Я смерил расстояние между концами крыльев, осторожно отпрепарировал красивый хохол, выдернул большие перья хвоста, которыми туземцы украшают свои гребни. Они действительно красивы, черно-матового цвета с голубоватым отливом.

Несмотря на пароксизм лихорадки, я отпрепарировал тщательно скелет, причем вес отрезанных мускулов равнялся приблизительно 2 фунтам; вес же всей птицы был около $4\frac{1}{2}$ ф. Срубленные отрезки мускулов какаду дали нам по чаше (сделанной из кокосовой скорлупы) хорошего бульона. Я должен сказать, что посуда мало-помалу заменилась более примитивною, которая не так бьется, как фарфор или фаянс. Я наделал около 10 чаш из скорлупы кокосовых орехов, и они заступили постепенно место разбитых тарелок и блюд.

23 апреля. В Гумбу трое туземцев занимались плетением большой корзины для ловли рыбы. Работа в высшей степени основательная и прочная. Корзина почти вся состоит из бамбука и довольно замысловатой формы. Несколько девочек и женщин проделывали разные фокусы длинным, со связанными концами шнурком. При этом они употребляли не только пальцы рук, но и пальцы ног.

Пришлось поспешить вернуться домой, так как я почувствовал приближение пароксизма лихорадки. Еле-еле добрался домой и лег сейчас же, как только пришел. Пароксизм был почему-то сильнее обыкновенного. Он прошел, однако ж, к 6 часам, оставив после себя большую слабость.

25 апреля. Вчера был опять пароксизм. Днем погода

стояла очень хорошая по обыкновению, ночью же шел сильный дождь. SO все еще нет.

26 апреля. Вчера в Бонгу пришла пирога из Били-Били; сегодня с раннего утра толпа моих знакомых расположилась перед хижиной. Между пришедшими были также 4 человека из деревни Рай. Эта деревня лежит на юго-восточной стороне залива, за рекой, и я в первый раз видел перед собою жителей с того берега. Внешностью и украшениями они не отличаются от здешних.

Каин просил отточить ему маленький топор. Я ему как-то прежде дал обломок железа от сломанного ящика. Он очень аккуратно сделал ручку топора по образцу обыкновенных ручек каменных топоров, но вместо камня он вложил кусок данного мною железа, прикрепив его к ручке совершенно как туземцы прикрепляют камень. Он пробовал отточить железо на камне, что ему, однако ж, не совсем удалось, почему он привез свой новый топор в Гарагасси. Из этого, как из многих подобных примеров, видно, что туземцы с радостью примут и будут употреблять европейские орудия при первом представившемся случае. Мои гости сидели долго, и, наконец, перед уходом люди Били-Били, наслышавшись в Бонгу и в Горенду о моих «табу», которые убивают птиц на высоких деревьях, а также могут убивать людей, попросили меня показать им «табу» и выстрелить раз, вероятно, чтобы разнести об этом описания и рассказы далее по деревням. Люди из Рай-Мана очень боялись и просили не делать этого, т. е. не стрелять. Другие, однако ж, их пристыдили, так что все стали упрашивать меня удовлетворить их любопытство, и я согласился.

Когда я вынес ружье, то мои папуасы, как стадо баранов, сгруппировались очень близко один к одному. Многие обхватили соседей рукою в ожидании страшного происшествия.

Когда раздался выстрел, они все разом, точно снопы, повалились на сторону; ноги их так тряслись, что они даже не могли усидеть на корточках.

Я уже давно опустил ружье и рассматривал группу лежащих, когда некоторые осмелились взглянуть в мою сторону, поднимая немного голову и отнимая руки от ушей, которые они заткнули, как только раздался выстрел. Было интересно видеть выражение страха, напи-

санного на их лицах: рты были полуоткрыты, язык двигался, но еще не мог внятно произносить слова, глаза также были открыты более обыкновенного. Трясущейся рукою многие из них делали знаки, чтобы я унес страшное оружие. Выйдя снова из хижины, я застал туземцев в оживленном разговоре. Они передавали друг другу свои впечатления и были очень расположены скорее уйти. Я успокоил их, говоря, что ружье мое может быть опасным только для дурных людей, а для хороших, как они, у меня есть табак, гвозди и т. д. Если бы я не видел сам, то с трудом мог бы себе представить такой страх от ружейного выстрела у крепких, взрослых людей. В то же время я заметил, что страх туземцев непродолжителен и что они скоро привыкают к этому аффекту их нервной системы. Когда они ушли, я отправился с ружьем в лес, где наткнулся на трех туземцев. Один играл на папуасской флейте, состоящей из простой бамбуковой трубки в 25 милл. в диаметре, закрытой с двух концов, но с двумя отверстиями по бокам, внизу и сверху[63]; двое других были заняты около толстого гнилого пня, который они прилежно рубили каменными топорами; рыхлая гниль так и летела в разные стороны. Из этой массы вываливались белые жирные личинки, которые сотнями пробуравливали лежащий ствол. Порубив некоторое время, они останавливались и с большим аппетитом жевали и глотали толстые личинки, иногда обеими руками кладя их в рот. Поев достаточное количество, одни снова принимались за флейту, другие за топоры. Они имели очень веселый вид, лакомясь таким образом и принимаясь за музыку. Оригинально то, что в разные периоды года у туземцев в ходу различные музыкальные инструменты и что это сопряжено как бы с характером употребляемой пищи; так, напр., тюмбин они употребляют, когда едят бау; при аяне он лежит у них в стороне. Когда они едят свинью, то трубят в большие бамбуковые трубы, бьют в барум и т. д.

29 апреля. Подходя к Бонгу, увидел вытащенную на берег большую пирогу, совершенно похожую на те, которые строятся в Били-Били. Она принадлежала жителям Гада-Гада. Увидев меня, они попросили посидеть с ними и хотя видели меня в первый раз, но все знали мое имя очень твердо. Между ними и жителями Митебог я встретил людей с очень симпатичными физиономиями. Выражение лица некоторых молодых папуасов было

так кротко и мягко, что подобные физиономии, помимо цвета кожи, представляли бы исключение даже между так называемыми цивилизованными расами. Мои соседи имеют вид гораздо более суровый, и обращение их не такое предупредительное; вообще, они составляют переход между островитянами и жителями горных деревень. Украшений больше, и сделаны они гораздо тщательнее; вероятно, их образ жизни оставляет им более свободного времени. Пока в деревне для меня приготовляли ужин, я обратил внимание на выделку большого бамбукового гребня; единственным орудием служила при этом простая раковина; нельзя было не подивиться терпению и искусству рабочего. Несколько мальчиков и девочек, лет 8 или 9, совершенно голых, таскали сухие пальмовые ветви, вероятно, для кровли. Они возвращались обыкновенно бегом, стараясь перегнать друг друга; длинные туловища и короткие ноги девочек невольно обращали внимание сравнительно с легким, свободным бегом длинноногих мальчишек.

Когда гости из островов Гада-Гада и Митебог собрались в путь, я заметил, что между подарками деревни Бонгу, состоявшими из большого количества таро в корзинах, — находилась также одна пустая бутылка и три гвоздя, как большие драгоценности. Таким образом, вещи европейского происхождения могут странствовать далеко и подать, может быть, повод к неверным соображениям, предположениям и т. д.

30 апреля. После весьма счастливой охоты (мне удалось убить шесть больших птиц в один час) я направился в Гумбу, желая отдохнуть и напиться воды кокосового ореха; дорогой я заметил несколько деревьев со следами вырезанных фигур и орнаментов, вероятно, очень давнего происхождения.

Придя в Гумбу, не нашел положительно ни одной души в целой деревне, не заметил даже ни одной собаки.

Ульсон очень обрадовался моей добыче, уверяя меня, что часто чувствует голод, чему я не очень удивился, так как частенько сам чувствую, что недостаточно ем.

2 мая. Данные туземцам семена тыквы, посеянные месяца два или три тому назад, принесли первые плоды. Туй и Лалу пришли утром пригласить меня прийти вечером «поесть тыкву»; я был удивлен, что они запомни-

ли это имя, и нашел, что оно вошло в общее употребление.

Отправившись рано в Горенду, я застал Бонема с другим туземцем, делающим парус пироги. Работа была нехитрая: между двумя шестами были протянуты довольно часто тонкие растительные шнуры; один из туземцев обломком раковины резал в длину листья пандануса, отдирая колючий край листьев и вырезая среднюю жилу, так что из каждого получались две длинные полоски, которые переплетались между натянутыми снурками. Я присел к этой группе, и скоро пришло еще несколько человек туземцев из лесу с длинными шестами. Эти шесты были прямые, и все ветви и веточки тщательно устранены, вероятно, помощью раковины. Кора была стянута с палок очень искусно, вся зараз, затем снова вывернута, освобождена тщательно от верхней кожицы и постепенно разбита на плоском камне ударами толстой короткой палки. Двое воодушевляли работающих заунывными звуками тюмбина. Оказалось, что Туй пришел пригласить меня, чтобы я показал им, как следует есть тыкву, так как это была первая, которую им случилось видеть. Я разрезал ее, положил в горшок с водой, где она скоро сварилась. Туземцы обступили меня, желая посмотреть, как я буду ее есть. Хотя я и не люблю тыкву, но решил показать, что ем ее с аппетитом, чтобы и туземцы попробовали ее без предубеждения. Но новое кушанье все-таки показалось им чем-то особенным, и, наконец, они порешили есть его с наскобленным кокосовым орехом и в этом виде скоро уничтожили всю тыкву.

4 мая. Слышанные вечером удары барума в Бонгу продолжались от время до времени всю ночь. Около полудня пришли несколько туземцев с приглашением идти с ними поесть свинью и послушать их арии. Не желая нарушать хорошие отношения, я пошел с ними.

В деревне не было ни одного мужчины — одни женщины и дети; зато на площадке, в лесу, я был встречен продолжительным завыванием со всех сторон, после чего все разом стали звать меня присесть к ним. Я выбрал место немного в стороне, чтобы лучше видеть происходящее. Человек десять было занято приготовлением еды, несколько других образовывали в другом углу группу, усердно занятую жеванием и процеживанием кэу, действие которого уже заметно было на многих физионо-

миях; большинство сидело, ничего не делая, и вело оживленный разговор, причем я часто слышал имя «Анут» и «тамо-Анут» *. Про них мои соседи рассказывали, что они хотят напасть на мою хижину, слышав, что у меня много ножей, топоров и красных «маль», а что нас всего двое — я и Ульсон. Будучи уверен, что это может случиться не без согласия моих знакомых из Бонгу или Гумбу, которые будут весьма не прочь разделить с теми людьми добычу, я счел подходящим обратить все это в шутку и прибавить, что не мне будет худо, а тем, которые придут в Гарагасси, а затем переменил разговор, спросив, не пойдет ли кто со мною в Энглам-Мана. Мне ответили, что Бонгу с Энглам-Мана не в хороших отношениях и что если пойдут туда, то будут убиты, но что жителям Гумбу туда идти можно.

Когда кушанье было готово и разложено по порциям, один из туземцев побежал в деревню, и мы скоро услышали удары барума. При этом все присутствующие на площадке стали кричать изо всех сил, другие принялись трубить. Шум был оглушающий и доставлял туземцам заметное удовольствие.

На некоторых влияние кэу было хорошо заметно. Они плохо стояли на ногах, язык не слушался их, а руки тряслись. Лицо их выражало состояние, которое немцы называют Katzenjammer [64]. По случаю пира у туземцев головы и лица были недавно раскрашены: у одних вся голова была намазана черною, у других красною краскою; у третьих голова была красная с черным бордюром, у иных черная с красным бордюром; только у стариков ни лица, ни головы не были раскрашены. Вообще, эти последние употребляют только черную краску для волос и лица и почти не носят никаких украшений на шее.

6 мая. Вечером был в Горенду. Инго нарисовал мне в записную книгу фигуры разных животных и людей. Я удивлялся твердости руки при употреблении нового для него совершенно инструмента, как карандаш, и прямоте линий. Узнал, между прочим, что нос и уши туземцев пробуравливаются или заостренной бамбуковой палочкой, или «дигланом» [65] аяна. Светлые пятна на руках и ногах мужчин, на плечах и грудях женщин

* В точности я не мог определить, где живут эти люди; мне известно только, что где-то за рекою, около Марагу-Мана, и составляют не одну, а много деревень.

производятся не только небольшими кусочками горящей древесной коры, но и раскаленным камнем.

Только сегодня, т. е. в конце восьмого месяца, смог я добиться папуасских слов (диалект Бонгу), как: отец, мать, сын.

Я воспользовался приходом 4 туземцев, чтобы поднять шлюпку еще выше на берег, чем прежде; для этого надо было снести вниз толстое бревно и подложить под киль. Я и Ульсон с большим усилием пронесли его шагов 20, и потом, донеся до берега, я сказал, что теперь его можно катить вперед по песку, но туземцы, очень удивленные нашей силой, хотели показать свою: все четверо приступили к бревну, подняли с большим трудом и, крича и пыхтя, почти бегом донесли его до шлюпки. Так поступают они при каждом случае, где требуется сильное напряжение: они бросаются с криком и азартом, постоянно воодушевляя друг друга восклицаниями, и, действительно, успевают сделать то, что навряд бы могли сделать, действуя медленно.

14 мая. Много посетителей: из Энглам-Мана; человек 15 или 20 из Ямбомбы, Тути, Били-Били и др.

Нога очень болит. Маленькие ранки, сделанные при экскурсии в Энглам-Мана, слились — вследствие небрежного за ними ухода — в несколько больших, так что я не могу ходить. Из Горенду принесли мне роскошный ужин: несколько вареных [пропуск в рукописи] с вареным таро, печеный хлебный плод, затем саго с натертым кокосовым орехом.

22 мая. Нарывы на ноге еще не прошли; не мог с ними нянчиться, так как приходится ежедневно ходить на охоту, чтобы не голодать. Сегодня в Горенду туземцы серьезно попросили меня прекратить дождь. На мой ответ, что сделать этого я не могу, они все хором заявили, что могу, но не хочу.

23 мая. Пришедший Туй рассказал, что только что вернулся из Богати, где многие жители окрестных деревень собрались по случаю смерти одного из них. Вот почему, объяснил мне Туй, мы слышали много раз в продолжение вчерашнего дня удары барума. Это делается, продолжал он, когда умирает мужчина; при смерти женщин этого не бывает. Буа принес мне экземпляр маба, и я приобрел его за нож. Препарируя скелет, я отдал об-

резки мяса Ульсону, который изрубил их для супа, так как вареное и печеное мясо, вследствие ароматичности и приторности, мне не нравится.

25 мая. При восходе солнца послышался в Горенду барум, но не такой громкий и продолжительный, как обыкновенно. Пришедший Туй сказал мне, что барум был слышен по случаю смерти одного из жителей Гумбу и что жители Горенду и Бонгу отправляются в Гумбу. Я поспешил напиться кофе, чтобы идти туда же. Дорогою встретил целую вереницу туземцев, вооруженных копьями, луками и стрелами. Завидя меня, все они остановились, чтобы пропустить меня вперед. Когда они узнали, что и я иду в Гумбу, было заметно, что они сразу не могли решить, что им делать: отговаривать меня или нет. После общего совещания они предпочли молчать. Выйдя к морю, мы догнали целую толпу женщин; многие шли с грудными детьми в мешках или на плечах, смотря по возрасту. У входа в деревню наша группа остановилась; мне сказали, что женщины должны пройти вперед; мы пропустили их и скоро услышали их плач и вой, очень похожий на вой здешних собак. Когда я подошел к первым хижинам, меня предупредил один из спутников, чтобы я был осторожнее, так как в меня может попасть стрела или копье. Не понимая, в чем дело, я отправился далее. Действительно, с площадки, окруженной хижинами, неслись крики, иногда очень громкие речи. Сопутствовавшие мне туземцы, держа в левой руке лук и стрелы, а копье наперевес в правой, беглым шагом поспешили на площадку и образовали ряд против первой группы уже находившихся там. Я остановился в таком месте, что мог видеть происходящее в деревне и быть в то же время заслоненным от стрел. Между обеими, друг пред другом, стоящими группами или шеренгами нападающих и защищающихся выступил один из жителей Гумбу (кажется, родственник умершего). Он ораторствовал очень громко, подкрепляя свои слова энергичными движениями, кидаясь в разные стороны и угрожая наступавшим своим копьем. От времени до времени являлся с другой стороны противник и также действовал более гортанью и языком, чем луком и копьем. Некоторые пускали свои стрелы, очевидно, стараясь не задеть никого; крик, беготня и суматоха были значительны. Туземцы выступали поочередно, не вместе; навстречу выходил также один противник; смотря

на эту воинскую игру, я не мог не любоваться красивым сложением папуасов и грациозными движениями гибкого тела. На меня оглядывались с удивлением, как на непрошеного гостя. Наконец, набегавшись и накричавшись, все воины уселись в несколько рядов на площадке; за ними расположились женщины с детьми. Стали курить и не так громко, как обыкновенно, разговаривать. Несколько человек занялись приготовлением «папуасского гроба»; были принесены отрезки листовых влагалищ разных пальм и сшиты лианами, так что образовали два длинных куска. Эти куски были положены крест-накрест и снова скреплены посредине, затем концы загнуты так, что двойная средняя часть образовывала дно в 50 сант. квадрата. Загнутые концы образовали стенки большой коробки в 1 метр вышины. Чтобы стенки не распадались, коробка была обвязана в нескольких местах лианами. Туземцы не спешили, курили и разговаривали вполголоса; вой в хижине покойника то усиливался, то стихал. Немного в стороне варился в большом горшке бау, который, еще совсем горячий, был положен на листья, связан в пакет и повешен на сук дерева около хижины, у дверей которой висела убитая собака. Мне объяснили, что ее потом будут есть гости, присутствовавшие при погребении. Несколько человек вошло в хижину умершего и скоро показались в дверях, неся покойника, который был уже согнут в сидячее положение, так что подбородок касался колен; лицо смотрело также вниз, рук не было видно; они находились между туловищем и согнутыми ногами. Все тело было обвязано поясом покойника, чтобы удержать члены в желаемом положении, трое туземцев несли мертвого; двое придерживали его по сторонам, третий, обхватив туловище и ноги руками, собственно нес его. Женщины, из которых одна была мать умершего, а другая жена, заканчивали процессию, придерживая концы пояса, который обхватывал тело покойника. Обе они были измазаны черною краскою, очень небрежно, пятнами. На них не было никаких украшений, и даже обыкновенная, весьма приличная по своей длине их юбка была заменена сегодня очень незначительным поясом, от которого висели спереди и сзади обрывки бахромы — также черной, которые едва покрывали тело. Все показывало, что они умышленно нарядились так, чтобы показать, что не имели ни времени, ни желания заняться своим костюмом. Обе они плаксивым голосом тянули печальную

песню. Когда покойник показался у дверей, все присутствующие смолкли, встали и хранили молчание до конца. Покойника опустили в вышеописанную коробку, стоявшую посредине площадки; голову покрыли «тельруном» (мешком, в котором женщины носят детей) и потом, пригнув боковые стенки коробки, связали их над головою так, что коробка приняла форму трехсторонней пирамиды; затем обвязали очень тщательно лианами и привязали верхний конец к довольно толстому шесту. Во время этой операции несколько туземцев выступили из рядов и положили около коробки с телом несколько сухих кокосовых орехов и новый, недавно выкрашенный пояс. Двое туземцев взяли концы шеста, к которому был привязан сверток с покойником, на плечи и понесли обратно в хижину; третий взял кокосы и пояс и последовал за ними. Эта церемония кончилась. Присутствовавшие разобрали свое оружие и стали расходиться. Я пошел в хижину посмотреть, куда положат тело, зароют ли или оставят его просто в хижине.

Последнее предположение оправдалось. Шест был поднят на верхние перекладины под крышею, и пирамидальная коробка закачалась посреди опустевшей хижины. Вдова, уже старая женщина, принялась раскладывать огонь немного в стороне.

Возвращаясь домой, я догнал туземцев; человек 40 зашли ко мне в Гарагасси поболтать о покойнике, покурить, попросить перьев и разбитого стекла для бритья.

28 мая. Отправился в Гумбу, чтобы найти спутников, желающих идти со мною в Энглам-Мана. Двое с удовольствием согласились. У одной хижины заметил несколько туземцев, делавших якоря для своих сетей. Якорь состоял из обрубка довольно толстого ствола с четырьмя или пятью ветвями, расходящимися почти в одном и том же месте. Эти ветви, обрубленные, а потом заостренные, образовывали лапы якоря. Вокруг средней части ствола были прикреплены лианами камни, оплетенные таким образом, что, казалось, лежали в корзине. Тяжесть камней предохраняет якорь от всплывания.

Недалеко от нас сидела дочь Бугая, девочка лет 10-ти, держа большой плоский камень почти что между ног, и занималась стачиванием раковины из рода Conus, в плоские кольца, употребляемые женщинами и девочками в виде ожерелья. Камень был смочен водою, и работа быстро продвигалась вперед.

29 мая. Несмотря на головную боль и головокружение, я решил не откладывать моей экскурсии в Энглам-Мана и идти вечером в Гумбу, а оттуда, на следующее утро, направиться в Энглам-Мана. На всякий случай приняв 0,3 гр. хины, я отправился в Гумбу, сопровождаемый 3 мальчиками из этой деревни, которым дал нести нужные для экскурсии вещи.

Так как уже темнело, я отправился вдоль морского берега и, таким образом, добрался до деревни, при входе в которую ожидала меня молодежь Гумбу. С криками «Маклай гена» (Маклай идет), «Эмэ-мэ» они выхватили мои вещи у несших их мальчиков и проводили меня до площадки, где я нашел целое собрание, занятое ужином. Тамо сидели на барле, маласи[66] — на земле около хижин. Как я узнал, сегодня был ужин в честь или в воспоминание умершего, по случаю чего ели свинью, но одни только тамо; маласи же довольствовались одним бау. Как тамо-боро (большому человеку) и как гостю передо мною поставили большой табир с таро и с большим куском свинины. Немного в стороне, на циновке около костра, лежал Кум и просил меня помочь ему, жалуясь на сильную боль в боку и в животе. Я дал ему несколько капель tincturae opii[67], и на другой день Кум прославлял мою воду, т. е. лекарство.

После ужина около меня собралась вся деревня. Мы сидели в совершенной темноте. Костра не было, а луна всходила поздно. Меня расспрашивали о России, о домах, свиньях, деревьях и т. п. Перешли потом к луне, которую, очевидно, смешивали с понятием о России, и очень хотели знать, есть ли на луне женщины, сколько у меня там жен; спрашивали о звездах и допытывались, на которых именно я был и т. д.

Каждое мое слово выслушивали с большим вниманием. Стало холодно и сыро, и я пожелал идти спать. Несколько человек проводили меня в обширную буамраму, принадлежавшую Алуму, одному из туземцев, который должен был идти со мною. Более половины буамрамры в длину было занято широкими нарами, другая — двумя большими барумами, так что для прохода оставалось немного места. Я прозяб, сидя на площадке, и был доволен, что могу напиться чаю, так как с собою взял все необходимое для этого. На пылающем посреди хижины костре быстро вскипела вода. Так как в буамрамре было недостаточно светло, хотя огонь костра весело пылал, я зажег стеариновую свечку. Отыскал чи-

стую доску и, покрыв ее салфеткой, разложил все вещи, необходимые для чаепития, т. е. небольшой чайник, жестянку с сахаром, другую — с бисквитами, стакан и ложку. Все эти аксессуары приготовления моего ужина до того удивляли туземцев, что они даже не говорили, а молча, с напряженным вниманием следили за каждым моим движением. Я уже так привык не стесняться десятками глаз, устремленными на меня в упор и следящими за каждым моим движением, что нисколько не стеснялся, а поспешил выпить чай, чтобы отдохнуть. Я постлал на барлу одеяло, красный цвет которого и мягкость возбудили взрыв удивления, и, сняв башмаки, улегся на нары. Человек 5 или 6 оставались в хижине и продолжали болтать, но одного жеста с моей стороны было достаточно, чтобы выслать их всех вон. Скоро все стихло в деревне, и я заснул.

Я был разбужен шорохом, как будто в самой хижине; было, однако ж, так темно, что нельзя было разобрать ничего. Я повернулся и снова задремал. Во сне я почувствовал легкое сотрясение нар, как будто бы кто лег на них. Недоумевая и удивленный смелостью субъекта, я протянул руку, чтобы убедиться, действительно ли кто лег рядом со мной. Я не ошибся; но, как только я коснулся тела туземца, его рука схватила мою, и я скоро не мог сомневаться, что рядом со мной лежала женщина. Убежденный, что эта оказия была делом многих, и что тут замешаны папаши и братцы и т. д., я решил сейчас же отделаться от непрошеной гостьи, которая все еще не выпускала моей руки. Я поднялся с барлы и заявил, что я спать хочу, и, не зная все еще достаточно хорошо туземный язык, заметил: «Ни гле, Маклай нангели авар арен» (Ты ступай, Маклаю женщин не нужно) и улегся снова на другом конце барлы. Впросонках слышал я шорох, шептанье, тихий говор вне хижины, что подтвердило мое предположение, что в этой проделке участвовала не одна эта незнакомка, а ее родственники и другие. Было так темно, что, разумеется, лица ее не было видно. На следующее утро я, разумеется, не счел подходящим собирать справки о вчерашнем ночном эпизоде — такие мелочи не могли интересовать человека с луны. Я мог, однако ж, заметить, что многие знали о нем и о его результатах. Они, казалось, были так удивлены, что не знали, что и думать.

Хотя я поднялся часов в пять, мы собрались в путь не ранее семи, когда солнце уже значительно поднялось.

Мой багаж я разделил между двумя туземцами, и, несмотря на то, что каждый нес не более 18 фунтов или даже менее, оба жаловались на тяжесть ноши.

Лесом, потом между высокими бамбуками и открытым полем, поросшим густым унаном, мы пришли к реке Габенеу, которая в этом месте оказалась широкою и очень быстрою. Вода точно кипела; я сошел в нее, и единственно с помощью туземцев, которые окружали меня, я мог перебраться на другую сторону. Течение было так сильно, что удержаться на ногах не было возможности. Пройдя чрез песчаную отмель, нам снова пришлось идти в воде, переправляясь чрез другой рукав. Потом я оделся, и мы вошли в лес, прохлада которого была очень приятна после прогулки под солнцем, действие которого я нашел возможность с успехом парализовать, натирая себе затылок, уши, нос и щеки глицериновым желе. Эту операцию я повторяю раза два или три, как только чувствую, что кожа высыхает; без глицерина, без какого-нибудь другого масла или жира эффект солнечного жара в этих странах на кожу мог бы быть серьезным и по меньшей мере неприятным.

Перейдя невысокий гребень холмов, местами покрытых лесом, местами унаном, часа через два ходьбы от реки Габенеу мы подошли к песчаному берегу небольшой речки Альгумбу, протекавшей между красивыми лесистыми холмами. Берег в одном месте представлял длинную песчаную полосу, и моим спутникам вздумалось попробовать здесь свое искусство стрельбы из лука. Для этого они сняли с плеч свои ноши и один за другим пустили стрелы, натянув, сколько было силы, тетиву своих луков. Я смерил шагами расстояние упавших на песок стрел и получил 46, 47, 48 шагов (т. е. от 46—50 метров), но на этом крайнем расстоянии стрела уже совсем теряла свою силу и только едва втыкалась в песок. Метрах в 20—25 эти стрелы могут нанести серьезную рану. Замечу при этом, что между моими спутниками не было ни одного тамо, а молодые люди и мальчики от 14—25 лет. Мы расположились отдохнуть около речки. Я взял с собою остатки от вчерашнего ужина, чтобы было что закусить в дороге, и предложил часть моим спутникам, но они все отказались под предлогом, что с этим таро варилась свинья, которую ели только тамо, почему маласи не могут касаться до него, а если они это сделают, то заболеют. Это мне было сказано очень серьезно, с полною верою в то, что это так, и я

снова убедился, уже не в первый раз, что понятие «табу» существует здесь, как и в Полинезии.

Отсюда началась самая трудная часть дороги: почти все в гору и большею частью вдоль открытых склонов гор, на которых рос высокий унан, коловший и резавший мне лицо и шею своими верхушками. Туземцы, чтобы защитить свое далеко не нежное тело от царапин унана, держали перед собою ветви в виде щитов. Тропинки не было видно. Одни ноги чувствовали ее, не находя препятствия двигаться вперед. Пропустив человека, унан снова замыкал тропинку. Иногда он представлял значительное затруднение, так что его приходилось поднимать копьями. Солнце давало себя мучительно чувствовать. На значительной высоте, там, где уже начались плантации Энглам-Мана, открылась далекая панорама: были видны несколько островков у мыса Дюпере; берег от Гумбу далеко простирался на NO, и, кроме реки и речки, через которые мы перешли, виднелись еще две, — одна небольшая, а другая не меньше реки Габенеу. Пока я записывал и рисовал виденное, мои спутники усердно кричали, чтобы вызвать кого-нибудь из плантаций. Наконец в ответ на их зов послышались женские голоса. Мои спутники обступили меня, так что собиравшимся женщинам меня не было видно. Когда последние подошли, спутники мои расступились, и женщины, прежде никогда не видавшие белого, остановились передо мною как вкопанные. Они не могли ни говорить, ни кричать, наконец, опомнившись немного, с криком стремглав кинулись вниз при страшном хохоте моих проводников. Младшая из женщин, вздумавшая оглянуться, оступилась при этом и растянулась, к счастью для нее, на мягком унане. Мои спутники сказали ей что-то вслед, что заставило ее взвизгнуть, быстро вскочить и последовать за остальными. Мы поднялись к небольшому леску; здесь, обменявшись с туземцами несколькими словами, Обор сломал ветку, прошептал что-то над нею и, зайдя за спину каждого из нас, поплевал на него и ударил раза два веткою по спине, затем, изломав ветку на маленькие кусочки, спрятал их в лесу между хворостом и сухими листьями.

Не умея добывать огонь[68], туземцы ходят, как я уже не раз говорил, с головнями, особенно отправляясь в более далекие экскурсии. Так было и сегодня: двое из сопровождавших меня запаслись огнем, но, узнав, что я могу добыть его, как только они этого пожелают, очень

обрадовались и бросили лишнюю ношу. При остановках мне, к величайшему удовольствию спутников моих, уже случалось зажигать спички и давать им, таким образом, возможность разводить маленький огонек, чтобы высушить табак, а затем зеленый лист, в который они его завертывают. Здесь я доставил им в третий раз удовольствие посмотреть на вспыхивающую спичку и покурить. Крики моих проводников были услышаны жителями Энглам-Мана, которые, завидя меня, тотчас же умерили скорость шагов и не без робости подошли к нам. После обычных приветствий, жевания бетеля и курения мы двинулись далее. Тропинка обратилась в лестницу, состоящую из камней и корней. Местами она была так крута, что даже туземцы сочли нужным вбить между камнями колья, чтобы дать ноге возможность найти опору. В местах, где положительно нельзя было пройти, были построены из бамбука узкие мостики. Вдоль обрывистой стены надо было переставлять одну ногу за другою, чтобы не свалиться. Разрушив немногие искусственные приспособления, деревню можно было в полчаса сделать с этой стороны малодоступною.

Я был рад добраться, наконец, до деревни. Мои ноги чувствовали десятичасовую ходьбу, и первое требование мое по приходе в деревню было дать мне молодой кокосовый орех, чтобы утолить жажду. К великому моему неудовольствию, были только старые, воду которых нельзя пить. Зато меня усердно угощали бетелем, предлагали сделать кэу и т. п. Отдохнув немного, я отправился, сопровождаемый целою процессиею, по деревне или по кварталам ее, которых оказалось три. Хижины здесь были так же малы, как в Теньгум- и Колику-Мана, и вообще деревня эта, как и другие горные, грязнее прибрежных. Зная, что я интересуюсь телумами, меня зазывали во многие хижины, и я удивился множеству виденных телумов, сравнительно с числом их в береговых деревнях. Я срисовал некоторые из них. Везде, где только я останавливался, мне приносили орехи арековой пальмы, которыми Теньгум- и Энглам-Мана изобилуют. Вернувшись к хижине, где я оставил вещи, я увидел, что для меня готовят ужин.

Солнце уже садилось. Я выбрал место близ огня и принялся за ужин. Скоро все мужское население Энглам-Мана собралось около меня и моих спутников. Последние мною рассказывали обо мне и даже такие пустые мелочи, которые я сам давным-давно забыл и при-

поминал теперь при рассказе туземцев. Разумеется, все было очень изменено, преувеличено, пройдя через целый ряд рассказчиков и пересказчиков. Слушая, что обо мне говорилось, причем упоминалось и о луне, и о воде, которую я мог заставлять гореть, о выстрелах, о птицах, которых я убиваю в лесу, и т. д., и т. д., мне стало ясно, что здесь меня считают совершенно необыкновенным существом.

Поужинав и не желая приобрести насморк, от которого страдала бо́льшая часть населения деревни, я сказал, что хочу спать. Тогда десяток людей бросились с горящими головнями, чтобы показать мне дорогу в небольшую хижину. По сторонам узкого прохода стояли двое нар, одни небольшие, другие побольше. Пока я развертывал одеяло и устраивался на ночь, в хижину набралось так много туземцев, что передние были понемногу совсем притиснуты к моим нарам. Надеясь, что они скоро уберутся, я, завернувшись в одеяло, лег, повернув лицо к стене. Жители Гумбу, вероятно, рассказали туземцам, не удержавшись при этом от прибавлений, все диковинные вещи, которые они видели вчера вечером, когда я пил чай, и думали увидеть снова, но ошиблись. Поэтому они уселись у огня, стали говорить, курить, жевать бетель и раздувать костер, увеличивая чад и дым в хижине до того, что глаза стало резать. Мне это очень надоело, и я объявил, что от разговоров Энглам-Мана тамо уши Маклая болят и что Маклай хочет спать. Это подействовало: все замолкли, но только на время; думая, что я заснул, они снова принялись говорить, сначала шепотом, а затем так же громко, как и прежде.

Так как заснуть мне не удавалось, я вышел из хижины и сказал снова, что хочу спать, что от болтовни Энглам-Мана тамо уши болят и что дым ест мне глаза.

Ночь была звездная; большая группа туземцев сидела на площадке вокруг костра; когда эти люди узнали, в чем дело, несколько голосов поднялось, вероятно, с выговором мешавшим мне туземцам. По крайней мере, последние, один за другим, выбрались из хижины, куда я вернулся, пропустив последнего.

31 мая. Посредственно проспав ночь, я проснулся рано, еще перед рассветом. Вспомнил свою неудачную попытку измерить высоту Теньгум-Мана с помощью аппа-

рата Реньо и стал придумывать средство, как бы снова не испугать туземцев и сделать наблюдение. Придумав подходящий способ, я постарался заснуть, что мне вполне удалось. Было уже совершенно светло, когда я проснулся. Увидев, что в хижине уже было целое собрание туземцев, я нашел время удобным для опыта. Вставая, я стал кряхтеть и потирать себе ногу, и, когда туземцы спросили меня, что со мной, я ответил, что нога очень болит. Мои вчерашние спутники стали также охать и повторять «самба-борле» — нога болит. Я посидел, как бы что обдумывая, затем встал, говоря: «У Маклая есть хорошая вода, — потереть ногу — все пройдет». Все туземцы поднялись с нар посмотреть, что будет. Я достал мой гипсометр, налил из принесенной склянки воды, зажег лампочку, приладил на известной высоте термометр, сделал наблюдение, записал температуру и, сказав, что мне надо еще воды, сделал опять наблюдение и, записав снова температуру в книжке, слил оставшуюся воду в стакан и уложил весь аппарат в мешок. Видя, что публики набралось очень много, я снял носок и усердно начал вытирать ногу, наливая на нее воды; затем я снова улегся, сказав, что скоро боль ноги пройдет. Все присели, чтобы посмотреть на чудо исцеления, и вполголоса стали говорить о нем. Минут через десять я начал шевелить ногу, попробовал ступить на нее и, сперва хромая, уложил все вещи, а затем вышел из хижины уже совсем здоровым, к великому удивлению туземцев, видевших чудо и отправившихся рассказывать о нем по деревне. Это скоро привлекло ко мне разных больных, ожидавших быстрого исцеления от моей воды. Я показал им пустую склянку и сказал, что воды больше нет, но что в Гарагасси я могу найти для них лекарство.

Приготовление чая, новые вещи и невиданная процедура отвлекли внимание толпы. Я мог срисовать оригинальную хижину, в которой провел ночь. Она стояла позади других, на небольшой возвышенности, состоящей из голой скалы, и постройкою не отличалась от прочих. Фасад ее был метра $3^1/_2$ в ширину, и средняя часть ее не превышала 3 или $3^1/_2$ метра. Длина хижины равнялась 6 м; крыша по сторонам спускалась до самой земли. Размерами своими она была даже меньше многих других хижин; зато по обеим сторонам узкой и низкой двери, походившей более на окно, стояло несколько телумов. Некоторые из них были в рост человека, а над дверью

висели кости казуара, черепах, собак, свиней, перья птиц, кожа ящериц, клювы Buceros [69], зубы разных животных и т. п. Все это вместе с телумами и обросшею травою серою старою крышею имело свой особенный характер. Между четырьмя телумами один обратил на себя мое особенное внимание: он был самый большой, физиономией он не отличался многим от остальных, но держал обеими руками перед грудью длинную доску, покрытую очень неправильными вырезками, похожими на какие-то иероглифы, которые вследствие ветхости почти теряли свои контуры. Внутренность хижины тоже отличалась от прочих: над нарами был устроен потолок из расщепленного бамбука; там хранились разные музыкальные инструменты, употребляемые только во время «ай». Между прочим, мне показали с таинственностью, говоря при этом шепотом, большую деревянную маску с вырезанными отверстиями для глаз и рта, которая надевалась во время специальных пиршеств; название здесь «аин», и это была первая, которую мне пришлось видеть [70]. Наконец, задняя часть хижины была занята тремя большими барумами; большие горшки и громадные табиры стояли на полках по стенам, рядом с тремя телумами; под крышей висели нанизанные почерневшие от дыма кости черепах, птиц, рыб, челюсти кускуса и свиньи и т. п.; все это были воспоминания об угощениях, происходивших в этой хижине.

Не успел я кончить эскиз хижины и напиться чаю, как пошел дождь, который постепенно так усилился, что идти сегодня домой оказалось неудобным. Пришлось вернуться под крышу. Имея достаточно времени, с помощью камеры-люциды я сделал портрет одного из туземцев с очень типичной физиономией. Жители здесь оказались очень различного роста, цветом светлее прибрежных, но зато между ними встречаются чаще некрасивые лица, чем внизу. О женщинах и говорить нечего: уже после первого ребенка они везде здесь делаются одинаково некрасивы; их толстые животы и груди, имеющие вид длинного полупустого мешка, почти что в фут длиною, и неуклюжие ноги делают положительно невозможною всякую претензию на красоту. Между девочками 14—15 лет встречаются некоторые — но и то редко — с приятными лицами. Я узнал, что жители соседней деревни, лежащей на NO от Энглам-Мана, называющейся Самбуль-Мана, узнав о моем приходе сюда, явятся познакомиться со мною. Действительно, когда

дождь немного перестал, на площадку пришли люди из Самбуль-Мана. Я вышел к ним, пожал руку и указал каждому место полукругом около меня. Когда я смотрел на кого-либо из них, он быстро отворачивался или смотрел в сторону до тех пор, пока я не отводил глаз на другое лицо или на другой предмет. Тогда он, в свою очередь, начинал рассматривать меня, оглядывая с ног до головы. Меня усердно угощали бетелем: я не чувствую отвращения к нему, но не люблю его, главным образом, потому, что вкус его остается во рту очень долго и изменяет вкус всех других съестных продуктов. Люди из Самбуль-Мана во всем схожи с жителями Энглам- и Теньгум-Мана. У них также элефантиазис и другие накожные болезни встречаются часто; оспа также оставила на многих свои следы. Наречие Энглам-Мана немного отличается от наречия как и Самбуль-, так и Теньгум-Мана. Я собрал слова всех трех диалектов. После непродолжительной сиесты я совершил прогулку в лес; нашел тропинки хуже вчерашних. Видел несколько новых для меня птиц, не встречающихся внизу. После дождя в лесу раздавалось немало птичьих голосов; почти все были мне незнакомы; я убежден, что орнитологическая фауна гор значительно разнится от береговой. Голод вернул меня в деревню. Один из первых попавшихся мне навстречу туземцев спросил меня, ем ли я кур. Я ответил утвердительно. Тогда принесли двух и при мне размозжили им головы о дерево; затем, вместо ощипывания, опалили или сожгли перья, принесли также несколько связок таро и стали его чистить. Все это были приношения отдельных личностей; меня угощала целая деревня. Один из туземцев, чистивших таро, попросил у меня для этого нож, но он не только действовал им хуже и медленнее, беспрестанно зарезая слишком глубоко, но под конец даже обрезался, после чего двое туземцев принялись за приготовление бамбуковых ножей. Был принесен кусок старого бамбука, каменным топором обрублены оба конца и затем расколоты на тонкие, длинные пластинки, которые, будучи согреты на угольном огне, получили такую твердость, что ими можно было резать не только мягкие таро и ямс, но мясо и даже волосы. Пример этого я увидел здесь же: один из туземцев, нечаянно попав ногою в лужу, обрызгал грязью волоса другого, после чего первый взял один из бамбуковых ножей и стал отрезать большие пучки волос, забрызганные грязью. Дело не обошлось без гримас сидящего, но ред-

ким ножом можно резать столько волос зараз, как этой бамбуковой пластинкой. Здесь же я видел бритье волос головы небольшой девочки такою же деревянною бритвою. Это было сделано весьма искусно и успешно, без всякой боли для пациентки.

Туземцы положительно ходили за мною по пятам, целою толпой сопровождали они меня всюду, умильно улыбаясь, когда я глядел на кого-нибудь из них, или без оглядки убегая при первом моем взгляде.

Такая свита везде и повсюду весьма утомительна, особенно когда не можешь говорить с ними и сказать им вежливо, что постоянное присутствие их надоедает.

По случаю дождя все в деревне рано улеглись спать, и я могу записать эти заметки, сидя один у костра.

1 июня. Встав до рассвета, я один отправился бродить по деревне и в окрестностях ее, чтобы найти удобное место с обширным видом на горы кругом. Высокие цепи их, одна выше другой, покрытые зеленью до вершин, очень манили меня. Были бы там деревни, я, во всяком случае, скоро отправился бы туда, переходя из одной в другую, все выше и выше. Однако ж высокие горы не населены; я сперва не верил этому, но сегодня убедился: нигде в горах выше Энглам-Мана нет и признаков жилья.

Позавтракав, я стал торопить туземцев к уходу. Человек 12 захотели идти со мною: одни, чтобы нести мои вещи, другие — свинью, подарок туземцев, третьи — ради прогулки. Один из намеревавшихся идти со мною туземцев, старик лет под 60, усердно обмахивал себе шею, спину и ноги зеленою веткою, постоянно что-то нашептывая. На мой вопрос, для чего это он делает, он мне объяснил, что дорога длинна и что для этого нужно иметь хорошие ноги, и чтобы иметь их — он и делает это. Отдав ветку одному из моих спутников, он сказал несколько слов, после чего и этот стал делать то же самое. Принесли горшок с вареным таро; когда содержимое в нем было разложено по табирам для моих проводников из Гумбу и моих новых спутников из Энглам-Мана, один из последних взял тлеющую головню и, подержав ее над каждым блюдом, проговорил короткую речь, желая, чтобы мы благополучно вернулись домой и чтобы с нами не случилось какого-нибудь несчастия.

Вследствие дождя дорога была очень неудобна, но спускаться все-таки было легче, чем подниматься. Мы

часто останавливались, чтобы партия женщин Гумбу, возвращавшаяся вместе с нами из Энглам-Мана, могла следовать за нами. Кроме грудного ребенка, почти что у каждой лежал на спине громадный мешок с провизиею, подарок жителей Энглам-Мана; мужья же их несли одно только оружие.

Я вернулся в Гарагасси не ранее пяти часов после с лишком восьмичасовой ходьбы.

2 июня. Был рад просидеть весь день дома и не видеть и не слышать с утра до вечера людей около себя.

3 июня. Убил в продолжение двух часов 7 различных птиц. Между ними находился молодой самец райской птицы, а также в первый раз убитый мною Centropus[71]; последняя редко летает, а обыкновенно бегает между кустарником. Туземцы называют ее «дум», подражая ее заунывному крику «дум». Я много раз слышал этот крик, не зная, какая птица его производит. Перья черно-зеленого цвета, хвост очень длинен сравнительно с небольшими крыльями. Не думаю, однако ж, чтобы это был новый вид, а уже описанный Centropus.

6 июня. Старый Бугай из Горенду пришел в Гарагасси с людьми из Марагум-Мана, с которыми Горенду и соседние деревни заключили мир. Бугай с жаром рассказывал четырем пришедшим о могуществе моего страшного оружия, называемого туземцами «табу», и о том, как они уже имели случай удостовериться в его действии. Пока мы говорили тихо, прилетел большой черный какаду и стал угощаться орехами кенгара как раз над моею хижиною. Раздался выстрел, птица свалилась, а мои туземцы обратились в бегство. Торжествующий Бугай, и сам немало струхнувший, вернул их, однако ж, уверяя, что Маклай человек хороший и им дурного ничего не сделает. Какаду показался мне очень большим; смерив его между концами крыльев, оказалось 1027 миллиметров. Вернувшиеся туземцы, попросив спрятать «табу» в дом, подошли к птице, заахали и стали очень смешно прищелкивать языками. Я им подарил перья из хвоста какаду, которыми они остались очень довольны, и несколько больших гвоздей; с последними они не знали, что делать, вертя их в руках, ударяя один о другой, и прислушивались к звуку, пока Бугай не рассказал им о их значении и о той многосторонней пользе,

которую туземцы уже умеют извлекать из железных инструментов. После этих объяснений Марагум-Мана тамо завернули гвозди в старый маль — род папуасской тапы. Прислушиваясь к их разговору, я не мог ничего понять. Диалект был также отличен от языка Самбуль- и Энглам-Мана.

Вздумал пригласить жителей Горенду есть у меня свинью, подаренную мне Энглам-Мана. Пока мы их ждали, Ульсон стал приготовлять суп и, отправившись за водою, оставил в кухне несколько кусков мяса. Пока он ходил туда, я заметил большую ящерицу, пробирающуюся с большим куском мяса из кухонного шалаша. Незначительный шорох заставил ее бросить добычу и скрыться. Наконец, мои гости пришли и пробыли до 5 часов. Они даже принесли с собою кэу, одним словом, распоряжались у меня в Гарагасси, как у себя дома. Мы расстались большими друзьями.

8 июня. Полагая, что мне удастся добыть вчерашнюю большую ящерицу, я снова положил несколько кусков мяса в кухню и предупредил Ульсона не входить туда. Действительно, через полчаса ожидания я заметил ящерицу; она осторожно пробиралась между хворостом; не желая раздробить кости дробью, я взял револьвер и убил ее. Длина ее туловища равнялась одному метру и [пропуск в рукописи] см. Пришедшие туземцы очень упрашивали меня дать им шкуру легуана. Они обтягивают ею свои окамы (небольшой барабан). Мясо ее также очень ценится.

13 июня. Небольшой кускус, которого я приобрел несколько недель тому назад, живет и растет отлично. Ест все: рис, аян, бау, кокосовые орехи, сладкий картофель и очень любит бананы. В продолжение дня спит обыкновенно свернувшись, но все-таки ест, если ему что дадут; ночью же немилосердно грызет дерево ящика, куда я его сажаю.

14 июня. Приходили ко мне туземцы с просьбою указать им место, где находятся их три больших «ненира» (корзина для рыбной ловли), которые были снесены в море, несмотря на якоря; они были крайне разочарованы, услыхав, что я не знаю, где они находятся. Зайдя в Горенду, я был окружен женщинами, просящими меня дать имя родившейся, день или два тому назад,

девочке. Я назвал несколько европейских имен, между которыми имя Мария им понравилось более всех. Все повторяли его, и мне даже была показана маленькая обладательница этого имени. Очень светлый цвет кожи удивил меня; волосы были также интересны, не будучи еще курчавые.

17 июня. Было большое угощение жителей в Горенду, на которое и я был приглашен. Не менее как восемь больших связок таро, из которых каждую несли по два человека, очень большая свинья, несколько собак и один кускус с разными аксессуарами папуасской кухни были очищены, сварены в сорока или более громадных горшках и, наконец, съедены при звуках разнокалиберных папуасских «ай» и барума. Это угощение отличалось от других тем, что происходило в деревне и что женщины, хотя и отдельно, но участвовали в нем. Музыка же не переступала порогов буамрамры.

18 июня. Встречаясь с туземцами или проходя через деревню, приходится постоянно отвечать на вопросы, как, напр., куда идешь, что сегодня убил и т. п. Возвращаясь назад, снова приходится отвечать на вопросы, где был, что ел, у кого, что несешь и т. д. Это любопытство нельзя, однако ж, считать характеристичным для черного племени: оно не меньше развито и среди образованных европейцев, только вопросы задаются другого рода.

Ульсон жалуется постоянно на нездоровье; работа его ограничивается варкою бобов, бау и едою. Такие субъекты, как он, наводят скуку. Ему сегодня нездоровилось. Он уверял, что чувствует приближение сильного пароксизма. Мне пришлось готовить, но я предпочел есть почти сырые бобы и недоваренный бау, чем смотреть за огнем и раздувать его.

20 июня. Туземцы начинают собирать орехи кенгара. Несколько человек влезают на дерево и сбрасывают ветки с множеством орехов; под деревом место очищено от мелких кустарников, и женщины и дети собирают сброшенные кенгары. Так как черные какаду питаются в это время исключительно кенгаром и уничтожают в день значительное количество его, то месяца уже 3 или 4 как мне приходится слушать частенько крики папуасов, которые несколько раз ежедневно приходят под деревья спугивать какаду. Эти дисгармонические человече-

ские крики часто в последнее время нарушают тишину леса.

Встал с головною болью, но, несмотря на то, отправился на охоту. Пароксизм захватил меня, и мне пришлось лечь в лесу, так как я был не в состоянии оставаться на ногах по случаю головокружения и сильной головной боли. Несколько часов пролежал я в лесу и, как только стало немного лучше, еле-еле добрался домой. Пришлось лечь, и сильнейшая головная боль промучила меня далеко за полночь.

26 июня. Последние дни мне не приходилось ходить на охоту. Растущие у самого дома большие Canarium покрыты спелыми орехами. Разные виды голубей прилетали с утра и доставляли провизию для завтрака или для обеда. Эти дни приходил ко мне несколько раз Коды-Боро, брат туземца, которого один из офицеров «Витязя» прозвал диким, похожим на черта. Он приходил с настойчивым приглашением приехать в Богати, уверяя, что там всего много, предлагая, подобно жителям Били-Били, построить мне хижину, прибавляя, что люди Богати дадут мне двух или трех жен, что женщин там гораздо больше, чем в Бонгу, и т. д. Он как-то недоверчиво посмотрел на меня, когда его предложения не произвели желанного эффекта.

30 июня. Убив голубя и какаду на моем дереве, я позволил Дигу влезть на него за орехами. На высокий, гладкий, толстый ствол Дигу влез так же, как туземцы влезают на кокосовые пальмы, т. е. при помощи связанной веревки, которую надевают себе на ноги. Он взобрался на самый верх и стал кидать оттуда орехи. Я, Ульсон и 8-летняя дочь Буа подбирали их. В результате оказалось, что маленькая девочка собрала больше, чем мы оба вместе, так хороши были ее глаза и так ловко, несмотря на голое тело, она пролезала везде, даже между самыми колючими лианами и хворостом.

Довольно характерная черта туземцев та, что они очень любят поучать других, т. е. если кто-нибудь делает что-либо не так, как они, туземцы сейчас же останавливают и показывают свой образ действия. Это даже заметно и в детях; много раз маленькие дети, лет 6 или 7, показывали мне, как они делают то или другое. Это происходит оттого, что родители очень рано приучают детей к практической жизни, так что, будучи еще

совсем маленькими, они уже присмотрелись и даже научились более или менее всем искусствам и действиям взрослых, даже и таким, которые вовсе не подходят к их возрасту. Дети мало играют; игра мальчиков состоит в метании палок, наподобие копий, в стрельбе из лука, и как только они делают небольшие успехи, то применяют их к практической жизни. Я видел мальчиков, очень небольших, проводящих целые часы у моря, стараясь попасть из лука в какую-нибудь рыбу. То же самое бывает и с девочками, и даже в большей степени, потому что они ранее вступают в хозяйство и делаются помощницами своих матерей.

Погода — великолепная, купаюсь в море несколько раз в день, по вечерам не хочется входить в хижину. Температура, однако ж, не превышает 31°.

1 июля. Между многочисленными птицами самым заметным после черного какаду является «наренг», не только по своей величине, большому, немного загнутому клюву, но и по шуму полета, который слышится уже издали. Он летает очень высоко, обыкновенно попарно, садится на вершины самых высоких деревьев и при малейшем шуме улетает. Несмотря на все старание, мне не удалось застрелить ни одного.

Сегодня в продолжение трех часов, по крайней мере, я провозился с одним из них. Ранив его, но очень мелкою дробью, вероятно, незначительно, я проследил его далее в лесу. Снова выстрелил и, по всему вероятию, опять-таки попал, так как наренг не улетел, а только перелетел на соседнее, более высокое дерево. Заметив себе это место, я вернулся позавтракать и снова возвратился туда, где оставил птицу. Пробираясь в лесу, попал в такую трущобу, что был сам не рад. Десятки тонких лиан, гибкие, колючие хвосты Calamus[72], цепляющиеся за платье, царапающие лицо, сбрасывающие шляпу, задержали меня минут около десяти. Это было тем более досадно, что птица оказалась все еще на дереве. Выбравшись, наконец, из чащи, я приблизился к дереву, так что наренг увидел меня, но все-таки остался на месте, стал кричать очень громко, точно протестуя против преследования, и бить одним крылом; другое висело без движения. Он, однако ж, попытался, продолжая кричать, влезть выше. Густые листья скрыли его из виду, но я мог слышать иногда его голос. Явился другой наренг и с криком стал летать, описывая большие круги, над

деревом, где сидел его раненый товарищ. Исколотые ноги, солнце, особенно же муравьи обратили мое пребывание под деревом в добровольную пытку. Дерево было высоко, и для того чтобы следить за движениями птицы, приходилось смотреть постоянно вверх. Чрез полчаса шейные мускулы очень устали; глаза, которым приходилось плохо от солнца и от освещенных листьев, почти отказывались служить; но я все-таки сидел и ждал. Наренг не показывался, не откликался на постоянный крик товарища, который в сотне шагов перелетал с дерева на дерево. Головокружение и головная боль заставили меня вернуться домой. Проспав около часа, я вернулся обратно. Раненый все еще находился там, но товарищ его улетел при моем приближении.

4 июля. Погода стоит замечательно хорошая. Занимался микроскопическим исследованием волос папуасов. Нашел громадное разнообразие в толщине и контурах поперечного разреза между волосами, срезанными с различных частей тела одного и того же человека. У белой расы не только толщина, но и цвет волос, растущих на разных частях тела, различен. Вообразив себе людей всех рас, обросших длинными волосами, очутишься в очень разношерстном обществе.

Проходя недалеко от дерева, где два дня тому назад я оставил раненого наренга сидящим высоко на дереве, а другого — летающим около него, я подошел к тому месту и, к удивлению моему, увидел обеих птиц в том же положении, как и 48 часов тому назад.

10 июля. В Горенду Туй строит новую хижину с помощью людей Горенду, Гумбу, Бонгу, за что угощает их по вечерам. По случаю постройки несколько раз слышался барум.

11 июля. Около четырех часов был довольно сильный шквал с дождем, затем прояснело, ветер спал, и я сидел на веранде, рисуя кое-что. Вдруг мне почудилось, что большое дерево напротив как будто покачнулось; следующая мысль была, что я, вероятно, дремлю и вижу это во сне; не успел я додумать, быстрее, чем я теперь это записываю, громадное дерево сначала медленно, затем быстрее, быстрее склонилось, рухнуло и легло не более как шагах в двух от хижины, перпендикулярно к ее фасаду или веранде. Дерево было совсем зеленое и

казалось совершенно здоровым, только метра в два от земли (место перелома) почти что проедено личинками разных жуков. Вышина дерева оказалась около 100 фут. (именно 96), и если бы оно свалилось на хижину, то проломило бы крышу, переломало бы много вещей и, пожалуй, ранило одного из нас. Сегодня я поверил предостережению туземцев, что деревья в Гарагасси могут убить меня. Особенно странно было то обстоятельство, что, когда это случилось, ветра уже почти что не было.

12 июля. В последнее время туземцы часто говорили мне: «Завтра будут жечь унан; много будет там диких свиней и других животных, Маклай пойдет со своим «табу» бить свиней, мы же придем с нашими копьями, луками и стрелами». Но это «завтра» все откладывалось, а сегодня в деревне меня уверили снова, что завтра непременно будут жечь унан, и некоторые заявили, что придут за мною около полудня. Увидим.

13 июля. Не было еще 11 часов, я и не думал собираться на новую для меня охоту, как вдруг послышались приближающиеся голоса, и затем скоро явились несколько жителей Бонгу в полном воинском убранстве, с туго натянутыми луками и множеством вновь заостренных стрел разного рода. Каждый имел по два копья, концы которых были натерты красной землей, как бы уже покрытые кровью; кроме развевающихся на голове перьев, в волосах красовались алые цветы китайской розы; за «сагю» были заткнуты ветки с красно-желтоватыми листьями видов Coleus или длинные темно-красные листья Colodranon. При каждом движении все эти украшения развевались и производили блестящий, своеобразный эффект. Пришедшие за мною объявили, что унан уже горит и что следует идти немедленно. Накинув на себя охотничью сбрую и захватив кое-что на завтрак, я отправился, сопровождаемый пестрою свитою. Пройдя ближайшею тропинкой лес и подходя к опушке, я услышал шум, похожий на плеск водопада, масса воды которого то увеличивается, то уменьшается. Выйдя из леса, я увидел в сотне шагов, у самой земли, полосу огня, которая удалялась от нас, оставляя по себе черные обгорелые следы унана и груды легкого пепла. Столбы дыма поднимались около Горенду, далеко на юго-запад, у самого края, около Бонгу, и с другой стороны, на восток за Гумбу, около берега реки Габенеу. Пожар только

еще начинался, и мы расположились в тени, у опушки леса. Я принялся завтракать, туземцы—курить и жевать бетель. Через $^3/_4$ часа огонь отодвинулся от опушки приблизительно на полмили и, благодаря NW, гнал дым в противоположную от нас сторону. Мы пошли по сожженной поляне, которая оказалась далеко не такою ровною, как я себе ее воображал: она вся, насколько я мог обнять глазом, была покрыта кочками футов около 5 вышиною и приблизительно футов 10 или 12 в диаметре у основания. Эти кочки были неравной величины и состояли из земли и мелких камней. Происхождением своим они, вероятно, обязаны земляным постройкам Maleus[73]. В лесу находятся подобные же tumuli[74], но реже. Мы подошли шагов на десять к линии огня, и каждый из нас избрал себе кочку для наблюдения; таким образом, параллельно огневой линии образовалась цепь охотников, следящих за движением пламени и готовых напасть на добычу. Пожар то увеличивался, то уменьшался; по временам целая стена буро-белого дыма поднималась к небу и пламя большими языками неслось по ветру; порою же пламя почти что потухало, пелена дыма разрывалась, открывая вид далеких гор и ближайшего леса. Вдруг неожиданно дым столбом поднимался вновь, двигался, ложился, и пламя тонкими змейками вилось над почерневшею землей. Туземцы, стоя в воинственных позах, луки и стрелы в левой руке, а в согнутой правой — копье, над плечом наперевес, острием вперед, внимательно следили за движением пламени, желая каждый первым открыть неприятеля. Несколько мальчиков, лет 10—11, с миниатюрными луками и копьями, также стояли немного поодаль от отцов и служили живым примером тому, как наука папуасской жизни передается из поколения в поколение. Сухой унан трещал, вспыхивал, падал; иногда порыв SO гнал массу дыма на нас; легкий пепел травы влетал нам в нос, заставляя чихать и кашлять. Иногда огонь, точно недоумевая, кидался в разные стороны, возвращался назад и прибавлял духоту к жаре уже и без того палящего солнца. Очень утомившись, я положительно заснул бы стоя, если бы по мере удаления огня голос соседнего часового не напомнил мне, что надо идти вперед. После томительных двух часов мы дошли до противоположной стороны. Наша линия сошлась с встречной линией; взоры туземцев, внимательно исследуя почерневшую поляну, ничего не находили, и когда последние стебли

вспыхнули и потом мелким дождем пепла разлетелись по воздуху, я услышал от ближайшего охотника неутешительное «буль-арен» — свиньи нет. Мы сошли со своих кочек; несколько жителей Гумбу, образовавших противную линию, тоже заявили, что ничего не видали. Я остановил одного из них, за спиной которого, привязанное к копью, висело новое для меня животное, похожее на большую крысу. Я занялся рассматриванием его: волосы были интересны тем, что походили на плоские иглы, хотя и эластичные. Они были отчасти опалены, так же как ноги и морда, а высунутый язык немного обуглен. Животное, вероятно, задохнулось от дыма. Я рассматривал его острые зубы, как вдруг крик отошедших в сторону туземцев — «Буль, буль!» — заставил меня оглянуться. В сотне шагов, лавируя между многочисленными копьями, которые со всех сторон вонзались в землю, бежала большая свинья. Я выхватил двуствольное ружье из рук туземца, который держал его, пока я рассматривал новое для меня животное. Подпустив свинью шагов на 20, я выстрелил. Пуля пробила ей грудь, но ниже сердца. Свинья пошатнулась, однако кинулась в сторону и пробежала мимо меня. Я снова прицелился и раздробил ей заднюю ногу. Свинья остановилась на несколько секунд, но, видя мое наступательное движение, снова отбежала на несколько шагов. Вынув револьвер, я стал подходить. Животное, поднимая верхнюю губу и показывая почтенные клыки, издавало глухое рычанье. С каждым выстрелом я подходил ближе и остановился шагах в шести от свиньи, которая свалилась на сторону, но иногда все еще приподнималась и показывала клыки. Подбежавшие туземцы не дали мне времени выстрелить: один копьем пробил ей бок; другое копье пролетело мимо, а из трех стрел одна («палом» — с широким, плоским бамбуковым концом) вонзилась в шею животного. Оно имело еще настолько силы, что несколькими движениями освободилось от копья и стрелы, конец которой остался в ране. Желая покончить с нею, я подошел с противоположной стороны, хотя охотники и кричали мне, чтобы я не подходил, и, выбрав момент, вонзил свой длинный нож по рукоятку ей в бок, немного позади передней конечности. Струя теплой крови покрыла мою руку, и животное окончательно свалилось. Окружившие нас туземцы единогласно объявили свинью моею и стали расхваливать мое «табу» и меня самого. Далекие крики возвестили о том, что можно рассчитывать еще на добы-

чу. Я снова зарядил ружье. Охотники, один за другим, удалились, раздраженные первою неудачею. Я же, найдя удобную кочку, сел и стал ожидать. Вдали слышались крики: «Буль, буль, буль!» Голоса издали призывали меня. Затем туземцы вернулись и рассказали мне, что там было еще две свиньи, но они ушли, потому что не было меня и моих «табу». Партия людей Бонгу пришла объявить, что они убили одну свинью, но что при этом Саул, которого она повалила, был так ею искусан, что бок, рука, голова и глаз были все в крови, когда его отвели в Боргу. В свою очередь, мои спутники рассказали о наших похождениях, о «табу» и о большом буль Маклая. Мы отправились к убитому животному, и на вопрос, куда его нести, я сказал, что беру голову и заднюю ногу себе, а прочее отдаю людям Бонгу *, что, оставив ружье дома, я пойду в Бонгу перевязать раненого Саула и что приглашаю всех ко мне покурить моего табаку. Все остались довольны, и мы двинулись вперед длинною процессиею.

Их было человек 40. Когда они расположились, куря, на площадке в Гарагасси, я увидал, кроме животного, о котором уже говорил выше, называемого туземцами «габенеу», еще вид мыши и большого серебристо-белого маба. Приобретя его, а также и несколько экземпляров других животных для коллекций, я поспешил в Бонгу к раненому. Меня встретили плачущие женщины и сын его. Кроме множества мелких ран, оказались две глубокие на руке, одна сбоку живота, несколько других около глаза, на лбу, за ухом, на шее, но все это были только царапины. Запекшаяся кровь с пеплом и грязью придавали более жалкий вид раненому, который, размахивая здоровою рукою, рассказывал окружающим, как он вонзил свое копье в смертельно раненную свинью, как та внезапным движением переломила копье и сшибла его самого с ног (обе ноги рассказчика были сильно увеличены в объеме вследствие элефантиазиса), как, поранив его, она попробовала бежать, но издохла. Его товарищи, думая, что Саул справится один со свиньею, которая уже была сильно поранена, занялись другою и не видели происшедшей с ним катастрофы. Я потребовал воды, нагрел ее, обмыл ею раны, затем перевязал их карболовым маслом. Присутствующие внимательно следили за моими движениями, повторяя, что я хороший человек.

---

* Ошибка: следует читать Горенду. — **Ред.**

Солнце стояло низко, когда я пришел в Горенду, где между тем борову спалили волоса и ждали меня, чтобы я взял свою часть. Я отрезал голову и заднюю ногу, и несмотря на приглашение ночевать — или, вернее, провести с туземцами бессонную ночь, — взвалил на плечо добычу сегодняшнего дня и отправился домой. Ноша была, однако ж, так тяжела, что пришлось отдыхать раза два. В восьмом часу я сел покойно в свое кресло обедать, очень голодный, так как целый день почти был на ногах и мало ел.

Удары в барум в Горенду возвестили начало «ай» в соседних деревнях, который должен был продолжаться всю ночь и весь завтрашний день.

Лунная ночь была тиха, и звуки труб и других инструментов доносились очень внятно. Отдохнув часа два и не будучи в состоянии заснуть, я вздумал отправиться снова в Горенду, желая вполне познакомиться с папуасским «ай» и взглянуть, что они там делают по ночам, во время этих пиршеств. Я взял с собою Ульсона, которому очень хотелось побывать во время «ая» в деревне. Вооружившись фонарем, так как на луну нельзя было надеяться — ее часто закрывали черные тучи, — мы отправились. Пришлось идти очень медленно, потому что Ульсон, не привыкший к здешним тропинкам, спотыкался и падал несколько раз. Подходя к площадке «ая», я закрыл свет фонаря и тихо приблизился. На площадке пылал большой костер, над которым был устроен род большой жаровни (более 1 м вышины, м 2 длины и около 1 м ширины). На ней пеклись куски свинины; кругом, сидя, лежа, стоя, туземцы занимались своею музыкой. Каждый по обыкновению старался заглушить остальных своим инструментом. Некоторые спали; жир, в изобилии капавший с жаровни, увеличивал по временам пламя, освещавшее всю картину.

Раздавшийся внезапно звук моего свистка заставил на несколько секунд смолкнуть нестройную музыку, потом послышались возгласы: «О Маклай, гена! Анди гена!» и т. п. Я отыскал себе удобное место на циновке, но оставался недолго, так как замолкнувшая было музыка возобновилась с новою силою.

14 июля. Был утром в Бонгу перевязать раны Саула. Узнал, что при вчерашней охоте людьми трех деревень были убиты, кроме множества мелких животных, пять больших свиней, не считая той, которую убил я. Я по-

спешил вернуться в Гарагасси, где занялся рисованием и препарированием купленных мною вчера животных.

16 июля. Туземцы окрестных деревень снова заняты выжиганием травы и охотою, от которой я сегодня отказался. Хотел сделать портрет Налая, но он и другие около него стоявшие туземцы заявили, что, если я сниму с него портрет, он скоро умрет. Странное дело, что и в Европе существует подобное же поверье.

17 июля. Прибирал и чистил вещи в хижине; если бы по временам не делать этого, то трудно было бы войти в мою келью в 7 кв. футов.

Был снова в Бонгу у раненого. Около нас собралось целое общество, но каждый был чем-нибудь занят: один кончал новую «удя-саб» и скреб ее раковиною, другой такою же раковиною заострял конец своего копья, сломанного во время последней охоты. Женщины искали вшей в головах мужчин, дети (подростки) были заняты тем же. Двое женщин распространяли свою любезность и на собак и ловили у них блох, причем собаки послушно лежали у них на коленях. Когда я собрался идти, Бугай, один из жителей Горенду, также поднялся, чтобы идти со мною. У берега моря Бугай подошел к дымящемуся толстому стволу, прибитому давным-давно приливом. К моему удивлению, он стал с большим аппетитом глотать целые пригоршни золы.

Не понимая, что это за особенное дерево, я также попробовал золу, и она оказалась приятного соленого вкуса. Этот ствол, долго носимый волнами, источенный разными морскими животными, набрался таким количеством соли, что зола его отчасти может заменить обыкновенную <соль>. Бугай сказал мне, что золу эту многие едят с бау, аяном и другими кушаньями. Для меня это очень полезное открытие; моя соль уже совсем на исходе, и я все ем без соли, исключая мясо. Я обратил внимание на донган, который, заткнутый за браслет Бугая, был сделан из кости животного, которого я еще здесь не видел. Он называется туземцами «тиболь»[75] и водится в лесах, но встречается также на полянах унана. По словам туземцев, тиболь имеет длинный толстый хвост и высоко прыгает.

30 июля. Лихорадка сильно беспокоила меня и заставила потерять несколько дней. Ульсон также хворает, даже чаще меня.

У входа в Горенду на пригорке сидела девочка лет 10-ти и бросала вниз кокосовые орехи; несколько мальчиков от 5 до 10 лет, с заостренными палками, стояли по сторонам, стараясь, бросая палку, вонзить ее в упругую скорлупу ореха. Эта сцена представилась мне, когда я пришел сегодня в деревню. Пожалел, что я недостаточно художник, чтобы набросать оживленную картину.

Сахарный тростник, которого не было видно некоторое время, опять появился и опять жуется туземцами в большом количестве.

31 июля. Несколько туземцев приехали в Гарагасси на своих пирогах; некоторые по обыкновению уселись у самой лестницы, ведущей к моей веранде. Болтали об охоте, просили перьев и т. д. Вдруг один из них, точно ужаленный, в два прыжка соскочил с лестницы с криками «Маклай, гена, гена!» (Маклай, иди, иди сюда); остальные последовали его примеру. Не понимая, в чем дело, я спросил туземцев, но не успел получить ответа, как над головою, на крыше, услышал сильный удар, и столб пыли ослепил меня. Дождь сучьев разной толщины падал на землю у самой веранды. Некоторые из них были достаточно толсты, для того чтобы, упав с высоты 70—80 футов, серьезно ранить человека. Оказалось, что Буа, соскочивший первым, услыхал над головою легкий треск и, зная, что он мог значить, поднял тревогу. Туземцы очень боятся падения деревьев и сухих сучьев, которые, падая, могут причинить смерть или опасную рану. Уже давно они находят положение моей хижины в Гарагасси небезопасным и весьма часто предлагают или переселиться в Горенду или Бонгу, или построить новую хижину на другом месте. Отчасти они совершенно правы, но возня, сопряженная с постройкой и переселением, так неудобна для меня, что, полагаясь на «авось», продолжаю жить здесь. В Бонгу, куда я хожу каждый день перевязывать рану Саула, я присоединился к группе курящих, жующих бетель и разговаривающих, надеясь узнать что-нибудь новенькое из разговора с ними. Завел речь о названиях разных народностей и мест. Желал узнать, имеют ли жители этого берега общее название; такового, однако ж, не оказалось, хотя туземцы хорошо понимали, что я желаю знать. Они называли людей, прибавляя к слову «тамо» название деревни. Рассказывали, что жители деревень в горах на NO, которых называли «тамо дева», пробуравливают себе

ноздри и вставляют в них перья. Затем разговор перешел на рассказы о моей хижине, о падении сухих ветвей и т. д. Мне опять предлагали построить новую хижину. Угощение следовало своим обыкновенным порядком: сначала выпили кэу, потом, отплевываясь и делая разные гримасы, возбужденные горечью напитка, принялись за наскобленный кокос, затем за груды вареного бау, аяна и каинды [76]; как десерт следовало жевание бетеля, а затем курение; это обыкновенный порядок туземных угощений. Так как я не принимал участия ни в первом, ни в обоих последних отделах ужина, то я отправился ранее других в обратный путь. У одной из хижин я остановился, чтобы пропустить целую вереницу женщин. Среди них было много гостей из других деревень. Когда я остановился, около меня собралась группа мужчин; женщины, выходя из леса и завидя нашу группу, сейчас же весьма заметно изменяли походку и, поравнявшись с нами, потупляли глаза или смотрели в сторону, причем походка их делалась еще более вертлявою, а юбки еще усиленнее двигались из стороны в сторону.

Я так запоздал, и было так темно, что мне пришлось ночевать в Горенду. Нары оказались гораздо удобнее моей койки и мягче, и, закрывшись новыми циновками, я проспал недурно, хотя несколько раз просыпался от жесткости толстого бамбука, заменявшего подушку. Когда лежишь на спине, он представляет довольно удобную подушку, но она делается неудобною, как только ляжешь на бок; надо ухитряться спать на спине и не ворочаться.

1 августа. Рассматривая мой метеорологический журнал за 10 месяцев, можно удивиться замечательному постоянству температуры: редко бывает в тени 32°, большею частью 29 или 30°; ночью 7—8, очень редко 10°Ц холоднее дневного максимума. Притом здесь нет собственно дождливого времени года: дождь распределен довольно равномерно на каждый месяц. Несмотря на приятный климат, одно скверно — лихорадка.

4 августа. Четыре или пять пирог пристали к берегу около Гарагасси. Туземцы из Бонгу принялись усердно колоть в щепки ствол, почти что в 40 м длины; он был принесен приливом еще в марте и пролежал здесь около пяти месяцев. Мне объяснили, что завтра они собираются

в Теньгум-Мана и эти щепки отнесут в подарок горным жителям, которые, сжигая их, получат пепел, употребляемый ими как соль. В прибрежных деревнях прибавляют к пресной немного морской воды; горные жители заменяют это пеплом. Нагрузив все пироги, они отправились к себе, обещая вернуться.

7 августа. Почти каждый день лихорадка. Остаюсь на ногах до последней возможности. Хины остается мало. Вчера целый день раздавались в лесу удары топоров. Отправился посмотреть, что они делали. Значительное пространство леса было очищено от кустов и лиан, у больших деревьев обрублены ветви, оставлены только самые толстые сучья; несколько больших деревьев повалены — и все это в два дня. Я мог только удивляться работе, сделанной таким примитивным орудием, как каменный топор. Муравьи желтые, черные, коричневые, белые, большие, малые, потревоженные или лишенные своих жилищ, заставили меня уйти.

9 августа. Приходили люди Бонгу с гостями из Били-Били; один из прибывших просил очень послушать гармонику Ульсона; когда последний ушел за нею, туземцы поспешили окутать голову бывшего с ними пятилетнего мальчика своими маль, чтобы он не видел «ай». Когда Ульсон кончил играть и ушел, ребенка освободили.

13 августа. Сидел дома и писал антропологические заметки о туземцах этого берега, которые намерен послать академику Бэру. Пришло очень большое число жителей окрестных деревень, одни только «тамо-боро», с весьма странною просьбою: они хотели, чтобы я навсегда остался с ними, взял одну, двух, трех или сколько пожелаю жен и не думал бы уехать снова в Россию или куда-нибудь в другое место. Они говорили так серьезно, один после другого, повторяя то же самое, что видно было, что они пришли с этим предложением после долгих общих совещаний. Я им отвечал, что, если я и уеду (в чем я нисколько не был, однако же, уверен), то вернусь опять, а что жен мне не нужно, так как женщины слишком много говорят и вообще шумливы, а что этого Маклай не любит. Это их не очень удовлетворило, но они остались, во всяком случае, довольны табаком, который я роздал членам депутации. Вот уже месяцев шесть, как Ульсон и я каждый вечер кладем на костер

большое бревно, чтобы поддержать огонь до следующего утра, так как приходится быть экономным со спичками и не дойти до необходимости бегать в Горенду в случае, если костер погаснет. Иногда мы заменяем обыкновенное дерево обрубком, пролежавшим долго в морской воде, и совершенно à la papoua собираем белый пепел, который употребляем как соль. Чтобы выпаривать морскую воду на огне, нужно слишком много дерева, а для добывания соли посредством испарения на солнце у меня не найдется достаточно большого и плоского сосуда.

Однако ж я весьма легко и скоро отвыкнул от соли и не замечаю никакого вредного действия для здоровья от ее недостатка.

15 августа. Утром, на охоте, когда я шел по тропинке около плантации, шорох между сухими листьями заставил меня остановиться. Прислушиваясь к шуму, я заметил шагах в 20 между деревьями, около сухого пня, небольшое животное. Это был небольшой кенгуру, рыжевато-серого цвета, которого туземцы называют «тиболь». Я выстрелил и ранил животное, так что его легко было словить. Очень обрадованный своей добычей, я вернулся немедля домой, забыв, что не застрелил ничего для завтрака или обеда, но мне было не до того, чтобы думать об этом. Вот уже около года, как я пробыл здесь, и это был первый экземпляр тиболя, которого мне удалось добыть. До этого времени я ни разу не видел подобного.

16 августа. Пригласили меня в Бонгу специально, чтобы попробовать еще не виданное мною кушанье «таун», приготовление которого довольно сложно. Сперва с этих орехов снимается шелуха, они складываются в корзины и вымачиваются дней 10 или более в морской воде; затем они растираются и смешиваются с наскобленным кокосовым орехом, после чего полученное тесто, разделенное на порции, завертывается аккуратно в банановые листья и варится около трех часов, и, наконец, таун готов и раскладывается небольшими пакетиками на чистые циновки. Таун мне понравился, несмотря на какой-то запах гнили — орех, должно быть, отчасти гниет во время пребывания в морской воде. Соображая сложность приготовления, трудно догадаться, каким образом туземцы дошли до открытия подобных кушань-

ев. Вся деревня принимает участие в таких экстраординарных угощениях.

Видел сегодня в Бонгу самый большой каменный топор, который мне случилось встретить: шириною он был около 12 сант. и замечательно хорошо отшлифован.

20 августа. Я сидел в Горенду, куда пришел за аяном, и разговаривал с окружавшими меня туземцами, как вдруг раздались пронзительные вопли и причитания, совершенно подобные тем, которые я слыхал в Гумбу при похоронах Бото. Голос был женский, и скоро показалась и сама плачущая; обеими руками она закрывала глаза или утирала слезы, шла медленно и крикливо, нараспев голосила какие-то слова; немного поодаль за нею следовали несколько женщин и детей, также понуря голову, но молча. Я спросил: «О чем это плачет и кричит Кололь?» (имя женщины). Оказалось, что ночью издохла большая свинья плачущей, желая пробраться между кольями забора в огород. Кололь отправилась к себе в хижину и продолжала голосить, как о покойнике. Такая привязанность женщин к свиньям может быть отчасти объяснена тем, что в этих странах, как было уже сообщено выше, некоторые женщины кормят поросят грудью. Так было и в настоящем случае. Когда я, смеясь, заметил, что свиней много, она отвечала, указывая на груди, что она сама вскормила эту.

Подобные сцены случаются здесь в деревнях нередко; при каждой неудаче, потере, смерти, обязанность женщин — кричать, выть, плакать; мужчины ходят молча, насупясь, а женщины воют. Двое туземцев принесли издохшую свинью. Она была назначена Аселем, которому и принадлежала, быть отправленной в Бонгу, куда ее и понесли. Такие обоюдные подарки одной деревни другой — здесь общее правило. При отправке свиньи из Горенду ударили в барум. Около получаса спустя послышался барум в Бонгу, означающий получение свиньи и начало «ая».

22 августа. Вчера вечером собрался в Били-Били, завязав обе двери не веревкою, а белой ниткою, которою я опутал их, как паутиной. Ночью ветер был слаб; зыбь, однако ж, значительная; к рассвету, после небольшого шквала с дождем от N, NW, совсем заштилело. Через час гребли, очень утомительной по случаю штиля и солнечного жара, мы подошли близко к Били-Били. Ту-

земцы толпою шли вдоль берега, распевая песни, в которые часто вплетали мое имя. Несколько пирог выехало к нам навстречу, и жители Били-Били, стараясь говорить на диалекте Бонгу, который я понимаю, наперерыв уверяли меня, как они рады моему приезду. Красивый островок с густою растительностью, толпа туземцев у берега, разукрашенных цветами, листьями, пироги вокруг шлюпки, песни, громкий разговор, шутки и крики диких, — все это живо напоминало мне описание островитян Тихого океана первыми мореплавателями. Выбрав место у берега, я направил туда мою шлюпку. Когда она врезалась в песок, десятки рук потащили ее выше на отлогий берег. Был уже девятый час, и, выпив воды кокосового ореха, я почувствовал сильное желание заснуть, так как всю ночь не пришлось спать. Это желание было нетрудно исполнить, и я расположился, как и в первый приезд, в одной из указанных мне туземных пирог.

Отдохнув, я занялся рисованием. Рисовал, что приходилось: и хижины и пироги, делал и портреты, снимал факсимиле с разных папуасских орнаментов, выцарапанных на бамбуке. Обходя деревню, я останавливался около многих хижин. Около одной из них несколько туземцев работали над большим веслом, причем можно было видеть, как железо легко вытесняет употребление раковин и камня как орудий. Небольшой обломанный гвоздь, тщательно плоско обточенный на камне, в виде долота, в руках искусного туземца оказался превосходным инструментом для резьбы прямолинейных орнаментов. Работа была долгая, но все же гораздо легче и проще резьбы камнем или раковиной.

У многих хижин висели вновь выкрашенные белою и красною красками щиты, которые не встречаются у моих соседей, но в большом употреблении у жителей других островов, как Тиара и Митебог. Они сделаны из одного куска дерева, круглы, от 70 сант. до 1 м в диаметре и в 2 сант. толщины. На передней стороне около края вырезано два концентрических круга; фигура в середине представляет значительные разнообразия. Щиты эти раскрашиваются только в особенных случаях.

Несколько туземцев, желая показать мне свою ловкость, схватили копья, надели щит на левую руку так, что середина его приходилась почти что у плеча, и стали производить разные воинственные эволюции, причем

щит закрывал голову и грудь и мог очень порядочно защищать их от стрел и копий.

23 августа. Собирался отправиться в Тиару (остров и деревня того же имени), которая лежит сам не знаю где; но так как дует свежий NNW и на море сильная зыбь, туземцы просят подождать хорошей погоды. NNW, обыкновенно дуя с открытого моря, сопровождается значительною зыбью и называется туземцами «карог». WNW, также очень обыкновенный здесь ветер, не сопровождается сильным волнением, так как дует с берега; он называется «явар».

Исходил остров по всем направлениям; на берегу нашел раковину.

24 августа. Ветер все еще силен для туземцев; просят подождать. Мне все равно, так как везде и всегда работа у меня под рукою, только гляди — узнавай, рисуй и записывай; материал неистощим.

С утра почти вся мужская молодежь отправлялась на четырех пирогах на особенный пир, или, вернее, бал, в Богати (туда им ветер попутный). Физиономии молодых людей, которых я знал хорошо, были так разрисованы, что я должен был пристально вглядываться в знакомые лица, чтобы распознать их; до такой степени обыкновенное выражение и черты были изменены несколькими цветными фигурами. «Сари»[77] различных форм и небольшие барабаны, употребляемые во время пляски, не были забыты. Отправляясь, совсем готовые, к своим пирогам, туземцы в угоду мне произвели на отлогом, сыром (был отлив) песчаном берегу род репетиции пляски, которую должны будут исполнять вечером в Богати. При этом они держали в зубах свои «сари», представлявшие курьезно украшенные белыми раковинами языки. В левой руке у них было по небольшому барабану, в который они ударяли правою. При пляске, состоящей из плавных движений, они не только пели (причем вследствие держания «сари» в зубах пение их имело странный звук), но и ударяли в барабан, который то опускали к земле, то поднимали над головою. Пляска была в высшей степени оригинальна.

25 августа. Проснувшись ночью и видя, что погода хорошая, я оделся, зажег фонарь и отправился будить Каина и Гада, с которыми я должен был отправиться

в Тиару. После нескольких отговорок Каин разбудил Гада; они достали парус и весла. Я перенес в небольшую пирогу разные вещи для обмена и для подарков и стал ждать у берега моих спутников. Размахивая горящими палками, они принесли мачту, парус и свои подарки. Отправляясь в гости, туземцы всегда берут с собою подарки и вещи для обмена, пользуясь при этом тем, в чем они сами имеют избыток.

Луна вышла из-за туч и таинственно проглядывала между пальмами, освещая живописную картину деревни, спокойного моря и группу работавших у пироги. Я поместился на платформе или на «кубум-барле» по одну сторону мачты со всеми своими вещами; на другой стороне горел небольшой костер в сломанном большом горшке. На носу и на корме в специально устроенных местах поставлены были копья, луки и стрелы обоих туземцев. Один из них поместился впереди платформы, другой в корме, чтобы грести и, кроме того, управлять парусом и рулем. Около трех часов утра все было готово, и пирога, или, на диалекте Били-Били, «кобум», была стащена в море. Вскочив в нее, Каин и Гад принялись грести, так как у берегов ветер был слаб; несмотря на это, пирога без шума стала двигаться вперед. Я решил, что всего рациональнее для меня продолжать прерванный сон, так как я увижу этот берег днем, а ночь была слишком темна, и я не мог разглядеть ничего, кроме силуэтов деревьев, поднимавшихся над общим уровнем леса. Упругая бамбуковая настилка платформы представляла довольно удобную койку, и я отлично проспал более часа. Меня разбудил Гад, предупреждая, что я сожгу свой башмак, так как, потянувшись во сне, я положил одну ногу почти что на костер. Туземцы попросили у меня табаку, закурили свои сигары и стали расспрашивать меня о России, о людях, живущих не только в России, но на Луне и на звездах. Между прочим, я узнал, что планету Venus они называют «Бой», созвездие пояса Ориона — «Даманг», Плеяды — «Барасси». Когда мы прошли островок Ямбомбы, мне показалось, что берег образует в этом месте залив. Рассвет, однако ж, показал, что предполагаемый залив кончается проливом, и мы скоро очутились в нем. С обеих сторон берег представлял поднятый коралловый риф, покрытый густою растительностью. На юге находилась оконечность материка Новой Гвинеи, которую туземцы называют «Бейле», на N — остров Григер с деревнями Гада-Гада

и Митебог; за ним далее на NW — два островка, Багер и другой, имя которого я забыл. Мы вошли в значительную бухту, представившую целый архипелаг островков разной величины — все одинаково образованные поднятым коралловым рифом и покрытые лесом. По мере того, как мы подвигались, я записывал имена островков.

Солнце показалось на горизонте и осветило архипелаг, спокойную поверхность бухты и далекие горы. Пролив между материком Новой Гвинеи и Григером совершенно безопасен, и бухта с ее многочисленными островами, огражденная от моря рифом, представляющим, однако ж, несколько проходов, может образовать хорошие гавани. Этой бухте мне надо будет подыскать имя, так как, хотя каждый островок имеет свое название, бухта именуется туземцами просто морем. Мы обогнули три небольших острова; на одном росли кокосовые пальмы и были расположены плантации жителей Гада-Гада; 5 или 6 других — необитаемы. В глубине, на юг, находится устье значительной речки. Продолжая плыть дальше, мы обогнули средний из трех необитаемых островов и увидели наконец цель нашей экскурсии — остров Тиару. Группа кокосовых пальм и вытащенные на берег пироги означали, что здесь пристань деревни. Мои спутники принарядились, надели новые пояса, взбили большими гребнями волосы и принялись усердно грести. Можно было различить толпу собравшихся тиарцев, которые, завидя пирогу из Били-Били, вышли к берегу. Многие громко звали меня по имени. Подойдя к песчаному берегу, пирога была разом вытащена высоко на песок целою толпою туземцев. Я сошел с платформы и, раздав окружавшим нас жителям Тиары мои вещи, отправился в деревню, где нам указали большую хижину, в которой были поставлены мой столик и складная скамейка, которые я привез с собою. Среди обступивших меня туземцев я узнал троих, которые были в Гарагасси месяца два тому назад. Имена их занесены в мою записную книжку. Взяв ее из кармана, я нашел страницу и прочел их имена громко. Очень удивленные и вместе с тем обрадованные, они, один за другим, по мере того как я произносил их имена, подошли ко мне и по моему знаку уселись у моих ног, потом целый день почти не отходили от меня, стараясь услужить мне чем и как могли. Каин и Гад также почти что не покидали меня. Вся толпа жителей Тиары образовала большой полукруг, молча глядя на меня и на привезен-

ные вещи. При этом я мог удобно разглядеть их физиономии. Здесь, как и в других местах, между совсем плоским и выдающимся немного носом представлялись десятки переходов, и, выбрав из целой деревни две крайности, можно представить две физиономии двух весьма различных типов. Но эти отличия — чисто индивидуальные, в чем можно убедиться, рассмотрев физиономии остальных, составляющих всевозможные переходы от одного типа к другому. Я положительно не нахожу основания полагать, что эта раса, живущая на островах, смешанная или отличная от жителей материка. Я роздал около полуфунта табаку, нарезанного небольшими кусками; это хватило только пожилым — из молодых его получили лишь немногие, преимущественно обладающие более красивыми физиономиями. Пока они курили, я занялся рисованием хижин, которые, как и многие в Били-Били, были построены на столбах более 1 м вышины, но, как вообще все папуасские хижины, состояли преимущественно из крыш. Я обошел затем всю деревню; она была немала, но не представляла той чистоты и уютности, как деревни моих соседей.

Вернувшись к прежнему месту, я застал туземцев, готовящих нам обед. За розданный табак жители Тиары принесли мне по стреле, от которых я не отказался, так как они были очень красиво вырезаны. Я обратил внимание здесь на особенную породу собак из Кар-Кара, отличной от распространенных на материке Новой Гвинеи. Собаки из Кар-Кара имеют толстое, удлиненное тело, сравнительно очень короткие ноги и толстую морду.

После обеда я обошел остров и сделал эскиз архипелага на W и SW, записав при этом более 30 имен островов.

Наш кобум был уже нагружен и готов к обратному пути. Все население деревни высыпало на берег посмотреть на наш отъезд. Наша пирога оказалась очень нагруженною подарками разного рода, предназначенными тиарцами для моих спутников. Около Григера навстречу к нам выехала пирога, и несколько человек усердно просили меня заехать к ним. Я не согласился, так как было поздно, а назавтра я желал вернуться в Гарагасси. Когда мы вышли из пролива в море, пирогу нашу очень неприятно толкло на волнении, которое было значительно. Это происходило оттого, что толчки волн о вынос передавались пироге, которая сама непосредственно получала толчки от другой волны.

Остров Кар-Кар был ясно виден, хотелось бы туда, так кажется близко, а оттуда на отров Ваг-Ваг, где, по словам Каина, туземцы даже не строят пирог ввиду своей изолированности.

26 августа. Утром, когда я собирался в путь, вернулась пирога с молодежью из Богати. У всех был очень усталый вид. На прощанье, желая подарить туземцам что-нибудь и не имея уже ни кусочка табаку, я придумал очень простое средство дать каждому что-нибудь для него полезное. Я разбил привезенную с холодным чаем бутылку на кусочки, величиною с серебряный четвертак; таких кусочков из одной бутылки вышло несколько сотен. Стекло, будучи для туземцев очень важным орудием (для бритья, полирования дерева и резьбы украшений), доставило им огромное удовольствие. Вся деревня, даже женщины и дети, собрались около шлюпки, протягивая руки. Хотя не было свежего ветра, но он был попутный, и я вернулся в Гарагасси около четырех часов, т. е. употребил почти что 6 часов для перехода; на путь из Гарагасси в Били-Били потребовалось часов двенадцать.

Дома нашел все в порядке, хотя по разным обстоятельствам я был уверен, что немало туземцев побывало в Гарагасси во время моего отсутствия; но они не могли удовлетворить своему любопытству, найдя двери опутанными веревкою и ниткою. Вероятно, они думают, что, если дотронутся до веревки у дверей, на них посыпятся со всех сторон выстрелы или, если прикоснутся к нитке, с ними приключится какое-нибудь несчастье.

30 августа. Отправился в Богати и добрался туда через шесть часов, так как сначала дул ровный ветер, а потом только порывами. Подходя к берегу, где я был 11 месяцев тому назад с офицерами «Витязя», я увидел толпу туземцев, которая присела, когда шлюпка приставала, и оставалась в этом положении до тех пор, пока я не приказал им вытащить ее на берег, что было немедленно исполнено.

Я обошел деревню, которая мне показалась самою большою между всеми расположенными вокруг бухты Астроляб. На большой площадке виднелись еще следы танцев, в которых участвовали жители Били-Били, о чем было сказано выше. Высокая барла была украшена зеленью разного рода, которую еще не успели снять, а

кушанья, приготовленные по случаю пиршества, доедались туземцами подогретые еще и сегодня, т. е. на третий день после праздника. Мне также был подан большой кусок «ай-буль» (свиньи, убитой по случаю «ая»). Несмотря на все старания, я не мог достать черепа с нижнею челюстью. Были принесены два, но без нее.

Коды-Боро снова заговорил о моем поселении в Богати и, желая подтвердить свои слова положительными доводами, повел меня через всю деревню к хижине, откуда вызвал молодую, крепкую, довольно красивую девушку. Что он ей сказал — я не понял. Она же поглядела на меня и, улыбнувшись, юркнула назад. Коды-Боро объяснил мне, что я могу взять ее себе в жены, если поселюсь в Богати, и повел меня далее. Выйдя из деревни, минут через пять ходьбы мы подошли к высокой изгороди плантации, перелезли через высокий порог и направились к группе работающих женщин. Коды снова позвал одну: то была недурненькая девочка лет 14—15. Этот раз я уже знал, что означало его вызывание, и сейчас же покачал головою. Коды, не теряя надежды найти для меня подходящую, кивнув головою, указывая языком * по направлению нескольких девушек. Этот смотр невест мне надоел, и я вернулся в деревню, не слушая более Коды. За недостатком ветра нельзя было и думать о возвращении в Гарагасси. Я остался ночевать.

31 августа. Провел ночь порядочно, закрывшись флагом. Не обошлось, однако ж, без попытки со стороны Коды привести в исполнение, пользуясь темнотою ночи, те планы, которые потерпели фиаско днем. Хотя, ложась спать, я был один в хижине, около моей барлы не раз слышались женские голоса. Я решил игнорировать это и спать.

Утром, при восходе солнца, нарисовал панораму гор юго-восточного берега залива. Я приобрел за нож орлан-ай. Таинственно обходя задами хижин, Коды привел меня к небольшой буамрамре, где показал мне орлан-ай. Когда я согласился дать за него нож, он завернул «ай» в циновку и с тою же заботливостью, чтобы никто нас не видел, повел меня назад к шлюпке, сам неся тщательно завернутый орлан-ай, и положил его сам под банки

* Кроме указывания рукою или кивком головы по какому-нибудь определенному направлению, туземцы иногда заменяют эти жесты высовыванием кончика языка то направо, то налево, смотря по местонахождению указываемого предмета.

в шлюпку, обложив сверток кокосами, которые уже там лежали. Когда шлюпку столкнули в море, все туземцы опять присели, пока Ульсон поднимал парус и я, сидя у руля, не прокричал им прощального «е-аба» и «е-ме-ме». При порядочном ветре я скоро добрался до дома, где все нашел в исправности.

1 сентября. Сильная лихорадка.

2 сентября. Топором рассек себе колено, и довольно глубоко, работая над кое-какими исправлениями хижины. Придется просидеть дома несколько дней.

3 сентября. Ульсон с десятком жителей Горенду вытащил шлюпку высоко на берег, так как она стала принимать до 80 ведер воды в сутки.

5 сентября. По случаю больного колена не могу ходить на охоту. Провизия наша почти что на исходе, приходится питаться тем, что приносят туземцы. Сегодня было пасмурно; свежий WNW и не более как 26° Ц.

9 сентября. К боли в колене присоединилась лихорадка. Провел 3 или 4 дня очень неприятным образом, так как пароксизмы сопровождались сильнейшею головною болью. К довершению удовольствия приходилось по целым дням слышать стоны Ульсона и причитания его, что мы оба умрем от лихорадки или от голода и т. п. Погода в эти дни стояла пасмурная, по временам лил дождь и капал мне на стол и на постель.

13 сентября. Занимался препарированием и рисованием мозга маба, который издох в прошлую ночь, прожив несколько месяцев у меня на веранде. Я поправился и, так как и погода улучшилась, хожу опять на охоту.

15 сентября. Решил сохранить остатки провизии, бобы и рис исключительно на те дни, когда буду не в состоянии отправляться на охоту, а Ульсон, также по случаю нездоровья, не сможет идти за провизиею в деревню. Вместо бобов и риса мы питаемся мясом, сладким картофелем и бананами. Иногда, если нет дичи, приходится голодать, и уже не раз я видел во сне, что роскошно обедаю или ужинаю.

17 сентября. Ульсон жалуется на ревматизм во всем теле и опять лежит почти целый день.

18 сентября. Несколько дней как птиц совсем нет. Черный какаду, которого во всякое время дня можно было застать на деревьях кенгара, более не виден. Ходишь по лесу, прислушиваешься, но даже и голубей не слышно. Появление известных птиц связано натурально с созреванием известных плодов. Это одна из причин скудости их в настоящее время. Другая причина, вероятно, — рубка леса в местности, где я преимущественно охотился. Жители Бонгу устраивают несколько новых плантаций, для чего вырубают мелкий кустарник и ветви больших деревьев. Когда весь этот хворост достаточно высохнет, его поджигают, а затем сооружается забор из воткнутых в землю обрезков тростника и расщепленного дерева поваленных стволов.

20 сентября. Отправившись на охоту, я забрался в такую глушь, что даже с помощью ножа еле-еле мог пробраться между лианами и колючим кустарником разного рода. В этой труднопроходимой чаще леса я был неожиданно и, к немалому удивлению моему, остановлен забором плантации. Надо отдать справедливость туземцам в умении находить места для своих огородов в очень глухих и труднонаходимых закоулках леса. Перебравшись через забор этой плантации, где росли бананы, сахарный тростник, ямс и сладкий картофель, я отыскал калитку и таким образом нашел тропинку, которая вывела меня из леса к морю. Я был недалеко от Гумбу, но, не желая зайти в деревню, расположился отдохнуть на стволе повалившегося дерева, недалеко от морского берега. Мимо меня прошли несколько женщин, идущих, вероятно, на плантацию; они несли пустые мешки на спинах и громко болтали. Значительная партия жителей Богати, в полном вооружении, прошла в противоположную сторону, к деревне. Я остановил последнюю из них, чтобы узнать, каким образом они пришли сюда, и узнал, что пришли пешком, следуя по морскому берегу, выйдя еще до рассвета из Богати.

Сегодня исполнился ровно год, как я вступил на берег Новой Гвинеи. В этот год я подготовил себе почву для многих лет исследования этого интересного острова, достигнув полного доверия туземцев, и на случай нужды уверенность в их помощи. Я готов и буду рад остаться несколько лет на этом берегу.

Но три пункта заставляют меня призадуматься относительно того, будет ли это возможно: во-первых, у

меня истощается запас хины; во-вторых, я ношу последнюю пару башмаков и в-третьих, у меня осталось не более как сотни две пистонов.

24 сентября. Коды-Боро, сопровождаемый толпою людей Богати, принес мне поросенка, за что получил установившуюся плату — небольшое зеркало в деревянной оправе, которое из его рук перешло по очереди к каждому из посетителей. Некоторые долго держали его перед собою, делая всевозможные гримасы: высовывая язык, надувая щеки, жмуря глаза, то отдаляя, то приближая зеркало, то поднимая его вверх, — и при каждом новом образе, появляющемся в зеркале, произносили «а! е! о!». Другие, подержав недолго зеркало в руках и заглянув в него, как бы чего-то испугавшись, отворачивались и сейчас же передавали его следующему.

27 сентября. Заметил, что два бревна, образующие фундамент хижины, перегнили или съедены насекомыми. Мысль, что каждую минуту пол может провалиться, заставила меня немедля принять меры, чтобы привести хижину в более безопасное для меня положение. Так как Ульсон стонет на своей койке и собирается умирать, то мне пришлось отправиться вырубить новые стойки. Вырубил, но не был в состоянии снести их из леса к хижине.

В два часа пошел дождь со шквалами. Небо было обложено со всех сторон. Пришлось вернуться в хижину и, несмотря на перспективу, что хижина может рухнуть, я решил, вместо того чтобы готовить обед, лечь спать, так как не было шансов, чтобы дождь перестал лить. Qui dort, dine[78], говорит пословица, но она верна только на один день, потому что, если и на второй не придется пообедать, навряд ли удастся заснуть, так как при сильном голоде спать невозможно. Я уже был близок ко сну, как струйка холодной воды на моем лице из новой щели в крыше заставила меня подняться, чтобы не допустить мою постель быть совершенно залитою. Я прикрепил с помощью палок и шнурков гуттаперчевую простыню как раз над головою, так что вода будет стекать теперь по ней, а не попадать на подушку.

Я упоминаю о всех этих удовольствиях как специальное № 3 людям, которые воображают, что путешествия — ряд приятных впечатлений, и совершенно забывают обратную сторону медали. Не думаю, чтобы эти господа

позавидовали мне сегодня: крайняя усталость, головная боль, мокрота кругом, перспектива пролежать голодным всю ночь и возможность провалиться. Иногда, однако же, бывают положения хуже.

10 октября. Трудно выразимое состояние овладевает иногда мною. Частая лихорадка и, может быть, преобладающая растительная пища ослабили до того мускульную систему, в особенности ног, что взойти на возвышение, даже весьма незначительное, для меня очень трудно, и часто, даже идя по гладкой дороге, я еле-еле волочу ноги. Хотя к занятиям охота и есть, но здесь я устаю, как никогда не уставал. Не могу сказать, что при этом я скверно себя чувствую; изредка только посещают меня головные боли, но они, главным образом, находятся в связи с лихорадкою и проходят, когда прекращаются пароксизмы. Но я так быстро устаю, что никуда не хожу, кроме как в Горенду или в Бонгу за провизиею, а то сижу дома, где работы всегда много. Спокойствие и уединение Гарагасси восхитительны. На Ульсона наша уединенная, однообразная жизнь производит заметное впечатление. Он стал угрюм и сердится на каждом шагу. Его вздохи, жалобы, монологи так надоели мне, прерывая мои занятия, что раз я объявил ему: «Деревьев кругом много, море в двух шагах; если он действительно так тоскует и находит жизнь здесь такою ужасною, то пусть повесится или бросится в море, и, что зная причину, почему он это сделает, я и не подумаю ему помешать».

На днях посетили меня люди Билия, одного из островков архипелага Довольных людей. Двое или трое молодых папуасов имели замечательно приятные и красивые физиономии, положительно не уступающие в этом отношении ни одному из красивейших, виденных мною полинезийцев. Сыновья Каина, например, хотя и не особенно красивые, — очень напоминают мальчиков островов Мангаревы и архипелага Помуту.

Узнал, что между туземцами здесь происходят дуэли из-за баб.

Расспрашивая Каина о знакомых моих в Били-Били, я спросил о Коре, очень услужливом и понятливом человеке. Каин ответил мне, что Коре получил рану в ногу при следующих обстоятельствах. Он застал жену свою в хижине другого туземца. Когда Коре отвел ее домой, другой туземец захотел воспротивиться. Коре схватил

лук и пустил несколько стрел в противника, которого и ранил; но последний успел также вооружиться луком, и пущенная им стрела, в свою очередь, пробуравила ногу Коре, пронзив ляжку. Другой случай ревности из-за жены произошел месяца два тому назад в Богати. Оба противника оказались раненными, а один чуть было не умер. Копье вонзилось в плечо и переломило ключицу.

Опять каждый день слышатся раскаты грома, как и в прошлом году в это время.

12 октября. Заметил, что при недостаточной пище (когда по временам чувствуешь головокружение вследствие голода) пьешь гораздо более, чем обыкновенно.

Пароксизмы здешней лихорадки наступают очень скоро после каких-либо вредных причин, иногда в тот же самый день. Напр., если утром ходил в воде по колено и оставался затем долго в мокрой обуви, или пробыл несколько времени на солнце с непокрытой головой, — в час или в два часа пополудни наступает пароксизм.

Сегодня Ульсон мыл свое белье в продолжение трех часов, ноги находились при этом в воде, температура которой на 1 или $1^1/_2°$ была ниже температуры воздуха, — в три часа у него был пароксизм, между тем как в предыдущие дни он был совершенно здоров.

20 октября. Возвращаясь утром с охоты, почти у дома я услыхал голос незнакомой птицы. Рассмотрев ее в кустах, я взвел курок, но потом раздумал стрелять — жаль было пистона, их у меня остается очень мало. Для завтрака и обеда провизии было довольно. Я раздумал потревожить маленькую птичку и опустил ружье; мое внимание обратилось на очень курьезного паука с отростками на всем теле. Правою рукою держал я дуло, так что кожа между большим и указательным пальцами перегибалась чрез край ствола. Я поймал паука и, сделав шаг вперед, поднял, не изменяя положения руки, ружье. Раздался выстрел, и боль заставила меня выпустить ружье из руки. Боль была незначительна, хотя крови из небольших ранок было немало. Несколько дробинок пробили кожу. Очень сожалею, что правая рука пострадала, так как вследствие ее большего употребления эти незначительные ранки долго не пройдут.

21 октября. Вечером вчера и всю ночь слышен был

барум в Богати. В него ударяли изредка и однообразно. От пришедшего Саула узнал, что, действительно, в Богати был покойник, которого сегодня утром похоронили. Я спросил, не приходил ли кто из Богати и не сказал ли ему об этом? Саул сказал, что нет; он только слыхал барум и знает, следовательно, что умер человек, но кто — ему неизвестно. Следя за ударами барума, он понял, что умершего уже похоронили.

25 октября. Проведя ночь в Бонгу, я очень рано собрался в путь в Мале. Солнце еще не всходило, и только весьма немногие из жителей были на ногах и грелись у огней. Один из них нашел, что и ему нужно идти в Мале, и предложил отправиться туда вместе. Пошли. Мы рано пришли в деревню, где меня привели в большую буамрамру и попросили остаться непременно ночевать. Один из туземцев пришел ко мне с жалобой на «тамо-русс» (офицеров или матросов корвета «Витязь»). Он объяснял, что хижина его была заперта и завязана, что «тамо-русс» открыли двери хижины, влезли в нее и забрали его окам и что теперь у него окама нет, так как их делают только тамо-Раймана. Он просил меня о возвращении окама или, по крайней мере, об уплате за него. Другой также пристал, уверяя, что «тамо-русс» подняли его ненир (корзина для ловли рыб), вынули рыбу, а может быть, взяли и ненир или опустили его в нехорошем месте, так что после этого он не мог найти его. Третий заявил, что из его хижины «тамо-русс» взяли очень хорошее копье. Будучи уверен, что это не были выдумки, я счел справедливым удовлетворить их жалобам и обещал вознаградить за вещи, взятые «тамо-русс»; зная, что окамы туземцами очень ценятся, я обещал дать за него топор; за ненир я предложил нож, а за копье мне показалось довольно дать три больших гвоздя. Все эти вещи они могут получить, когда хотят, в Гарагасси. Мое решение, которого они, кажется, никак не ожидали, произвело громадный восторг, и возгласы «Маклай — хороший, хороший человек!» послышались со всех сторон. Меня, однако ж, немало удивило, что после 14 месяцев туземцы еще не забыли все происшедшее во время посещения корвета «Витязь».

Два больших табира с вареным аяном, для меня и Калеу, были принесены и поставлены против нас, что послужило знаком, чтобы вся толпа, окружавшая нас, немедленно разошлась, оставив нас одних. Когда мы по-

ели, все вернулись обратно, и некоторые предложили мне приготовить для меня кэу, от чего я отказался.

Несмотря на желание собравшейся публики продолжать общий разговор, я предпочел отдохнуть и, сказав, что хочу спать, растянулся на барле, привыкнув уже давно ничем не стесняться при публике. Туземцы, видя, что я закрыл глаза, продолжали свой разговор шепотом. Многие разбрелись. Отдохнув более часа, я сделал прогулку в лес, сопровождаемый десятком молчаливых туземцев. Я заметил в лесу, около Гарагасси, многих птиц, которые не попадались мне прежде. Вернувшись в деревню, я заявил, что желаю иметь несколько телумов и человеческих черепов. Мне принесли несколько обломанных деревянных и длинных фигур. Ни одна никуда не годилась, что очень опечалило хозяев. На палке принесли мне два человеческих черепа. Я спросил, где челюсти. Оказалось, как обыкновенно: «марем арен». Когда я отказался от черепов, туземцы бросили их в кусты, говоря: «борле, дигор» (нехороший, сор). Это было новое доказательство, как мало уважают туземцы здесь черепа и кости своих родственников, сохраняя только их челюсти.

Несколько молодых папуасов, сидевших против меня, занимались оригинальной операцией, именно «выкручиванием» себе волос подбородка, щек, губ и бровей с помощью вдвое сложенного, крепкого, тонкого шнурка. Они держали шнурки очень близко к коже, причем попадающиеся волосы выкручивались между обоими шнурками и малым движением одной руки выдергивались с корнем. Несмотря на вероятную боль при этой операции, туземцы спокойно продолжали ее в течение двух или трех часов. Несколько туземцев усердно ели, облизывая себе пальцы, соленый пепел тлевшего большого ствола.

Очень смешно было видеть, как довольно большой мальчик, лет более трех, съев несколько кусков ямса из табира своей матери, рядом с которой он сидел, переменив положение, положив голову на колени матери, схватил толстую, отвислую грудь ее (она кормила еще другого) и стал сосать ее. Мать продолжала спокойно есть, а сын ее, напившись молока, снова принялся за ямс. Вечером, кроме вареного аяна и бананов, мне сварили зрелый плод пандануса; последнее кушанье не имеет особенного вкуса и съедобная часть незначительна, но оно очень ароматично.

Я записал несколько слов диалекта Мале, который отличался от языка Бонгу. Приобрел здесь два черепа тиболя, но без нижней челюсти, а также один — небольшого крокодила, которого туземцы недавно съели за один присест.

28 октября. Одиночество производит на Ульсона очень странное действие. Я иногда думаю, смотря на него, что его мозг начинает приходить в беспорядок: он по целым часам что-то бормочет, вдруг к чему-то прислушивается, затем снова заговорит. Нечего мне терять времени давать ему совет чем-нибудь заняться, так как он убежден, что мы скоро умрем, будем убиты или каким-нибудь другим образом погибнем. Единственно, чем он интересовался и что иногда делал — было приготовление пищи; иногда же валялся целый день, притворяясь очень больным. Мне этот ленивый трус был противен, я почти что не говорил с ним и не удостаивал даже приказывать ему; было достаточно с моей стороны, что я переносил его присутствие, кормил и поил его, когда вследствие лени или болезни он не хотел или не мог двинуться с места.

Мне много раз случалось прислушиваться очень долго: вдали точно слышатся человеческие голоса. Слушаешь, слушаешь — звуки немного приближаются, и что же оказывается? Оказывается, муха жужжит (может быть, и не муха, потому что я ее не видал, но жужжит, производя звуки очень человекоподобные). Не только я и Ульсон ошибались много раз, но и туземцы сами бывают введены в заблуждение.

30 октября. Дождь и снова дождь. Течет на стол, на постель и книги... Положение мое теперь следующее: провизия вышла, хина совсем на исходе, капсюль остается около сотни, так что ходить на охоту каждый день нерационально; беру по две каждый раз, но не всегда приносишь две птицы. Многие препараты приходится выбросить, новых нельзя сохранять, так как спирту нет; донашиваю последнюю пару башмаков. Лихорадка сильно истощает; хижина к тому же приходит в плачевное состояние.

2 ноября. Сегодня ночью с треском обрушилась боковая веранда. Думал, что вся хижина валится. Дождь

шел весь день, так что поправлять веранду я и не подумал. Птиц не было слышно.

3 ноября. Утром приходил Туй, и так как был проливной дождь, то я должен был принять его под навесом. Я его поместил на веранде, у самой двери моей комнаты, около которой я сидел; он пришел просить меня прекратить дождь, уверяя, что люди Горенду и Бонгу все сделали, чтобы заговорить дождь, но без успеха. Если Маклай это сделает, то дождь непременно перестанет. Туй просидел долго, и я узнал от него множество мелких, но интересных подробностей папуасской жизни. Хотя я порядочно говорю на диалекте Бонгу, но все-таки мне еще потребуются года, чтобы действительно познакомиться с образом мышления и с образом жизни этих людей. В продолжение 15 месяцев я ни разу не присутствовал при церемонии их бракосочетания; ни разу при операции «мулум» (обрезание) и не видел много, много другого.

4 ноября. Отправился за ямсом рано поутру, ничего не евши, по той простой причине, что в Гарагасси не было ничего съедобного. Как только пришел, решительно все жители не на шутку пристали ко мне, чтобы я прекратил дождь, потому что он очень вредит их плантациям. Каждый принес мне по несколько провизии, и не хотели ничего брать за нее, прося дать им лекарство от дождя. Желая выведать у них, каким образом они сами заговаривают дождь, я предложил сделать это при мне. Бугай показал мне, как они это делают, но прибавил, что в настоящее время их оним не помогает. Туземцы уверены, что я могу, но не хочу согласиться на их просьбу.

18 декабря. Я согласился на просьбы туземцев и отправился на «ай» в Бонгу. Приготовление кушаний, жевание кэу, уши раздирающая музыка прошли своим чередом, и так как я запоздал, то остался ночевать в буамрамре Саула.

19 декабря. Хотя уже свет утренней зари проник в буамрамру, я еще не подымался, так как ночью меня много раз будили музыка и крики, которые всегда сопровождают здесь «ай».

«Биа, биа!» (огонь, огонь!), — послышалось в неко-

тором расстоянии от буамрамры. Несколько туземцев вошли очень встревоженные и заявили, что около Кар-Кара виден огонь или дым от огня. «Так что же? Люди Кар-Кара жгут унан», — сказал я, потягиваясь, но все еще не вставая. «Нет, это не в Кар-Каре виден дым, а из моря он выходит. Скажи, Маклай, что это такое?» — «Я посмотрю, а потом скажу», — отвечал я. Несколько человек прибежали, крича: «Маклай, о Маклай, корвета-русс гена; биарам-боро» (Маклай, о Маклай, русский корвет идет; дым большой). Еще не веря новости, я оделся и отправился к морю. При первом взгляде сомнение было невозможно: дым принадлежал большому пароходу, вероятно, военному судну, корпуса которого еще не было видно, но можно было заметить, что судно приближается. Во всяком случае, мне надо было отправиться сейчас же в Гарагасси, поднять флаг у хижины, переодеться и отправиться на встречу судна. Какой бы национальности оно ни было, командир его не откажется взять мои письма, уступить мне несколько провизии и перевезти больного Ульсона до ближайшего порта, посещаемого европейскими судами. Все это я обдумал, сидя на платформе пироги, которая везла меня из Бонгу в Гарагасси.

Ульсон еще лежал на своей койке и по обыкновению охал, но когда я ему сказал, что мне надо флаг, что военное судно приближается, я подумал, что человек этот положительно с ума сошел. Он так болтал несвязно и не то плакал, не то смеялся, что я стал опасаться, не случился бы с ним какой-нибудь припадок. Я поспешил поднять русский флаг на флагштоке, сделанном еще матросами корвета «Витязь». Как только флаг был на месте и легкий ветер развернул его, я заметил сейчас же, что судно, которое было около островов Ямбомба, переменило курс и направилось прямо в Гарагасси. Я вернулся в мою комнату, хотел переодеться, но нашел это совершенно лишним. Платье, которое я мог бы надеть, было во всех отношениях одинаково с тем, которое уже было на мне. Я сошел вниз к песчаному берегу, и немалого труда стоило мне убедить троих туземцев отправиться со мною навстречу приближающемуся судну. Я уже мог различить русский флаг. Сагам и Дигу гребли очень медленно, следя более за движением судна и беспрестанно прося меня вернуться на берег. Я мог видеть офицеров на мостике, смотрящих на меня в бинокль. Наконец, мы были так близки к судну, которое шло те-

перь малым ходом, что я невооруженным глазом мог различить несколько знакомых лиц между офицерами. Они также узнали меня. Мое внимание было отвлечено состоянием моих спутников, Сагала и Дигу. Вид такого большого количества людей привел их в сильное волнение; когда же по приказанию командира матросы были посланы по реям и когда они прокричали трехкратное «ура», мои папуасы не выдержали, выпрыгнули из пироги и, вынырнув далеко от нее, стали плыть к берегу. Гребки также были захвачены ими или брошены в море. Я остался один в пироге и без гребков. Пришлось кое-как, гребя руками, приблизиться к клиперу и поймать брошенный мне конец. Наконец, я взобрался на палубу, где общая суматоха и множество людей странно подействовали на меня. Я был встречен командиром клипера «Изумруд» М. Н. Кумани и офицерами. Все были очень любезны, но говор кругом сильно утомлял меня. Мне было сказано, что клипер был послан его высочеством генерал-адмиралом и что, между прочим, господин Р. был переведен с корвета «Витязь» на клипер «Изумруд» специально для того, чтобы указать место, где должны были быть зарыты мои бумаги, так как в Европе распространился слух, что я был убит или умер, и даже многие из офицеров признались, что, увидя человека в европейском платье выехавшим им навстречу, они думали, что это Ульсон, так как были почти уверены не застать меня в живых. Я попросил командира позволить мне отправиться домой и приехать через несколько часов переговорить с ним[79].

Приход клипера был так неожидан, что я не составил себе еще плана о том, что предприму. Самым подходящим мне казалось — с помощью людей клипера поправить мою хижину, достать с клипера новый запас провизии и остаться здесь продолжать исследования, отослав до следующего порта никуда не годного мне Ульсона. Я мог также послать мой дневник и метеорологический журнал Географическому обществу и написать начатое письмо об антропологии папуасов академику К. М. фон Бэру.

К обеду я вернулся на «Изумруд». Михаил Николаевич сказал мне, между прочим, что по случаю моего не слишком хорошего здоровья он желал бы, чтобы я уже с сегодняшнего дня поселился на клипере, а перевоз моих вещей из Гарагасси на клипер предоставил бы одному из молодых офицеров. Это предложение показа-

лось мне немного странным. «А кто вам, Михаил Николаевич, сказал, что я поеду с вами на клипере? Это далеко еще не решено, и так как, я полагаю, вам возможно будет уделить мне немного провизии, взять с собою Ульсона и мои письма до ближайшего порта, то мне всего лучше будет остаться еще здесь, потому что мне еще предстоит довольно много дела по антропологии и этнологии здешних туземцев. Я попрошу вас позволить мне ответить вам завтра, отправлюсь ли я на «Изумруде» или останусь еще здесь».

Михаил Николаевич согласился, но я мог заметить, что мои слова произвели на многих курьезное впечатление. Некоторые подумали (я это знаю от них самих), что мой мозг от разных лишений и трудной жизни пришел в ненормальное состояние. Я узнал, между прочим, от командира, что голландское правительство посылает военное судно с ученою целью вокруг острова Новой Гвинеи. Это обстоятельство сильно заинтересовало меня; я мог бы, таким образом, подкрепив мое здоровье морской экскурсией, вернуться с новыми силами и новыми запасами на берег Маклая.

Я рано вернулся в Гарагасси и заснул вскоре, как убитый, после утомительного дня, предоставив себе на другое утро решить важный для меня вопрос: ехать или нет?

20 декабря. Желание командира «Изумруда» было остаться здесь по возможности на короткое время, так как на этом месте после непродолжительной стоянки на корвете «Витязь» заболело сколько-то человек. Это было одно; но в два или три дня я не в состоянии буду написать достаточно подробный отчет Географическому обществу; послать же мой дневник в том виде, как я его писал, мне также кажется неудобным.

Другое обстоятельство, важное для меня, было известие, что если я приму необходимые меры, то буду иметь возможность вернуться сюда на голландском судне. Одно мне казалось положительным — это то, что мне необходимо будет вернуться сюда снова, где, вследствие знакомства с туземным языком и заслужив полное доверие туземцев, дальнейшие исследования по антропологии и этнологии мне будут значительно облегчены. Это были мысли, которые на другое утро привели меня к решению оставить на время берег Маклая, с тем чтобы вернуться сюда при первой возможности.

Когда я объявил капитану М. Н. Кумани мое решение, он спросил меня, как долго мне необходимо будет, чтобы собраться. Я ответил, что через три дня после того как «Изумруд» бросил якорь, он будет в состоянии поднять его и идти куда пожелает. Остающиеся два дня я предоставил себе на упаковку вещей и на прощанье с туземцами. Михаил Николаевич любезно уступил мне одну из своих кают, и я уже перевез многие вещи из Гарагасси. Вечером пришли ко мне с факелами много людей из Бонгу, Горенду и Гумбу; между ними были также жители из Мале и Колику-Мана. Туй, Бугай, Саул, Лако, Сагам и другие, главным образом те, которых я более знал и которые чаще бывали в Гарагасси, особенно сокрушались о моем отъезде и, наконец, пришли к решению: просить меня остаться с ними, не ехать, а поселиться на этом берегу, уверяя, что в каждой деревне на берегу и в горах мне будет построен дом, что для каждого дома я могу выбрать в деревне из девушек по жене или даже по две, если одной недостаточно.

Я отклонил это предложение, сказав, что вернусь со временем и опять буду жить с ними.

Люди Гумбу пристали ко мне идти в Гумбу, где кроме всех местных жителей собрались люди Теньгум, Энглам и Самбуль-Мана и что все желают меня видеть. Не желая отказать, может быть, в последний раз, я пошел, окруженный большою толпою туземцев с факелами в руках.

В Гумбу было повторение сцены, бывшей в Гарагасси. Все просили меня остаться. Мне мало пришлось спать, и когда к утру я хотел подняться, то почувствовал значительную боль в ногах. Последние два дня я много ходил и не обращал внимание на раны на ногах, которые сильно опухли и мешали очень при ходьбе. Я пошел, однако ж, по берегу, желая вернуться скорее в Гарагасси. Боль была так сильна, что, устроив из нескольких перекладин род носилок, я был перенесен туземцами на них до мыска Габина, а оттуда перевезен на клипер, где я отдохнул и где раны мои были обмыты и перевязаны.

По приказанию командира толстая доска красного дерева, на которой была прибита медная с вырезанною надписью:

Vitiaz. Sept. 1871
Miklouho — Maclay.
Izoumroud. Dec. 1872.

должна была быть прибита к одному из деревьев около моей хижины в Гарагасси. Я отправился, несмотря на больные ноги, указать сам место, которое для этого будет самым подходящим. Я выбрал большой Canarium commune, самое высокое и представительное дерево в Гарагасси. Я провел остаток дня дома, доканчивая упаковку вещей, потому что завтра будет последний день моего пребывания в этой местности.

21 декабря. Вечером, засыпая, я думал, что в продолжение 14 месяцев и даже более я не нашел времени устроить мою койку более удобным образом и что край корзины, на которой помещалась верхняя часть моего тела, будучи дюйма на два выше крышки другой, где лежали мои ноги, мог бы быть сделан для меня менее чувствительным весьма простым образом: стоило только подложить два бруска под более низкую корзину. Разумеется, я не подумал тревожиться об этом в последнюю ночь, проспав столько ночей и часто пробуждаясь вследствие неудобства койки. Я вчера уговорил туземцев приехать на клипер осмотреть его, и, действительно, довольно многие явились в Гарагасси, но весьма небольшое число отправилось со мною на клипер, а еще меньшее отважилось взобраться на палубу. Но там вид множества людей и разных аппаратов, для них непонятных, так испугал их, что они ухватились со всех сторон за меня, думая быть таким образом в безопасности. Чтобы удовлетворить их и не быть стесненным в моих движениях, я попросил одного из матросов принести мне конец; середину его я обвязал себе вокруг талии, а оба конца веревки предоставил моим папуасам. Таким образом, я мог идти вперед, а папуасы воображали, что держатся за меня. С таким хвостом, беспрестанно останавливаясь, чтобы отвечать и объяснять туземцам разные предметы, обошли мы всю палубу. Пушки пугали их: они отворачивались и переходили к другим предметам. Что их особенно поразило и вместе с тем заинтересовало — были два небольших бычка, взятых как живая провизия для команды; они не могли наглядеться на них и просили подарить им одного. Спросив название, они старались не забыть его, повторяя: «бик, бик, бик». Спустились вниз, в кают-компанию; дорогою туда машина им очень понравилась. Разумеется, они не могли понять, что это такое. Затем большие зеркала в кают-компании, в которых они могли видеть нескольких

человек сразу, очень понравились им. Фортепиано, которое я назвал «ай-боро-русс», не только обратило их внимание, но одному из них захотелось даже самому попробовать его. Я поспешил выпроводить их наверх. На палубе одному из туземцев захотелось вновь посмотреть быков; он обратился ко мне, но, забыв название «бик», стал спрашивать о «большой русской свинье». Не поняв его, я отвечал, что никакой свиньи на корвете нет; тогда, чтобы более точно назвать животное, он прибавил, что хочет видеть «большую русскую свинью с зубами на голове». Один из товарищей его подсказал ему «бик», и они все хором затянули «бик», «бик». Видя, что они достаточно освоились с палубой, я высвободился из петли и предоставил им свободно ходить по ней.

Сегодня же последние мои вещи были привезены из Гарагасси, и Ульсон также перевезен на корвет и, как больной, помещен в лазарет. Перед отъездом Туй просил сказать ему, через сколько месяцев я вернусь в Гарагасси. Даже и теперь, уезжая после пятнадцатимесячного пребывания, я не мог сказать «много», так как этого слова я до сих пор не узнал, почему ответил «навалобе», что значит приблизительно: «со временем».

22 декабря. С самого утра несколько пирог окружали клипер, и мне постоянно докладывали, что «черные» хотят видеть меня или зовут меня. Когда я выходил, туземцы кричали, но шум якоря, который стали подымать, и несколько оборотов винта разогнали скоро все пироги, и крики «еме-ме» и «е-аба» стали не так ясно доноситься с берега, как с пирог. Когда клипер стал подвигаться вперед и огибать мысок Габина, раздались удары барума почти одновременно в Горенду и Бонгу; когда же корвет прошел мысок Габина, к этим звукам присоединился барум Гумбу. Отдаляясь, мы еще долго слышали барум; проходя Били-Били, я мог в бинокль ясно видеть туземцев, которые сидели, стояли и ходили вдоль скалистого берега.

Пройдя архипелаг Довольных людей и порт «Великий князь Алексей», мы обогнули cap Croissiles и вошли в пролив между материком Новой Гвинеи и островом Кар-Кар, который я назвал на моей карте проливом «Изумруд».

Из статьи «Почему я выбрал Новую Гвинею» (1871 г.). «Мне кажется, что мне следует прежде всего сказать, почему я выбрал Новую Гвинею целью моего путешествия и моих исследований. Читая описания путешествий, почти что во всех я находил очень недостаточными описания туземцев в их первобытном состоянии, т. е. в состоянии, в котором люди жили и живут до более близкого столкновения с белыми или расами с уже определенной цивилизацией (как индусская, китайская, арабская и т. д.). Путешественники или оставались среди этих туземцев слишком короткое время, чтобы познакомиться с их образом жизни, обычаями, уровнем их умственного развития и т. д., или же главным образом занимались собиранием коллекций, наблюдением других животных, а на людей обращали совершенно второстепенное внимание. С другой стороны еще, такое пренебрежение ознакомления с первобытными расами мне казалось достойным положительного сожаления вследствие обстоятельства, что расы эти, как известно, при столкновении с европейской цивилизацией с каждым годом исчезают.

Времени, по моему мнению, не следовало упускать и цель — исследование первобытных народов — мне казалась достойной посвятить ей несколько лет жизни. Совершенно согласно с моими желаниями повидать другие части света и знания мои подходящи для такого предприятия».

Из письма Ф. Р. Остен-Сакену[80] (Тернате. Молуккские острова, 4 февраля 1873 г.). «Многоуважаемый Федор Романович! 24 декабря 1872 г. я оставил берег Новой Гвинеи на клипере «Изумруд», который перевез меня в Тернате. О моем пребывании на Новой Гвинее скажу пока только, что, несмотря на многие трудности, лихорадку и лишения, я выполнил часть моих задач. Со следующими почтами я надеюсь послать

академику К. М. Бэру довольно полный антропологический отчет о папуасах, Императорскому Русскому географическому обществу сообщение о моем пребывании в Новой Гвинее, этнологическое описание туземцев залива Астролябии (жителей берега, гор и прилегающих островов), академику Вильду результаты метеорологических наблюдений за целый год. Зоологические мои исследования думаю по мере обработки статей поместить в разных научных периодических изданиях.

После трудного, но не безуспешного начала я более чем когда-либо намерен продолжать начатое и надеюсь в продолжение этого года отправиться снова в Новую Гвинею...

Несмотря на часто повторявшуюся сильную лихорадку... я теперь здоров и... еще более, чем прежде, способен перенести болезни и трудности нового путешествия. Жители Астроляб-бай, которые в продолжение 3-х или 4-х месяцев все собирались, но не решились убить меня, при моем отъезде очень уговаривали и просили не оставлять их или, по крайней мере, вернуться к ним...»

Из статьи «Антропология и этнология меланезийцев» (1886 г.). «Оставаясь на берегу Маклая в 1871 г., я вовсе не имел никакого предвзятого мнения относительно туземцев и их характера. Я не считал их особенно дурными или жестокими; не думал также, что они особенно добры или великодушны... Я был подготовлен ко всяким случайностям; опыт, однако, показал, что туземцы этой местности... лучше, чем я думал. Должен напомнить, что в то время я был единственным белым, которого туземцы знали. Когда я сошелся с ними ближе и стал понимать их язык (что, мне кажется, положительно необходимо для верной оценки характера людей), меня приятно поразили хорошие и вежливые (gentleman — like) отношения, которые существуют между туземцами, их дружелюбное обращение с женами и детьми. Во все мое пребывание на берегу Маклая мне не случилось видеть ни одной грубой ссоры или драки между туземцами; я также не слышал ни об одной краже или убийстве между жителями одной и той же деревни. В этой общине не было начальников, не было ни богатых, ни бедных, почему не было ни зависти, ни воровства, ни насилия. Легкость добывания средств к существованию не заставляла их много трудиться, почему выражения злобы, ожесточения, досады не имели

место. Название, которое я дал целому архипелагу: «Архипелаг Довольных людей» свидетельствует о том впечатлении, которое произвела на меня мирная жизнь островитян...

Что характер населения может при некоторых условиях быстро измениться и выказать совершенно другие стороны, это очень понятно, если мы примем во внимание перемену обстановки и окружающих условий. Если на берегу Маклая появятся торговцы, то они для более выгодного приобретения туземных продуктов возбудят в местных жителях корысть, а для пополнения числа рабочих на плантациях европейских колоний станут склонять подарками кого-либо из влиятельных лиц... отпустить им несколько молодых людей или девушек, а то просто, без церемоний, насильно захватят с собою туземцев. Не надо будет удивляться при таких условиях, если архипелаг Довольных людей со временем превратится в архипелаг Людей свирепых.

Из статьи «Краткое сообщение о моем пребывании на восточном берегу ос. Новой Гвинеи в 1871 и 1872 годах»... «Я близко сошелся с моими соседями и успел познакомиться со многими их обычаями, которые они до того времени тщательно от меня скрывали. Отношение диких ко мне совершенно стало другое, чем первые пять или шесть месяцев. Мое равнодушие к их стрелам и копьям, неизменное слово при обещаниях, мои далекие экскурсии в труднопроходимом лесу, в горах, несмотря на время, — днем в жару, ночью часто при сильных тропических грозах, при нередких землетрясениях, — мое внезапное появление при таких условиях без провожатых в деревнях, где обо мне знали только понаслышке, — вселило в папуасов не одно удивление, но и род суеверного почтения или страха ко мне, которые преодолели, наконец, их подозрительность и недружелюбие. К тому же помощь больным и подарки туземцам сделали мне немало несомненных друзей.

Не видав до прихода «Витязя» ни одного судна, папуасы были твердо убеждены, что они единственные жители земли. Видя, что я физически отличен от них, и предполагая во мне особенные, непонятные для них качества, они не хотели верить, что я такой же человек, как они, и раз придумав, что я явился к ним с Луны, эта мысль так засела в их головах и так распространилась, что никто не верил, когда я отрицал это происхождение.

Кроме моего имени «Маклай», которое они знали и помнили с первого же дня моего знакомства с ними, они стали звать меня «каарам-тамо» (человек Луны), или «тамо боро-боро» (человек большой-большой), ставя меня выше самых старых и почитаемых глав семейств, которых они называют просто «тамо» и редко «тамо-боро» (человек, человек большой). Они приходили ко мне, прося изменить погоду или направление ветра; были убеждены, что мой взгляд может вылечить больного или повредить здоровому; думали положительно, что я могу летать и даже, если захочу, зажечь море».

Приводится по рукописи, хранящейся в Архиве ГО.

Из письма матери, Екатерине Семеновне[81] (Тернате, февраль 1873 г.). «Письмо ваше получил здесь. Оно меня очень, очень порадовало. Хотелось бы мне очень хотя бы на короткий срок повидать вас, но придется еще подождать. Неужели вы бы захотели, чтобы я начатое бросил, чтобы оправдалось мнение многих: что русский человек хорошо начинает, но у него не хватает выдержанности, чтобы так же кончить. Как только смогу — сейчас же к вам! Слова никогда не забываю.

Об 15 месяцах очень трудной жизни в [Новой] Гвинее прочтете в письме моем Географическому обществу. Замечу только, что благодаря моей нервной, эластичной и крепкой натуре, которую вы понимаете, потому что сами ее имеете, я перенес все хорошо, здоров и готов на все, что потребуется для новых путешествий и исследований. Хотя мне тяжело очень писать вам снова о деньгах, но приходится. Пока только предупреждаю, что снова придется просить вас о них! Напишите мне *откровенно,* можете ли вы, не очень стесняясь, прислать мне? Сколько и как — в следующем письме. Если затруднительно, то я уж как-нибудь достану, не хотелось бы одолжаться [у] посторонних...

Мне удалось *многое* сделать по разным отраслям науки в Новой Гвинее, не говоря уже о счастье, доставшемся мне на долю, наблюдать и жить посреди самого первобытного из человеческих племен, потому что *до меня никто* положительно не был в этом месте Новой Гвинеи, и папуасы воображали себя единственными жителями земного шара...»

Из письма сестре Ольге[82] (Тернате, февраль 1873 г.). «Хорошо, что продолжаешь рисовать! Не ле-

нись! Нехорошо так много думать обо мне и все ждать меня! Кончу, что начал, — сейчас приеду. Думаю, что и в тебе есть кое-что, что есть у меня: решимость и воля достичь, что назначил себе; уныние и малодушие ведут только к самой глупой жизни. Придумай для матери и себя какое-нибудь подходящее хорошее место жительства, непременно в деревне или не близко города.

Увидишь, какое громадное влияние имеет на человека окружающая природа. Теперь Володя [83] вышел [в люди]. Миша [84] (который не должен забывать рисования в гимназии) также подрос. Ты и мать могли бы, может быть, поселиться где на юге... Думай и делай, и не теряй времени. Мать давно об этом мечтает.

Володе скажи, чтобы приезжал за мною в Японию [85], Мише — чтобы рисовал и читал: наука и стремиться подвигать ее — хорошая вещь в жизни. Знаю по опыту».

Из письма матери (Гонконг, апрель 1873 г.). «Мне неприятно и тяжело быть в необходимости писать вам, дорогая моя, о деньгах, особенно не зная о положении ваших обстоятельств. Но, видя успех моих предприятий в научном отношении и чувствуя силу идти на *все,* мне очень не хотелось бы зависеть от кого-нибудь, кроме вас, касательно этих глупых грошей! *Помню* и *знаю* очень хорошо, что я более всех между братьями тратил и трачу. Эта мысль, не зная положения ваших дел, становится мне с каждым годом тяжелее. Боюсь, что я расходую деньги в ущерб других! Поэтому мне было бы очень *приятно* и *важно знать в цифрах сумму всех ваших денег и приблизительно ваш годовой расход!* Я бы мог тогда рассчитать, насколько я расходовал больше вас, сестры и братьев, мог бы сообразить, имею ли я право на просьбу о присылке денег и впредь. Извините меня, дорогая моя, что я обращаюсь к вам с этой просьбой. Напишите мне откровенно об этом. Я думаю, это в первый и последний раз. Этого требует справедливость и желание не быть в тягость, а главное: я должен это положительно знать, чтобы устроить свою жизнь в следующих годах...

Благодаря разным английским газетам, которые меня сперва похоронили, а потом возвестили о моем воскрешении от мертвых, все стараются знакомиться со мною, что доставляет мне иногда изрядную скуку и много знакомых, но также открывает все двери, а лю-

безное гостеприимство всюду избавляет от значительных расходов...»

Из письма другу А. А. Мещерскому[86] (Гонконг, апрель 1873 г.). «Чем сильнее я чувствую, что я почти ни с кем в жизни не сошелся так близко, как с вами, тем труднее становится писать... Я бы так много мог передать вам, но писать положительно трудно при моей деятельной жизни, которую веду со времени ухода из [Новой] Гвинеи. Хотелось бы очень провести хотя бы денек с вами!.. Я как-то о вас думал: хотел угадать, что теперь с вами, какой путь избрали; куда идете или где покоитесь?.. Когда мы расстались, вы стояли на перепутье... Пишите! Моя участь *решена:* я иду — не скажу по известной дороге (дорога — это случайность), но по известному направлению, и иду *на всё, готов на всё.* Это не юношеское увлечение идеею, а глубокое сознание силы, которая во мне растет, несмотря на лихорадки. Про удовлетворение этого стремления говорить нечего; его нет и быть не может. Приходится довольствоваться тем, что можешь сделать...

Пришлите мне вырезки из русских газет о моей смерти; говорят, что где-то помещали мой некролог...»

Из письма председателю Русского географического общества вел. кн. Константину Николаевичу (Гонконг, май 1873 г.). «...Изолированные географическим положением острова от влияния других племен и посторонних цивилизаций, папуасы остановились на самых первых шагах общественного и промышленного развития. Это обстоятельство сделало мое пребывание в Новой Гвинее хотя трудным, но в высшей степени интересным и направило мои исследования преимущественно на антропологию и этнологию. Ни одному образованному европейцу до сих пор не посчастливилось, как мне, прожить так долго в Новой Гвинее, сойтись так близко с туземцами, добиться их доверия и ознакомиться с их образом жизни и обычаями.

Теперь мне остается продолжать, и я, не далее как в конце этого года, думаю предпринять второе путешествие в Новую Гвинею...

Чувствуя себя, несмотря на сильную лихорадку, которой подвергался в Новой Гвинее и которая нередко возвращается и теперь, достаточно здоровым, я, по возможности, не теряю ни случая, ни времени.

Моим исследованиям и путешествиям я не предвижу еще конца и не предполагаю вернуться в Россию ранее нескольких лет, когда моими научными исследованиями я докажу себя более достойным оказанной мне помощи и сочувствия...»[87]

Из письма другу А. А. Мещерскому (Бюйтензорг, о-в Ява, июль 1873 г.). «Сегодня ночью был у меня сильнейший пароксизм. Вот целый месяц, как я здесь, и все *не* лучше. Здоровье мое *сильно* пострадало. Да иначе и быть не могло. Я бы серьезно желал, чтобы мать и сестра были готовы ко *всякой случайности!..*»

Из письма ему же (Бюйтензорг, ноябрь 1873 г.). «Я снова отправляюсь в Новую Гвинею. Пора! Почти год, как покинул ее; надо, пока еще есть кое-какие силы, одолеть ее, неподатливую! К тому же там не требуется денег, которые здесь испаряются быстро.

Я часто хворал, немного работал и en somme (в общем. — *Б. П.)* прожил хорошо эти 5 месяцев в Бюйтензорге... Досадно, что здоровье хромает... а то было бы все изрядно...»

Из письма ему же (Амбоина. Восточная Индонезия, январь 1874 г.). «Дело серьезное: доктора здесь (т. е. в Батавии, Сурабайе) сомневаются, что я выдержу вторую экспедицию в Новую Гвинею, для чего я прибыл вчера сюда, после 19-дневного плавания. И я чувствую себя крайне нездоровым, но отправляюсь.

Если удастся вернуться, мне *необходимо надо* будут деньги, я занял около 1000 flor. для этой *экспедиции.* Мне надо уплатить этот долг и отправиться для здоровья... в Австралию...»

Из письма ему же (Гесир, Восточная Индонезия, февраль 1874 г.). «Отправляюсь потому, что если теперь не решусь, пожалуй, вторая экспедиция в Новую Гвинею *никогда* не удастся.

Вследствие здоровья, которое уходит, и средств, которые все более и более стесняют, постараюсь [скоро] вернуться, потому что главные результаты (этнологические) 1-го путешествия почти не разработаны мною, и никто это за меня сделать не сможет...»

II

ВТОРАЯ ПОЕЗДКА В НОВУЮ ГВИНЕЮ

Целью моего второго путешествия в Новую Гвинею был юго-западный берег ее, а именно берег, идущий на восток от высокого полуострова Кумавы (полуострова принца Оранье-Нассауского).

Этот берег, от большой реки Каруфы (на полуострове Кумаве), до мыса Буру, носит туземное название Папуа-Ковиай. На север от полуострова Кумавы берег до залива Мак-Клюр (включая и его) называется Папуа-Онин, севернее залива М. Клюр часть берега Новой Гвинеи, против ос. Салавати, имеет название Папуа-Нотан. Это деление западного берега Новой Гвинеи я нашел распространенным между папуасами; оно также в ходу между серамцами[88], которые издавна находятся в торговых сношениях с папуасами.

Папуа-Онин и Папуа-Нотан посещаются чаще макассарскими[89] и серамскими торговцами, так как они представляют более безопасности. Папуа-Ковиай, вследствие частых войн между папуасскими народцами, а также нередких убийств и грабежей торговых экспедиций имеет дурную репутацию и теперь весьма редко посещается большими макассарскими прау[90] (падуаканами).

Это последнее обстоятельство, т. е. меньший наплыв торговцев и меньшее влияние чужого элемента, решили мой выбор, хотя я, по рассказам макассарцев и серамцев, мог заключить, что вместе с более интересным избираю и более рискованное. Уже отправляясь в Папуа-Ковиай, я ожидал что-нибудь подобное случившемуся и нашел потом ряд приключений моих совершенно соответствующим характеру населения этой страны.

23 февраля 1874 г. отправился я из Гесира (островка между восточною оконечностью остр. Серами и небольшим остр. Серам-Лаут) в туземном урумбае* на

* Урумбай — большая непалубная лодка с каютой в виде хижины посередине. Борт урумбая не выше 1,5 фута от ватерлинии, нос и корма заострены и высоки. Урумбай, общеупотребляемое судно в Молуккском архипелаге, бывает очень различной величины; мой урумбай мог поднять не более 2 тонн груза.

юго-западный берег Новой Гвинеи via[91] острова Горам, Матабелло и Ади.

Меня сопровождали двое слуг, жители острова Амбоины, и мой папуасский мальчик Ахмат*; экипаж урумбая состоял из 16 человек, из которых 10 были папуасы.

27 февраля урумбай бросил якорь около ос. Наматоте (ос. между заливом Битчару и заливом Тритон в Новой Гвинее).

Для выбора местности, удобной для постройки хижины, я посетил ос. Айдуму, берег Лобо, архипелаг Мавару и, наконец, решил остаться жить на берегу Новой Гвинеи, называемом Айва, находящемся против архипелага Мавара.

Папуасы были очень изумлены моим намерением жить между ними, но обходились относительно меня дружелюбно и даже очень почтительно. Так как береговые папуасы-ковиай ведут жизнь совершенно номадную[92], кочуя в своих пирогах из одного залива в другой, переезжая от одного берега к другому, то скоро моя хижина стала центром сбора, около которого постоянно теснились пироги жителей Наматоте, Айдумы, Мавары; начальники их — радья[93] Наматоте, радья Айдумы, капитан Мавары — ежедневно посещали меня, уверяя в преданности и дружбе.

Познакомившись с окрестною местностью, я решил предпринять более далекую экспедицию. Я воспользовался обстоятельством, что вследствие западного муссона урумбай не мог вернуться в Гесир. Оставив для охранения хижины амбоинца Иосифа и пять серамцев, я отправился с остальными людьми сперва на восточный берег залива Тритон, в местность, называемую Варика. Следуя моему обыкновению, оставив моих людей в урумбае, я один и невооруженный, предпринял экскурсию в горы; меня сопровождали жители гор. Камака, которые называются ваойсирау[94]. Перешед береговой хребет (около 1300 фут.), я посетил большое и очень интересное озеро Камака-Валлар, до сих пор неизвестное даже серамцам, которые почти ежегодно посещают

---

* Ахмат, папуасский мальчик лет 12, был подарен мне в январе 1873 г. султаном Тидорским. Пробыв около 5 месяцев на клипере «Изумруд», он выучился говорить по-русски, и я до сих пор не говорю с ним иначе, как на этом языке. Хотя он имеет незначительную склонность к послушанию, но бывает мне полезен, будучи сметлив и расторопен.

эти берега. Озеро, о котором я вскоре надеюсь сообщить подробнее, находится на востоке, около 500 фут. над уровнем моря (высота определена с помощью гипсометра Реньо), окружено горами, которые понижаются немного на ЮВ. Около озера находятся несколько хижин ваойсирау. Горы на В, т. е. в глубь страны, необитаемы.

Из Варики я продолжал путь в урумбае, останавливаясь у островов Айдумы, Каю-Меры, Лакайя, и пробрался в узкий залив Кируру (Этна-Бай голландских карт). Я нашел, что этот залив ошибочно называется заливом, представляя собственно род длинного пролива между материком и архипелагом низких островов, поросших мангровами. В последний, более обширный, бассейн этого мнимого залива можно попасть другими путями, проезжая более узкими проливами между островами.

По берегам пролива Кируру не оказалось селений, и только в последнем бассейне, в местности, называемой Тимбона, я нашел два полуразрушенных шалаша; также в горах несколько тропинок, срубленные стволы и сучья свидетельствуют, что эти горы посещаются папуасами. Я узнал потом, что сюда приходят от времени до времени туземцы за масоем *.

Возвратившись с экскурсии в горы на урумбай, я отправился искать вдоль берега удобного якорного места для ночлега, намереваясь на другой день вернуться к морю другим проливом. Мой план был изменен неожиданным появлением пяти больших пирог, на которых находилось значительное число папуасов. Многие обстоятельства при этой встрече заставляли думать, что папуасы последовали за нами в бассейн Кируру не с дружескими намерениями, и хотя после долгих колебаний некоторые из них и взошли на урумбай, но это только увеличило подозрение моих людей, между которыми было несколько людей бывалых, которые уже много раз посещали берега Новой Гвинеи и имели случай хорошо познакомиться с характером папуасов. Они говорили, что папуасы единственно для того приблизились мирно к нам, чтобы знать число людей и вооружение на урумбае и рассчитать относительные силы; они были убеждены, что туземцы ожидают ночи, чтобы напасть на нас, и очень просили меня не оставаться здесь

---

* Масой — кора дерева из семейства лавровых — употребляется на востоке как лекарство.

на ночь, а выбраться скорее в море. Нехотя согласился я на их убедительные просьбы, соображая, что папуасов более 50 человек, нас же всего 13, и что ночью шансы очень неравные. Мои люди были так убеждены в близкой опасности, что замечательно усердно гребли всю ночь, и при помощи отлива к рассвету мы бросили якорь у выхода из пролива Кируру против водопада Гуру-Гуру. Весь следующий день я старался снова войти в сношения с папуасами, но ни одна пирога не приблизилась, хотя на берегу туземцы манили и звали нас в деревню. Мелководье не позволяло урумбаю подойти близко к берегу, и нежелание или опасение папуасов * подъехать к нам заставили меня остаться весь день на урумбае.

Далее на ЮВ от залива Лакайя берег не защищен островами, как северная часть берега Ковиай, и не представляет надежных якорных стоянок; поэтому свежий ветер, большое волнение, сильный прибой представили серьезные неудобства продолжать путь на юг при малости урумбая и неблагонадежности вооружения его. Я решил вернуться в Айву.

Несколько слов о посещенной стране и ее жителях. Я имел случай видеть при этой экскурсии одну из самых живописных местностей Ост-Индского архипелага. Море с многочисленными заливами и проливами, отвесные скалы, высокие хребты гор с разнообразными контурами, богатая растительность представляют в Папуа-Ковиай самые эффектные комбинации, и часто пейзаж не довольно назвать «красивым», но надо назвать «величественным».

Кроме красоты природы, путешественника поражает безлюдье этой по виду роскошной страны. На всем протяжении берега Ковиай, который я посетил (от залива Битчару до залива Лакайя), встречаются не более 3 или 4 построек, которые можно назвать хижинами; все остальные, и эти очень малочисленные, едва заслуживают название шалашей; между ними встречаются часто такие, в которых может поместиться один человек, и то единственно в лежачем положении. Все эти жилища только временно обитаемы, и даже редко можно застать в них жителей. Все население скитается по заливам и бухтам в своих пирогах, оставаясь только несколько ча-

* Папуасы Лакайя часто испытывали нападение хонгий султана Тидорского и папуасов Онин, что сделало их очень подозрительными и злобными.

сов или дней в одной местности. Причина тому — главным образом постоянные войны между населением, нападение хонгий * папуасов Онин, которые часто направляются к берегу Ковиай. Постоянная опасность не позволяла жителям изменить номадный образ жизни или, может быть, сделала их номадами. Население гор еще малочисленнее берегового, и только узкий береговой пояс кое-где населен. Замечателен факт, показывающий большую изолированность групп населения Новой Гвинеи, что ни береговые, ни горные жители Папуа-Ковиай положительно ничего не знают о Гельвинк-Бай, несмотря на узкость перешейка (особенно около залива Киру-ру). Горы вовнутрь не населены, и никогда жители Папуа-Ковиай не переходили и не переходят этих гор. Этот факт достоверен, потому что я часто и обстоятельно расспрашивал об этом жителей различных местностей и всегда получал самые отрицательные ответы.

Сравнивая образ жизни папуасов Ковиай с образом жизни папуасов берега Маклая, встречаешь большое различие между обоими населениями. Несмотря на то, что папуасы Ковиай уже давно знакомы с железом и разными орудиями, хотя они и познакомились с одеждою и огнестрельным оружием, хотя и носят серебряные и даже золотые украшения, но они остались и остаются номадами.

Недостаток пищи, вследствие неимения плантаций и домашних животных **, заставляет их скитаться по заливам за поиском морских животных, за ловлею рыб, бродить по лесам за добыванием некоторых плодов, листьев и корней. На вопросы при встрече — «куда?» или «откуда?» — я почти всегда получал от папуасов ответ: «ищу» или «искал, что поесть».

Папуасы берега Маклая хотя живут совершенно изолированно от сношения с другими расами, хотя не были знакомы (до моего посещения в 1871 г.) ни с одним металлом, однако строили и строят своими каменными топорами большие селения, с относительно очень удобными, часто большими хижинами, обрабатывают тщательно свои плантации, которые круглый год снабжают

---

* Морские экспедиции многочисленных пирог с целью убийств, грабежа и добычи рабов.

** Только у горного населения Папуа-Ковиай я встретил собак, береговые жители не имеют даже и этого домашнего животного. Так как и в горах собак очень немного, то их не употребляют в пищу, как на берегу Маклая.

их пищей, имеют домашних животных — свиней, собак и кур. Вследствие оседлого образа жизни и союза многих деревень между собою войны у них сравнительно гораздо реже, чем между папуасами Ковиай.

Все это доказывает, что сношения в продолжение многих столетий более образованных малайцев с папуасами далеко не имели благоприятных последствий для последних, и вряд ли можно ожидать, что столкновение в будущем папуасов с европейцами, если оно ограничится только торговыми сношениями, поведет к лучшим результатам.

На возвратном пути в Айву, 2 апреля, у острова Айдумы я узнал от папуасов, что во время моего отсутствия горные жители залива Битчару напали на жителей Айдумы, которые временно поселились около моей хижины, убили варварски жену и дочь радьи Айдумы, ранили несколько людей и женщин Айдумы, и что вследствие того мои люди оставили хижину в Айве, перенеся вещи мои на макассарский падуакан, пришедший недавно в Наматоте для торговли с папуасами.

Я немедля поспешил в Наматоте и узнал еще следующее: мои соседи, береговые папуасы, жители Мавары и Наматоте, воспользовались нападением горных жителей и разграбили мои вещи, которых остатки были перевезены с помощью макассарских матросов на падуакан. Между разграбленными вещами особенно чувствительна была для меня потеря нескольких метеорологических инструментов, аппаратов для анатомических и антропологических исследований; моя аптека и мой запас хинного и красного вина также не были пощажены. К потере других вещей, забранных папуасами (белье и платье, консервы в жестянках и т. п.), я мог отнестись совершенно равнодушно, так как лишение их не изменяло моих занятий и планов.

Я хотел вернуться в Айву, но ни серамцы, ни мои амбоинские слуги не хотели следовать за мною туда, боясь второго нападения папуасов.

Анакода (малайский шкипер) находился постоянно в ожидании нападения и грабежа, так что, как только я перенес мои вещи из падуакана на урумбай, он поспешно оставил берег Ковиай, направившись на остров Кей или Ару.

Моим людям очень хотелось следовать за падуаканом, но я решил, так как мои люди все без исключения

отказались жить в Айве, переселиться на ос. Айдуму. Для этого я вернулся в Айву, снял атап * с крыши и стен моей хижины, сжег остатки ее и из перевезенных атап построил большую вторую хижину на ос. Айдуме, в местности, называемой Умбурмета.

Моя вторая хижина была меньше первой, и я жил в ней один, так как мои люди боялись проводить ночи на берегу и спали на урумбае, который находился на якоре недалеко от берега. Но мне не пришлось более жить спокойно. Обстоятельства с каждым днем усложнялись: горные и береговые папуасы действительно приходили еще раз в Айву; также узнал я, что жители Наматоте хотят напасть на мою новую резиденцию в Айдуме. Каждый день являлись новости: то те, то другие замышляют недоброе против меня; то здесь видели подозрительные прау, то там заметили свежие следы неизвестных людей, бродивших около моей хижины и даже проведших ночь вблизи ее, то на одного, то на другого папуаса указывали мои союзники (?), жители Айдумы, как на неприятельских шпионов.

Приходилось быть настороже, носить оружие, что было скучно и утомительно. К тому же я узнал еще более подробностей о грабеже. Оказалось, что моим серамским людям нельзя доверять и что даже нельзя будет ожидать от них помощи в случае нападения. Явились фактические доказательства, что один из серамцев принял участие в грабеже моих вещей в Айве, что другие находятся в интимных отношениях с папуасами, что когда горные папуасы приходили в Айву и когда мой амбоинский слуга Иосиф роздал порох и пули, чтобы прогнать их, серамцы стреляли холостыми зарядами. Эти факты легко объясняются обстоятельством, что три четверти моих серамских матросов были папуасы, некоторые из них были вывезены в малом возрасте даже из этих самых местностей.

Я поселился в Айве, имея в виду, что на материке Новой Гвинеи фауна богаче, чем на ближайших островах. Мое пребывание на ос. Айдуме доказало, что я не ошибся: хотя этот остров в одном месте не отстоит далее от Новой Гвинеи, чем на пол морской мили, фауна оказалась беднее. После грабежа моих вещей люди На-

---

* Атап — пласты особенным образом связанных листьев ниповой или саговой пальмы; употребляется в Ост-Индском архипелаге для покрытия крыш и иногда для стен хижин.

матоте и Мавары не осмелились посещать мою хижину в Айдуме, и только люди Айдумы, Каю-Меры, Камака оставались около моей новой резиденции, вследствие чего материал для антропологических наблюдений стал ограниченнее. При натянутом положении дел нерационально было предпринимать большие экскурсии и даже далеко отдаляться от хижины; мои наблюдения поэтому сосредоточились преимущественно на ближайшем коралловом рифе, а свободное время и вечера я проводил между папуасами, которые, вытащив свои пироги на берег, образовали вновь вблизи моей хижины маленькое селение.

Что мне в Айдуме особенно надоело — это постоянное беспокойство окружавших меня людей, серамцев и папуасов, и их страх относительно нападения, убийств, грабежа. Мои союзники, люди Айдумы, указывали на многих людей, которые, называя себя жителями Айдумы, приходили к моей хижине, как на людей Наматоте и Мавары и как на грабителей моих вещей в Айве, прося меня убить их. Раза два они даже насильно приводили ко мне нескольких папуасов, которые имели дерзость явиться в Урбурмету в одежде, украденной в моей хижине. Я приказал отпустить их, хотя я решил не оставить безнаказанным убийство людей, искавших убежище под моею кровлею, и грабеж моих вещей в Айве. Но мне казалось недостаточным застрелить нескольких простых папуасов, которые хитростью хотели проникнуть к моей хижине, даже если они были истинно шпионы неприятелей. Я хотел захватить по крайней мере одного, если не обоих предводителей грабежа. Я хотел сделать это сам, потому что я по опыту, а также из слов самих папуасов мог заключить, что в случае, если бы военное или другое большое судно взяло на себя наказание папуасов, все виновные скроются в горы. Относительно незначительное число моих людей, дружественные отношения папуасов с серамцами не дозволяли им предполагать, что я осмелюсь предпринять что-нибудь серьезное против их вождей.

Не составляя никакого плана, я ожидал обстоятельств.

К концу апреля погода изменилась. Частые грозы, сильные дожди, усилившийся прибой указывали на перемену муссона. Приближалось время, когда урумбай мог и даже должен был вернуться в Серам, так как потом, при установившемся муссоне, ветер, прибой и вол-

нение могли бы сделать опасным возвращение столь небольшого судна, как урумбай.

Я должен был также сдержать слово, данное серамцам: отпустить урумбай при перемене муссона.

Мои два амбоинских слуги отказались наотрез остаться одни со мною, если я отпущу урумбай, как я предложил им, обещая прибавку жалованья.

Неожиданное обстоятельство определило мое решение.

Утром 23 апреля я узнал, что один из предводителей грабежа, капитан Мавары, скрывается в одной из пирог. Я сейчас же решился: не сказав ни слова моим людям, которым я не мог доверять, отправился я в сопровождении только одного человека к пироге, где капитан Мавары был спрятан. Найдя его и приставив ему револьвер ко рту, я приказал следовавшему за мной человеку связать ему руки. Он был так изумлен и испуган, что не оказал ни малейшего сопротивления.

Так же изумлены были серамцы и папуасы, которые были на берегу и видели все происшедшее. Никто не ожидал случившегося.

После этого ареста я не должен был ожидать вечера, когда другие папуасы узнают о плене одного из начальников, и приказал немедля препроводить вождя Мавары на урумбай и перенести туда же мои вещи из хижины.

Папуасы были так поражены происшедшим, что беспрекословно повиновались моему приказанию помочь моим людям переносить вещи в урумбай.

Через полтора часа после ареста капитана Мавары все было готово к отплытию, и к полудню того же дня при благоприятном ветре урумбай находился уже далеко от берега Папуа-Ковиай.

30 апреля я прибыл с моим пленником на остров Кильвару и ожидаю здесь прибытия голландского судна, которое должно прийти сюда с амбоинским резидентом.

Я вывез из Новой Гвинеи довольно интересную зоологическую коллекцию, которую я собрал, имея в виду сравнительно-анатомические исследования. Я собирал преимущественно тех позвоночных, которых анатомическое строение еще не совершенно известно. На коралловых рифах губки с их многочисленными разновидностями особенно привлекли меня. Моя краниологичес-

кая коллекция обогатилась также шестью несомненно подлинными папуасскими черепами.

Подробное сообщение моих наблюдений и исследований я могу предпринять только по возвращении в Европу отчасти вследствие многочисленных рисунков, которые должны быть сделаны под моим надзором, отчасти потому, что я хочу посвятить здесь время дальнейшим исследованиям, а не разработке уже добытого материала.

Эта вторая экскурсия в Новую Гвинею, доставившая мне новые научные результаты, увлекает меня еще решительнее на пути исследования этого интересного острова и его жителей, несмотря на трудности и разные непредвидимые компликации обстоятельств. Я надеюсь, что эта вторая экскурсия не останется моим последним посещением Новой Гвинеи.

Остров Кильвару,
13 мая * 1874 г.

Из сообщения о путешествиях, сделанного в Русском географическом обществе в 1882 г. «На обратном пути, в июне 1874 г., я серьезно заболел в Амбоине и едва не умер в тамошнем госпитале, но, оправившись, я вернулся, заходя по пути в Тернате, Менадо, Макассар, на Яву, где снова воспользовался гостеприимством генерал-губернатора Лаудона. Зная его за человека честного и справедливого, я обратился к нему с полуофициальным письмом, в котором описал бедственное положение папуасов берега Ковиай, вследствие эксплуатации их малайцами, ведущими деятельную торговлю невольниками. Хотя рабство в голландских колониях давно уничтожено официально, на бумаге, но торговля людьми совершается на деле в довольно широких размерах, и находящиеся на многих островах голландские резиденты [95] частью не в состоянии следить за тем, что делается в отдаленных колониях, частью же считают более удобным смотреть сквозь пальцы на подобные явления. Письмо мое не затерялось в архиве, и голос мой за несчастных папуасов не оказался гласом вопиющего в пустыне: в ноябре 1878 г., уже в Сиднее, я имел большое удовольствие получить письмо из Голландии с извести-

* Мое нездоровье в Амбоине, а затем возвращение на Яву замедлили переписку и высылку этого сообщения до августа месяца (Ти-Панас, на ос. Яве, 20 августа 1874 г.).

ем, что голландским правительством приняты самые энергичные меры к искоренению возмутительной торговли людьми».

Из меморандума генерал-губернатору Нидерландской Индии. «...Я должен сказать еще несколько слов о хонгиях, или морских набегах... Эти экспедиции, что бы там ни говорили, продолжают регулярно снаряжаться султаном Тидора[96] под предлогом сбора дани. Хонгии и теперь опустошают берега Папуа-Онин и Папуа-Ковиай. Султан Тидора нашел способ производить эти грабежи тайно, таким образом, что резиденты Амбоины и Тернате (как я узнал от них самих) ничего не знают об этих фактах. Для того, чтобы не привлекать внимания нидерландских властей, люди султана снаряжают экспедиции не на самом Тидоре, а в более отдаленных местах, где нечего бояться нидерландских резидентов...

В этом году хонгией командовал Себиар, радья Румасола (Мизоль), который наложил от имени султана Тидора тяжелую дань на селения Хати-Хати и Румбати Патипи на берегу Онин. От жителей требовали или рабов, или эквивалентных ценностей в виде корицы, мускатных орехов, черепахи и других товаров. Я знаю эти факты от многих жителей Кильвару, которые видели хонгии у берегов Новой Гвинеи и от которых начальник людей тидорского султана требовал дани под тем предлогом, что они ведут торговлю с папуасами.

Жители окрестностей Лакахии (Папуа-Ковиай) еще и теперь с ужасом вспоминают об опустошениях, причиненных хонгией принца тидорского Амира, который несколько лет тому назад обратил в рабство до ста папуасов. Эти разбойники не щадили ни людей, ни хижин; они срубили даже все немногочисленные кокосовые пальмы, которые там были.

Рабы-папуасы обоего пола очень ценятся на Сераме и на Молуккских островах, молодые девушки — как хорошие хозяйки, а мужчины — как послушные и старательные работники; большое их число ежегодно вывозится с юго-западного берега Новой Гвинеи; правда, теперь оно несколько меньше, чем прежде. Однако почти каждое прау (морское судно, лодка. — *Ред.*) из Макассара или Серама увозит с Новой Гвинеи детей, которые продаются там за бесценок. На основании того, что мне самому пришлось видеть и слышать в Кильвару и в Гесире, я могу удостоверить, что с бедными деть-

ми, которых в большинстве случаев привозят на эти острова без родителей и в самом нежном возрасте, обращаются обычно плохо, а зачастую и жестоко. Это малоценный товар, и его потеря не грозит особыми убытками. Вместе с тем этот товар становится ценным, когда дети достигают отроческого возраста, потому что тогда они стоят дорого.

Так как эти берега Новой Гвинеи редко и только проездом посещаются европейскими чиновниками, все эти беззакония процветают там беспрепятственно; часто их даже не замечают или о них не беспокоятся.

Для меня было бы большим удовлетворением, если бы эти несколько строк могли содействовать хоть некоторому облегчению печальной участи туземцев...»

Два путешествия по Малаккскому полуострову 1874—1875 гг.

(Из писем в Русское географическое общество)

9 декабря 1874 г., Иохор-Бару[97], резиденция махарадьи Иохорского.

Неудобства разного рода — малость и темнота комнат, сквозной ветер, скверный стол, а особенно постоянный шум и человеческий говор — сделали мое пребывание в большой многолюдной казарме, которую называют Hotel de l'Europe в Сингапуре и в которой останавливается на несколько дней, иногда на несколько часов пестрая и говорливая толпа европейцев на пути в Японию, Китай, Филиппинские острова, в Нидерландские колонии, в Австралию или возвращаясь из всех этих стран, в Европу, положительно невозможным.

Я перебрался в Иохор, чтобы приготовиться к моей экскурсии вовнутрь и ознакомиться немного со страною и людьми. Махарадья Иохорский принял меня в высшей степени радушно, и я отдыхаю в его комфортабельном, хотя просто устроенном, доме, после шума и толкотни европейской толпы в постоялых дворах Батавии и Сингапура.

...Махарадья, узнав о моем намерении познакомиться с жителями его страны, обещал мне свою помощь. Главная трудность оказывается в продовольствии людей, которых я должен взять с собою для переноски вещей. Хотя я привык обходиться минимумом необходимого, но все же при узкости и часто даже неимении тропинок (вследствие чего люди могут нести только сравнительно

очень небольшую ношу) мне надо будет человек 6 или 7. Припасы для людей, состоящие, главным образом, из риса (которого нельзя найти у лесных жителей), составляют такую тяжесть, что нельзя взять запаса на все время предполагаемой экскурсии (около 20 дней).

Взять для переноски вещей не малайцев, а оран-утан, которые более привычны к странствию по лесам и которых небольшой табор скитается в своих пирогах по ближайшим рекам (Сунги-Малаю и Сунги-Скоде), махарадья мне положительно не советует, так как его самый строгий приказ и обещания хорошей награды с моей стороны не оградят меня от возможного приключения: что в одну прекрасную ночь или даже прекрасный день люди эти (оран-утан), если им что не понравится или просто не захочется идти далее, без дальнейших объяснений, втихомолку, оставя свои ноши, скроются, будучи совершенно привычны к жизни в лесу и не признавая почти никакого контроля какой-либо власти.

Не желая подвергнуться такому приключению, я думаю отправиться без особенного плана касательно пути, не задавая себе задачу дойти до такого-то или другого места, а соображаясь с обстоятельствами, перебираться из одной местности в другую, имея постоянно в виду цель моей экскурсии: видеть как можно больше жителей лесов и гор, которых называют здесь (в Иохоре) разными именами: оран-утан (люди леса), оран-букит (люди холмов), оран-лиар (дикие люди), оранрайет, оран-якун и другими еще именами.

3 февраля 1875 г., Иохор-Бару. Вчера вернулся в Иохор-Бару. Моя экскурсия заняла вместо 20 дней, как предполагал, почти 50. Результаты интересны, хотя доказывают необходимость дальнейших исследований, которые я предприму, как только отдохну несколько и освобожусь немного от лихорадки.

Экскурсия оказалась труднее, чем ожидал. Я предпринял ее, не ожидая конца дождливого времени, так что во многих местах пришлось проходить по залитому лесу, и вода была иногда выше пояса. Чтобы пересечь Иохор от запада (устье реки Муар) к востоку (устью реки Индау), мне потребовалось 30 дней, несмотря на то, что значительную часть пути я мог сделать в пироге и мои переходы пешком были нередко по 10 и 11 часов в день, но частый лес, в котором приходилось подчас прорубать тропинку, болота, частые ручьи и речки, че-

рез которые приходилось строить на скорую руку мосты (состоящие, разумеется, из одного или нескольких поваленных деревьев) или связывать паромы, строить бараки для ночлегов, так как лес почти не населен, замедлял очень путешествие. Из Индау я опять сухим путем вернулся в Иохор-Бару — еще 20 дней.

Я достиг своей цели и, встретившись во многих местах с оран-райет и оран-утан, имел возможность познакомиться с этим интересным племенем, которому не суждено вести еще долго свою бродячую и примитивную жизнь. При их малочисленности при подвигающейся колонизации малайского племени и китайцев, при положительном нежелании оран-утан изменить образ жизни или они совершенно исчезнут, или почти бесследно (в этнологическом отношении) сольются с малайцами.

Главный и отчасти неожиданный для меня результат экскурсии заключается в убеждении, основанном на положительных фактах, что между хотя очень смешанным населением оран-утан Иохора можно еще найти следы смешения с другим не малайским (очень вероятно — папуасским) племенем...

7 апреля 1875 г., «Вилла Вампоа», около Сингапура. Поездка в Бангкок. Лихорадка после моей экскурсии в Иохор, мешавшая работе и не позволявшая продолжать значительно трудного странствия в Малайском полуострове, была причиною, что я вздумал воспользоваться поездкою губернатора Сингапура, сэра А. Кларка, в Бангкок, чтобы взглянуть на Сиам и его жителей, надеясь к тому, что морской воздух при плавании туда и назад поможет мне скорее освободиться от лихорадки. 12 февраля я отправился в Бангкок на паровой яхте губернатора «Плуто» и 4 марта вернулся снова в Сингапур. Ожидание, однако же, не оправдалось, даже, напротив, я вернулся более хворым, чем отправился.

Несмотря на это, я остался доволен поездкою, имев случай видеть, хотя поверхностно (всего 9 дней стоянки), столицу Сиама, а также приобрести объект, который обещает интересные результаты для моих анатомических исследований *.

---

* Приехав в Сиам, я искал случая купить по возможности молодого слона для исследований мозга, который, будучи неудовлетворительно исследован, очень интересует меня в сравнительно-анатомическом отношении. Оказалось, что в Бангкоке один только король имеет слонов. Я почти отказался от моей мысли, когда неожиданно

Нездоровье и замедление экскурсии в Пахан. Возвратясь в Сингапур, я поселился на несколько дней у русского вице-консула г-на Х. А. К. Вампоа, которого гостеприимство, интересный сад и дом и в гастрономическом отношении замечательная кухня знакомы многим русским офицерам, бывшим в Сингапуре, и которого имя упоминается почти в каждом описании Сингапура. Я принужден отложить еще на неопределенное время мою экскурсию в Пахан, потому что к лихорадке, которую я привез обратно в Сиам, присоединилась больная нога. Это новое препятствие — следствие моей экскурсии в Иохоре, но отчасти следствие моей небрежности и нежелании обратить внимание на мелочь. Иохорский лес особенно изобиловал громадным числом пиявок, так что ноги наши, мои и людей, были постоянно окровавлены от окушения их. Люди мои, имея голые ноги, могли сейчас же, как чувствовали укушение, освобождаться от пиявок, я же, не желая и не имея времени часто останавливаться и снимать обувь, ежедневно останавливаясь на ночлеге, находил на ногах около дюжины присосавшихся, наполненных кровью пиявок. Кроме того, раза два я был укушен в ногу другим животным (вероятно, судя по боли и по ранке, это животное было из рода Scolopendra), отчего нога сильно вспухла около ранок. По вечерам, несмотря на носки, сотни комаров осаждали ноги. Прибавьте к тому почти постоянно (более месяца) мокрую обувь, которую не снимал по целым дням. Неудивительно, что ноги вспухли и очень болели, особенно около сочленения обеих Maleoli правой ноги, которая, как я заметил, при пешеходных экс-

получил от молодого короля, которому было рассказано о моем желании и о моих поисках, формальное обещание, переданное мне секретарем министра иностранных дел, что при следующей большой королевской охоте (которая ежегодно предпринимается в окрестностях старой столицы Сиама — Аютии) он прикажет сохранить для меня самого молодого из пойманных слонов. Это было тем более любезно со стороны короля, что накануне я отказался от предложенной мне аудиенции под предлогом, что у короля по случаю приезда английского губернатора много дела и что, не имея ничего сказать ему, не желаю беспокоить короля; собственно же потому, что аудиенция молодого короля, который очень старается по возможности копировать европейцев, имела для меня очень небольшой интерес. Так как этот подарок — пойманный при случае большой охоты молодой слон — не представляет почти никакой ценности, а мозг его меня сильно интересует, то я принял подарок или, вернее, обещание подарка. Как только время найдется здесь, в Сингапуре или на Яве (куда я еще намерен вернуться), я распоряжусь о присылке моего слона и займусь исследованием его мозга.

курсиях особенно подвергается разным случайностям. Несколько дней отдыха в Иохор-Бару перед поездкою в Сиам освободили меня от опухоли, но легкое воспалительное состояние оставалось около ранок. Жара в Бангкоке, ежедневные немного усиленные прогулки по интересному городу снова открыли их, и теперь... вот уже 5-й день мне приходится не выходить из комнаты и почти все время не покидать дивана. Я опять употребляю этот скучный арест, чтобы диктовать далее (на немецком языке) мои этнологические заметки берега Маклая и другие отрывки из моей записной книги.

20 апреля. Истана Иохор.* ...Несмотря на удобства, если хочу продолжать работать, не могу долее остаться в доме г-на Вампоа. В его саду, в китайском стиле, находится домик, назначенный для помещения гостей, и где я теперь живу около недели. Помещение удобное, даже комфортабельное, но сообразно с национальным вкусом г-на Вампоа часть дома, центральная комната, род гостиной, в которой я занимаюсь, построена над прудом. Направо, налево — вода, под полом тоже вода. Днем это обстоятельство не стесняет меня, не говоря о гигиенических условиях — сырости во всем доме, испарений почти что стоячей воды; но вечером и ночью главное неудобство такой архитектуры проявляется в сильнейшей степени: жители описанного пруда, многочисленные лягушки с очень звучным голосом, положительно доводят меня до невозможности работать. К нескончаемым руладам лягушек присоединяются голоса стаи собак, сторожащей сад и дом, и пронзительный хор мириадов комаров, которые, привольно развиваясь в пруду, наполняют по вечерам голодными стаями мостообразную комнату, где я стараюсь работать. Я пытался не обращать внимания на нее, думал привычкою одолеть это серьезное неудобство, но нестерпимые концерты одолели — я положительно терял под влиянием их связь мыслей, не мог думать, ни даже понимать, что читаю.

На днях, как только нога немного позволила мне двигаться, я перевез себя и часть книг снова в Иохор, снова решился воспользоваться гостеприимством моего приятеля махарадьи Иохорского.

...И здесь оказывается далеко не спокойно: дом или дворец махарадьи, в котором он и его гости помещают-

---

* Истана — по-малайски — дворец.

ся, не вполне достроен или перестраивается; внизу, в столовой, кирпичный пол заменяется мраморным, проламывают двери и т. п. Вся работа почти исполняется арестантами, которые из предосторожности закованы в тяжелые цепи. Звон и бряцанье этих цепей сопровождают почти каждый шаг, каждое движение этих рабочих, которых несколько десятков работает в доме. Прибавьте работу каменщиков, стукотню плотников и слесарей, громкие разговоры и смех многочисленной прислуги...

Чтение этих строк вызовет, может быть, улыбку, но я положительно страдал от этого разнообразного шума и постоянно был прерываем при работе. Вот уже много месяцев нет ни одного вполне спокойного дня. Здесь в комфортабельных и богатых домах я с завистью вспоминаю покойную и тихую жизнь в моей келье на берегу Маклая в Н. Гвинее...

8 июня. Истана Иохор. Так как мое здоровье стало лучше, я отправляюсь наконец на днях в Пахан; от этой экскурсии я ожидаю немало трудностей разного рода, но во всяком случае и много интересных результатов.

Сперва я пройду уже известной мне дорогой через Иохор к реке Индау, откуда, подымаясь вверх по течению, я хочу посетить горы Индау; затем отправлюсь в Пахан, где мне надо будет сперва спуститься к морю, повидаться с бандахарой (или радьей) Пахана, чтобы достать от него средства переноски вещей моих в горы.

Верховья реки Пахан населены племенем оран-утан, которых малайцы считают очень злыми и опасными; оран-лиар Текам (дикие люди реки Текам) меня очень заинтересовали, так как я слышал об них много басен, которые ходят между малайцами... С малайцами туда отправиться мне не следует, если я хочу добраться до них, так как малайцы уже сотни лет как стараются ловить их и продавать в рабство. Придется придумать сообразную с обстоятельствами тактику и вооружиться терпением...

9 июля 1875 г., Пыкан, резиденция радьи Бандахары Пахана. Из Иохор-Бару отправился я 13 июня сухим путем через лес к р. Индау, по которой поднялся миль около 80 против течения до 18-го порога, где силы моих людей оказались недостаточными, чтобы протащить пироги через высокие уступы скал. На возвратном пути посетил хотя невысокую (около 1800 ф.), но очень кру-

тую гору Янин (одну из вершин гор Индау), затем, добравшись до устья р. Индау, морем прибыл я сюда и виделся вчера и сегодня с радьей Бандахорой Паханским, который принял меня очень любезно и обещал доставить мне все средства, чтобы посетить его страну, т. е. дать лодки и людей (гребцов и носильщиков), и даже назначил своего имам-иран (главного начальника по военным делам, род военного министра и главнокомандующего), чтобы сопровождать меня часть дороги, но, услыхав от меня, что я имею намерение познакомиться с дикими людьми Текама и хочу отправиться в их сборное место один, без провожатых, настоятельно просил меня написать губернатору в Сингапур или моим друзьям в Европу, что это — моя воля отправиться в лес Текама и что он, радья Паханский, отвечает за своих людей, но не может быть ответственным за диких, которых отравленные стрелы убивают мгновенно людей и животных. За этих людей он так же не может ручаться, как за тигров и слонов.

Он так настоятельно просил меня дать ему письмо в этом смысле, что я обещал ему написать, что это моя воля отправиться, несмотря на все предостережения с его стороны, к диким людям, и он будет совершенно неповинен, если его опасения оправдаются.

Обещание это — главная причина этих строк.

Пахан для меня интересен как малайская страна, сохранившаяся в стороне от влияния европейцев, и где я имею случай видеть чистый малайский элемент и малайские обычаи.

Меня уверяют, что до Кланган (резиденция радьи Кланган), куда я теперь направляюсь, мне потребуется около 25—30 дней обратно по рекам, отчасти пешком через лес.

Доберусь ли я до Кеды, остается для меня вопросом.

15 августа нов. ст. 1875, Котта-Бару, Кланган. Добравшись до верховьев р. Тамылен (притока р. Пахана) и после бесплодной 3-суточной экскурсии в лесу Текама я перешел через невысокий горный хребет к верховьям р. Лебе (притока р. Кланган), где все трудности и неудобства путешествия были искуплены неожиданным и блестящим результатом: я нашел, наконец, несмешанное папуасское племя, живущее номадно в лесах гор, у истоков рек Пахана, Трингано и Кланган.

Много интересных подробностей не позволяют мне

при ограниченном времени в нескольких словах изложить результаты наблюдений и описать подробно путь внутри Малайского полуострова, которого горы, странно сказать, несмотря на столетия, как европейцы поселились в Малакке, не были никогда еще посещены белым человеком, почему я встречал всюду между малайским населением тупое изумление и страх, со стороны малайских радий (от которых зависело многое, особенно средства передвижения) большую подозрительность и притворную тупость. При этом, замечу, я нашел немалую выгоду в том, что я не англичанин, так как в последнее время, научённые опытом и примером, малайские власти начинают бояться планов Англии, прикрытых миролюбивыми, дружескими и сладкими речами.

Хотя я достиг положительного и удовлетворительного ответа на задачу моего путешествия этого года, я не увлекусь удобством возвращения отсюда морем в Сингапур (при этом муссоне — 3—4-дневное плавание) и предпочитаю неблизкий и нелегкий путь: отсюда до Кеды на западном берегу полуострова, через земли радий Леге, Са, Патани, Сингоры; к тому почти весь путь пешком по лесу, так как слоны, хотя здесь и есть, служат более как украшение и роскошь двора радьи Кланганского.

Здоровье мое относительно изрядное; трудность переноски вещей (несмотря на то, что я имел или мог иметь к моим услугам от 2 до 4 десятков людей) не позволяла мне сделать больших запасов, которые, так как идет уже третий месяц странствия, почти все на исходе, почему мне скоро придется совсем перейти на пищу моих людей, т. е. рис и сушеную рыбу. Этот раз, однако же, я позволил себе роскошь: иметь с собою, кроме палатки, койки и стула, довольно большой стол, который часто бывает мне очень полезен и служил везде предметом чрезвычайного удивления населения, сбегающегося к моим бивуакам смотреть на человека с белою кожею и диковинными вещами...

2 октября 1875 г., Котта-Ста, резиденция султана Кеды. ...Я опять вернулся в горы отчасти пешком, отчасти на слонах через земли малайских радий... и почти что во второй раз пересек поперек Малайский полуостров, причем опять имел удачу встретить или, вернее сказать, отыскать оран-сакай, очень схожих во всех отношениях с оран-сакай гор Кланган и Пахана. Хотя я

был очень близко от западного берега, я снова вернулся к восточному, чтобы ознакомиться с оран-семанг Сингоро и Кеды, а также, имея желание сравнить сиамское население, их быт и политическое положение с малайским, через Ялор и Патани, затем через земли радий Тодпон, Теба, Чена (три последних — с сиамским населением) я добрался до сиамского города Сингоро, откуда уже по хорошей дороге на слонах в 4 дня вчера поздно вечером прибыл сюда... Сегодня 113-й день путешествия, считая от Иохор-Бару. Способы передвижения были очень разнообразны: я путешествовал пешком, на слонах, на плотах и в туземных прау самой различной величины и конструкций, то один, то со свитою 30 или 40 человек. Наступающее дождливое время затруднило и замедлило значительно последний месяц путешествия и заставило отложить мое дальнейшее путешествие сухим путем до Бангкока.

Положительные результаты моей экскурсии: антропологические и этнологические заметки о папуасском населении полуострова и сведения (хотя и неполные) о их распространении; собрание нескольких диалектов этих вымирающих племен...

Отправляясь в прошлом году из Явы и ставя себе задачу доставить положительные сведения о тогда проблематическом папуасском населении, я никак не ожидал, что мне придется употребить на это целый год и что решение этих вопросов, расширяя горизонт наших знаний, повлечет за собою целый ряд новых задач для новых исследований и путешествий...[98]

«Известия Русского географического общества»,
1875, т. XI, № 3, 4, 5; 1876, т. XII, № 1

Секретарю Русского географического общества (Бюйтензорг, декабрь 1875 г.). «...Путешествие на Малаккском полуострове дало мне значительный запас сведений, важных для верного понимания политического положения стран малайских радий. Все пункты, как-то: знание сообщений между странами, образ путешествия, степень населенности, характер малайского населения, отношение радий между собой и к своим подданным и т. п. сведения, — могли иметь для англичан в то время... немалое значение. Но так как вторжение белых в страны цветных рас, вмешательство в дела туземцев, наконец, или порабощение, или истребление последних *находятся в совершенном противоречии с мои-*

ми убеждениями, я не мог ни в каком случае, хотя и был в состоянии, быть полезным англичанам против туземцев.

Я знал, что некоторые из радий, которых гостеприимством я пользовался, уверившись, что я не англичанин, а человек из большой, но далекой страны, не считали нужным слишком не доверять и притворяться относительно меня, я почел сообщение моих наблюдений, даже под покровом научной пользы, положительно делом нечестным...»

Из письма другу А. А. Мещерскому (Тихий океан, март 1876 г.). «...Покидая в декабре 1872 года Новую Гвинею, несмотря на общие и настоятельные просьбы туземцев остаться у них, *я обещал им вернуться, когда узнаю, что возвращение мое* может быть для них полезным.

Последнее время, когда вторжение европейской колонизации со всеми ее опасностями для туземцев грозит моим черным друзьям, я думаю, наступило время исполнения моего слова, которое сдержать я должен и хочу, несмотря на то, что решение это отрывает меня на время от чисто научных занятий и что я *вполне* сознаю всю серьезность и трудность предприятия, которое предпринимаю *один* и без *ничьей* помощи.

Я нахожусь в настоящую минуту на пути к берегу Маклая, где думаю поселиться с целью, сообразно моему обещанию, стараться, чем и как могу, быть полезным туземцам, т. е. не допустить, насколько будет возможно, чтобы столкновение европейской колонизации с черным населением имело бы *слишком гибельные* последствия для последних...

Я надеюсь, что общественное мнение *всех честных* и *справедливых* людей будет для моего дела достаточным *покровительством* и *охраною* против *бесправных* притязаний правительств и против *несправедливых* и *насильственных* поступков разных европейских эксплуататоров и искателей обогащения и личных выгод всеми средствами и путями.

Если, несмотря на все старания, мои усилия окажутся тщетными, научные исследования и наблюдения в этой мне уже отчасти знакомой стране вознаградят, может быть, мои жертвы: времени, здоровья и средств; если нет, — сознание, что сдержал данное слово, будет достаточною наградою моего предприятия.

Надеюсь, что мои друзья знают меня достаточно, чтобы не принять мое решение за легкомысленный поступок, и не изменять прежней дружбы и симпатии ко мне, узнав, что, несмотря *ни на что,* я держу слово и возвращаюсь в Новую Гвинею *не единственно* как естествоиспытатель, а также как и *«покровитель»* моих черных друзей берега Маклая, что решился защищать, насколько могу, *их правое дело: их независимость* в случае европейского вторжения (которого неминуемое следствие — *гибель* туземцев), хотя сознаю, что их дело — дело слабого против сильного!..»

Секретарю Русского географического общества (Тихий океан, шхуна «Sea Bird», май 1876 г.). «Посылаю вам то, что пока успел выписать из моего дневника; продолжение (архипелаг Пелау, острова Адмиралтейства, Анахорет, Хермит и др.) пошлю со следующей возможностью...

Прошу извинить не особенно красивую рукопись, но при малости судна, в котором нахожусь, при качке, постоянном шуме множества людей, многих неудобств разного рода трудно сделать лучше...

Я нахожусь в *очень* затруднительном положении *(неофициально!):* шкипер шхуны, на которой я нахожусь, бесчестный мерзавец, готовый на всякие подлости, почему, не имея к нему *никакого* доверия, я принужден буду на одном из этих островов... остаться (!) и ждать другой случай добраться до моего берега.

Так как судов сюда заходит мало, острова нездоровы и я нахожусь между *мошенниками,* я на всякий случай пишу вам. Вероятно, даже при самом благополучном исходе я *не* скоро попаду в Новую Гвинею, может быть, даже придется сделать большой крюк для этого...»[99]

Из письма ему же (3 июля 1876 г. Конфиденциально)

«Милостивый государь!

Надеюсь, что найдется возможность приложить посылаемую карту путешествий также к номеру «Известий», в котором будет напечатано последнее [мое] письмо.

Если есть какая-нибудь порядочная «Русская иллюстрация», то передайте приложенный рисунок «зубастого меланезийца» редакции с несколькими пояснительными словами.

Так как особенно по случаю работ и здоровья я думаю положительно вернуться в Европу в 1877 году, то прошу формально предложить Совету ИРГО мою просьбу: чтобы Совет исходатайствовал от Морского министерства (?) приказ командиру судна, которое будет возвращаться в конце 1877 г., посетить как *можно больше* портов вост. и запад. берега Африки. Я считаю возможность посетить таким образом с *антропологической целью* эти порты *очень важною помощью* и дополнением моих предыдущих исследований...»

III

ИЗ ДНЕВНИКА ВТОРОГО ПУТЕШЕСТВИЯ НА БЕРЕГ МАКЛАЯ (1876—1877 гг.)

Прибыл 27 июня на маленькой шхуне под английским флагом по имени «Sea Bird»...

Туземцы были очень обрадованы, но нисколько не изумлены моему приезду, будучи вполне уверены, что я сдержу слово. Когда я съехал на берег в Горенду, в непродолжительном времени туземцы соседних деревень, не исключая женщин и детей, сбежались приветствовать меня. Многие плакали, и все население казалось очень возбужденным моим возвращением. Я недосчитался нескольких стариков — они умерли в моем отсутствии, но зато многие мальчики были уже почти что взрослыми людьми, а между молодыми женщинами, ожидавшими быть скоро матерями, я узнал нескольких, которых оставил маленькими девочками.

Жители ближайших деревень упрашивали меня поселиться в их деревне, я же, как и в 1871 г., предпочел не жить в одной из деревень, а устроиться в некотором расстоянии от них. Осмотрев местность около Горенду, а затем около Бонгу, я остановился на мыске у самой деревни Бонгу[100], и на другой же день туземцы под руководством моих слуг и плотника со шхуны стали расчищать место для моего дома и широкую дорогу от Улеу к площадке, выбранной мною. В этот раз небольшой деревянный дом в разобранном виде был привезен мною из Сингапура; но сваи, на которых он должен был стоять, весь остов его, а также и крыша были сделаны уже на месте, в Новой Гвинее...

Июль... Очень интересные сведения я получил от туземцев о бывших в мое отсутствие землетрясениях... Изменение вида вершин Мана-Боро-Боро (горы Финистер) поразило меня при моем возвращении на этот берег. До моего отъезда (в декабре 1872 г.) растительность покрывала самые высокие вершины; теперь же во многих местах вершины и крутые скалы оказываются совершенно голыми. Туземцы рассказали мне, что во время моего

отсутствия несколько раз повторялись землетрясения на берегу и в горах, причем немало жителей в деревнях было убито упавшими кокосовыми деревьями, которые, падая, разрушали хижины. Береговые деревни пострадали, главным образом, от необыкновенно больших волн, которые следовали за землетрясением, вырывали деревья и уносили с собою хижины, более близкие к берегу...

20 сентября. Был в Гарагасси, где все очень заросло. Из посаженных кокосовых пальм только 6 принялись. На большом кенгаре еще крепко держится оставленная клипером «Изумруд» медная доска, хотя красное дерево съедено отчасти муравьями. Я укрепил ее, вбив несколько гвоздей. Все сваи моей хижины были до того изъедены муравьями, что легкого толчка ногою было достаточно, чтобы повалить их. В Гарагасси гораздо больше птиц, чем около моего нового дома близ Бонгу, и знакомые крики их живо напомнили мне мою жизнь в этой местности в 1871—72 гг. ...

Октябрь. Благодаря моему теперешнему помещению, гораздо более удобному, чем Гарагасси, я могу заниматься сравнительно-анатомическими работами. Вообще комфорт (лучшее помещение и трое слуг) благоприятно действует на здоровье. В конце сентября и в начале октября был снят первый сбор кукурузы, которую я посеял в июле месяце. Затем я посеял ее снова и множество семян разнообразных полезных растений, привезенных в этот раз. Вокруг моей хижины я посадил 22 кокосовые пальмы, которые все принялись.

Небольшие ранки на ногах вследствие ушибов о пни, камни, трения обуви и т. п. превращаются здесь при небрежном обращении с ними, а главное от действия на них морской воды, от которой нельзя уберечься, мало-помалу в значительные, хотя и поверхностные, раны, которые долго не заживают и часто очень болят. Они не раз удерживали меня от экскурсий и заставляют частенько сидеть дома.

Кроме письменной работы, я нахожу возможным заниматься антропологическими измерениями. В Гарагасси это было немыслимо, теперь же туземцы достаточно привыкли ко мне и не видят ничего опасного для себя при этих манипуляциях над их личностями. Не нахожу, однако ж, удобным мерить женщин; мужчины здесь ревнивы, а я не желаю с моей стороны подать повод к не-

доразумениям, к тому же измерения женщин сопряжены со слишком большой возней: уговариваниями, глупыми возражениями и т. д. ...

Ноябрь. Часто хворал лихорадкой, и раны на ногах плохо заживают...

Экскурсия на острова Били-Били, Ямбомба и некоторые острова архипелага Довольных людей[101].

Из Били-Били отправился на остров Ямбомбу. Дорогою туда остановился у островка Урему, или Урембу, как другие его называют. Здесь собственноручно посадил в разных местах по берегу 12 кокосовых пальм и приказал Каину помнить, что Маклай их здесь посадил, прибавив, что в следующий мой приезд я построю себе дом вместо Айру в Урембу. На этом островке никто никогда не жил, только по вечерам слетается сюда, как и в Били-Били, множество голубей и остаются здесь до следующего утра, когда они снова массами летят в леса Новой Гвинеи. Каин называет Урему часто поэтому Мулики-амб (дом голубей: «мулики» означает на диалекте Били-Били «голубь», а «амб» — дом). На материке, против острова Урему, впадает речка Ио-Гуму, довольно значительная. Небольшое селение находится в верховьях ее. Урему и Ямбомба ограждают небольшую гавань, которая может быть довольно удобною для небольших судов.

Я встретил в Ямбомбе очень радушный прием. Все казались рады моему приезду. Бирамор проводил меня в свой дарем (на диалекте Ямбомбы — буамрамра называется дарем). Видел у него топор, ручка которого была образец папуасской резьбы. Это был первый и единственный экземпляр, виденный мною на Берегу Маклая. Заметил также висевший на шнурке пробуравленный плоский круглый камень. На мои вопросы: откуда, кто сделал, туземцы отвечали: «из моря», «не знаем», «это было сделано не людьми»; однако же нашелся один, который пояснил, что «наме-наме» (давно, давно) люди Ямбомбы привезли этот камень с острова Корогу *, который находится очень, очень далеко от

* Я много раз и от других туземцев слышал название Корогу, но не мог добиться, где находится этот остров. Мне кажется положительно, что из теперь живущих жителей Берега Маклая никто там не бывал и единственно слыхал от отца или деда это имя.

Ямбомбы, что теперь люди Ямбомбы не только не ездят туда, но не знают даже, где он находится. Люди Ямбомбы не знали, для чего делались эти камни *.

Группа туземцев работала над новою пирогой, именно пришивали длинную планку у одного борта ее. Несколько соответствующих отверстий были сделаны на краях пироги и доски; в них продевалась крепкая лиана, которую туземцы называют «урамер», много раз, пока оба отверстия сантиметра 4 в диаметре не были вполне выполнены оборотами лианы. Одно подобное закрепление отстояло от другого приблизительно на $^1/_2$ м, и все скважины и отверстия были законопачены наскобленными и размоченными внутренними слоями коры «дым». Работы было немало, но прежде было еще больше, потому что, не имея гвоздей, им приходилось делать отверстия каменными топорами, вследствие чего отверстия были больше; теперь они обтачивают большие гвозди в виде долота и очень искусно делают небольшие четырехугольные отверстия. Они очень обрадовались, когда я им показал, что, накалив гвоздь на огне, они могут прожигать отверстия разного диаметра, смотря по толщине гвоздя, в бамбуке и не слишком толстых досках. Они очень серьезно просили меня поселиться на острове Урему, надеясь, вероятно, на помощь, которую я могу оказать им моими столярными инструментами. Подаренные мне при отъезде старые кокосовые орехи с ростками я прибавил к тем, которые посадил сегодня утром на острове Урему.

Лишившись моих двух часов, я должен был приискать какое-нибудь мерило времени. Днем (так как пасмурных дней здесь сравнительно очень небольшое число) солнечные часы исправляют это дело, вечером я много раз замечал, что, занимаясь какой-нибудь интересной работой, совершенно теряешь всякое представление о времени.

Я придумал следующий способ, который оказался довольно практичным. Я взял две стеариновые свечи, у которых отрезал верхние конические концы, а затем зажег одну из них. По прошествии часа я отметил на незажженной свече чертою, на сколько вторая свеча сгоре-

* Этот камень был не что иное, как каменный наконечник булавы, которые употребляются на южном берегу Новой Гвинеи, а также на некоторых островах Луизиады.

ла, и, заметив время, снова зажег вторую. По прошествии часа я сделал то же, т. е. отметил на целой свече, на сколько вторая свеча укоротилась вследствие горения в продолжение двух часов. Я сделал то же и для третьего часа. Найдя, что отмеченные отделы были почти что равны, я взял среднюю величину и разделил ее на 4 равных части. Таким образом я получил скалу сгорания свечи. Я, однако ж, скоро заметил, что сквозной ветер, дующий с разных сторон, делает сгорание свечи неравномерным, почему пришлось придумать какой-нибудь способ для ограждения свечи от сквозного ветра. Такой аппарат я себе устроил очень просто. Вырезав почти что совершенно одну из сторон большой жестянки от бисквитов, я получил аппарат, предохранявший свечу от сквозняка и неравного сгорания. К подсвечнику, который я употреблял для этой цели, я прикрепил масштаб из бамбука с делениями. Так как в этой местности круглый год почти солнце поднимается в одно и то же время, то, зажигая мою свечу в 6 часов, я мог почти наверно определять с помощью сгорания ее часы вечера.

Экскурсия на пик Константин

12 августа. Когда к 9 часам утра в своей дынге * я отправился в Богати, вся гора Тайо с пиком Константин была ясно видна. Нигде ни облачка. При порядочном ветре в полтора часа прибыл в Богати. Встретившие меня туземцы перенесли вещи в хижину Коды-боро. Они мне сказали, что уже слишком поздно, чтобы идти на гору, и следует подождать до завтра.

13 августа. Поднял людей в 3 часа утра. Напившись кофе и распределив вещи между несколькими носильщиками, отправился при свете неполной луны, сперва по лесной тропинке, а затем по высохшему ложу реки Иор. Хотя было темно и дорога неудобна, я, однако ж, ни разу не споткнулся. Начинаю делаться в этом отношении папуасом. Когда рассвело, я записал имена моих спутников, которых оказалось 34 человека.

Не взяв провизии, пришлось зайти в деревню Ярю (810 ф. н. у. м.).

Моим спутникам очень не хотелось идти далее в горы, но я не обратил на это внимания, тем более что лю-

* Дынга на яз. Бонгу — шлюпка. — **Ред.**

дей у меня было раз в пять более, чем было нужно. К каравану присоединилось несколько человек из деревни Ярю. Мы продолжали следовать по ложу реки, то есть по булыжникам; в некоторых местах (у порогов) пришлось карабкаться вверх по гладким мокрым камням. Вообще дорога была не особенно хороша. В третьем часу пошел дождь, и все горы были покрыты облаками; идти поэтому вперед было не к спеху. Я сказал туземцам, чтобы они строили шалаш, а сам расположился на ночлег. Сварил себе суп и смерил высоту местности с помощью аппарата Реньо, которого результат был почти одинаков с показанием моего анероид барометра. Высота оказалась равною 860 футам н. у. м. Было очень прохладно, вероятно, вследствие дождя. Всю ночь дождь лил как из ведра. Крыша из непромокаемого одеяла, растянутого над моею койкою, оказалась очень удачно расположенною. Несмотря на ливень, я остался совершенно сух, но воздух был весьма сыр, и я не был уверен, что день пройдет без лихорадки.

Я поднялся в 6 часов и, видя, что не все мои люди готовы, не стал их ждать, а объявил, что тамо билен могут следовать за мной, тамо борле[102] могут оставаться. Это подействовало — почти все последовали за мной.

Вследствие дождя ночью в реке было гораздо больше воды, чем вчера, камни были очень скользки, и надо было быть весьма осторожным в некоторых местах.

Пройдя немного, пришлось лезть по скату направо, без малейшего следа тропинки. Мои спутники стали уверять, что здесь дороги нет, почему мне пришлось идти или, вернее, лезть вперед. К великой моей досаде, я почувствовал, что вчерашний дождь, от которого я промок, и ночная сырость оказали свое действие и что пароксизма лихорадки мне не миновать. Голова сильно кружилась, и я подвигался как бы в полусне. К счастью, скат был покрыт лесом, так что можно было, придерживаясь и цепляясь за лианы, сучья и корни, подвигаться вперед. При одной крутизне помню, что потянул руку к лиане, что произошло после этого — положительно не знаю...

Проснулся я как будто от человеческих голосов. Я открыл глаза — вижу кругом лес, и не мог ясно представить себе, где я. От общего утомления я снова закрыл глаза и при этом почувствовал значительную боль в разных частях тела и отдал себе отчет, что нахожусь в очень странном положении: голова лежит низко, меж-

ду тем как ноги гораздо выше. Я все-таки не мог уяснить себе, где нахожусь.

Когда я опять открыл глаза, то недалеко от меня послышался возглас: «А я тебе говорил, что Маклай не умер, а только спит». Несколько человек туземцев выглянули из-за деревьев. Вид этих людей возвратил мне память. Я вспомнил, что с ними я лазил в гору, вспомнил, как схватился за лиану, чтобы удержаться. Мой вес оказался несоответственным ее крепости, и вот каким образом я очутился на десяток шагов ниже и в таком неудобном положении. Я недоверчиво пощупал ноги, бок и спину, а затем приподнялся. Ничего не было сломано, хотя бок и спина болели, и кажется, что я чувствовал себя бодрее, чем когда свалился. Хотел посмотреть на часы, — оказалось, что, вероятно, от толчка при падении, они остановились. Солнце было уже высоко, так что я имел основание думать, что пролежал в не особенно комфортабельном положении более 2 часов, а может быть, и еще дольше. Времени нельзя было терять, а то к 3 часам, пожалуй, опять пойдет дождь и с вершины ничего не будет видно. К счастью, один из моих анероидов оказался в полной исправности. В этом месте высота горы была 1500 ф. Немного пошатываясь, спустился я к неглубокой долинке и сошел, а затем взобрался снова на холм, который туземцы называют Гумугуа и вышина которого была 1880 ф. После него следовала опять неширокая долина, а затем возвышенность в 2400 ф. Идя все далее, мы пришли к вершине горы Тайо, к куполообразной возвышенности, которая с моря придает этому пику такую характерную форму. На небольшой площадке росли много высоких деревьев; высота здесь была 2680 ф. Мои спутники, чтобы показать жителям окрестных деревень, что мы добрались до вершины, зажгли костер.

Двум из них, более ловким, я передал белый флаг из толстой холстины, могущий противостоять некоторое время разрушению и прикрепленный к палке, с приказанием привязать его у вершины самого высокого дерева, обрубив сперва сучья. Когда это было сделано, мы отправились вниз. Я был разочарован этою экскурсиею, потому что по случаю растительности вокруг площадки на вершине пика панорама была очень ограниченная, а я не подумал взять с собою несколько топоров, чтобы вырубить кругом деревья. Мы сошли вниз до места нашего ночлега благополучно и, пообедав здесь, направи-

лись в Богати. Из ближайших деревень сходились люди, так что к вечеру моя свита состояла более чем из 200 человек. Хотя я чувствовал значительную усталость, я не захотел нигде останавливаться, и при свете многих десятков факелов мы вошли в Богати в $9^1/_2$ часов вечера.

Булу-рибут. Мне как-то не спалось, и подумалось мне, что хорошо было бы послушать музыку, которая всегда освобождает от различных назойливых размышлений. Ряд дальнейших соображений навел меня на мысль о том, что, путешествуя на Малайском полуострове, я не раз в селениях и даже в лесу засыпал под звуки своеобразной заунывной музыки малайских булу-рибут.

Надеясь, что Сале сумеет их сделать, я заснул очень довольный своей идеей. Узнав на другой день, что Сале действительно умеет делать булу-рибут, я приказал ему заняться ими и сделать мне 4—5 штук различной величины.

Объясню в двух словах, что такое булу-рибут, по крайней мере, та форма, которая в употреблении у малайцев Иохора (южной оконечности Малайского полуострова) и Явы. Они состоят из стволов бамбука различной длины (до 60 фут. и более), внутренние перегородки которых удалены, а затем в разных местах и в различных расстояниях друг от друга сделаны продольные щели, широкие и узкие. Такие бамбуки укрепляются у хижин, на деревьях, в деревне, а иногда и в лесу; ветер, проникая в щели — в одну или несколько зараз, — производит весьма курьезные звуки. Так как отверстия расположены с разных сторон бамбука, то различный ветер приводит в движение эти оригинальные эоловы арфы. От длины и толщины стенок бамбука, степени сухости его и положения булу-рибут (т. е. находится ли он посреди дерева или на вершине его) зависит характер звуков.

Дня через три Сале показал мне 5 штук сделанных им булу-рибут; два из них имели более 40 фут. в вышину. С помощью моих людей я распределил их по вершинам стоящих около хижины деревьев, укрепив один из них на самой веранде моего дома. Так как полагается, как объяснил мне Сале, чтобы булу-рибут стоял перпендикулярно, то нам стоило немалого труда прикрепить их к деревьям надлежащим образом, тем более что их

нужно было привязывать во многих местах для того, чтобы их не сдуло ветром.

Я с нетерпением ждал вечера, чтобы убедиться, удались ли Сале его булу-рибут, так как днем ветер слишком силен и шелест листьев окружающего леса и шум прибоя на рифе, вокруг мыска, заглушают звуки малайской эоловой арфы.

Заботы и разнообразная деятельность в течение дня совершенно отвлекли меня от мысли о бамбуках, и только когда я уже лег и стал засыпать, я услышал какие-то протяжные меланхолические звуки, а затем был озадачен резким свистом, раздавшимся у самого дома; свист этот повторялся неоднократно. Несколько других трудноопределяемых звуков — не то завыванье, не то плач — слышались близ дома. Я услыхал голоса Сале и Мёбли, толкующих о булу-рибут, и вспомнил о нашем утреннем занятии. В течение ночи меня раза два будил резкий свист на веранде; так же явственно слышал я звуки и других бамбуков. Вся окрестность казалась оживленною этими звуками, которые перекликались, как разноголосые часовые на своих постах.

На другой день никто из туземцев не явился ко мне. Когда же и следующий день прошел без посещений, я стал недоумевать и думать, что в Бонгу, вероятно, что-нибудь случилось, почему туземцы целых два дня не показываются около дома. Это было совершенно против их обыкновения, так как редко проходил день, чтобы кто-нибудь из жителей окрестных деревень не зашел посидеть и поболтать со мною или с моими слугами. Вследствие этого я отправился в деревню узнать, в чем дело.

Я пошел перед заходом солнца, когда туземцы обыкновенно уже возвращаются с работ. Я застал всех по обыкновению занятыми приготовлением ужина. Я подошел к группе туземцев, поспешивших очистить для меня место на барле.

«Отчего вчера и сегодня не приходили в таль Маклай?»

Туземцы потупились, говоря: «Мы боялись». — «Чего?» — с удивлением спросил я. «Да тамо русс». — «Каких таких тамо русс? Где? — допрашивал я озадаченный. — Где вы их видели?» — «Да мы их не видели, но слышали». — «Да где же?» — недоумевал я. «Да около таль Маклай. Мы слышали их вчера и сегодня ночью. Их так много, они так громко говорят».

Тут мне стало ясно, что булу-рибут около моей хижины были причиною этого недоразумения, и я невольно улыбнулся. Туземцы, внимательно следившие за выражением моего лица, подумали, вероятно, что я соглашаюсь с ними, и осыпали меня вопросами. Когда прибыли тамо русс? Каким образом? Корвета ведь нет! Прилетели они? Что будут делать? Долго ли останутся? Можно ли прийти посмотреть их? Все это показалось мне до такой степени смешным, что я захохотал. «Никаких тамо ру́сс в таль Маклай нет. Приходите посмотреть сами», — сказал я и вернулся домой в сопровождении полдеревни, отправившейся искать тамо русс и оставшейся в большом недоумении, не найдя никого. Туземцы, однако ж, не были совершенно убе́ждены, что тамо русс не являются, по крайней мере, по ночам, каким-либо образом, для совещаний с Маклаем, и положительно боялись приходить ко мне после захода солнца.

Звуки булу-рибут первое время своею пронзительностью будили меня, но потом, привыкнув к ним, я хотя и просыпался, но тотчас же опять засыпал. Когда я засыпал, эта мягкая заунывная музыка, с аккомпанементом шелеста листьев и плеска прибоя, убаюкивала меня.

Экскурсия в Гориму. Сидя за ужином на барле около хижины Коды-боро в Богати, я прислушивался к разговору, который вел мой хозяин, сидевший на пороге своей хижины, со своим сыном Уром, только что вернувшимся из другой деревни. Они говорили негромко и жевали при этом бетель, так что я почти ничего не понял из их разговора, хотя мог расслышать несколько раз мое имя.

Когда я кончил ужинать, то слез с барлы и намеревался пройтись по деревне. Коды-боро удержал меня, схватив за рукав.

— Маклай, ты не ходи в Гориму (деревня, лежавшая милях в 4 от Богати, по берегу).

— Я в Гориму не иду; я завтра вернусь в таль Маклай.

— Это хорошо, — сказал Коды.

— А отчего же мне не ходить в Гориму? — спросил я.

— Да люди Горимы — люди нехорошие, — объяснил Коды.

Я на этот раз удовлетворился этим ответом, так как до наступления темноты я хотел взять несколько пеллингов для определения положения некоторых вершин хребта Мана-Боро-Боро, который был хорошо виден в

этот вечер. Когда стемнело, я обошел несколько костров и поговорил с разными знакомыми. Вернулся к буамрамре, где должен был провести ночь. Коды-боро хлопотал у костра. Я разостлал одеяло на барлу и, найдя бамбук, на который положил все, что мог снять, приготовился к ночи, т. е. снял башмаки, гамаши и т. д. Затем позвал Коды-боро и спросил его: «Отчего люди Горимы борле (нехороши)». Коды замялся. Я сунул ему в руку несколько больших кусков табаку: «Ты скажи, Коды, а то я вернусь домой, возьму шлюпку и поеду прямо в Гориму». — «О Маклай! Не езди в Гориму, Люди Гориму скверные!» — «Ты скажи, почему? Что тебе сказал сегодня Ур?»

Видя, что я не оставлю его в покое, Коды решился сказать все, что слышал. Ур, вернувшись из деревни, куда ходил к родителям жены, рассказал, что встретил там двух туземцев из Горимы, которые говорили обо мне, что у меня много вещей в доме, что если люди Бонгу убили бы меня, то могли бы взять все, и т. д. Что двое из жителей Горимы хотят приехать нарочно в таль Маклай, чтобы убить меня и взять, что могут, с собою. Вот почему Коды называет людей Горимы «борле» и просит Маклая не ездить в их деревню.

— А как зовут этих двух людей Горимы, которые хотят убить Маклая? — спросил я.

— Одного зовут Абуй, другого — Малу́, — ответил Коды.

Я дал ему еще кусок табаку и сказал, что хочу спать.

По мере того как Коды говорил, у меня составился план относительно того, что делать в этом случае. Я был удивлен, что после такого долгого знакомства со мною (правда, люди Горимы только один раз, во время моего первого пребывания, были у меня, так что, разумеется, очень мало знали меня) находились еще люди, думающие и говорящие, что хотят меня убить. На это они имели уже довольно времени и случаев. Я, в сущности, не верил, что они говорят серьезно, и был убежден, что при самых удобных обстоятельствах эти люди не посмели бы напасть на меня открыто; бросить же копье из-за угла, подкараулив меня около хижины, или пустить стрелу — на это я считал их вполне способными. Худшим обстоятельством, мне казалось, было то, что они сами говорят об этом, так как это может подать подобную же мысль кому-нибудь из моих более близких сосе-

дей. Кто-нибудь может подумать: «Зачем ждать, чтобы люди Горимы убили Маклая и взяли его вещи? Я попробую сделать это сам, и вещи будут мои».

Засыпая, я решил отправиться сам в Гориму, даже, пожалуй, и завтра, если буду чувствовать себя достаточно свежим. Проспав весьма хорошо всю ночь и будучи разбужен до рассвета криком петухов в деревне, я встал и нашел, что чувствую себя в расположении духа идти в Гориму.

Не допитая вчера бутылка холодного чая и несколько кусков холодного таро, оставшегося от вчерашнего ужина, послужили мне завтраком. Я оставил бóльшую часть моих вещей в буамрамре и на всякий случай перевязал белой ниткой крест-накрест небольшой ранец с разными мелкими вещами.

Забрав только одеяло и несколько кусков таро, я отправился в путь. Так как все это происходило в буамрамре, то меня никто не видел, и вышел я из буамрамры прямо к морю, а не пошел по деревне. Хотя я и не знал дороги в Гориму, но надеялся добраться до нее, идя берегом, что будет, вероятно, немного дальше, но зато таким образом я не могу миновать деревни, лежащей у моря. Один из жителей Богати, исправлявший что-то в своей, вытащенной на берег пироге, спросил меня, куда я иду. Я отвечал: «К реке Киор», что не было неправдой, так как для того, чтобы дойти до Горимы, мне надо было перейти реку Киор.

Не стану вдаваться в описание пути. К 11 часам солнце стало печь весьма сильно. Пришлось перейти вброд реку Киор, где вода доходила мне до пояса, и еще другую, более мелкую. Снять башмаки я боялся, сомневаясь, можно ли мне будет надеть их снова, так как они были промочены насквозь. Мелкие камни, сменявшие в некоторых местах песчаный берег, делали ходьбу босиком положительно невозможною. В одном месте я пошел по тропинке в лесу, полагая, что она проложена параллельно берегу; но тропинка так углублялась в лес, что мне пришлось свернуть на другую, а затем и на третью. Я уже думал, что заблудился, когда при следующем повороте я вдруг снова увидел море. Был уже третий час, и я решил отдохнуть в этом месте и съесть взятое с собою таро. Горима была недалеко, но мне не хотелось прийти туда ранее пяти часов. Я вспомнил одно обстоятельство, очень для меня неудобное, и которое я совершенно упустил из виду, имен-

но то, что диалект Горимы был мне абсолютно неизвестен и что там навряд ли найдутся люди, знающие диалект Бонгу. Возвращаться, однако ж, было поздно — оставалось только рискнуть. Отдохнув, я пошел дальше. Деревня Горима расположена на мыске, так что людям, ходившим или стоявшим в то время около берега, мое приближение было заметно еще издали. Навряд я попал бы в тот день в деревню, так как по берегу, на значительном пространстве, росли мангровы. К счастью для меня, на берегу лежала вытащенная пирога и слышалось несколько голосов в лесу, почему я и решил подождать их возвращения. Нелегко было бы описать выражение удивления туземцев, когда они вернулись и увидели меня. Мне показалось, что они готовы убежать, почему я поспешил сейчас же подойти к самому старому из трех.

«Вы люди Горимы?» — спросил я на диалекте Бонгу. Туземец приподнял голову — жест, который я счел за утвердительный. Я назвал себя и прибавил, что иду посмотреть Гориму и что мы поедем вместе.

Туземцы имели очень растерянный вид, но скоро оправились, и так как им, вероятно, и самим надо было домой, то они, по-видимому, были даже рады отделаться от меня так дешево. Я дал каждому из них по куску табаку, и мы отправились. Расстояние оказалось гораздо более далеким, чем я ожидал, и солнце было совсем низко, когда мы подъехали к деревне. Мою белую шляпу и такую же куртку жители заметили еще издали, почему многие собрались встретить меня, между тем как другие то выбегали к морю, то опять возвращались в деревню. Дав еще табаку и по одному гвоздю моим спутникам, я направился в деревню, сопровождаемый туземцами, встретившими меня у берега. Ни один из них, однако, не говорил на диалекте Бонгу, и я сомневаюсь, чтобы кто-либо даже достаточно понимал его. Пришлось поэтому прибегнуть к первобытному языку — жестам. Я положил руку на пустой желудок, затем указал пальцем на рот; туземцы поняли, что я хочу есть, по крайней мере, один из стариков сказал что-то, и я скоро увидел все приготовления к ужину. Затем, положив руку под щеку и наклонив голову, я проговорил: «Горима», что должно было значить, что я хочу спать. Меня опять-таки поняли, потому что сейчас же указали на буамрамру. Я не мог объясняться, а то с моей стороны было бы первым делом успокоить жителей, кото-

рых, кажется, в немалое смущение привел мой неожиданный приход.

За себя я был очень рад, так как мог быть уверен, что не лягу голодным и проведу ночь не под открытым небом (на что я решаюсь только в самых крайних случаях, из опасения лихорадки). Я так проголодался, что с нетерпением ожидал появления табира с кушаньем и почти что не обратил внимания на приход человека, хорошо знавшего диалект Бонгу.

С большим ожесточением принялся я за таро, которое мне подали туземцы, и полагаю, что это была самая большая порция, которую я когда-либо ел в Новой Гвинее. Утолив голод, я припомнил главную причину, которая привела меня в Гориму, и подумал, что теперь как раз подходящее время поговорить с туземцами, имея под рукою человека, могущего служить мне переводчиком. Я его скоро нашел и сказал, что желаю поговорить с людьми Гориму и узнать, что они мне могут сказать. Я предложил ему созвать сейчас же главных людей Гориму. Пока я занялся устройством своего ночлега. У входа в буамрамру собралась значительная толпа людей, созванных моим переводчиком. Последний объявил мне наконец, что все люди Горимы (то есть тамоборо) в сборе. Обратившись к переводчику, я велел, чтобы в костер подбросили сухих щепок для более сильного освещения буамрамры. Когда это было сделано, я сел на барум около костра, освещавшего лица присутствующих. Первые мои слова переводчику были: «Абуй и Малу здесь или нет?» Перед тем, забыв эти имена, я должен был пересмотреть мою записную книжку, так как я записал их вчера вечером в полутемноте. Когда я назвал эти два имени, туземцы стали переглядываться между собою, и только через несколько секунд мне было отвечено, что Абуй здесь.

— Позовите Малу, — было мое распоряжение.

Кто-то побежал за ним. Когда Малу явился, я встал и указал Абую и Малу два места около самого костра, как раз против меня. Они с видимым нежеланием подошли и сели на указанные мною места. Затем я обратился с короткою речью к переводчику, который переводил по мере того, как я говорил, то есть почти слово в слово. Содержание речи было приблизительно следующее: «Услышав вчера от людей Богати, что двое людей Горимы, Абуй и Малу, хотят убить меня, я пришел в Гориму, чтобы посмотреть на этих людей (когда я стал

глядеть поочередно на обоих, они отвертывались каждый раз, как встречали мой взгляд); что это очень дурно, так как я ничего не сделал ни Абую, ни Малу, и никому из людей Горимы; что теперь, пройдя пешком от Богати до Гориму, я очень устал и хочу спать; что сейчас лягу и что, если Абуй и Малу хотят убить меня, то пусть сделают это, когда я буду спать, так как завтра я уйду из Горимы».

Договорив последние слова, я направился к барле и, взобравшись на нее, завернулся в одеяло. Мои слова произвели, кажется, значительный эффект среди слушателей. По крайней мере, засыпая, я слышал возгласы и разговоры, в которых мое имя было не раз повторяемо. Хотя я и хорошо спал, но просыпался несколько раз, но это происходило не из опасения перед туземцами, а, вероятнее, по причине моего тяжеловесного ужина, которого я всегда избегаю.

На другое утро я был, разумеется, цел и невредим, и перед отъездом из Горимы Абуй принес мне в дар свинью почтенных размеров и вместе с Малу непременно пожелал проводить меня не только до Богати, но и в таль Маклай.

Этот эпизод, рассказанный и пересказанный из деревни в деревню, произвел значительный эффект.

...Мне сообщили о смерти Вангума... Это был туземец из Горенду, человек лет 25. Вангум был крепкий и здоровый мужчина, как вдруг заболел и дня через 2—3 внезапно умер. Мёбли сказал мне, что деревни Бонгу и Горенду... в сильной тревоге вследствие этой смерти. Отец, дядя и родственники покойного, которых было немало в обеих деревнях, усиленно уговаривали все мужское население Бонгу и Горенду безотлагательно отправиться в поход на жителей одной из горных деревень. Это обстоятельство было очень серьезно, так что я, услышав о происшедшем, решил не допустить этой экспедиции в горы. Я воздержался, однако ж, от всяких немедленных заявлений, желая сперва обстоятельно узнать положение дела.

15 июля. Я узнал вчера вечером об одном благоприятном для моих планов обстоятельстве, именно, что жители Бонгу и Горенду никак не могут сговориться насчет того, в которой деревне живет предполагаемый не-

друг Вангума или его отца, приготовивший оним, который причинил смерть молодому человеку. Это разногласие они, однако же, надеялись уничтожить весьма простым способом, а именно: напасть сперва на одну, а затем и на другую деревню.

Явившаяся ко мне депутация из Бонгу, для того чтобы просить меня быть их союзником в случае войны, получила от меня положительный отказ. Когда некоторые из них продолжали уговаривать меня помочь им, я сказал с очень серьезным видом и возвысив немного голос: «Маклай баллал кере» (Маклай говорил довольно). После этого депутация удалилась. Затем я отправился в Горенду послушать, что мне скажут там. Людей там я встретил немного; все говорили о предстоящей войне с мана-тамо. Я вошел в хижину Вангума; в углу около барлы возвышался гамбор [103]; недалеко от него горел костер, около которого, на земле, вся измазанная сажей, почти без всякой одежды, сидела молодая вдова умершего. Так как в хижине никого, кроме меня, не было, то она улыбнулась мне далеко не печально. Ей, видимо, надоела роль неутешной вдовы. Я узнал, что она должна перейти к брату умершего. Не достигнув задуманной цели моего посещения, я отправился домой и дорогою застал отца Вангума, раскладывавшим огонь на берегу, под совершенно новою пирогою своего умершего сына, которую последний окончил всего за несколько дней до своей смерти. Пирога была порублена во многих местах; теперь он хотел покончить с нею совершенно, то есть сжечь ее.

Зная, что я отговариваю людей от войны, затевавшейся по поводу смерти его сына, старик еле-еле поглядел на меня.

Прошло несколько дней. Экспедиция в горы не состоялась. Впрочем, я не приписываю этого моему вмешательству, а просто обе деревни не сошлись на этот раз в мнениях.

23 июля, около 3-х часов, я сидел на веранде за какою-то письменною работой; вдруг является Сале, весь запыхавшийся, и говорит мне, что слышал от людей Бонгу о внезапной смерти младшего брата Вангума. Опасаясь за последствия смерти обоих братьев в течение такого короткого времени, я сейчас же послал Мёбли в деревню узнать, правда ли это. Когда он вернулся, то рассказал мне следующее: утром Туй, 9- или 10-лет-

ний мальчик, брат Вангума, отправился с отцом и другими жителями Горенду ловить рыбу к реке Габенеу. Там его ужалила в палец руки небольшая змея; яд подействовал так сильно, что перепуганный отец, схватив ребенка на руки и бросившись почти бегом в обратный путь, принес его в деревню уже умирающим. Собрав в одну минуту все необходимое, то есть ланцет, нашатырный спирт, марганцево-кислый калий и несколько бинтов, я поспешил в Горенду. Нога у меня сильно болела, почему я очень обрадовался возможности воспользоваться пирогою, отправлявшейся в Порт Константин, так как она могла довезти меня в Горенду. Около Урур-И мы узнали от бежавших из Горенду сильно возбужденных Иона и Намуя, что бедняга Туй только что умер и что надо идти жечь хижины Ямбан-тамо!

Послышалось несколько ударов барума, возвещающие смерть мальчика; когда я вышел на берег, меня обогнали несколько бегущих и уже воющих женщин.

В деревне волнение было сильное; страшно возбужденные мужчины, почему-то все вооруженные, воющие и кричащие женщины сильно изменяли физиономию обыкновенно спокойной и тихой обстановки деревни. Везде только и было слышно, что «оним», «Кумани», «Ямбан-тамо барата». Эта вторая смерть, случившаяся в той же деревне и даже в той самой семье, где и первая, последовавшая в промежуток каких-нибудь двух недель, произвела среди жителей обеих деревень настоящий пароксизм горя, жажды мести и страха... Даже самые спокойные, которые раньше молчали, теперь стали с жаром утверждать, что жители которой-нибудь горной деревни приготовили «оним», почему Вангум и Туй умерли один за другим, и что если этому не положить конец немедленным походом в горы, то все жители Горенду перемрут и т. п. Война теперь уже казалась неизбежною. О ней толковали и старики и дети, — всех же больше кричали бабы; молодежь приготовляла и приводила в порядок оружие. На меня в деревне поглядывали искоса, зная, что я против войны; некоторые смотрели совсем враждебно, точно я был виноват в случившейся беде. Один старик Туй был, как и всегда, дружелюбен со мною и только серьезно покачивал головою. Мне не оставалось ничего больше делать в Горенду; люди были слишком возбуждены для того, чтобы выслушать меня спокойно. Пользуясь лунным светом, я прошел в Бонгу наикратчайшею тропинкою. Здесь тре-

вога хотя была и меньше, но тем не менее довольно значительная. Саул старался уговорить меня согласиться с ним в необходимости похода на мана-тамо. Аргументы его были следующие: последние события — результат онима; затем, если они (то есть тамо Бонгу) не побьют мана-тамо, то будут побиты последними.

Вернувшись домой, я даже и у себя не мог избавиться от разговоров об оним; Сале сказал мне, что на о-ве Ява оним называется «доа», и верили в значение его. Мёбли сообщил, что на о-вах Пелау «олай» то же самое, что «оним», и также не сомневался в том, что от действия онима люди могут умирать.

24 июля. Утром отправился в Горенду. Туземцы имели более покойный вид, чем накануне, но продолжали быть очень мрачными; даже Туй был сегодня в пасмурном настроении.

— Горенду басса (конец Горенду), — сказал Туй, протягивая мне руку. Я пожелал, чтобы Туй объяснил мне, в чем именно заключается оним. Туй сказал, что мана-тамо как-нибудь достали таро или ямса, недоеденного людьми Горенду, и, изрезав его на кусочки, заговорили и сожгли.

Мы направились к хижине, где лежал покойник и где толпились мужчины и женщины. Неожиданно раздался резкий свист «ая»; женщины и дети переполошились и без оглядки пустились бежать в лес. Я также не понимал, что будет, и ожидал целую процессию, но вместо нее появился только один человек, который непрестанно дул в мунки-ай, свистя, прошел мимо входа в хижину, где лежало тело мертвого Туя, заглянул в нее и снова ушел. Что это значило — я так и не понял. Когда замолк свист «ая», женщины вернулись и вынесли покойника из хижины. Старик Бугай натер ему лоб белой краской (известью), провел тою же краскою линию вдоль носа; остальные части лица покойного были уже вымазаны «куму» (черною краской). В ушах у него были вдеты серьги, а на шее висело «губо-губо». Бугай прибавил к этому праздничному убранству еще новый гребень, с белым петушиным пером, которое он воткнул ему в волосы. Затем тело стали обертывать в «губ» [104]; но это было только на время, так как собственно «гамбор-россар» (увязать корзину) должны были не здесь, а в Бонгу. Сагам, дядя покойного, взял труп на плечи, подложив «губ» под тело, и направился

скорым шагом по тропинке, ведущей в Бонгу. За ним последовала вся толпа. Я с несколькими туземцами пошел другою дорогою, а не той, по которой отправилась похоронная процессия, и прибыли на одну из площадок Бонгу почти одновременно с нею. Здесь из принесенных «губ» был приготовлен «гамбор», в который опустили покойника, причем ни одно из украшений, надетых на него, не было снято; голову покойника закрыли мешком. Пока мужчины, ближайшие родственники умершего, увязывали «гамбор», несколько женщин, вымазанных черною краской, вопили, приплясывая, причем очень вертели задом и гладили «гамбор» руками. Больше всех их отличалась Каллоль, мать умершего; она то скребла землю ногами, то, держась за «гамбор», немилосердно выла, приплясывая и делая положительно неприличные телодвижения.

Наконец, «гамбор» был отнесен в хижину Сагама. Мне, как и другим, был предложен оним, для того, чтобы и с нами не случилось какого-нибудь несчастья. Я согласился, желая увидеть, в чем состоит оним. Ион, один из присутствовавших, выплюнул свой оним мне и другим на ладони, после чего мы все гурьбою отправились к морю мыть руки. Старик Туй уговаривал меня приготовить «оним Маклай», чтобы сильное землетрясение разрушило все деревни в горах, но не сделало бы ничего прибрежным жителям.

Вечером этого же дня я услыхал звуки барума в Горенду, и вернувшийся оттуда через несколько времени Мёбли, который зачем-то ходил в деревню, разбудил меня и таинственно сообщил, что война с мана-тамо (вероятно, с Тиньгум-Мана) решена. Но было положено ничего не говорить о ней Маклаю.

Войны здесь хотя и не отличаются кровопролитностью (убитых бывает немного), но зато очень продолжительны, переходя часто в форму частных вендетт, которые поддерживают постоянное брожение между общинами и очень затягивают заключение мира или перемирия. Во время войны все сообщения между многими деревнями прекращаются, преобладающая мысль каждого: желание убить или страх быть убитым.

Мне было ясно, что этот раз мне не следовало смотреть сложа руки на положение дел в деревне Бонгу, находившейся всего в пяти минутах ходьбы от моего дома. Притом молчание с моей стороны при моей постоянной оппозиции войнам, когда только несколько дней тому

назад я восстал против похода, после смерти старшего брата, было бы странным, нелогичным поступком. Мне не следовало уступать и на этот раз, чтобы не быть принужденным уступать впоследствии. Мне необходимо было оставить в стороне мою антипатию к вмешательству в чужие дела.

Я решил запретить войну. На сильный аффект следует действовать также аффектом, но еще более сильным, и сперва необходимо разрознить единодушную жажду мести. Следовало поселить между туземцами разногласие и тем способствовать к охлаждению первого пыла.

25 июля. Я долго не спал, а затем часто просыпался, обдумывая план моих будущих действий. Заснул я только к утру. Проснувшись и перебрав вчерашние размышления, я решился избрать план действий, который, по моему мнению, должен был дать желаемые результаты и который, как оказалось, подействовал даже еще сильнее, чем я ожидал.

Главное — не надо было торопиться. Поэтому, несмотря на мое нетерпение, я выждал обычный час (перед заходом солнца), чтобы отправиться в Бонгу. Как я и ожидал, в деревне всюду шли толки и рассуждения о случившемся. Заметив, что туземцам очень хочется знать, что я думаю, я сказал: «Что и Вангум и Туй были молоды и здоровы и что старик отец остается теперь один; но что все-таки Маклай скажет то же, что говорил и после смерти Вангума, то есть — войне не быть!»

Весть о словах Маклая, что войны не должно быть, когда все готовятся к ней, мигом облетела всю деревню. Собралась большая толпа; но в буамрамру, где я сидел, вошли только одни старики. Каждый из них старался убедить меня, что война необходима.

Рассуждать о неосновательности теории онима было бы невозможно ввиду ограниченности в моих знаниях языка туземцев — это во-первых; во-вторых, я только даром потратил бы времени, так как мне все равно не удалось бы никого убедить; а в-третьих, это было бы большим промахом, так как каждый стал бы перетолковывать мои слова на свой лад. Тем не менее я выслушал очень многих; когда последний кончил говорить, я встал, собираясь идти, и обыкновенным моим голосом, представлявшим сильный контраст с возбужденной речью туземцев, повторил: «Маклай говорит — войны

не будет, а если вы отправитесь в поход в горы, с вами со всеми, людьми Горенду и Бонгу, случится несчастье!»

Наступило торжественное молчание, затем посыпались вопросы: «Что случится?», «Что будет?», «Что Маклай сделает?» и тому подобное. Оставляя моих собеседников в недоумении и предоставляя их воображению найти объяснение моей угрозы, я ответил кратко: «Сами увидите, если пойдете».

Отправляясь домой и медленно проходя между группами туземцев, я мог убедиться, что воображение их уже работает: каждый старался угадать, какую именно беду мог пророчить Маклай.

Не успел я дойти до ворот моей усадьбы, как один из стариков нагнал меня и, запыхавшись от ходьбы, едва мог проговорить: «Маклай, если тамо Бонгу отправятся в горы, не случится ли тангрин?» (землетрясение).

Этот странный вопрос и взволнованный вид старика показали мне, что слова, произнесенные мною в Бонгу, произвели значительный эффект.

— Маклай не говорил, что будет землетрясение, — возразил я.

— Нет, но Маклай сказал, что, если мы пойдем в горы, случится большая беда. А тангрин — большое, большое несчастье. Люди Бонгу, Гумбу, Горенду, Богати все, все боятся тангрина. Скажи, случится тангрин?— повторил он просительным тоном.

— Может быть, — был мой ответ.

Мой приятель быстро пустился в обратный путь, но был почти сейчас же остановлен двумя подходившими к нам туземцами, так что я мог расслышать слова старика, сказанные скороговоркой: «Я ведь говорил, тангрин будет, если пойдем. Я говорил».

Все трое почти бегом направились в деревню.

Следующие затем дни я не ходил в Бонгу, предоставляя воображению туземцев разгадывать загадку и полагаясь на пословицу: «У страха глаза велики». Теперь я был уверен, что они сильно призадумаются и военный пыл их таким образом начнет мало-помалу остывать, а главное, что теперь в деревнях господствует разноголосица.

Я нарочно не осведомлялся о решении моих соседей, они тоже молчали, но приготовления к войне прекратились. Недели через две ко мне пришел мой старый приятель Туй и подтвердил уже не раз доходивший до

меня слух о том, что он и все жители Горенду хотят покинуть свою деревню, хотят выселиться. «Что так?» — с удивлением спросил я. «Да мы все боимся жить там. Останемся в Горенду — все умрем один за другим. Двое уже умерли от оним мана-тамо, так и другие умрут. Не только люди умирают, но и кокосовые пальмы больны. Листья у всех стали красные, и они все умрут. Мана-тамо зарыли в Горенду оним — вот и кокосовые пальмы умирают. Хотели мы побить этих мана-тамо, да нельзя, Маклай не хочет, говорит: случится беда. Люди Бонгу трусят, боятся тангрин. Случится тангрин — все деревни кругом скажут: люди Бонгу виноваты; Маклай говорил, будет беда, если Бонгу пойдут в горы... Все деревни пойдут войною на Бонгу. Вот люди Бонгу и боятся. А в Горенду людей слишком мало, чтобы идти воевать с мана-тамо одним. Вот мы и хотим разойтись в разные стороны», — закончил Туй уже совсем унылым голосом и стал перечислять деревни, в которых жители Горенду предполагали расселиться. Кто хотел отправиться в Гориму, кто в Ямбомбу, кто в Митебог; только один или двое думают остаться в Бонгу. Так как расселение это начнется через несколько месяцев, после сбора посаженного уже таро, то я не знаю, чем это кончится *.

Убеждение о моей чрезвычайной старости

Я сидел около дома, любуясь вечерним освещением дальних гор и леса кругом. Пришел Саул-боро и сел возле меня, но долго ничего не говорил. Наконец, он собрался и сказал: «Маклай, сколько у тебя жен, детей, внуков и правнуков?»

Я посмотрел на него и невольно улыбнулся. Он говорил очень серьезно и смотрел на меня вопросительно. «Где?» — спросил я. «Я не знаю, — ответил Саул. — В России, на Луне», — поправился он. «У меня ни жены, ни детей нет», — сказал я.

* Покидая Берег Маклая в ноябре 1877 года, я не думал, что жители Горенду приведут в исполнение свое намерение выселиться. Вернувшись туда в мае 1883 г. на корвете «Скобелев» и посетив Бонгу, я по старой тропинке отправился оттуда в Горенду. Тропинка сильно заросла; на ней, очевидно, ходили мало. Но, придя на то место, где находилась старая деревня Горенду, я положительно не мог сообразить, где я. Вместо значительной деревни, большого числа хижин, расположенных вокруг трех площадок, я увидел только две или три хижины в лесу — до такой степени все заросло. Куда расселились тамо Горенду, я не успел узнать.

Саул недоверчиво засмеялся. «Маклай не хочет говорить, — добавил он. — Ну так скажи, помнишь ли ты, когда это дерево было очень маленьким? — сказал он, указывая на громаднейший Calophilum inophilum [105], росший неподалеку и которому было, наверное, несколько сот лет. — Ты, может быть, посадил его?»

Поглядев на Саула и не доверяя что-то его серьезности, я пожелал знать, почему он думает, что я так стар.

«Да ты никогда не бегаешь, не хочешь плясать, когда все старики у нас пляшут; жен здесь не хочешь брать; седых волос на голове много, и ты не хочешь, чтобы тебе их выдернули».

В этот вечер Саул ушел от меня очень недовольный тем, что Маклай ничего не хочет ему сказать.

Маклай — может ли умереть?

Я имел обыкновение часу в шестом вечера отправляться к моим соседям в деревню Бонгу. Сегодня я отправился, зная, что увижу там также и жителей других деревень, которых ожидали из Били-Били и Богати. Придя в деревню, я вошел в буамрамру, где происходил громкий оживленный разговор, который оборвался при моем появлении. Очевидно, туземцы говорили обо мне или о чем-нибудь таком, что им хотелось скрыть от меня. Заходящее солнце красноватыми лучами освещало внутренность буамрамры и лица жителей Бонгу, Горенду, Били-Били и Богати. Было целое сборище. Я сел. Все молчали. Мне показалось ясным, что я помешал их совещанию. Наконец, мой старый приятель Саул, которому я всегда доверял более других, позволял иногда сидеть на моей веранде и с которым частенько вступал в разговоры о разных трансцендентальных сюжетах, подошел ко мне. Положив руку мне на плечо (что было не простая фамильярность, которую я не имею обыкновения допускать в моих сношениях с туземцами, а скорее выражение дружбы и просьбы), он спросил меня заискивающим голосом и заглядывая мне в глаза: «Маклай, скажи, можешь ты умереть? Быть мертвым, как люди Бонгу, Богати, Били-Били?»

Вопрос удивил меня своей неожиданностью и торжественным, хотя и просительным, тоном. Выражение физиономий окружающих показало мне, что не один только Саул спрашивает, а что все ожидают моего ответа. Мне подумалось, что, вероятно, об этом-то тузем-

цы и разговаривали перед моим приходом, и понял, почему мое появление прекратило их разговор.

На простой вопрос надо было дать простой ответ, но его следовало прежде обдумать. Туземцы знают, убеждены, что Маклай не скажет неправды; их пословица: «Баллал Маклай худи» (Слово Маклая одно — не должна быть изменена и на этот раз. Посему сказать «нет» нельзя, тем более что, пожалуй, завтра или через несколько дней какая-нибудь случайность может показать туземцам, что Маклай сказал неправду. Скажи я «да», я поколеблю сам значительно мою репутацию, которая особенно важна для меня именно теперь, несколько дней после запрещения войны. Эти соображения промелькнули гораздо скорее, нежели я пишу последние строки. Чтобы иметь время обдумать ответ, я встал и прошелся вдоль буамрамры, смотря вверх, как бы ища чего-то (собственно, я искал ответа). Косые лучи солнца освещали все мелочи, висящие под крышей; от черепов рыб и челюстей свиней мой взгляд перешел к коллекции разного оружия, прикрепленного ниже над барлой: там были луки, стрелы и несколько копий разной формы. Мой взгляд остановился на одном из них, толстом и хорошо заостренном.

Я нашел мой ответ. Сняв со стены именно это тяжелое и острое копье, которое, метко брошенное, могло причинить неминуемую смерть, я подошел к Саулу, стоявшему посреди буамрамры и следившему за моими движениями. Я подал ему копье, отошел на несколько шагов и остановился против него. Я снял шляпу, широкие поля которой закрывали мое лицо: я хотел, чтобы туземцы могли по выражению моего лица видеть, что Маклай не шутит и не моргнет, что бы ни случилось. Я сказал тогда: «Посмотри, может ли Маклай умереть».

Недоумевавший Саул хотя и понял смысл моего предложения, но даже не поднял копья и первый заговорил: «Арен! Арен!» (Нет! Нет!). Между тем некоторые из присутствующих бросились ко мне, как бы желая заслонить меня своим телом от копья Саула. Простояв еще несколько времени перед Саулом в ожидании и назвав его даже шутливым тоном бабою, я сел между туземцами, которые говорили все зараз.

Ответ оказался удовлетворительным, так как после этого случая никто не спрашивал меня, могу ли я умереть.

Из письма А. А. Мещерскому (сентябрь, мыс Бугарлом, ноябрь 1877 г., около о-ва Агомес). «Сообразно с моим письмом в Сингапуре я ожидал прихода шхуны за мною в ноябре месяце (1876 г.), но, принимая в соображение довольно далекий путь и зависимость паруса от благоприятного ветра, я не был удивлен, когда шхуна не пришла и в декабре, полагая ее увидеть, во всяком случае, в январе. Я ожидал ее со дня на день, как видите, еще жду по сей день (2 сентября).

Годовое запоздание прихода шхуны, хотя и было источником многих неудобств, дало мне случай сделать наблюдения над действием папуасской пищи (единственно в подробностях немного отличающейся от пищи жителей островов Тихого океана) на белых.

Кроме писем, приход шхуны интересовал меня в чисто материальном отношении. Имея намерение оставаться этот раз на берегу Маклая пять-шесть месяцев, я никоим образом не имел в виду неисполнение моего поручения, и мои припасы были сделаны сообразно тому. В конце января кончился запас риса, затем в продолжение февраля, марта и апреля — все другие. Зная, что провизии на 5 или 6 месяцев у меня достаточно, я не обратил внимания, когда шкипер шхуны сдал мне многие мешки далеко не полные (сухари, бобы) или подменные (в мешки риса лучшего сорта был подсыпан рис дурного качества).

Возвращаясь из моего путешествия по Малайскому полуострову в ноябре 1875 г. и имея всего два или три месяца до отъезда в Новую Гвинею, я не хотел прерывать моих занятий в Бюйтензорге поездкой в Батавию для приготовлений к новому путешествию. Все закупки и приготовления было лучше сделать в Сингапуре, откуда шхуна отправлялась, поэтому я отступил от важного правила, которое должен иметь в виду каждый путешественник: не поручать никому другому приготовления, а делать все запасы и приготовления к путешествию до мельчайших подробностей самому. Я поручил их одной личности в Сингапуре, которая с готовностью взялась исполнить мои поручения и обратить должное внимание, чтобы все было бы хорошо упаковано. Я был наказан за свое доверие и пренебрежение к материальной части моего предприятия.

Я не был доведен до положения, в котором находился в Гарагасси в 1871—1872 гг., когда пришлось

обходиться восемь месяцев без соли; у меня и теперь еще есть немного кофе, какао, чай, красное и хинное вино. Некоторые из вещей не были взяты; многие, по случаю дурной упаковки, оказались в малопригодном состоянии. Оказалось, например, что запас дроби был весьма мал, так что уже в марте месяце Мебли, который был на деле далеко не такой стрелок, каким его описывали его соотечественники, исстрелял с лишком 1600 патронов и должен был по случаю недостатка дроби прекратить охоту, так что и в этом отношении стол мой обеднел, и, чтобы не быть принужденным есть одно таро, надо было приискать другие источники. Я нашел для лентяя Мебли вместо охоты другое занятие, именно рыбную ловлю, которая в результате несколько разнообразит мой даже в сравнении с первыми месяцами пребывания в Бугарломе весьма однообразный стол.

Жить в такой отдаленной местности от европейских колоний имеет то большое неудобство, что надо или делать громадные запасы, или привыкать обходиться без многих, иногда весьма необходимых вещей. Мои сборы к этому путешествию в декабре 1875 г. были весьма спешны, и многое было позабыто. Двое из моих часов были приведены в бездействие, одни вследствие падения при экскурсии в горах, другие вследствие опытов, которые вздумал производить над ними один из моих слуг с о. Пелау. Мне пришлось поэтому быть очень осторожным с оставшимися, и я заводил их единственно, когда предпринимал экскурсии. Днем, когда я оставался дома, высота солнца была для меня достаточным регулятором времени...

У меня оказалось только полдюжины тонких стекол для микроскопических объектов. Пришлось быть весьма осторожным и не пренебрегать самыми малыми осколками. Обуви было значительно, но я позабыл привезти пару туфель.

Последствия расхищения моих вещей в Айве (Папуа-Ковиай в апреле 1874 г.) отозвались неприятным сюрпризом и в настоящем путешествии. Многих вещей, которых я тогда лишился, я не мог пополнить в Батавии и Сингапуре, не успел или забыл выписать их из Европы... Так, напр., мой большой ящик с анатомическими инструментами, который был унесен папуасами в горы вместе с другими полезными и необходимыми вещами, я совершенно забыл заменить новым, вовремя

выписав из Европы. Пришлось довольствоваться оставшимся небольшим ящиком, дополнив его из несессера хирургическими инструментами и остальными, выбрав даже между столярными принадлежностями.

Не стану далее приводить примеров ухищрений разного рода, к которым мне приходилось прибегнуть по случаю недостаточно полных приготовлений к затянувшемуся пребыванию в Новой Гвинее и разным лишениям вследствие запоздалого прихода шхуны. Тех и других я мог бы привести дюжину...

«Размышления о судьбе туземцев, с которыми я так сблизился, часто являлись само собою, и прямым следствием их был вопрос, окажу ли я туземцам услугу, облегчив моим знанием страны, обычаев и языка доступ европейцев в эту страну. Чем более я обдумывал подобный шаг, тем более склонялся я к отрицательному ответу. Я ставил вопрос иногда обратный: рассматривая вторжение белых как неизбежную необходимость в будущем, я снова спрашивал себя: кому помочь, дать преимущество, миссионерам или тредорам? Ответ снова выпадал — ни тем, ни другим, так как первые, к сожалению, нередко занимаются под маской деятельностью последних и подготовляют путь вторым. Я решил поэтому положительно ничем, ни прямо, ни косвенным путем, не способствовать водворению сношений между белыми и папуасами...

Дойдя... при помощи беспристрастного наблюдения до положения, что части света с их разными условиями жизни не могут быть заселены одною разновидностью species homo с одинаковой организацией, с одинаковыми качествами и способностью, и додумавшись, что поэтому существование различных рас совершенно согласно с законами природы, приходится признать за представителями этих рас общие права людей и согласиться, что истребление темных рас не что иное, как применение грубой силы и что всякий честный человек должен восстать против злоупотреблений ею... История европейской колонизации и европейского влияния на островах Тихого океана переполнена слишком грустными примерами, чтобы взять на себя ответственность привлечением сюда белых увеличить их число.

Чтобы отогнать эти невеселые размышления, мне стоит обратиться только к моим научным занятиям, которые всегда были и всегда будут главнейшею целью моих странствований...

...Мое письмо было прервано приходом шхуны. Шхуна не привезла ни писем, ни провизии. Г. Ш. в Сингапуре предположил, что, наскучив ждать шхуны (ждал ее, правда, 12 месяцев), я покинул, вероятно, свой берег с одним мимо проходящим судном, почему заблагорассудил оставить мои письма у себя в Сингапуре. Но, не будучи, однако же, положительно уверен в возвращении моем, он дал инструкцию шкиперу заглянуть на всякий случай на мой берег. Прождав письма 21 месяц, придется прождать еще месяц или два. От шкипера узнал весть о войне России с Турцией...

Идем в Сингапур, но противный западный ветер или штиль очень задерживает плавание».

Из статьи о втором пребывании на Берегу Маклая (1877 г.): При другом характере и других воззрениях на окружающее я мог бы отнестись к... весьма некомфортабельной жизни в продолжении месяцев как к значительному несчастью; но на опыте я убедился, что отношусь к этим аксессуарам жизни, которую сам избрал, с большим индифферентизмом, и, замечая новое лишение или недостаток привычного удобства, могу повторять слова философа: «много есть, однакоже, вещей, которых мне не нужно».

Если замечая, что я ни слова не говорю о новооткрытых видах райских птиц, не обещаюсь описать сотни и привезти тысячи новых редких насекомых, меня, может быть, удивляясь, спросит ревностный зоолог: отчего я ради вопросов по этнологии, которая собственно не составляет моей специальности, отстранил от себя собирание коллекций, я замечу на это, что хотя и считаю вопросы зоогеографии этой местности весьма интересными... все-таки счел за более важное обратить мое внимание, теряя при этом немало времени, на status praesens житья-бытья папуасов, думая что эти фазы жизни этой части человечества при некоторых условиях (которые могут явиться каждый день) весьма скоро проходящи. Размышляя, что в будущем те же райские птицы и бабочки будут восхищать зоолога, те же насекомые насчитываться тысячами в его коллекциях, между тем как почти наверное при повторенных сношениях с белыми не только нравы и обычаи теперешних папуасов исказятся, изменятся и забудутся, но может случиться, что будущему антропологу придется разыскивать чистокровного папуаса в его примитивном состоянии в горах

Новой Гвинеи, подобно тому как я искал сакай и семанг в лесах Малайского полуострова.

Время, я уверен, докажет, что при выборе моей главной задачи я был прав.

Из сообщения о путешествиях, сделанного в Русском географическом обществе в 1882 г. «Когда в ноябре 1877 г. я решил наконец вернуться в Сингапур на случайно зашедшей английской шхуне, то приказал оповестить по всем деревням, чтобы ко мне из каждой деревни явилось по два человека: самый старый и самый молодой. Ко мне пришло более чем по два человека, так что около моей хижины собралась большая толпа. Когда все они сгруппировались около меня, я сказал им, что покидаю их на время и, вероятно, не скоро вернусь. Они почли долгом выразить мне свое неудовольствие и очень сожалели о моем отъезде. Потом я объяснил им, что, вероятно, другие люди, такие же белые, как и я, с такими же волосами и в такой же одежде, прибудут к ним на таких же кораблях, на каких приезжал я, но, очень вероятно, это будут совершенно иные люди, чем Маклай. Я считал своим долгом предупредить этих дикарей относительно этого класса промышленников, которые еще до сих пор делают острова Тихого океана местом весьма печальных сцен. Еще до сих пор так называемое «kidnapping», т. е. похищение людей в рабство разными средствами, там встречается и производится под английским, германским, американским и французским флагами.

Я ожидал, что и на Новой Гвинее может случиться то же, что на о-вах Меланезии (Соломоновых, Новогебридских и др.), где население стало уменьшаться значительно вследствие вывоза невольников. Поэтому, полагая, что и Берег Маклая будет со временем целью посещения судов работорговцев, я счел долгом предупредить папуасов и объяснить им, что хотя они и увидят такие же суда и таких же людей, как Маклай, но эти люди могут их увезти в неволю. Это предупреждение привело их в большое смущение, и они положительно хотели воспротивиться моему отъезду и старались уговорить меня остаться. Тогда я посоветовал им никогда не выходить к белым навстречу вооруженными и никогда даже не пытаться убивать их, объясняя им всю силу огнестрельного оружия сравнительно с их стрелами и копьями. Я им советовал для

предупреждения бед при появлении судна сейчас же посылать своих женщин и детей в горы. Я им указал, однако, каким образом они могут отличить друзей от недругов.

Впоследствии я узнал, что все мои советы, выслушанные со вниманием, были исполнены в точности. После моего отъезда пришла английская шхуна из Мельбурна на Берег Маклая с золотоискателями, которые полагали, что я скрыл присутствие там золота, и хотели исследовать берег в этом отношении. Это было год спустя после моего отъезда. Я встретил в Мельбурне в прошлом году одного из участников этой экспедиции, который и рассказал мне, что они нашли мою хижину в том виде, как я ее оставил, и что дверь и замок были целы, а плантация около дома содержалась так хорошо, что имела вид сада. Когда мистер П., участник экспедиции, взялся за замок, чтобы посмотреть, нельзя ли войти в хижину, то полдюжины рук схватили его, и папуасы объяснили ему знаками, что это принадлежит Маклаю и что ему нечего тут искать. Демонстрация эта была настолько внушительна, что белые поспешили убраться, видя, что туземцы, пожалуй, станут защищаться.

Я получил еще одну весть о моих друзьях: военное судно было послано туда вследствие распоряжения the High Commissioner of the Western Pacific [106] Sir Arthur Gordon.

Перед отъездом Ромильи (Deputy — Commissioner [107]) на Берег Маклая я имел случай видеть его в Сиднее и передал ему те знаки и слова, по которым он мог быть узнан туземцами как друг Маклая. Из рассказа вернувшегося Ромильи я убедился, что все, даже малейшие подробности моих советов папуасами были исполнены. Так, в течение многих часов, пока он не сделал известных знаков, ни один человек не осмеливался подойти в своей пироге к шхуне; но как только он сделал знаки и сказал условные слова, которым я его научил, моментально все изменилось: десятки пирог явились к шхуне, и все начали кричать, произнося постоянно имя Маклай. Тогда Ромильи представился им как «брат Маклая», после чего он был отведен к моему дому и вообще встречен туземцами в высшей степени дружелюбно».

«Известия Русского географического общества», 1882, № 5.

Из письма вице-председателю Русского географического общества П. П. Семенову (Сингапур, январь 1878 г.). «...Вернувшись сюда после с лишком двухмесячного плавания, докучаемый лихорадкою... и чувствуя по временам что-то весьма похожее на *бери-бери* (эндемическую новогвинейскую болезнь), я был осажден здесь моими кредиторами, их визитами или их письмами.

Вот в нескольких словах путь, который привел меня в это положение: не получая с *1874 г.* денег из России и не желая *из-за грошей* прервать цепи моих путешествий и исследований, я не обратил должного внимания, что мой долг в Батавии рос, тем более что, живя весьма экономно, я ожидал постоянно присылки денег из дома. Очень дорого стоившее мне последнее путешествие присоединилось своими издержками к моему долгу в Батавии, так что *теперь,* чтобы окончательно разделаться с долгами в Батавии и Сингапуре, мне необходима значительная сумма в 1500 фунтов стерлингов (т. е. с лишком 9000 рубл., сер.).

Я писал с прошлою почтою матери, и хотя уверен, что она *всё* сделает, что ей будет возможно, знаю, что ей, при положении наших семейных дел, исполнение моей просьбы будет *весьма* тяжело. В этом трудном положении (назойливость сингапурских и батавских торгашей невыносима!) решаюсь обратиться *за помощью* к вашему превосходительству. Эта помощь — найти *часть,* требуемой суммы (если возможно, половину). Я убежден, и это будет моим первым делом, что изданием своих путешествий я в состоянии буду уплатить свой долг. Я даже готов (что будет мне очень прискорбно) для этой цели *продать* мою небольшую, но очень интересную новогвинейскую этнологическую коллекцию. Но я *положительно* не желаю и отказываюсь от вспомоществования или подарков. Сознание, что из этих денег я *ни* копейки не истратил для *личной* прихоти, а имел постоянною целью науку и ее задачи, зная, что и для вашего превосходительства так же дороги успехи науки, я решаюсь беспокоить ваше превосходительство этою откровенною просьбою о помощи!..[108]

Из письма другу Ф. Р. Остен-Сакену (Сингапур, апрель 1878 г.). «Получил вчера 3577 долларов. Не знаю, от кого эти деньги, но знаю, что через ваше любезное посредство!

Спасибо, спасибо!.. Начинаю освобождаться от тогашей-кредиторов...

Мое положение здесь далеко не веселое: все еще не могу встать с постели... не знаю даже, *сколько* месяцев потребуется для выздоровления, крайне слаб, а климат здесь очень *не*подходящий!..

Полученные деньги пошли на уплату долгов в Сингапуре; мой главный кредитор... в Батавии, очень озлобленный на меня за то, что его не сделали русским вице-консулом, ждет с нетерпением свою очередь!

P. S. Если мое уже *теперь весьма серьезное* состояние здоровья *значительно* ухудшится, я пришлю вам короткую телеграмму, чтобы заблаговременно приготовили мать к *худшему* (или лучшему).

Потребовалось почти 2 дня, чтобы написать это послание!..»

Из письма сестре Ольге (Сидней, август 1878 г.). «Милая моя Оля! ...Итак, я здесь, в Сиднее. Я встретил здесь очень любезный прием и живу теперь в очень комфортабельном доме у M-r Wm Macleay, esq. Г-н Маклей также зоолог, как и г. Маклай. Он имеет, кроме хорошего и большого дома с прекраснейшим видом на обширный и красивый Port Jackson... замечательный и интересный музей, и хорошую библиотеку книг по зоологии. Одним словом, я могу прожить несколько месяцев очень удобно и с пользою для науки, т. к. я, как только перебрался к нему, начал или, вернее, принялся за продолжение моих сравнительно-антропологических работ...

Здоровье, очень плохое при выезде из Сингапура... уже дорогою очень поправилось. Теперь же я почти совершенно здоров. Страдаю (нисколько не преувеличивая) *очень* от холода, к которому я стал после 7-ми лет между тропиками замечательно чувствителен. Термометр, однако, редко опускается ниже 10° С... Досадно, что тебя здесь нет. Мне придется доканчивать мое сообщение о моей 3-й экскурсии в Новую Гвинею Географическому обществу, придется самому писать, т. к. никто здесь это не может сделать за меня. Мать и ты меня совершенно забываете, что положительно весьма, весьма нехорошо!..

Письма отсюда требуют около *50* дней до Петербурга. Итак, только или не ранее *100* дней я получу (надеюсь) твой ответ. Пиши мне более и подробно.

Неужели тебе будет трудно порадовать брата своего (белого папуаса) длинным письмом после двухлетнего молчания??

Не забывай!..»

Из письма сэру Артуру Гордону, британскому верховному комиссару в Западной части Тихого океана [108] (Сидней, январь 1879 г.).

«Ваше превосходительство!

Важность предмета этого письма и надежда, что оно не останется без результата для священного дела человечности, которым оно было единственно продиктовано, побуждает меня просить ваше превосходительство прочесть его со вниманием и сделать то, что ваше превосходительство сочтете возможным.

Я остановлюсь на некоторых деталях, касающихся меня лично, лишь постольку, поскольку мне покажется необходимым для пояснения вашему превосходительству, вследствие чего и по какому праву я принял решение, возвысив голос во имя «прав человека», привлечь внимание... на опасность, которая угрожает уничтожить навсегда благополучие тысяч людей, не совершивших иного преступления, кроме принадлежности к другой расе, чем наша, и своей слабости.

Когда я высадился в Новой Гвинее в 1871 г. для научных изысканий, сперва обстоятельства, а затем желание изучить первобытную расу поставили меня в очень близкие отношения с туземцами северо-восточной Новой Гвинеи... Посредством терпения и очень дружественного и справедливого отношения я добился полного доверия туземцев, которые в течение ряда месяцев обходились со мною далеко не ласково. Овладение языком папуасов дало мне возможность изучить их нравы и обычаи. Прожив около трех лет среди этих людей, я имел время судить об их характере и способностях и принимаю серьезное и незаинтересованное участие в их судьбе, особенно предвидя, что нашествие белой расы в Новую Гвинею может легко и почти наверное привести к ряду весьма печальных катастроф.

Я думаю, однако, что много возмутительных несправедливостей, совершенных сильными над слабыми, могли бы быть предупреждены, если бы правительства цивилизованных народов, не презрев дела справедливости, подтверждали и заставляли увидеть самые простейшие основы права человека и международного права. Не-

сколько строк, подписанных вовремя полномочной и могущественной рукой, могут предупредить ряд несправедливых убийств, избавить на будущее время «цивилизацию» от позора избиения женщин и детей под названием «заслуженного возмездия».

...Жители Берега Маклая... будучи земледельческим и многочисленным народом (около 15—20 тыс. человек по меньшей мере), тесно связаны с землей, которую они обрабатывают: каждый дюйм почвы, каждое полезное дерево в лесу, рыбы в каждом ручье имеют собственника. Эта собственность признается и уважается соседями. Нашествие чужеземцев, которые пожелают захватить землю, уже занятую и обрабатываемую в течение веков, поставит жителей побережья между оружием белых и обитателями гор, которые не захотят уступить свою землю. Убийства и войны без конца будут иметь место.

Чтобы избежать катастроф, подобных тем, которые опустошили Марианские острова, Новую Зеландию, Тасманию и другие местности, будет только справедливо вовремя заявить, что имперское правительство, признавая право туземцев на их землю, не будет защищать белых захватчиков в том случае, если туземцы, обороняя свою землю, женщин, детей и свое имущество, попробуют заставить вооруженной рукой уважать свои права, противостоя завоевателям...

История соприкосновения белой расы с народами Океании показывает нам пагубный результат введения белыми спиртных напитков, печальные последствия которых соперничают с ввезенными болезнями и порохом... в истреблении небелых рас.

Также история доказывает нам, что великодушные попытки европейских правительств для защиты туземцев от насилий и несправедливостей белых завоевателей обычно приходят слишком поздно, когда зло уже сделано, когда обиды обеих сторон привели к возбуждению ненасытной ненависти, постоянно разжигаемой... Меры для предупреждения зла, которое позже будет непоправимо, могут быть еще приняты вовремя...»

Из письма П. П. Семенову (Сидней. 13 февраля 1879 г.).

«Ваше превосходительство, глубокоуважаемый
Петр Петрович.

Покорно прошу передать одну из прилагаемых копий

моего «открытого письма» сэру Артуру Гордону его имп. высочеству великому князю. Прилагаю наскоро скопированный эскиз карты восточной половины Новой Гвинеи на случай, если его имп. высочество пожелало бы знать географическое положение той части берега Новой Гвинеи, которую я называю *берегом Маклая.*

Знаю, что мой протест (или, вернее, напоминание о существовании прав слабых) остается *пока* гласом вопиющего в пустыне, но тем не менее надеюсь, что он встретит сочувствие между теми, для которых *«справедливость»* и *«права человека»* не единственно пустые слова.

Мои научные (сравнительноанатомические и антропологические) работы в Сиднее подвигаются *успешно,* почему не нахожу времени писать Императорскому Русскому географическому обществу в том, «что сделано», и то, «что уже знаю». Время для меня *слишком* дорого, чтобы употреблять его на переписку.

Хотя я не получил от вашего превосходительства ни слова в ответ на мое письмо из Сингапура (от 30 января 1878 г.), но я не сомневаюсь, что сочувствие и интерес вашего превосходительства к моим научным работам и стремлениям остались и остаются *неизменными?!*

С глубоким и истинным уважением остаюсь...»

IV

ИЗ ДНЕВНИКА ПУТЕШЕСТВИЯ НА ОСТРОВА МЕЛАНЕЗИИ В 1879 г.

21 августа. Шхуна «Сади Ф. Кэллер» лавировала на севере о-вов Адмиралтейства, которые были в виду, но на значительном расстоянии. К полудню более свежий ветерок позволил нам приблизиться настолько, что я мог рассмотреть и узнать контуры гор большого острова, а по ним определить положение небольших островков, лежащих под самым берегом его. Мне хотелось повидать своих старых знакомых, жителей о. Андра, с языком которых я отчасти познакомился в 1877 г., и узнать о судьбе оставшегося там матроса-малайца Ахмата, сбежавшего вследствие дурного обращения с ним шкипера шхуны «Sea Bird». Мне нетрудно было убедить шкипера В. зайти в порт Андра, сказав ему, что он может рассчитывать там на хорошую добычу трепанга * и на порядочную якорную стоянку. Местность мне была хорошо знакома, почему я мог послужить на этот раз лоцманом, что было очень кстати, так как зыбь мешала разглядеть рифы. Я указал шкиперу на западный проход за о. Андра, потому что на восток от него находится много рифов. Шхуна благополучно прошла через бар между рифами... и легкий ветерок позволил войти в лагуну и бросить якорь на 10-саженной глубине. Со стороны моря островок этот представляется низким, но покрытым густою растительностью. Нигде между деревьями, смотря с моря, нельзя разглядеть ни деревни, ни даже хижины. Единственно голубоватый дымок, который вился и расстилался в одном месте над островком, доказывал присутствие человека.

Как только мы зашли за риф, то увидали над отлогим песчаным берегом ряды кокосовых пальм, над которыми высился лес, а внизу, между пальмами, стали показываться крыши хижин; вдоль же Берега можно

---

* Трепанг — различные разновидности голотурий; вареные, жареные — большое лакомство китайцев.

было разглядеть группы туземцев. Некоторые приготовляли пироги к спуску, другие спокойно ожидали, когда шхуна бросит якорь. Дети особенно волновались, перебегали от одной группы к другой, и можно было расслышать их крики и хохот. Женщины стояли и сидели поодаль, около хижины. Вся обстановка доказывала, что приход европейского судна сделался и здесь явлением не необыкновенным. Мой хороший бинокль позволял мне разглядывать все подробности, узнавать хижины, осматривать разнообразные группы туземцев... Наконец, две небольшие пироги стали медленно приближаться к шхуне, рекогносцируя ее. По разговору и по жестам можно было заметить, что никто на пирогах не узнаёт шхуны (которая никогда не бывала еще здесь), туземцы не видят на ней ни одного знакомого лица (я был единственным человеком, которого они могли бы узнать). Между приближающимися я и сам не мог признать ни одной знакомой физиономии.

Неожиданно раздавшийся возглас «Макрай!» убедил меня, что нашелся один из туземцев, узнавший меня. Между людьми на пирогах завязался оживленный разговор, в котором мое имя часто слышалось. Результатом разговора было то, что туземцы один за другим влезли на трап, а затем на палубу. Все они окружили меня, протягивая руки, гладя по плечу и спине и т. д., повторяя мое имя с прибавлением «уян», «ян» (хорошо, хороший) и «кавас», «кавас» (друг, друг). Особенно суетился туземец, который первый узнал меня. Это был небольшой человек лет 40 с очень подвижною и хитрою физиономией; его звали Кохем, что он мне сам объявил, ударяя себя по груди. Он убеждал меня сейчас же съехать на берег и, нагнув голову на бок и приложив руку к щеке, показывал, чтобы я отправился ночевать в деревню. При помощи небольшого лексикона диалекта этого островка, составленного мною еще в 1877 г., мне удалось объяснить Кохему и его товарищам, что капитан пришел сюда за «бечтема», как они называют трепанг, за «поэсю» (жемчужными раковинами), за «писпонем» (черепахой) и что если всего этого найдется много, то «роль» (судно вообще) останется здесь долго и что им будут даны большие и маленькие «самель» (железо, нож), «палюсь» (красная бумажная материя), «буяяб» (стеклянный бисер). Моя речь произвела большой эффект и прерывалась только словами «уян» (хорошо), «ксанга» (много), «кавас», «кавас» (друг, друг).

Уверения туземцев, что всего много — и трепанга, и перламутра, — очень понравились шкиперу, который просил меня сказать туземцам, чтобы на другой же день с раннего утра они стали привозить трепанг и жемчужные раковины на шхуну. Покончив эти переговоры, я съехал с Кохемом и другими туземцами на берег и был встречен толпой мальчиков и девочек, которые все кричали: кто кричал «Макрай», кто — «уян», кто протягивал уже руку и орал «буааб!», «буааб!» (бисер, бисер!). На берегу я узнал действительно несколько туземцев, с которыми часто был в сношениях в 1877 г.

Я отправился по знакомой тропинке вдоль берега и осмотрел всю деревню, которая показалась мне на этот раз меньше, чем при первом моем посещении в 1877 г. И людей как-то показалось мне меньше. Сев у одного из «ум-камаль» (общественная хижина для мужчин) и указав жестом своей немалочисленной свите также присесть, я достал опять свою записную книгу 1877 г. и стал читать громко записанные в ней имена жителей деревни. Эффект был изумительный, все вскочили и стали орать: «Макрай, уян! уян! уян!» Когда они поуспокоились, я снова стал называть имена; некоторые отзывались, но некоторые отвечали «римат» (умер), иногда прибавляли «салаяну» (неприятель), что означало, вероятно, что человек был убит неприятелями. При некоторых именах окружавшие меня туземцы прибавляли имя какой-нибудь деревни, что означало, вероятно, что названный субъект ушел туда-то. Одним словом, туземцы скоро почувствовали, что нашли во мне старого знакомого, который немного понимает их, интересуется ими и не думает причинять им какой-либо вред или обмануть их при торге, которым, как они скоро убедились, я не занимался. Я роздал взятый с собою бисер женщинам и детям; каждая или каждый подходили ко мне с листиком с ближайшего куста, на который я отсыпал понемногу буааб, находившийся у меня в небольшой склянке. Физиономию, украшения, одежду подходящего я внимательно осматривал, а затем записывал его имя, прибавляя для памяти какую-нибудь особенность физиономии или телосложения, чтобы потом узнать его. Тем из детей, которых физиономии, расторопность или услужливость мне более нравились, я повязывал поверх обыкновенно носимого туземцами выше локтя плетеного браслета по ленточке красной материи, которою дети

остались очень довольны и которая стала предметом зависти остальных.

Солнце уже зашло и начало темнеть, когда я вернулся на шхуну.

22 августа. С самого рассвета торг с туземцами на шхуне начался. Когда часам к 6 я вышел на палубу, то увидел кучи трепанга разного рода, а также груды жемчужных раковин, которые туземцы в это утро уже успели собрать на рифах. Была низкая вода, и рифы чернели на далеком расстоянии в море, на них копошились женщины и дети, собирая моллюсков и маленьких рыбок для собственного стола. Мужчины в пирогах переезжали от рифа к шхуне, сдавая свой груз и получая взамен «самель» (обручное железо). Картина была оживленная и интересная. Я остался на палубе и следил за окружающим. Некоторые более ленивые туземцы или такие, за которых работали их жены или сыновья, выехали в пирогах, наполненных разными вещами, предлагая их купить. На пирогах этих можно было видеть разного рода копья, большие «пуенкай» (деревянные блюда), сети для ловли рыб, глиняные горшки, так называемые «кур» (непромокаемые корзины), разного рода украшения, носимые туземцами, и т. п. Я обратил особенное внимание на горшки, которые были тщательно сделаны и орнаментованы; все они, хотя и разной величины, сводятся к двум формам: одни с одним отверстием и с немногими украшениями — для варки, другие с двумя отверстиями и с орнаментом вокруг них — для пресной воды. Обе формы имели круглое дно. Я приобрел один с двумя отверстиями. Орнамент состоял из рядов продолговатых выемок (сделанных, вероятно, небольшою заостренной палочкой), расположенных совершенно таким же образом, как татуировка женщин. Туземец, у которого я купил горшок, объяснил мне, что горшки делаются женщинами на большом острове, что в одно отверстие вливают воду, а через другое наливают воду в рот. Другая вещица, замеченная мною, был кинжал с двумя лезвиями, сделанными из игл большого ската. Иглы эти, очень острые, снабженные по краям в виде пилы загнутыми вниз острыми придатками, представляют при своей ломкости очень опасное оружие. Всаженные в незащищенное одеждой тело туземца и почти всегда ломаясь в ране, они могут причинить почти неминуемую смерть раненому. Деревянная ручка этого

кинжала представляла примитивно вырезанную человеческую фигуру.

Кучи трепанга между тем росли на палубе, и шкипер В. потирал себе руки, так как большая часть привезенного трепанга оказалась очень хорошего качества; тонна такого трепанга китайцами... оплачивается более чем 100 фунтами стерлингов. Шкипер платил за трепанг здесь кусками обручного железа. Он сказал мне, что сегодня еще приступит к сооружению «smoke house» (коптилки) на палубе и что не уйдет отсюда, не выловив весь трепанг на рифах кругом. Позавтракав и взяв с собою койку и записную книгу, я отправился на берег. От крика и шума на шхуне у меня разболелась голова, так что, съехав на берег и выбрав подходящее большое дерево, недалеко от хижин туземцев, я был очень рад подвесить свою койку и, растянувшись на ней, отдохнуть.

Как только я вышел на берег, ко мне навстречу прибежали трое из отмеченных мною вчера вечером красными ленточками детей; другие работали, вероятно, на рифе. Эти трое были мальчик Качу и две девочки — Пинрас и Аса. Качу, лет тринадцати, имел энергическую и интеллигентную физиономию; Пинрас, лет двенадцати или тринадцати, могла назваться недурненькою девочкой даже в европейском смысле; Аса — веселая, подвижная и очень услужливая девчонка, лет девяти, не более. Они оставались весь день при мне, если же и уходили, то скоро возвращались и старались предупреждать малейшее мое желание. Качу очень ловко привязал койку к указанным сучьям большого фикуса и принес мне несколько молодых кокосовых орехов для питья. После шума и суеты на шхуне, в тени громадных деревьев с красивой панорамой островов, моря и гор, я положительно наслаждался отдыхом; но предаваться долго этой dolce far niente [109] оказалось нелегко, так как все окружающее было так интересно.

Сперва я обратил внимание на жилища туземцев. На о. Андра хижины расположены иным образом, чем на южном берегу большого острова и в деревнях на холмах северного берега. Они не стоят вокруг площадок, как там, а тянутся по сторонам тропинки, идущей параллельно песчаному берегу моря, стоя иногда одиноко у тропинки, иногда группами по три или четыре. Около дерева, под которым была подвешена моя койка, находилось пять хижин, из которых одна представляла

так называемый здесь ум-камаль, или просто камаль, т. е. большую хижину, где мужчины проводят свободное время, едят, принимают гостей и т. п. Камаль служит также спальней для неженатых мужчин и для ночевок посетителей из других деревень *. Размеры смеренного камаля: 9 м длины, 5 м ширины и почти 6 м высоты. Остальные хижины, называемые просто «ум», были семейные хижины. Последние обыкновенно немного меньше, но гораздо ниже (не более 3 м высоты). Семейные хижины имели четырехугольную форму с небольшим двориком, так называемым сарри, обнесенным высокою изгородью перед входом. Кроме высоких нар, на которые садятся мужчины во время еды, на двориках находится очаг, состоящий из трех специально для этой цели выбранных камней, между которыми разводится огонь и ставятся горшки. Дворики, главным образом, устроены для того, чтобы избегнуть при домашней работе, еде, отдыхе и т. п. назойливости свиней, которых немало бегает в деревне. Крыши обоего рода хижин спускаются чуть не до земли, так что боковых стен почти не видно. Двери ум-камаль сравнительно с дверями семейных хижин широки и часто украшены рядами белых раковин, деревянными фигурами по сторонам входа или резными столбиками. У хижин сидело несколько старух и детей; меновая торговля отвлекла к шхуне и на риф всех мужчин и многих женщин.

Ежедневная жизнь туземцев здесь вследствие нередких посещений европейских судов потеряла уже ту первобытность и отчасти монотонность, которые мне так нравились на Берегу Маклая... Спокойная жизнь туземцев при приходе торговых судов сменяется лихорадочною работой; каждый старается наловить больше трепанга, жемчужных раковин и т. п. Стимулами деятельности являются пока лишний наперсток (потребляемый как мера) бисера, лишний кусок обручного железа, лишний кусок красной бумажной материи и т. п. Туземцы еще удовлетворяются этим, но скоро они станут требовать ножей, стальных топоров, а затем пожелают и ружей, пороха и т. д. Новые требования и стремление к наживе упрочат, разумеется, торговые сношения с европейцами, которые не замедлят познакомить тузем-

* Подобные общественные хижины, преимущественно для одних мужчин, находятся, как известно, почти на всех островах Меланезии; их часто путешественники, мало знакомые с жизнью туземцев, принимали и описывали как храмы, что не выдерживает критики.

цев с табаком, спиртными напитками и т. д. До сих пор еще ни то, ни другое не вошло в употребление на о-вах Адмиралтейства, несмотря на то, что разным шкиперам очень хотелось научить туземцев курить, так как выменивать на табак произведения островов им очень выгодно, но попытки эти им еще не удались. К сожалению, это, однако же, только дело времени. Табак и водка — дешевые товары, которые европейцам слишком выгодно сбывать *. Что последние губят туземцев — до этого шкиперам и торгашам мало дела.

Возгласы нескольких женщин, которым их мужья или сыновья привезли со шхуны значительное количество бисера, прервали мои размышления о взаимодействии рас на островах Тихого океана. Большинство женщин занялось нанизыванием бисера, только одной из них не досталось ничего. Так как она была татуирована и не казалась особенно пугливой, я послал мальчика Качу за ней: хотелось рассмотреть внимательно здешнюю татуировку и нарисовать портрет женщины. Несколько показанных мною стеклянных бус приманило ее к моей койке. Лицо, руки, живот, спина, верхняя часть ног ее были испещрены перекрещивающимися рядами (по два и по три) линий, состоящих из шрамов от небольших надрезов. Так как цвет кожи женщины (как и всех жителей о-вов Адмиралтейства вообще) не был особенно светел, то татуировка была хорошо видна только на близком расстоянии и при хорошем освещении. Общий эффект ее был далеко не такой замечательный, как татуировка наколами на о-вах Полинезии. Шрамы были от 4 до 6 мм длины и от 1 до 0,5 мм ширины. Кроме этих шрамов, расположенных линиями, на плечах этой женщины виднелось несколько плоских пятен, так называемых здесь «тундун», произведенных прижиганием с помощью небольших угольков, которые кладутся на кожу горящими и оставляются на ней, пока они не превратятся в пепел... Я принялся рисовать порт-

---

* Несомненный факт, что шкиперы некоторых судов, ежегодно торгующих на островах Западной Меланезии, где употребление спиртных напитков еще не очень распространено, даром угощают туземцев водкой, надеясь, что со временем, когда спиртные напитки войдут в употребление, их либеральность будет богато вознаграждена. Они назначают для раздачи водки туземцев, которые, прожив несколько лет с белыми, уже сделались пьяницами; такие люди очень красноречиво расхваливают действие водки, сами показывают пример, ловко соблазняют новичков попробовать и т. д.

рет женщины, намереваясь особенно тщательно нарисовать именно татуировку...

...Несмотря на разнообразные наблюдения, голова у меня по-прежнему болела, и я по временам прикладывал руку ко лбу и закрывал глаза на несколько секунд. Это было замечено туземцами. Я мог понять, что они говорили обо мне и головной боли. В заключение разговора одна из женщин почти насильно подвела находившуюся вблизи Пинрас — девочку, о которой я уже упоминал. Убедившись, что приходится исполнить общее желание старших, последняя усердно принялась за дело, которое состояло в том, что, схватив обеими руками мою голову, Пинрас стала сжимать ее периодически изо всех сил. Я предоставил свою голову в полное ее распоряжение. Сдавливание перешло в растирание кожи головы двумя пальцами, причем массажистка надавливала растираемое место насколько могла. Когда правая рука ее устала, она стала делать это левой, причем я заметил, что сила пальцев левой руки ее не уступала силе правой. Ощущение было приятное, я при этом как бы перестал чувствовать боль, почему и не подумал о кокосовом масле и орехе, которыми были смазаны ее руки. Когда Пинрас кончила, я насыпал ей, к ее большому удовольствию и великой зависти остальных женщин и девочек, полную пригоршню мелких бус из склянки...

Группа около моего бивуака изменилась в составе: все женщины исчезли, и вместо них расположились мужчины. Они громко болтали, жевали бетель и показывали друг другу разные вещи, которые получили в обмен за произведения рифов. То были куски обручного железа различной длины, большие и малые ножи английских фабрик, бусы, бисер и красные бумажные материи *. У одного туземца нашелся кусок витого американского табаку, о котором показавший его прочел остальным целую лекцию. Табак обошел все руки, но никто не вздумал попробовать покурить.

Так как туземцы целый день были на работе, то имели на себе очень немного из обычных украшений, которые они носят на голове, в ушах, в носу, на шее, груди, руках, поясе и ногах...

---

* Эта жиденькая материя, если не ошибаюсь, специально делаемая для торговли с темными расами Африки, Азии и островов Тихого океана, кроме своей непрочности, очень быстро линяет от солнца и воды. Туземцы ее все менее и менее ценят.

Отсутствие характеристичных для этой местности специальных украшений облегчало сравнение их с другими разновидностями папуасского племени. Я и сегодня, смотря на них, пришел к результату, записанному при первой моей встрече (в 1876 г.) с жителями этих островов, и который сообщил я в свое время в письме Географическому обществу в следующих словах: «...Я старался только уловить общий тип. Чем более я всматривался, тем менее мне казалось естественным не считать туземцев Новой Гвинеи, Новой Ирландии и о-вов Адмиралтейства (южного берега) чем-либо иным, как географическими разновидностями одного племени».

Следя за разговором туземцев, которых я понимал только отчасти, я старался пополнить и проверить небольшой словарь здешнего диалекта, записанный в 1877 г. Мне удалось записать несколько новых слов и, между прочим, уловить очень важное для меня выражение «ланген-се?» (как зовут?), представляющее ключ ко многим другим, как я не раз имел случай убедиться, изучая какой-нибудь новый для меня туземный язык...

27 августа. ...Я отправился на охоту, которая здесь, при незнакомстве птиц с огнестрельным оружием, очень незатруднительна; птицы, еще не наученные опытом, подпускают охотника на близкое расстояние, часто не улетают после выстрела, не обращая даже внимания на падение одной из них на землю. Я уронил нечаянно свой старый нож с ручкой в серебряной оправе и, хотя заметил потерю его скоро и вернулся к тому месту, где обронил его, не нашел его. Он был, вероятно, найден и присвоен одним из туземцев, сопровождавшим меня. Я предложил два, даже три, ножа тому, кто найдет потерянный, но никто не пришел, и мне пришлось заменить потерянный другим. Это был первый случай воровства, замеченный мною на этих островах. При возвращении в деревню капитан Б. сказал мне, что в то утро перебывало около коптилки очень много людей, вероятно, из других деревень, так как в большинстве своем физиономии были для него новыми. Все они осматривали европейские вещи с большим интересом и видели их, кажется, в первый раз.

Я пожалел, что меня не было в деревне, потому что я пользуюсь всяким случаем для антропологических наблюдений, и отправился к своей хижине докончить начатый портрет одного из туземцев. Не успел я при-

няться за работу, как капитан Б. явился снова прочесть полученное им письмо от шкипера В. Последний писал, что с самого утра он замечал пироги, которые одна за другой направлялись к небольшой бухточке большого острова, недалеко от о. Андра, что в настоящее время там находится целая флотилия пирог с сотнями туземцев, что движения туземцев кажутся ему очень таинственными и подозрительными и что, по его мнению, нападение на нас, живущих на берегу, а может быть, и на шхуну очень вероятно. Ввиду этого он желает, чтобы мы непременно вернулись на шхуну и т. д. Капитан Б. был очень встревожен и, не зная, что предпринять, обратился поэтому ко мне с вопросом, что я стану делать. «Я останусь здесь, — отвечал я, — потому что страх шкипера В. мне кажется неосновательным». Капитан Б., с одной стороны, боялся ослушаться шкипера, с другой — ему не хотелось показаться трусом, почему он объявил мне, что, если шкипер настоит на перевозке людей на шхуну, он, разумеется, их отправит со всеми вещами, но сам останется со мною.

Выслушав мое заключение, что мне никого не нужно и что ничего серьезного не произойдет, он отправился на шхуну переговорить со шкипером; я же — в хижину, чтобы отдохнуть и обдумать наше положение. Я положительно не верил, что жители Андры осмелятся напасть на нас, но отчасти допускал возможность такого глупого поступка со стороны жителей других деревень, союзников людей Андры. Не додумавшись ни до чего, я задремал; было уже темно в хижине, когда у дверей послышался в третий раз голос капитана Б., говорившего мне, что шкипер согласился оставить людей на берегу с условием, чтобы никто не спал ночью и все было готово к отражению нападения. Кроме бывших на берегу четырех ружей системы Шнейдер, он прислал еще два той же системы, несколько фальшфейеров для сигналов и т. д. Капитан Б. отправился совещаться со своими людьми; я же сел у моря подышать свежим вечерним воздухом и полюбоваться последними лучами солнца. Б. опять подошел ко мне, но уже с менее радостной физиономией, как за минут пять перед тем, и знаком предложил мне следовать за ним. Не было еще так темно, чтобы не видеть довольно ясно предметов.

Хижины, как я уже сказал, стояли в деревне Андра группой и были обращены передними фасадами на довольно неправильную площадку. Несколько тропинок,

четыре или пять, вели к ней, и все они были обыкновенно довольно открыты и заметны. Капитан Б. привел меня к одной из них; она была завалена высокою кучею колючего хвороста; подошли ко второй — то же; к третьей — то же. Только четвертая и пятая, ближайшие к берегу, оставались открытыми. Оба мы знали положительно, что никогда этого прежде не бывало. Для чего это было сделано? Когда и кем? Мы не знали. Эти баррикады показались мне странными, а в пылком воображении капитана Б. рисовалась целая картина атаки, засад и т. д. Я предложил ему не показывать и виду наблюдавшим за нами туземцам, что мы придаем большое значение этому обстоятельству. Капитан Б. сообщил мне, что распределил своих пятерых людей по вахтам: два человека по два часа, сам же не будет спать всю ночь. «Напрасно, — сказал я, — если что случится, то случится не вечером и не ночью, а под утро; к тому времени я буду к вашим услугам, а теперь я отправляюсь спать, чтобы приготовиться на всякий случай».

Несмотря на виденные баррикады, мне все еще не верилось, что люди Андры рискнут на серьезное нападение. Я не стал пить чаю, который всегда действует на меня возбудительно и не дает мне спать. На всякий случай я вытащил свое ружье Шнейдера из чехла, зарядил его, вложил дюжину патронов в пояс и осмотрел патроны револьвера, которые оставляю иногда по неделям невынутыми в револьвере, потому что смотрю на этот инструмент как на нужный только в крайнем случае, а не как на игрушку для стреляния в цель ради забавы. Револьвер, нечаянно смоченный, оказался очень ржавым; пришлось разобрать его на части, вычистить их и смазать, а также вложить новые патроны. Кончив эту операцию, я был рад лечь, наконец, и не захотел встать, когда Кохем, которого я не видал весь день, явился и разложил небольшой костер в очаге...

28 августа. Я проспал отлично до 3 часов утра и, слыша голос Б. и людей Лифу на площадке, вышел к ним и нашел всех на ногах. Б. было как будто досадно, что я проспал напролет всю ночь, а он без толку бодрствовал. Позвав его в хижину, я предложил ему для подкрепления сил выпить чашку кофе, который при помощи экстракта кофе мог быть приготовлен очень скоро. Требовался единственно кипяток.

«Теперь, — сказал я Б., когда мы напились кофе, — если туземцы затеяли что-нибудь против нас, то мы узнаем это весьма скоро. Прикажите людям Лифу быть наготове и исполнять наши приказания безотлагательно». Капитан Б. вышел распорядиться, а я стоял в раздумье, что предпринять — лечь ли снова, писать ли дневник, или выйти на площадку. Вдруг послышались невдалеке отчетливые звуки мраля (деревянного барабана), как будто с пироги у берега, а затем на самой площадке возгласы жителей Андры: «усия, усия!» (неприятель, неприятель!). Схватив ружья и фальшфейер, я выскочил на площадку, где, к моему неудовольствию, заметил немало людей Андры. Мне почему-то подумалось, что эти люди останутся нейтральными до тех пор, пока исход схватки, которая теперь казалась неминуемой, не определится, что они с удовольствием бросятся доколоть и ограбить нас, когда главное дело будет сделано людьми, которых они называют «усия». В группе туземцев я заметил и Кохема. Мраль и говор издали послышались снова.

Я подошел к Б. и людям Лифу, которые стояли, вооруженные ружьями, около потухающего костра.

«Что теперь будем делать? — спросил Б. — Не зажечь ли фальшфейер?» (Это должно было быть сигналом, что мы находимся в опасности.) — «Оставьте шкипера В. спать, мы и без него управимся, а я вам сейчас скажу, что делать».

В критические минуты мне иногда приходит какая-нибудь счастливая идея, исполнение которой приводит натянутое, иногда опасное положение к благоприятному исходу. Потухающий костер в этом случае дал мне эту идею. «Дайте мне факел, — обратился я к людям Лифу, — и бросайте в костер все, что найдете, что может гореть». Загорелся великолепный костер. Звуки мраля усиливались, и крики были слышны очень близко.

Терять времени нельзя было.

Я зажег факел и сказал громко, чтобы все меня слышали, вероятно, значительно коверкая туземный язык: «Усия идет, Маклаю и людям шхуны надо много огня, чтобы видеть, в кого стрелять. Кохем, скажи женщинам и детям выйти из хижин, потому что Маклай будет сейчас жечь их!» Б. и люди Лифу поняли мою мысль и стали вооружаться факелами; я же был готов поджечь ближайшую хижину. Мои решительные слова и возможность в несколько минут лишиться жилья и

имущества очень озадачили Кохема и его земляков. Я заметил, что некоторые убежали, вероятно, предупредить усия; Кохем же и несколько других поспешили ко мне с уверениями, что усия еще далеко, что усия, вероятно, не придет, и просили не жечь хижин. «Если усия не придет, то хижин не будем жечь», — успокоил я некоторых, между тем как другие уже суетились, желая вынести разные драгоценности из своих хижин.

Рассвело, и шлюпка с десятком людей отвалила от шхуны. Махинация Кохема и компании на этот раз не удалась...

После эпизода, который я описал, мне показалось не особенно удобным оставаться в хижине Кохема, где я находился совершенно как бы в руках туземцев, которые доказали, что не заслуживают большого доверия. Недолго думая, я поставил свою палатку, которую на всякий случай привез с собою, на краю деревни, под большим деревом, где прежде подвешивал койку. Мое помещение при этом выиграло тем, что стало светлым; в хижине и днем при открытых дверях господствовал полумрак. Палатка представляла спальню; в ней находились сложенные все мои вещи; около нее я поставил складной стол и скамейку. Немного расчищенное место вокруг служило для принятия посетителей-туземцев. В палатке я только спал или отдыхал, но писать, есть и т. п. мне приходилось у стола, с трех сторон открытого для взоров любопытных; но я так привык не стесняться десятков глаз, следящих за каждым моим движением, что давно уже стал к этому совершенно равнодушен и нередко совершенно забывал о присутствии посторонних. Я приставил Качу, который по-прежнему был готов всегда услужить мне, — за что, разумеется, я со своей стороны отплачивал от времени до времени небольшими подарками, — охранять мои вещи, когда я уходил куда-нибудь, в деревню, на охоту или когда купался...

Несколько сильных ударов в мраль (деревянный барабан) в камале одной из ближайших групп хижин, несколько пронзительных криков и завываний женщин заставили нас всех оглянуться. Туземцы все разбежались. Мимо нас пробежала, крича и воя, пожилая женщина, вся измазанная небрежно черною краской (а может быть, просто углем). Пробежав около нас, она стала еще сильнее кричать и голосить и вдруг со всего размаха бросилась на землю и начала кататься по ней,

Там, где она бросилась на песок, торчало несколько острых кораллов, так что она поранила себе тело до крови во многих местах... Подошедший Качу тихо сказал мне: «Панги римат» (Панги умер). Я понял тогда, что женщина эта должна быть одною из жен старого Панги. Я направился к хижине покойника. Меня никто не остановил, почему я влез в узкую дверь семейной хижины, где увидал следующую картину. Недалеко от двери, на земле, покрытой кадьяном *, лежал покойник, окруженный несколькими женщинами, тянувшими заунывную песню...

31 августа. Утром большинство мужского населения острова стало собираться в поход на деревню Рембат. Эта экспедиция находилась в прямой связи со смертью Панги **. Ко мне и капитану Б. туземцы обратились с просьбой принять участие в предпринимаемой экспедиции. Мы, разумеется, отказались. Женщины снаряжали мужчин: таскали в пироги копья, провизию, воду и т. д. Отправилось одиннадцать пирог; в каждой было от семи до девяти человек.

Отправляясь на охоту, мне пришлось проходить около колодца, находившегося почти посредине островка и состоящего из ямы фута в 3 или 4 глубиной; вкус воды был солоноватый, хотя ее можно было пить без отвращения. Колодец содержался очень опрятно, был обыкновенно покрыт кадьяном, и недалеко от него на сучьях дерева висело несколько скорлуп кокосового ореха, служащих обыкновенно туземцам ковшами.

У колодца можно было почти всегда встретить женщин и детей, приходящих за водой с самыми разнообразными сосудами ***. Сегодня, проходя невдалеке, я был удивлен гамом нескольких десятков крикливых женских голосов. Я сперва хотел пройти, но остановился, заметив, что среди толпы женщин находились две, лежащие на земле, которых били, топтали ногами и

---

* Кадьян — циновка из листьев пандануса. Кадьян — название малайское.

** Туземцы большинства островов Меланезии не верят в естественную смерть, а считают ее следствием колдовства врагов умершего, почему смерть туземца сопровождается часто походом на одну из враждебных деревень, в которой, полагают, живет причинивший заговором смерть туземцу.

*** Здесь можно было видеть сосуды из дерева, скорлупы кокосовых орехов, бамбука разной длины и разные раковины, глиняные горшки, непромокаемые корзины («кур»), сосуды из пальмовых листьев и т. п.

т. д. Против этих несчастных двух было, как я уже заметил, несколько десятков женщин, из которых некоторые были вооружены палками почтенных размеров. Сопровождавший меня Качу объяснил мне, что это женщины из Рембат, именно той деревни, с которой жители Андры отправились воевать. Хотя мужья этих двух женщин были туземцы Андры, но это обстоятельство, кажется, не было достаточно в этом случае, чтобы избавить их от нападения остальных женщин. Это истязание показалось мне несправедливым, и я направился в середину свалки. Гам и побои продолжались, голос же мой был заглушен всеобщими криками, и мне необходимо было поэтому прибегнуть к энергичной мере, которая, я надеялся, произведет свое действие. Оба дула моего ружья были заряжены дробью. Я выстрелил вверх, над головами беснующихся баб. Все разом притихли, большинство разбежалось, но несколько особенно озлобленных старух не хотели выпустить своих жертв. Увидя полную раковину с водой, я схватил ее, подошел к самой разъяренной из мегер и плеснул все содержимое раковины ей прямо в лицо. Она, разумеется, не ожидала от меня такого успокоительного средства. Выпустив из рук дубинку, она с руганью убралась.

Крики в деревне заставили меня направиться туда. Экспедиция в Рембат вернулась, но без раненых или убитых, не ранив и не убив никого из противников. Все ограничилось воинственною комедией.

Я посвятил сегодня несколько часов на приобретение коллекции первобытных туземных орудий, которые очень быстро вытесняются европейскими *. Первое место между этими орудиями каменного века занимает «реляй», или большой топор, — орудие действительно очень примитивное; оно состоит из деревянной палки (около 80 см длины), один конец которой гораздо толще другого. В этом толстом конце сбоку выдолблено углубление, в которое плотно вставляется отточенный кусок базальта или другой вулканической породы (чаще треугольной, редко продолговатой формы) или подходящим образом отломанный кусок раковины. Только один край куска раковины бывает отточен, остальная поверхность его остается без обделки. Эта первобытная форма топо-

* Все эти вещи можно видеть в Музее Академии Наук, так как они составляют часть этнологической коллекции с островов Тихого океана, подаренной мною в прошлом году С.-Петербургской академии наук.

ра встречается также на некоторых островах Микронезии и в Австралии. «Реляй-риин» (топор малый) походит на более распространенную форму каменных топоров островов Тихого океана. Ручка его имеет форму цифры 7; к верхнему колену ее прикреплена с помощью ротанга наполовину сточенная раковина. Эти топорики очень легки и могут служить только для легкой работы.

Ножами служат куски обсидиана, вправленные в деревянные ручки, а чаще отточенные молодые раковины или продолговатые обрезки больших жемчужных раковин. Отточенные на камне края этих раковин могут быть сделаны очень острыми; ими режут веревки, клубни корнеплодных растений и т. д. Для резания мяса, однако, туземцы употребляют ножи из бамбука.

Резьба на дереве (красивых ручек больших деревянных блюд, деревянной оправы обсидианового острия копий и т. е.), на бамбуке и на раковинах производится, главным образом, с помощью осколков кремня. Для полировки дерева (больших деревянных блюд, например) употребляются обломки разных раковин, а затем куски пемзы, которая по временам в значительном количестве приносится приливом к берегу. Осколки обсидиана служат для бритья, татуировки, разных хирургических операций.

Туземцы охотно расставались со своими топорами, меняя их на железные топоры, ножи и даже обручное железо. Последнее они очень ценят потому, что куски его им нетрудно прикреплять к ручкам из небольших топоров (реляй-риин) вместо отточенных раковин.

Обручное железо служит также жителям островков и береговых деревень большого острова удобным средством обмена при сношениях их с жителями материка.

Между тем как большие реляй (топоры) почти что вышли уже из употребления, реляй-риин, с куском железа вместо раковины, и все остальные инструменты туземцев из раковин, кремня и обсидиана еще долго, а может быть и навсегда, останутся необходимыми предметами повседневного обихода жителей о-вов Адмиралтейства вследствие того, что последние не получат от европейцев ничего подходящего, что могло бы заменить их, и потому, что материалы для туземных орудий (жемчужная раковина, обсидиан и т. д.) находятся в таком количестве, что пока нет причины и думать, что в них может оказаться недостаток.

Ножи, большие гвозди, топоры ценились туземцами

гораздо более, чем бусы, красная бумажная материя и т. п. До сих пор еще, к большому удовольствию и большой выгоде шкиперов и тредоров, туземцы не открыли различия между железом и сталью. Я попытался объяснить разницу некоторым, но они, кажется, меня не поняли.

Одиннадцать четырехугольных парусов туземных пирог показались в проливе между большим островом и островком Понем: то были пироги с островка Сорри. Все они окружили скоро шхуну, куда и я отправился. Там я узнал, что новоприбывшие приглашали шкипера отправиться к ним, обещая ему трепанга, жемчужных раковин, черепаховой скорлупы вдоволь. За последние дни туземцы Андры были слишком заняты собственными делами, так что добыча произведений рифов была незначительной. Шкипер решил поэтому уйти и предложил мне вернуться завтра же на шхуну.

Я поспешил поэтому на островок, к себе в палатку. Множество из вновь прибывших жителей Сорри находились в деревне и приготовляли себе ужин. Лунная ночь была великолепна, и я долго просидел с туземцами на берегу моря, стараясь пополнить словарь диалекта Андры. При этом мне удалось записать также много слов диалекта островка Сорри, который неодинаков со здешним.

Туземцам очень нравилось мое желание знать их язык, и они с удовольствием отвечали на мои вопросы.

1 сентября. ...На прощание Кохем и несколько других туземцев сочли своим долгом наделить меня и капитана Б. подарками. Мне были даны свинья и тридцать один кокосовый орех, Б. получил несколько больших рыб и дюжину кокосовых орехов. Дети — Качу, Аса и др. — все принесли мне по какому-нибудь небольшому подарку. Я также не поскупился и убежден, что они сохранят по мне добрую память. При последних лучах солнца, пользуясь задувшим береговым ветерком, трехмачтовая шхуна «Сади Ф. Кэллер» вышла за риф в открытое море[111].

Напечатано впервые в журнале «Северный вестник», 1887, № 12, 1888, № 1

Из письма великому князю Николаю Михайловичу (Сидней, июнь 1881 г.). «...Самое лучшее, что «ученый» (т. е. такой, который *действительно* смотрит на

науку как на *цель жизни,* а *не* как на средство) может сделать, это идти *вперед своею* дорогою, *не* обращая внимания на мнение толпы направо и налево! К сожалению, весьма многие из т. наз. «ученых» относятся к науке, как к дойной корове, которая обязана снабжать их ежедневным продовольствием, что делает из ученых — ремесленников и иногда даже просто шарлатанов. В таком случае научная истина — дело второстепенной важности для таких господ (а их, к сожалению, *много),* наука, приносящая им больше грошей, — самая привлекательная; им приходится ухаживать за толпою и ее вкусами!

Ваше высочество замечает, далее, что я думаю найти на родине *теплое* сочувствие по моем приезде. На это я отвечу без долгого размышления — нет. Уверен даже, что самый холодный прием — меня *не* озадачит. Я знаю, что я сделал мое дело, насколько обстоятельства позволили и *насколько сил хватало,* делал это ради самой науки и *для ее единственно,* всякие сочувствия, похвалы или порицания, надежды одних или опасения других, не могли бы изменить программу, которую я поставил себе... Со временем, если не сейчас, компетентные люди найдут, что я не терял ни времени, ни случая...

Мои путешествия 1874—5—6 годов (в Нов. Гвинее, в Малайском полуострове и снова в Нов. Гвинее) втянули меня в долг одному торговому дому в Батавии.

Долг этот 9101 голланд. флоринов (около 5000 р.) дошел в прошлом году до суммы 13 522 вследствие нарастания (по 9%) процентов! и постоянно *растет,* т. к. я *не* имею возможности уплатить его... Ни копейки из этих денег не пошло на личное дело или личную прихоть, а единственно на *дело науки* и прогресса ее. Если я с радостью жертвовал личным комфортом и рисковал жизнью, я полагаю, что *ученое* общество может пожертвовать гроши, которые потребовались на достижения научных результатов!.. Считаю нужным прибавить, что до 3 декабря 1878 г., т. е. до дня, когда я получил письмо от друга Мещерского, я не подозревал (**№**) *крайне стесненное* положение денежных обстоятельств моего семейства; до того времени я думал, что я в состоянии буду покрыть расход моих путешествий собственными средствами. Но семейные обстоятельства, постепенно запутывающиеся в продолжение 7 или 8 лет, кончились *почти* полною катастрофою, которая, разу-

меется, главным образом обрушилась на мою мать и сестру. Перспектива: что мне скоро представится необходимость — добывать хлеб насущный, меня не особенно смущает. Я знаю по опыту, что умею обходиться без многого...»

Из письма брату Михаилу (на пути в Россию, фрегат «Герцог Эдинбургский», апрель 1882 г.). «...Скажи дорогой нашей матери, что хотя мои долги, может быть, и значительны, но что Миклухо-Маклай найдет возможность уплатить их со временем все и сполна и что ему не приходится стыдиться их, так как он ни одной копейки не истратил на собственные прихоти или на собственную личность, а истратил их для научной цели и с сознанием, что будет в состоянии уплатить их рано или поздно...

Буду в Кронштадте, вероятно, в конце июля...» [112].

Из письма ему же (крейсер «Азия», Александрия, июнь 1882 г.). «Дорогой брат Михаил Николаевич!

Вчера только письмо старого и верного друга моего, князя А. Мещерского, известило меня, что я не увижу более дорогой нашей Оли [113]. Эта весть была совершенно неожиданна, и я прочел ее с глубокою, глубокою грустью, которая тем сильнее, что, узнай я вовремя тяжелую, непосильную ношу, которую бедная Оля навалила себе на плечи, я бы *бросил все* и, уверен, изменил бы положение дел. Не упрекаю пока брата Сергея [114], не имея еще достаточно сведений о его поведении; о Владимире также *пока* молчу по той же причине. Ты был слишком молод, чтобы упрекать тебя, но все-таки мне горько, больно, что ни мать, ни ты не известили меня *вовремя*. Ты поймешь, я убежден, что больно, очень больно считать себя *отчасти,* но, помимо воли, виновником ее смерти. Очень тяжело мне об этом думать. Итак, я не увижу Оли, но увижу мать и тебя!.. Мне с тобою будет *много* о чем поговорить. Брат Михаил Николаевич, говорю тебе один раз *навсегда:* не забывай, что я брат твой, на которого ты всегда можешь рассчитывать...

Брат Мишук, пиши мне *совершенно* откровенно без *екивок* [115], загадок и неясностей, называй все своим именем, как тебе дело, личность или предмет кажутся. На берегу Маклая я забыл о разных хитросплетениях

общественной лжи, к тому же я и прежде никогда не прибегал к ним, и ты, брат, никогда не прибегай к ним, можно и следует обходиться без них...

Ты мне не пишешь, какие языки ты знаешь. Если не знаешь — придется учиться, я тебе помогу».

Из письма вице-председателю Русского географического общества П. П. Семенову (крейсер «Азия», Александрия, июль 1882 г.). «...Я нахожусь в настоящее время на крейсере «Азия», на пути в Кронштадт, и надеюсь при моем возвращении в С.-Петербург... познакомить Императорское Русское географическое общество... с главными результатами моих 12-летних странствований, а также с планом предполагаемого издания моих путешествий. Здесь же я могу сообщить, что предполагаемое издание будет иметь характер *строго научный* и будет распадаться на несколько отделов. Рядом с кратким историческим очерком (изложением обстановки и событий путешествия) будут следовать специально-научные отделы по антропологии, сравнительной анатомии, этнологии, метеорологии и т. п. Мое старание будет дать как можно более научных выводов и исследований в как можно более сжатой (но не сокращенной) форме. Во всяком случае, значительное число литографий, фотолитографий и политипажей необходимы, которые если и сделают издание несколько более дорогим, но придадут ему большее научное значение.

Я предполагаю заняться приготовлением к печати моей работы в Сиднее вследствие следующих важных соображений: во-первых, после 11-летнего пребывания под тропиками мое здоровье положительно *принуждает* меня избежать переселения в холодный климат...; во-вторых, основав в прошлом году в Сиднее Биологическую станцию и будучи почетным директором ее, я буду иметь в ней подходящее помещение для работы; в-третьих, Сидней, по своему географическому положению находясь вблизи поля моих исследований (о-вов Тихого океана), представляет... удобный центр, из которого... экскурсии на острова не представят большого затруднения и значительных издержек; в-четвертых, Сиднейская достаточно полная библиотека, а особенно богатые музеи локальной фауны (островов Тихого океана) будут весьма ценны при работе над изданием моих путешествий и исследований.

Вследствие этих причин я окончательно решил избрать Сидней местом жительства на следующие два года...

Изъявляя мою готовность с радостью приготовить мою окончательную рукопись для печати на русском языке, не могу умолчать, что изданием моих путешествий я имел в виду быть поставленным в возможность заплатить долги...

Прося передать Совету Императорского Русского географического общества мою искреннюю благодарность, что оно не отвергло мое предложение, и как русский радуясь, что мне, вероятно, не придется прибегнуть к помощи иностранного ученого или издателя, имею честь быть с совершенным почтением...»

Из письма Ф. Р. Остен-Сакену (конфиденциально, крейсер «Азия», Александрия, июль 1882 г.). «...Итак, 1-й вопрос: *захочет ли Географическое общество уплатить мой долг и дать мне возможность прожить года два, не думая о добывании хлеба насущного?*

Кроме работ, я готов дать Географическому обществу часть моих коллекций как материальную опору моих исследований и открытий.

Я никогда не имел времени подумать о средствах к жизни на будущее время. Оказывается теперь, что мне *не на что жить*. Приходится, значит, найти какие-либо средства к жизни! Планов у меня — не один, но все они *стеснят* очень мою *научную* деятельность.

2-й вопрос: *можно ли мне надеяться со временем (по отпечатании работ, например) получить от русского правительства* пожизненную пенсию (как оно дало г-ну Пржевальскому), чтобы мне *не пришлось бы слишком бедствовать или заниматься неподходящим для меня делом:* стать плантатором или чем-либо подобным.

Ожидаю откровенный ответ на *оба* вопроса. Если он окажется *негативным* в обоих случаях, хотя он не будет приятным, однако же *не* озадачит меня. Выпутаюсь как-нибудь!»

Из письма ему же (броненосный корабль «Петр Великий». Шербург. 15/27 августа 1882 г.).

«Ваше превосходительство, многоуважаемый
Федор Романович!

...Скажу сперва, что телеграммы *никакой* из Петер-

бурга в Александрии я *не* получил, хотя крейсер «Азия» оставался там до 6/18-го июля 5 час. пополудни.

Затем позвольте мне, многоуважаемый Федор Романович, сказать вам *спасибо*! за ответ, который именно потому, что дает мне *мало* надежды, кажется мне *не уклончивым,* о чем я специально просил...

Что ж, трудностей я *никогда не* боялся и никогда на особый успех *не* рассчитывал.

Я считаю предложения мои Географическому обществу *весьма умеренным* и *не* отступлюсь от них.

Для работы над изданием моего труда я считаю 2 года *необходимыми,* и при этом я *не могу* заниматься чем другим.

Если Географическое общество откажет — придется искать другого исхода, пожалуй, даже (что будет для меня весьма тяжело и горько) *бросить на время* науку и приняться *за практическую*, деньги дающую деятельность *до тех пор,* пока не заработаю достаточно, чтобы стать независимым и не нуждаться в пособии никаких обществ или правительств.

Как сказал, я не из трусливых перед трудностями и (хватило бы только здоровья!) пробьюсь как-нибудь и, пожалуй, *не* без результатов, важных для многих.

Спасибо еще раз за откровенный ответ от глубокоуважающего вас и преданного вам

М.-М.».

Из интервью корреспонденту газеты «Новости и Биржевая газета» (С.-Петербург, сентябрь 1882 г.). «Я слышал, что русская публика интересовалась и моею судьбою, и моими странствованиями.., предпринятыми мною с научною целью. Вернувшись не более как на месяц в Россию, я счел нравственным долгом обратиться к посредничеству Географического общества, чтобы оно доставило мне возможность показать моим соотечественникам, что я сделал для науки за 12 лет моего путешествия, что не ради простой любознательности я покинул дорогую для меня Россию. Я желал быть чем-нибудь полезным и обществу, и науке, я выбрал для своих исследований страну малоизвестную, и пусть судит публика по моим чтениям — этим сокращенным конспектам моих будущих трудов, насколько интересны и новы для нее и для науки мои исследования и наблюдения. Поверьте, они нелегко давались мне...»

Из выступления в Географическом обществе (1 октября 1882 г.). «Теперь, вернувшись и вполне взвешивая значение каждого слова, могу сказать, что исполнил мое обещание, данное Географическому обществу 8 октября 1870 года, выраженное тогда мною в следующих словах: «С своей стороны я сделаю все, что будет в моих силах, чтоб мое предприятие не осталось без пользы для науки».

«...Прошу извинить и не совсем, быть может, удовлетворительное изложение, вследствие моей малой привычки говорить в многочисленном собрании белых; мне часто приходилось говорить с черными, но это совсем другое дело!»

Из выступления там же 8 октября. «В заключение я должен познакомить вас... с тем, сколько стоило мое путешествие, так как в русском обществе на этот счет имеются самые смутные сведения. Географическое общество при моем отправлении выдало мне 1500 руб., затем во время моего пребывания в разных местах мною получено было от г. Нарышкина, при содействии Географического общества, 3000 р., от князя Мещерского 7700 р., собранные при посредстве «Голоса» 4500 р., всего же 16 700 р. Я принял эти деньги... с глубокою благодарностью, но, как я уже заявлял, ...принял их только заимообразно, — это я теперь подтверждаю свое обещание и через некоторое время надеюсь возвратить эти деньги русскому обществу» [116].

V

ТРЕТЬЕ ПОСЕЩЕНИЕ БЕРЕГА МАКЛАЯ (1883 г.)

Я имел возможность снова посетить Берег Маклая, встретив на пути в Австралию, в Батавии, корвет «Скобелев».

Узнав от адмирала Н. В. Копытова, что он намеревается посетить некоторые о-ва Меланезии и, может быть, зайдет на Берег Маклая, я предложил адмиралу взять меня с собою, так как благодаря моим знаниям туземного языка и местных условий островов, куда должен был зайти корвет, я мог быть полезным при плавании; а я, со своей стороны, мог вновь посетить знакомые мне места. Должен сказать, что Берег Маклая особенно притягивал меня, так как мне хотелось знать, что сталось с моими новогвинейскими друзьями. Адмирал согласился, и я, распорядившись, чтобы мой багаж был отправлен в Австралию на английском пароходе «Chyebassa», на котором я ехал из Порт-Саида в Брисбейн (Квисленд), захватил несколько необходимых вещей и перебрался на корвет, который снялся на другое же утро. За неимением свободной каюты, мне было устроено при помощи брезентов и флагов отличнейшее помещение под полуютом. Кроме подвешенной офицерской койки, служившей мне постелью, стол, стул и кресло были помещены в моей временной каюте, которая, находясь на палубе, была прохладна и светла.

Зайдя на Макассар, в Амбоину, я попросил адмирала приобрести здесь одного бычка, двух телок и коз местной породы, уже акклиматизировавшихся в Малайском архипелаге, — в подарок туземцам Берега Маклая. Мое желание было исполнено, и, кроме того, на казенные деньги были куплены для подарков туземцам тех островов, к которым мы должны были приехать, разные вещи, как-то: малайские паранги (большие ножи), красная бумажная материя, бусы, небольшие зеркала и т. п. Кроме того, мною было приобретено множество семян разного рода, между прочим, семян дуриана, мангустана, манго, нескольких видов хлебного дерева, апельсина,

лимона, ланзат, кофейного дерева, несколько молодых ананасов и много семян разных других полезных растений и овощей [117].

Пройдя пролив Буру и Сайгуйэн (между о-вами Салавати и Батанта), 12 марта мы подошли к берегу Новой Гвинеи. По случаю дождя и густых облаков, скрывавших берег, и вообще вследствие дождливой погоды адмирал решил не заходить в Дорэ, а идти прямо к Берегу Маклая. 15 марта мы проходили мимо бухты Гумбольдта в Новой Гвинее. Открывшийся перед нами 16 марта остров Вулкан оказался снова действующим, как и в 1877 году. 17-го утром, пройдя проливом «Изумруда» (между Новой Гвинеей и о-вом Кар-Кар), мы медленно прошли архипелаг Довольных людей около 2-х часов пополудни, а в половине шестого вечера бросили якорь в Порте Константин.

Я съехал на берег на мысок Обсервации и, увидев там несколько старых знакомых из Гумбу, сказал им, что я буду завтра утром в Бонгу и что для корвета нужна провизия: свиньи, таро, бананы и т. п. Боясь лихорадки, я не рискнул в тот же вечер отправиться в другие деревни и вернулся на корвет.

18 марта адмирал, несколько офицеров и я съехали на берег около деревни Бонгу. Сопровождаемые туземцами, которые, перебивая один другого, обращались ко мне с расспросами, где я буду жить, когда начать строить мне хижину, и т. п., — мы обошли деревню. Она показалась мне в этот раз как-то меньше и запущеннее, чем в 1876—1877 гг. Припомнив расположение деревни, я скоро открыл, что целые две площадки с окружающими их хижинами обратились в пустырь. Площадки заросли травою, а на развалинах хижин рос кустарник. На мои вопросы мне объяснили, что из туземцев, живших в этих хижинах, одни перемерли, а другие выселились. Сообразно с моими инструкциями, данными при отъезде в 1877 г., все девушки и молодые женщины были удалены; оставалось только несколько безобразных старух. Помня также мои советы, туземцы явились не только без оружия, но даже и без малейшего украшения. Вид их поэтому был сегодня довольно мизерный (дикие без украшений, лохматые, напоминают одетого в лохмотья европейца), тем более что почти вся молодежь отсутствовала. Одни находились в Богати по случаю происходившего там большого «ая» и муна; другие, вероятно, были в лесу, охраняя женщин. Мой ста-

рый приятель Саул рассказал мне длинную историю о «тамо-инглис» (вероятно, экспедиции шхуны «Dove»), затем о приходе в Гарагасси абадам Маклай (брата Маклая), как они, вероятно, называли г. Ромильи. Вспомнив, что я еще не видел Туя, я прервал разговор вопросом о нем: «Туй муэн-сен» (Туй умер), — ответил мне Саул. Я очень пожалел о моем старом приятеле. Я оставил туземцев Бонгу в большом волнении, объявив, что привез им быка, корову, козла и коз. Все повторяли за мной имена этих животных, все хотели их видеть сейчас же и т. д. Я объяснил, что для привезенного скота надо построить изгородь, чтобы он не разбежался. Туземцы много говорили, и никто не принимался за дело. Еще раньше я убедился, что, если дать туземцам какую-нибудь вещь для общего пользования, а не исключительно одному, то это всегда окажется ошибкой, так как никто не заботится об общей собственности. Однако дать привезенный скот кому-нибудь одному или же раздать по одному животному на нескольких лиц не казалось мне правильным. Сказав, что я привезу быка, корову и коз к заходу солнца, я направился к тому месту, где в 1876—1877 гг. стоял мой дом. Придя туда, я почти не узнал местности. Под большими деревьями, которые некогда окружали мой дом, рос теперь всюду большой кустарник; только местами изредка проглядывали между зеленью посаженные мною кокосовые пальмы, бананы и множество Carica papaya [118], которая поднималась высокими стволами значительной толщины. Вместо широких дорожек, содержавшихся всегда в большой чистоте около моей хижины, оказалось теперь две-три тропинки, по которым можно было пробраться только с трудом. Я пошел прямо туда, где прежде стояли оба дома. Между кустами я нашел полдюжины еще стоявших свай, и это было все. Припоминая, с какими хлопотами я строил себе дом, с каким терпением я разводил плантацию, мне трудно верилось, что каких-нибудь 5—6 лет было достаточно, чтобы превратить все в глухой уголок густого леса. Это был пример роскошного плодородия почвы. Времени на размышления, однако, у меня не было, почему я приказал сопровождавшим меня туземцам расчистить то место, где в 1877 г. у меня росла кукуруза и где мне показалось, что кустарник был не так част. Я велел выдергивать с корнями небольшие деревца, что при большом числе рабочих рук оказалось вовсе не трудно. Расчищенное место было

вскопано матросами, имевшими с собою железные лопаты, на пространстве несколько квадратных сажен. Я послал туземцев за водою, а сам с помощью моего слуги из Амбоины, Яна, и обоих матросов стал рассаживать молодые растения и семена, привезенные из Амбоины. Принесенная в бамбуках вода послужила для поливки вновь посаженных растений. Не посадил я только семян кофе, отдав их Саулу и некоторым другим туземцам для передачи жителям горных деревень, где для кофейного дерева климат подходит больше, нежели на Берегу Маклая. Туземцы, по-видимому, интересовались всей этой процедурой. Я тем не менее не был уверен, что мой эксперимент удастся, и даже боялся, чтобы на вновь взрытую землю не явились в тот же день, или на другой, свиньи и не разрыли бы новую плантацию; сделать же достаточно прочную изгородь было невозможно. У меня не было времени, чтобы приглядеть за сооружением ее самому, а туземцы были слишком возбуждены приходом корвета и постройкою у деревни забора для скота.

Я отправился лесом по хорошо знакомой тропинке в Горенду; но и тропинка была сильно запущена, невысокий тогда кустарник вырос теперь в большие деревья, так что знакомая тропинка показалась мне совершенно новою. Добравшись наконец до места, где 6 лет тому назад была расположена деревня Горенду, я был окончательно поражен ее измененным видом. Вместо значительной деревни оставались только две-три хижины: все заросло до неузнаваемости. Мне стало почему-то так грустно, что я поспешил выйти к морю и отправиться обратно на корвет.

После полдника и короткой сиесты я вернулся на Берег и пошел снова в Бонгу. Я чувствовал себя как дома, и мне положительно кажется, что ни к одному уголку земного шара, где мне приходилось жить во время моих странствований, я не чувствую такой привязанности, как к этому берегу Новой Гвинеи. Каждое дерево казалось мне старым знакомым. Когда я пришел в деревню, вокруг меня собралась толпа. Многих знакомых лиц я не мог досчитаться; многие показались мне совершенно незнакомыми: в мой последний приезд они были еще юношами, а теперь у них самих были дети. Только немногие старики оказались моими прежними старыми приятелями. Два обстоятельства особенно бросились мне в глаза. Во-первых, мне и всем окружав-

шим меня казалось, что как будто только вчера, а не 6 лет тому назад я был в Бонгу в последний раз; во-вторых, мне показалось странным отсутствие всякой дружественной демонстрации по отношению ко мне со стороны папуасов после моего долгого отсутствия. Подумав немного, я нашел второе обстоятельство совершенно понятным: ведь я сам ничем особенным не выражал моего удовольствия при возвращении сюда; что же мне удивляться, если и папуасы не скачут от радости при виде меня. Были, однако ж, и такие среди них, которые, прислонясь к моему плечу, всплакнули и, всхлипывая, стали пересчитывать умерших во время моего отсутствия. «И этот умер, — говорили они, — и этот, и этот» и т. д. Всем хотелось, чтобы я по-старому поселился между ними, но на этот раз уже в самой деревне; хотели также знать, когда я опять вернусь; и что им делать, если «тамо инглис» снова появятся.

Несколько мальчиков, перегоняя друг друга и запыхавшись, прибежали с известием, что «тамо русс» с «буль боро русс» (большая русская свинья) приближаются в «кобум ани боро» (в шлюпке очень большой). Все бросились бежать; я тоже последовал за толпою. Действительно, большой баркас шел недалеко от берега. Так как вследствие отлогости берега тяжелому баркасу нельзя было подойти к нему, то офицер, в распоряжении которого находился баркас, скомандовал нескольким матросам, чтобы они, засучив панталоны, соскочили в воду. Большая толпа жителей Бонгу, Горенду и Гумбу молча стояла вдоль берега, следя за каждым движением людей. Двое из выскочивших матросов держали концы веревок, привязанных к рогам бычка. Из накренившегося на один бок баркаса выскочило молодое животное и, очутившись в воде, направилось сперва вплавь, а затем бегом к берегу, так что матросам было нелегко задерживать его. Бычок побежал вдоль берега и тянул бегущих за ним матросов. Было крайне комично видеть, как около сотни туземцев, которые при виде нового для них животного, казавшегося им больше дикого кабана, — громадным, рассыпались во все стороны; некоторые даже полезли на деревья, другие бросились в море. За бычком последовала корова, оказавшаяся гораздо смирнее его. За нею появился козел в сопровождении коз. Всех их матросы вели за веревки, привязанные к рогам. Вся эта процессия направилась в деревню, куда я также поспешил, чтобы распорядиться и приказать

туземцам помочь матросам. В деревне была сооружена изгородь метров 15 в квадрате для бычка и коровы. С некоторым затруднением матросы заставили их перепрыгнуть через высокий порог изгороди. Калитка была сейчас же заточена, так как я полагал, что пройдет некоторое время, пока животные привыкнут к своему новому положению. Несколько матросов с баркаса, пришедшие смотреть на деревню, наломали в лесу молодых ветвей разных деревьев и бросили их за изгородь; по-видимому, угощение пришлось по вкусу корове, которая тотчас же принялась жевать ветки. Бычок же был очень неспокоен, он ходил вдоль изгороди, нюхая воздух и как бы ища выхода. Присутствие матросов, которые ухаживали за ними во время переезда из Амбоины, как бы успокаивало их. Рога были освобождены от веревок, и животные, кажется, чувствовали себя спокойнее. Козла и коз за неимением другого помещения я предложил туземцам поместить в одну из хижин и рассказал, чтобы женщины принесли им завтра молодого унана. Один из матросов заметил, что нужно было бы показать туземцам, каким образом доят коз. Когда спрошенный мною табир был принесен и матрос стал доить одну из коз, все туземцы сбежались посмотреть на это диво. Возгласам и расспросам не было конца, но никто не отважился попробовать молока, которое и было выпито матросами.

Солнце уже садилось, почему я сказал матросам, что им пора собираться на корвет. Оба матроса, находившиеся в изгороди, должны были перепрыгнуть через забор, так как калитки не было. Я продолжал давать туземцам кой-какие инструкции относительно их поведения в случае прихода белых. В это время возгласы туземцев заставили меня обратить внимание на поведение бычка. По уходе матросов он стал очень беспокоен, все бегал вдоль изгороди и, как мне сказали туземцы, хотел сломать забор. Я поспешил на место и увидел, что рогами бычку удалось разворотить в одном месте верхнюю часть забора. Сбежавшиеся туземцы приводили беднягу в ярость. Он еще раз бросился к забору с нагнутой головой, и еще несколько палок вылетели из изгороди. Не успел я крикнуть одному из туземцев, чтобы он побежал за тамо русс, как бычок отбежал от забора, ринулся опять к нему, но на этот раз уже с намерением перескочить через него. Это ему удалось, и он, вырвавшись на свободу, как бешеный полетел по деревне. Ту-

земцы быстро попрятались кто куда. Я остался один и мог видеть, как телке удалось тоже перескочить через ограду и побежать вслед за бычком. Сомневаясь в удаче, я все-таки скорым шагом пошел по тропинке к морю, где был встречен возвращающимися матросами. Я в двух словах рассказал им, в чем дело. Они отвечали, что, вероятно, им удастся загнать бычка обратно в изгородь, так как он очень ручной. Когда мы вернулись в деревню, то оказалось, что бычок и телка нашли тропинку, ведущую в лес,. почему я послал туземцев в обход, чтобы не допустить бычка зайти слишком далеко; матросы же должны были, стараясь по возможности не пугать животных, попытаться загнать их обратно в деревню. Не стану распространяться далее. Вся эта история кончилась тем, что попытка вовсе не удалась, так как, завидев людей, бычок стремительно пустился вперед, туземцы, разумеется, разбежались в разные стороны. За бычком последовала и телка, и интересная парочка унеслась на ближайшие холмы.

Было уже темно, когда мы вернулись на корвет после постигшей нас неудачи. Я был так утомлен происшествиями дня, что, несмотря на большое желание, не мог исполнить обещанного, т. е. вернуться ночевать в Бонгу.

19 марта, на рассвете, корвет «Скобелев» снялся и направился к острову Били-Били. Так как предполагалось сделать съемку порта кн. Алексий, то для нас было очень важно иметь переводчиков, потому что диалектов жителей архипелага Довольных людей несколько, и они мне незнакомы; в Били-Били же я мог рассчитывать найти кого-нибудь из знакомых, которые согласились бы отправиться с нами. Так как глубина в этом месте была достаточна, то корвет направился в пролив между о-вом Били-Били и материком Новой Гвинеи. Подходя к деревне, мы уменьшили ход и спустили шлюпку, и я направился к деревне. На берегу нас ожидала большая толпа, узнавшая меня и вопившая: «О Маклай! О Маклай! Э-меме! Э-аба! Гена!»

Несколько пирог приблизилось к шлюпке. В одной из них находился Каин, в другой — Марамай и Гассан и несколько других. Чтобы не терять времени на лишние переговоры, я предложил им всем последовать за мною на корвет, обещая дать табаку и гвоздей. Каин перебрался ко мне в шлюпку и стал предлагать всевозможные вопросы, на которые я, разумеется, не мог отве-

чать за недостатком времени. Очутившись на палубе, туземцы были очень смущены и перепуганы шумом машины и множеством матросов. Они сейчас же стали просить меня отпустить их домой. Сказав Каину и Гассану, что мне их нужно для того, чтобы говорить с людьми о-ва Сегу, куда идет корвет, я роздал остальным очень щедро то, что им было обещано (т. е. табак и гвозди), и отпустил их, задержав Каина, Гассана и Марамая, который сам пожелал отправиться с нами. Когда корвет двинулся, я почти насильно должен был удержать Каина; Гассан же, улучив момент когда я на него не смотрел, взобрался на полуют и оттуда бросился в море.

Проходя мимо островка Урему, где я в 1877 году посадил несколько кокосовых пальм, я имел удовольствие видеть, что они все принялись и росли хорошо. Каин и Марамай, указывая на них, повторяли мое имя, приговаривая: «нуи Маклай», «мунки Маклай» (остров Маклая, кокосы Маклая), «навальбе Маклай Урему ина таль атар» (со временем Маклай прибудет в Урему и построит себе дом). Туземцам очень хотелось, чтобы корвет прошел через узкий пролив между о-вом Григером и мысом Бэйле на материке Новой Гвинеи и таким образом направился бы к о-ву Сегу. Адмиралу, однако, это показалось слишком рискованным, почему мы продолжали путь вдоль островов архипелага Довольных людей... Мы прошли длинный о-в Сегу и увидели пролив между материком, совершенно чистый от всякой опасности. Пройдя пролив, корвет бросил якорь у западного берега о-ва Сегу. Так как было еще не поздно, то в тот же день было сделано несколько промеров.

Я отправился с несколькими офицерами на паровом баркасе осмотреть бухты обширного порта Алексий. При моем возвращении мне было сообщено, что Каин и Марамай последовали примеру Гассана, т. е. воспользовались приблизившеюся пирогою, которая забрала их из воды, и более не возвращались. Хотя я отчасти извинял страх туземцев, но все-таки был сильно раздосадован их поступком, почему, увидев пирогу с двумя туземцами, я приказал рулевому направиться к ней и почти что силою взял одного из них, другой же бросился в воду. Я отвел моего пленника на корвет, убежденный, что это обстоятельство побудит Каина и Марамая вернуться на корвет. На палубе я начал с того, что убедил знаками (диалект Сегу был для меня незнаком) моего

пленника, что его не ожидает никакая опасность, а, напротив того, он получит много подарков, из которых многие были вручены ему немедленно.

Перед заходом солнца вид высоких гор с их вершинами, пиками Канта и Шопенгауэра был великолепен. Двум людям из команды было поручено смотреть за пленником, который благодаря добродушию матросов чувствовал себя совершенно спокойно, принимая все, что ему только давали.

20 марта. Был одет в половине пятого и после завтрака отправился с лейтенантом Б. в бухту Эремпи, которая оказалась гораздо более обширною, чем мы думали, и состояла собственно из трех бассейнов. Глубина воды в бухте совершенно достаточна для больших судов. Берега кругом были покрыты лесом. Мы видели нескольких туземцев, которые, однако, побоялись приблизиться к паровому баркасу, дым которого очень смущал их. На обратном пути я попросил лейтенанта Б. войти в речку Аю, которая мне была знакома еще с 1877 года. Речка оказалась достаточно глубокою, хотя и узкою. Растительность кругом была роскошная. Одна лиана с пучками лиловых цветов попадалась очень часто. Очень высокие бананники росли у самого берега. Кроме высокого ствола и узких листьев, они отличались маленькими несъедобными плодами, полными зерен.

Недалеко от устья речки Аю я заметил небольшое озеро Моут-Монгун, которое я видел, отправляясь в деревню Эремпи в 1876 году.

Я решил, вернувшись на корвет, отпустить нашего вчерашнего пленника, и поэтому сам отправился с ним в деревню Сегу, которая, однако же, оказалась совершенно безлюдною. В одной из покинутых хижин я увидел два круглых щита, несколько горшков с орнаментами вокруг горла и один очень замечательный телум, представлявший мужскую и женскую фигуры. Наш пленник остался на острове и не отходил от шлюпки до нашего отъезда. Он был бы не прочь вернуться обратно на корвет, где все обращались с ним очень хорошо. Встретив на обратном пути к корвету несколько пирог, я стал уговаривать туземцев (говоря на диалекте Бонгу, который они, по-видимому, отчасти понимали) вернуться в деревню, откуда они выбрались вчера вечером вследствие прихода нашего корвета. Дав им несколько подарков (табаку, красного коленкору и бус), я сказал,

чтобы они привезли нам на другое утро кокосовых орехов. Когда стемнело, можно было разглядеть во мраке несколько пирог, возвращавшихся на остров Сегу. Огоньки, замелькавшие там и сям, показали нам, что туземцы послушались и вернулись по домам.

21 марта. До восхода солнца я отправился в деревню Сегу и отпустил шлюпку. Кругом не было видно ни души, но я был убежден, что туземцы скоро покажутся, и не ошибся. Не только мужчины явились ко мне, но от них не отстали и женщины. Каин был между первыми. Очень радостно пожимая мне руку, он сказал, что вчера он потому только сбежал с корвета, что боялся оставаться среди тамо русс без меня, но что со мною он готов вернуться хоть сейчас и отправиться, куда я пожелаю. Я поймал его на слове и предложил ему отправиться со мною в деревню Бомассия, про которую я только слышал в 1876 году; побывать же там самому мне не удалось.

Кроме Каина, я взял с собою еще и моего амбоинца Яна. В небольшой пироге мы отправились к реке Аю; затем через небольшой приток, по имени Маус, мы переплыли маленькое озеро Аю-Тенгай, окруженное лесом. Около тропинки мы вытащили пирогу на берег и втроем отправились вперед. Часа через полтора мы пришли к деревне, очень похожей на Эремпи. Жители ее сперва было бросились бежать, но несколько слов, сказанных Каином, успокоили их совершенно. А когда я роздал несколько подарков, вся деревня — как мужчины, так и женщины, сбежались, чтобы получить от меня что-нибудь; мужчинам я давал табак и гвозди, женщинам — бусы и красную материю, разорванную на длинные полосы <...>.

Мы вернулись на корвет как раз перед самым ливнем. От адмирала я узнал, что он намеревается сняться на следующий день <...>.

22 марта. Встав до рассвета, отправился на мостик и сделал эскиз гор Мана-Боро-Боро и архипелага Довольных людей. Сильный противный ветер помешал нам сняться, почему я отправился на небольшой островок, по имени Мегспена, покрытый растительностью и представляющий во многих местах некоторые удобства для причаливания шлюпок. Оттуда я переехал на остров Сегу, отыскал Каина и через него спросил у туземцев,

которые считают остров Мегспена своим, согласны ли они дать мне этот остров для того, чтобы поставить там дом в случае моего возвращения. Все оказались не только согласными, но даже очень довольными, услышав, что я поселюсь недалеко от них.

23 марта. Снялись с якоря в 6 часов, около 8-ми проходили пролив «Изумруда» между Новой Гвинеей и о-вом Кар-Кар. У юго-западной оконечности последнего мы заметили несколько парусных пирог, и часа через три я убедился, что эти самые пироги были вытащены на берег у мыса Круазиль; это послужило мне доказательством постоянного сообщения между туземцами Кар-Кара и жителями материка [119].

Из письма лорду Дерби, статс-секретарю колоний (Сидней, октябрь 1883 г.). «...Я чувствую себя обязанным объяснить выражения, употребленные в телеграмме [120] — *туземцы Берега Маклая требуют политической самостоятельности под европейским протекторатом*, которую я послал вашему лордству вчера вечером. В продолжение моего почти 4-летнего пребывания между папуасами Берега Маклая... я много раз рассуждал с туземцами о возможности прибытия белых людей на этот Берег; эта мысль наполняла туземцев страхом и опасениями, и они единогласно просили меня оградить их от такого вторжения. Я обещал им сделать с этою целью все от меня зависящее, как только явится действительная необходимость в моей помощи...

Во время моего последнего посещения Берега Маклая, в марте месяце этого года, по возвращении моем из Европы, туземцы были более, чем прежде, озабочены вопросом о своей безопасности, потому что они видели во время моего отсутствия несколько судов. Они снова повторили свою просьбу защитить их, чтобы белые чужестранцы не отняли у них их земли и имущества и не похитили их детей...

Помня мое обещание и желая благополучия туземцам, я имел смелость послать вашему лордству телеграмму и настоящее письмо от имени туземцев Берега Маклая, которые в настоящее время не в состоянии отстоять сами свои права...»

Телеграмма гофмаршалу князю В. С. Оболенскому (Сидней, ноябрь 1883 г.). «Требуется разрешение

государя для моей женитьбы на протестантке по протестантскому обряду».

Из письма брату Михаилу (Сидней, ноябрь 1883 г.). «...О себе скажу не много хорошего — я пока не устроился, поэтому за работу серьезно еще не принялся. Все родственники и почти все друзья Риты[121] против нашей свадьбы, выдумывают разные препятствия; так, например, что для меня (!) требуется *разрешение* (!) государя императора, чтобы жениться, и т. п. Рита бедная не знает, кого слушаться, меня или отца своего, которого она очень любит и который не особенно дружественно смотрит на нашу свадьбу, которая *должна* состояться в декабре. Я не думал никогда, что такое простое *на вид* дело, как взять жену, сопряжено будет для меня с такою кучею хлопот, неудобств и помех разного рода...»

Из письма адмиралу Вильсону (Австралия, март 1884 г.). «Моя жена и я сердечно благодарим вас за ваши любезные поздравления и пожелания. Вы вполне правы, называя меня счастливым человеком. Я понимаю теперь, что женщина может внести истинное счастье в жизнь человека, который никогда не верил, что оно существует на свете».

Из письма английскому знакомому Масгребу (Австралия, март 1884 г.). «...Веря, что вы и г-жа Масгреб интересуетесь моими делами, хочу сообщить вам об очень важном шаге в моей жизни. Чтобы сделать это кратко, прилагаю заметку из «С. М. Геральд» из отдела «бракосочетания». Я искренно надеюсь, что наука от этого не пострадает...»

Телеграмма канцлеру Бисмарку[122] (Мельбурн, январь 1885 г.). «Туземцы берега Маклая отвергают германскую аннексию».

Из письма министру иностранных дел России Н. К. Гирсу (Мельбурн, январь 1885 г.). «...Принужденный неожиданным и *несправедливым захватом* Германиею Берега Маклая, я послал сегодня утром телеграмму в Берлин...

Этот шаг мне кажется *необходимым* для будущей безопасности туземцев Берега Маклая, и я убежден, что

русское, английское и другие европейские правительства его одобрят, когда узнают, что он был сделан, чтобы предохранить туземцев против распространения *людокрадства, рабства* и самой бессовестной эксплуатации германскими (и друг.) «трэдерами» в Тихом океане.

Чего я хочу для Берега Маклая, — это *самостоятельности под общим европейским* (международным) *протекторатом...»* [123]

Из письма императору Александру III [124] (С.-Петербург, июль 1886 г.). «...Намереваясь, согласно моему давнишнему желанию, поселиться на Берегу Маклая в Новой Гвинее, избрав для этой цели местность около открытого мною еще в 1871 г. порта «Великого князя Алексея», и, нуждаясь для осуществления этого плана в содействии других благонадежных лиц, я сделал через посредство газет заявление о приглашении желающих отправиться со мною в Новую Гвинею. Охотников нашлось более, чем я мог рассчитывать, и хотя число их дошло в настоящее время до 320, но письменные предложения поселиться на Берегу Маклая продолжают поступать с разных концов России.

Ввиду такого обстоятельства, которое будет иметь прямым следствием расширение моего первоначального плана, осмеливаюсь всеподданнейше просить ваше императорское величество всемилостивейше разрешить мне основать *русскую колонию* в порте Алексея *на Берегу Маклая,* где русский флаг был поднят уже 15 лет тому назад, *или на одном из не занятых другими державами островов Тихого океана...»*

Из письма министру иностранных дел Н. К. Гирсу (С.-Петербург, август 1886 г.). «...Колония образуется на островах Тихого океана, *не находящихся во владении какой-либо иностранной державы,* на землях, *вполне свободных,* т. е. не занятых местными жителями или добровольно уступленных последними.

При *выборе места для колонии* будут приняты во внимание следующие условия:

Хороший морской порт, который может, в случае надобности, быть укреплен, представляющий хорошую стоянку для *судов, порядочный климат, здоровая вода, достаточное количество строительного материала* и, раз-

умеется, *плодородие почвы*, могущее в избытке вознаградить труд поселенцев.

Колония устраивается на частные средства лиц, изъявивших желание переселиться...

Поселенцы, сознавая свое единство с Россией — их отечеством, *подчиняясь установленному в ней правительству* и *сохраняя все права русских граждан,* пользуются *следующими правами,* которые должны быть предоставлены им правительством особым статутом, именно правами: *самоуправления, самообложения налогами..., религиозной свободы, беспошлинного ввоза и вывоза* продуктов и торговли этими продуктами во всех русских портах... *составления и введения обязательных постановлений и правил,* касающихся общежития, внутреннего управления и распорядка дел, владения и пользования землею, отношений к туземцам, безопасности, защиты и т. п. ... *Колония составляет общину и управляется: старшиною, советом и общим сходом или общим собранием поселенцев...»* [125]

Письмо в редакцию петербургских газет (С.-Петербург, февраль 1887 г.). «Согласно моему обещанию и ввиду того, что я все еще продолжаю получать письма и телеграммы от желающих переселиться на острова Тихого океана, — число этих желающих значительно превышает 2000, — я должен заявить, что основание русской колонии в Тихом океане пока состояться не может по обстоятельствам, от меня совершенно не зависящим...»

Из письма брату Сергею (С.-Петербург, март 1887 г.). «Любезный брат Сергей Николаевич!

Очень много раз хотел писать тебе, но все откладывал. Из последнего письма моего ты узнал, что в деле относительно Берега Маклая я потерпел почти что полное *фиаско.* Подобным же фиаско заключился поднятый мною вопрос об основании русской колонии на островах Тихого океана. Хотя государь был, кажется (?), не прочь, но гг. министры решили иначе и в конце концов одолели [126].

Я, собственно, этим не очень опечален, так как у меня работы над моею книгою пока вдоволь. Именно эта работа, которую не пришлось кончить так быстро, как того желал, заставляет меня вернуться еще на год в Россию... Я думал уже выбраться из СПб. к 15 февра-

ля, но так захворал (ревматизм сильнейший и очень жестокие невралгии лица и т. д.), что до сих пор все еще нахожусь в СПб. ...

Вещи все уложены — манускрипты и рисунки (в трех железных ящиках) оставляю в музее Академии наук. Книги (две большие корзины) поставлю с другими вещами в здании университета, где часть громадной залы старого здания времен Петра I предоставлена моим коллекциям, оставшимся по выделении этнологической, которую я подарил Имп. Академии наук...

Как ты, вероятно, слышал от матери, я решил перевезти жену и моих ребят на год или $1^1/_2$ в Европу, почему и еду в Сидней, где без меня мои очень важные зоологические анатомические коллекции. все пропадут, если я сам не усмотрю за ними; к тому же придется там все продать, т. е. мебель, посуду и т. п. Я надеюсь, как ты, вероятно, также слышал, быть обратно в СПб., к маю или июню месяцу. Думаю нанять дом где-нибудь в окраинах СПб., на Петербургской стороне, Каменноостровском, так как в городе большие квартиры слишком дороги. Постараюсь устроиться как только можно будет *экономно.*

Дорога в Австралию и обратно обойдется мне не мало, наем квартиры, обзаведение, даже самое скромное, будут сопряжены также с значительными расходами, но все-таки я убежден, что я избрал то, что следовало. Бросить работу мне невозможно, а жить на два дома, в СПб. и Сиднее, дороже, чем перевезти семью в Россию...

Если возможно тебе будет к *июню* или *июлю* месяцу выслать мне несколько грошей, то буду очень доволен... [127]

Из письма Наталии Александровне Герцен (?) (по пути в Австралию, пароход «Неккар», апрель — май 1887 г.). «...Здоровье мое при отъезде из Европы было плохо. Я надеялся, что тропическая жара будет полезна в этом случае, но, к несчастью, мы уже покидаем тропики, а я не вижу явного улучшения в своем состоянии. Мой ревматизм, моя несчастная невралгия меня беспокоят днем и ночью и, таким образом, во время путешествия я не мог работать и боюсь вернуться в Европу с невралгическими болями...»

Из письма неизвестному лицу (май 1887 г.). «Покидая С.-Петербург, несмотря на плохое состояние мо-

его здоровья, я надеялся, что перемена климата, жара тропиков, спокойствие и ничегонеделание на корабле во время пути хорошо повлияют на мое здоровье и избавят меня от ревматизма и жестокой невралгии. Мы идем уже вдоль юго-западного берега Австралии. Холодная погода возвращается, а мое состояние лишь слегка улучшилось.

Надо иметь терпение и «делать веселое лицо при плохой игре».

Во всяком случае, я останусь в Сиднее не долее 10—12 дней и возвращусь в Европу с семьей.

Конечно, я не придерживался бы такой программы, если бы не считал мое возвращение в Европу для опубликования моих работ непременным долгом перед наукой.

Я не могу долее откладывать это дело, здоровье мое постепенно ухудшается. Вы не раз слышали это от меня, и к этому не стоит возвращаться. Мое большое желание как можно скорее покончить не только с русским, но и с английским изданием одновременно. Я надеюсь к моему возвращению в конце июня добрую половину первого тома найти уже переведенной. Не надо терять вашего времени на каллиграфию, лишь бы рукопись была удобочитаема. Все равно вторичная переписка будет необходима после исправлений.

Хотя я и не могу жаловаться на недостаток комфорта при путешествии, тем не менее эта экскурсия в Австралию (из-за плохого состояния здоровья, конечно) — самая неприятная из всех, когда-либо мною совершенных. Я был совсем лишен возможности работать, и это путешествие явилось огромной потерей времени».

Из письма брату Михаилу (С.-Петербург, сентябрь 1887 г.). «...Работать над книгою еще не начал, т. к. приходится писать статью для «Нового времени», в редакции которой я взял пред 1-м числом 150 руб., чтобы уплатить за квартиру, жалованье прислуге и т. д. Досадно, что приходится так бросать время...»

Из письма ему же[128] (январь 1888 г.). «...По случаю нездоровья я не мог приготовить вовремя 2-ю половину статьи моей для «Нового времени», почему я не могу получить за нее гонорар. Но я приготовил ее

сегодня к отправке в редакцию и, вероятно, получу деньги завтра или послезавтра. Если можешь, пришли мне руб. 10. Я их тебе возвращу, как только получу из редакции, чем очень обяжешь брата...»

Профессору-антропологу А. П. Богданову (С.-Петербург, клиника Вилие, 15 марта 1888 г.). «Прошу прислать мне *непременно* корректуру 1-й части! Еще очень слаб, но пришлю скоро вторую.

Пришлите *прямо: на Выборгской стороне* в Михайловскую клинику бар. Вилие, в 11-ую палату, кровать № 29...»

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Путешественник — ученый — гуманист: эти три слова наиболее полно и точно выражают главное содержание всей жизни Николая Николаевича Миклухо-Маклая — жизни до обидного короткой, удивительно цельной и яркой...

Тяга к путешествиям, казалось, была у Миклухо-Маклая в крови. Он признавался, что вид моря, гор, дальних островов неудержимо увлекал его. Он не мог усидеть на одном месте больше нескольких месяцев, — едва завершив одно путешествие, уже начинал готовиться к другому. Среди замыслов, которым так и не суждено было осуществиться, — экспедиция в глубь Африки, поездка в Японию, в Индию, возвращение в Россию через Сибирь. Но и то, что Миклухо-Маклай успел осуществить, ставит его в ряд самых крупных, активных и неутомимых путешественников Нового времени. Он побывал на всех материках (кроме Антарктиды), совершал длительные тысячемильные плавания, высаживался на многих островах, нередко проникал в такие места, куда до него не ступала нога европейца. Его путешествия почти полностью связаны с тропиками, и можно смело сказать, что в истории мировых путешествий немного героев, которые бы познали тропики так, как познал их Миклухо-Маклай. Маленькие атоллы, заброшенные в безбрежном океане, с сияющими под раскаленным солнцем лагунами и до блеска отмытыми песчаными отмелями, над которыми царственно возвышались кокосовые пальмы; малаккские джунгли, где надо было сутками прокладывать путь сквозь переплетения лиан, пробираться по пояс в болотах или плыть в лодках по речушкам, скрытым в темной глубине тропического леса; прибрежные чащи, горные тропы и быстрые реки Новой Гвинеи; зеленые долины Квинсленда, — для Миклухо-Маклая все это составляло привычный и близкий мир, с которым он по-настоящему сжился и изучению которого отдал многие годы.

Миклухо-Маклай умел находить в путешествиях высокие радости: тропическая природа, таившая в себе множество неожиданностей и загадок, была для него неизменным источником наслаждения, душевного спокойствия и неиссякаемым материалом для наблюдений. Его ум был склонен к философским раздумьям, и нигде так хорошо ему не думалось, как в одиночестве на берегу залива Астролябии. Вместе с тем в Миклухо-Маклае было очень развито художническое восприятие природы: он остро схватывал разнообразную красоту ландшафтов, тонко подмечал малейшие перемены вокруг, мог во всех подробностях описать ночное мгновение, открывшееся ему при вспышке молнии...

Истинное удовлетворение в путешествиях доставляло ему преодоление препятствий, недостатка в которых, разумеется, не было. Он никогда не старался облегчить свой путь, если думал, что это

может хоть как-то увести его от выполнения намеченной программы. Трудностей, казалось, для него не существовало, и в экспедициях он не жалел ни себя, ни своих спутников, настойчиво устремляясь к назначенной цели. Можно было бы даже сказать, что борьба с разнообразными преградами и целеустремленное их преодоление представлялись Миклухо-Маклаю естественными и необходимыми условиями жизни путешественника, без этого он не мыслил своего существования. В путешествиях, как, впрочем, и в обычной обстановке, он довольствовался самым необходимым и ограничивал себя во всем. Гамак или раскладной стол в экспедиции считались уже предметами комфорта. Он привык к самой простой и однообразной пище, мог месяцами обходиться без обычных для европейца продуктов — хлеба, соли, сахара, часто, как бы не замечая, переносил вовсе отсутствие самого необходимого, терпел голод. О болезнях нечего и говорить: лишь приступы лихорадки и сильнейшие боли, вызванные ревматизмом или другими заболеваниями, могли на самый короткий срок задержать, но не остановить его.

Надо сказать, что путешествий самих по себе, «просто так» либо ради знакомства с новыми землями, Миклухо-Маклай себе никогда не позволял. Он был не просто путешественник, но путешественник-ученый, для которого любая экспедиция, длительная или короткая, дальняя или близкая, подчинялась какой-то научной программе и могла считаться законченной и успешной лишь в том случае, если путешественнику удавалось получить ответы на вопросы, казавшиеся ему важными с научной точки зрения.

Карта его путешествий 1866—1883 годов поражает причудливым переплетением линий, кажущейся случайностью и неожиданностью маршрутов.

Случайного действительно было немало. Ну кто мог предвидеть, что «Изумруд», которому предписывалось с Берега Маклая проследовать прямо в Батавию и оттуда — в Кронштадт, изменит курс (из-за эпидемии на Яве) и направится на Филиппины, в Гонконг и Сингапур? Мог ли Миклухо-Маклай определить заранее курс шхун «Sea Bird» и «Сади Ф. Кэллер», если он был всегонавсего пассажиром, а шкиперы и тредеры руководствовались в своих маршрутах корыстными торговыми интересами? Путешественник не мог предположить, что, высадившись на заброшенном островке, он попадет на пароход известного миссионера Чалмерса, совершит на нем длительное плавание вдоль южного берега Новой Гвинеи, а затем волею обстоятельств ему доведется провести чуть не год в австралийской провинции Квинсленд?

И так было почти всякий раз: неожиданные повороты в маршрутах, случайные встречи, вносившие свои поправки, непредвиденные остановки и т. д. ... И объяснить это не так уж трудно: у Миклухо-Маклая не было средств для снаряжения **собственной** экспедиции, ни от кого не зависимой, полностью подчиненной выработанным в кабинетной тиши задачам. Ему всякий раз приходилось приноравливаться к людям, вступая в договорные отношения с лицами, с которыми он подчас предпочел бы вообще не иметь никаких дел. Среди многочисленных героев великих путешествий, которым вечно не хватало средств, Миклухо-Маклай, должно быть, — самый необеспеченный: у него не было ничего, кроме долгов, и он не мог рассчитывать на то, что путешествия принесут ему хоть что-нибудь материальное.

Теперь, столетие спустя, изучая шаг за шагом дела Миклухо-

Маклая — путешественника, мы видим, как в организации им экспедиций проявлялись его могучий характер, целеустремленность, решимость все перенести ради высоких целей. Все свои экспедиции Миклухо-Маклай предпринимал в одиночку: у него не было ни сотрудников, ни помощников, единственное, кого он вынужден был привлекать, были командиры судов для плавания, носильщики и проводники для пеших экскурсий, слуги — при длительных высадках. Он обладал редким свойством — располагать к себе людей, от которых часто зависела судьба его планов. Напомним, как началась его новогвинейская экспедиция: молодой человек 23 лет, только что окончивший Иенский университет, без всяких связей в высоком обществе, совершенно без средств, незадолго до этого совершивший два не столь уж заметных путешествия — на Канарские острова (с группой немецких ученых) и на берега Красного моря (в одиночку), появляется в Петербурге, и здесь ему сравнительно быстро удается добиться одобрения программы научных путешествий по островам Тихого океана в Русском географическом обществе, которое — это все тогда знали — к далеким от границ России путешествиям не проявляло особенного интереса; мало того, автору проекта назначают пособие в 1500 рублей и обеспечивают возможность плавания к местам работы на корвете «Витязь». Командир и весь экипаж принимают горячее участие в устройстве его на берегу Новой Гвинеи, ему выделяют часть продуктов из запасов корабля, и командир оставляет ему шлюпку, его дом на мысе Гарагасси ограждают на всякий случай минным полем.

Этот человек с не бросающейся в глаза внешностью, небольшого роста, с тихим голосом, неизменно производил на окружающих сильное впечатление своей энергией, глубокой убежденностью в важности предпринимаемых им дел, полным отсутствием даже намека на корыстные интересы, на погоню за славой, успехом и прочими суетными вещами. Он умел как-то очень просто заставить поверить, что служит единственно одной науке, с которой он постоянно связывал служение на благо человечеству.

Его жизненная позиция вызывала уважение, и перед ним открывались двери правительственных учреждений, кабинетов ученых с мировыми именами, канцелярий деловых людей и даже дворцов местных правителей. Он умел почти всюду добиться хотя бы малой поддержки своих планов и доказать важность своих дел.

Миклухо-Маклай не любил громких слов, но, когда речь заходила о науке, он не боялся говорить или писать торжественно и даже с пафосом. «Если я **что** делаю или **что** говорю, то это **единственно для науки,** т. е. для истины». «Единственная цель моей жизни — **польза и успех науки и благо человечества».**

Какой же науке служил Миклухо-Маклай?

В Иенском университете он учился на медицинском факультете, преимущественное внимание отдавая сравнительной анатомии и зоологии. Врачом он не стал, хотя медицинская подготовка пригодилась ему в годы пребывания на берегу Новой Гвинеи. В первых экспедициях он занимался главным образом зоологическими исследованиями морской фауны и даже получил некоторую известность работами в области анатомии губок.

Но уже программа тихоокеанской экспедиции представляет нам Миклухо-Маклая совершенно в особом свете, не как специалиста в одной научной сфере, но как ученого чрезвычайно разно-

сторонних интересов, обширных познаний и того, что в наше время называется комплексным подходом.

Программа предусматривала обширные зоологические исследования — с особенным вниманием к низшим формам животных: «...Проследить изменение и зависимость животных организмов от различных внешних факторов, а потом — анатомия и история развития этих организмов».

Другой раздел программы относился к физической географии и метеорологии: предусматривались обследования и нанесение на карту новых или малоизученных мест, наблюдения за температурой воздуха, воды, почвы, за давлением, испарениями, ветрами и т. п.

Наиболее важная часть программы посвящалась антропологии и этнографии, то есть наукам о человеке — о его физической природе, расовых особенностях и различиях и о формировании, истории, образе жизни и культуре этнических общностей (народов).

Таким образом, в экспедиции Миклухо-Маклай должен был работать одновременно как натуралист, географ, антрополог и этнограф — ведь намеченную программу предстояло выполнять ему одному!

В истории путешествий и экспедиционных исследований такое встречалось нечасто.

Готовя программу, молодой исследователь обратился за содействием к ряду известных европейских ученых — писал им, ездил в некоторые страны для бесед с ними. К Миклухо-Маклаю отнеслись с полной серьезностью и пониманием — он получил от крупнейших специалистов и необходимые вопросы, и ценные советы. Многие месяцы провел он в музеях крупных европейских городов, штудировал научную литературу, перечитал массу книг и статей, относящихся к Океании и ее населению, особенно внимательно изучая отчеты и рассказы участников прежних экспедиций.

Теперь станет понятным, что в ноябре 1870 года на борт «Витязя» взошел молодой ученый, вооруженный обширными специальными познаниями в различных областях современной ему науки, хорошо подготовленный к разнообразной и сложной исследовательской работе, с глубоким убеждением в громадной общественной значимости начатого им дела и с твердо выработанными жизненными принципами, которым он был намерен никогда не изменять.

Миклухо-Маклаю шел 25-й год.

Попробуем высветить в его жизни, предшествовавшей этому поворотному событию, те моменты, которые можно было бы считать определяющими в формировании его личности.

Он вступает в сознательную пору жизни в начале 60-х годов, когда в России ширится освободительное движение и могучие демократические силы ведут борьбу с самодержавием. Подобно многим своим сверстникам, гимназист Миклуха (в эту пору второй части фамилии у него еще нет) тайно читает Герцена, увлекается Писаревым, участвует в уличных выступлениях петербургских студентов и даже оказывается однажды в массе арестованных в Петропавловской крепости. Исключенный из гимназии (по причинам, истинный характер которых пока не выяснен), он поступает вольнослушателем на физико-математический факультет Петербургского университета, откуда очень скоро его тоже исключают (видимо, за участие в сходках).

1864—1868 годы — Германия, университеты Гейдельбергский, Лейпцигский, наконец — Иенский. Упорные занятия естественными

науками, языками, и одновременно — в новой обстановке — живая общественная активность, чтение Чернышевского, французского социалиста-утописта Сен-Симона, конечно же, Писарева... Квартира его в Лейпциге была чем-то вроде центра сборищ эмигрантов — русских, польских, здесь шли споры, перенесенные из демократических кружков России. В мае 1864 года мать сообщает ему о приговоре над Чернышевским. Судя по следующему ее письму, Николай Николаевич был намерен послать ссыльному революционеру деньги и просил его портрет. Кстати, о деньгах: в Германии он форменным образом бедствовал. «Мой черный сюртук почти совсем разлезается; оказывается, что, зашивая какую-нибудь дыру, нитка крепче сукна, и зашивать — это увеличивать дыру».

Типичный студент-разночинец, он смотрит на мир глазами своих революционных учителей и в повседневном жизненном поведении старается следовать героям Чернышевского, в чем-то — Базарову. Самое замечательное, что усвоенные им принципы для него не мода, не кратковременное увлечение, а норма на всю жизнь. Вот строки из его писем: «Я всегда испытываю большую симпатию к бедным и тем, кто находится в плохих политических и социальных условиях; у меня бо̀льшая симпатия к бедным и бесправным, чем к богатым и полноправным. В вопросе отношений между мужчинами и женщинами в мужчине вижу богатого и полноправного, а в женщине — бедную и бесправную» (неизвестной — 1865); «Я пишу тогда, когда хочу что-нибудь сказать или сообщить, — и пишу то, что мне надо, а не пустые фразы» (ей же); «Ты, может, еще помнишь мое правило: никого не **стеснять!**» (сестре — 1874); «Какая-либо зависимость, даже самая ничтожная, **для меня... невыносима**» (другу — 1875); «Я бы **не** мог поступить **иначе**, будучи связан **словом**» (П. П. Семенову — 1876); «Я не хочу стеснять твоего свободного выбора своей будущей деятельности **никакими** советами. Человек всегда лучше всех других знает, что он может и что он хочет. Делать это наполовину никогда не годится, а если не сам выбрал свою деятельность, то выходит всегда полудеятельность» (брату Михаилу — 1883). Сохранился набросок «Несколько правил жизни Н. Н. М.-М.», составленный, видимо, довольно ра̀но, где мы, в частности, читаем: «Твои права оканчиваются там, где начинаются права другого; Не делать другому того, что не желаешь, чтобы сделали тебе; Не обещай — раз обещав, старайся исполнить; Не берись за дело, не будучи уверенным, что его выполнишь; Раз начав работу, старайся ее кончить как можно лучше — не переделывай ее несколько раз. На следующей работе исправь все повторяющееся в первой...»

Юношей выработал в себе Миклухо-Маклай органическое пренебрежение ко всякого рода «общепринятым» условностям и правилам «светскости», решительное нежелание тратить время, силы, внимание на дела суетные, пустые; предельную скромность и строгое самоограничение во всем, что касалось личных желаний и потребностей; неизменную внимательность к интересам и заботам других.

Люди подобного склада представляли характерный тип русской демократической молодежи 60-х годов. Из них выходили общественные деятели, писатели и публицисты, врачи, ученые, революционеры... Новые люди нужны были во всех сферах жизни. Миклухо-Маклая нетрудно вообразить и участником «хождения в народ», и членом подпольной революционной организации, и земским вра-

чом... Глубокая внутренняя работа, совершавшаяся в нем в годы пребывания в Иене, привела его к бесповоротному решению — посвятить себя науке: той науке, которая, по словам Писарева, способна будить общественное мнение и направлена на благо человечества; науке, которая требует не повторений сказанного уже кем-то, не толкования фактов, извлекаемых из чужих книг, а самостоятельных наблюдений и анализа фактов, добытых собственноручно.

Путешественник-ученый — этот тип деятеля науки более всего увлекал Миклухо-Маклая: проникать в неизведанные места, открывать самому новое, наблюдать и наблюдать, собирать факт за фактом и самому их анализировать, сопоставлять, обобщать, опровергая кабинетные конструкции ученых, шаг за шагом воссоздавать мир, дотоле неведомый или искаженный ошибочными теориями.

Почему он выбрал Новую Гвинею?

Главное он сам сказал в статье, которую писал на борту «Витязя»: Новая Гвинея составляла почти не затронутую современной цивилизацией область первобытного мира. На первом плане для него было — «выяснить антропологическое отношение папуасов к другим расам» и «определить распространение этой расы сравнительно с остальными племенами Тихого океана». Успешное решение этих задач Миклухо-Маклай видел не только в проведении собственно антропологических исследований, то есть в изучении папуасов со стороны физической, но и в широких исследованиях этнографических, то есть в сравнительном изучении всей культуры коренного населения.

О Новой Гвинее было написано уже немало — но как же отрывочны, неполны и ненадежны были знания о ней! О папуасах даже вроде бы серьезные ученые говорили подчас совершенно фантастические вещи. В тогдашних учебниках по антропологии можно было прочитать, что папуасы имеют якобы такие расовые признаки, каких нет у людей других рас (например, волосы у них будто бы растут пучками), и по этим признакам их следует ставить где-то между обычными людьми и их животными предками. Подобные теории были на руку работорговцам и охотникам до колониальных захватов. Между тем Миклухо-Маклай принадлежал к убежденным сторонникам единства человеческого вида: все люди, как бы ни разнились они по расовым признакам, от природы одинаковы и равны. Только ради того, чтобы фактами доказать правоту этих гуманных идей, Миклухо-Маклай готов был прожить на Новой Гвинее сколько понадобится.

Комплексная программа его исследований была рассчитана, во-первых, на многие годы и, во-вторых, на стационарную экспедиционную работу. Сначала Миклухо-Маклай намеревался фундаментально изучить папуасов одной части острова, затем для сравнения и проверки своих наблюдений и выводов побывать в других частях; после этого ему предстояло провести исследование других темнокожих народов, живших в глухих местах Малаккского полуострова, на Филиппинах и заселявших обширный район Океании — Меланезию. Ученый надеялся, что ему удастся также выяснить картину взаимодействия их с соседствующими народами Юго-Восточной Азии и Океании.

Можно сказать, что Миклухо-Маклай главные задачи программы осуществил. В свете сказанного становится очевидным, что его экскурсии к негритосам на остров Люсон (Филиппины), две экспедиции по Малаккскому полуострову, несколько многомесячных пла-

ваний по островам Меланезии, путешествия на западный и южный берега Новой Гвинеи вовсе не были случайными, а входили в обширный и тщательно продуманный план фундаментального исследования черной расы Океании. Другое дело — что завершить программу такого масштаба и выполнить ее разделы сколько-нибудь исчерпывающе полно не было под силу ни одному человеку, ни даже поколению ученых: программами такого рода наука занимается, раз начав, непрерывно и без видимого конца, ставя все новые и новые задачи. Естественно, что Миклухо-Маклай не мог охватить и малой части территории, подлежавшей изучению. Он не мог проникнуть в глубь Новой Гвинеи — изучение горного населения острова по-настоящему развернулось десятки лет спустя и продолжается в наши дни, принося поразительные результаты. Миклухо-Маклай не имел возможности сосредоточиться на отдельных сторонах жизни, культуры, социальных отношений, с тем чтобы досконально и всеобъемлюще их изучить: ему приходилось заниматься почти всеми сторонами сразу, и, конечно, не так глубоко, как это делают теперь этнографы, обычно специализирующиеся в одной или нескольких областях. Миклухо-Маклай своими исследованиями прокладывал пути науке, ставил вехи, собирал первые факты, делал первые описания и обобщения.

Миклухо-Маклай был убежденным и последовательным сторонником научного метода, согласно которому только непосредственное наблюдение за явлениями природы и общественной жизни, только прямой опыт и опора на реальные — видимые, осязаемые — факты могут дать надежные результаты. Он считал, что доверять можно лишь тому, что видишь собственными глазами. Он избегал задавать вопросы, на которые нельзя было получить точных ответов. Дни, недели, месяцы он мог выжидать в расчете непосредственно столкнуться с предметом или явлением, его интересовавшим. Как ученый он не давал воли фантазии, не занимался реконструкциями и редко строил гипотезы. Все его печатные труды основаны только на анализе собственных данных, на чужие работы он ссылается, лишь чтобы подтвердить или опровергнуть высказанные там идеи.

Строго реалистическая позиция Миклухо-Маклая давала ему немалые преимущества, она уберегала от скороспелых выводов, заставляла следовать не популярным теориям, а фактам, приводила к результатам точным, хорошо обоснованным, надежным. Миклухо-Маклай быстро завоевал авторитет в ученом мире — ему верили, зная, что все, о чем он пишет, пропущено через его личный опыт и серьезный критический анализ.

Миклухо-Маклай был поистине великим наблюдателем. Материалом для научных наблюдений ему служила **вся** окружавшая его природа и жизнь людей. Любая ситуация, любой случай, любая встреча превращались для него в опытное поле. Он изучал и описывал все, что попадало в сферу его видения: жилища, орудия труда, лодки, предметы быта, плантации, одежду, украшения, татуировку, пляски и пиршества, способы обработки земли и ношения ребенка женщинами, приготовление напитка кеу, манеру есть, курить, жевать бетель, прически, способы счета и т. д. и т. д. Нередко он как опытный режиссер сам создавал ситуацию, позволявшую ему выяснить что-нибудь интересное. С особенным вниманием относился он к общественным отношениям, которые открывались только в ходе длительного наблюдения. Так, ему удалось установить, что среди папуасов его Берега нет власти, нет раз-

деления на бедных и богатых, нет сословий, все живут равной жизнью и только разделения по полу и возрасту, по старшинству дают себя знать. Ему удалось многое выяснить по поводу взаимоотношений между деревнями и общинами, увидеть формы обмена, взаимных посещений и проч. Упорно преодолевая затруднения, изучал он физические свойства папуасов, исследовал волосяной покров (с удовлетворением обнаружил, что разговоры о пучкообразном характере волос — сущая чепуха), кожу, части тела, вплоть до положения пальцев ног, характер ногтей, болезни и многое, многое другое. Его глаз ученого и аналитический ум не прекращали работы ни при каких условиях — и когда он находился в смертельной опасности перед лицом возбужденных, с оружием в руках, папуасов, и когда очередной приступ лихорадки сваливал его, и когда он наслаждался покоем в гамаке близ своей хижины.

Конечно, в позиции Миклухо-Маклая — наблюдателя были и уязвимые моменты. Общественная жизнь папуасов, их внутренние отношения, их мировоззрение отличались такой сложностью, таким богатством содержания, которые нельзя было по-настоящему понять, опираясь только на непосредственные эмпирические наблюдения. Необходима была система опросов, нужны были долгие доверительные беседы, записи мифов, фиксация разного рода понятий и терминов, пояснений самих людей относительно их обрядов, масок, «телумов» и многого другого. Миклухо-Маклай должен был с огорчением признать, что для всей этой работы его познаний языка Бонгу оказалось недостаточно, нужны были еще годы, чтобы проникнуть в эту интереснейшую область духовной культуры.

Миклухо-Маклай явился пионером подлинно научного изучения папуасов, он собрал такой ценнейший материал и сделал такие важные обобщения, которые никогда не утратят своего значения. Заслуга его состоит прежде всего в том, что он открыл, изучил, описал мир, до него не соприкасавшийся с современной цивилизацией, живший и развивавшийся по своим историческим законам. Уже через несколько лет после Миклухо-Маклая замкнутость этого мира была разорвана, естественность развития резко прервана, исторический процесс пошел по новому пути. Благодаря Миклухо-Маклаю наука получила реальные представления о папуасском обществе. Как ученый он выполнил важную гуманную роль — показал всему цивилизованному миру, что папуасы — такие же люди, как все, что в своем первобытном состоянии они обладают множеством достоинств по сравнению с современным обществом белых людей, но вместе с тем они во многом отстали и это их состояние исторически обусловлено и преходяще...

Была в исследованиях Миклухо-Маклая, в его повседневной работе этнографа и антрополога одна особенность, которую следует особо выделить. Как известно, наука всегда стремится, анализируя повторяющиеся факты, дать некую общую картину, выявить закономерности, обнаружить процесс. Единичное для ученого — материал для общего, пример, иллюстрация. Грубо говоря, этнографа интересует не отдельная хижина, а тип постройки, жилища, с характерными его качествами, равным образом — типы одежды, орудий, лодок и т. д. То же самое относится к физическому облику людей, к семейным и общественным отношениям. Поэтому труды этнографов обычно представляют собою обобщенные описания, где материал «обезличен», лишен индивидуальной окраски. При таких обстоятельствах и люди, с которыми сталкивается этно-

граф, выступают для него прежде всего как носители какой-то общей информации. Миклухо-Маклай довольно решительно нарушает эту ученую традицию. Естественно стремясь к обобщениям, к типовым описаниям, он одновременно с этим сохраняет устойчивый и живой интерес к единичному, конкретному. Его сочинения воссоздают общую картину папуасской жизни в ее типовом содержании, но в то же время дают очень конкретное описание жизни нескольких деревень, прежде всего — Бонгу, Горенду, Гумбу, знакомят нас не просто с населением побережья, но и с реальными людьми, которые много значили для самого Маклая. Туй, Саул, Каин, Бонем и другие одновременно и этнографические типы, и личности, знакомство с которыми позволяет нам понять папуасский мир неизмеримо полнее, глубже, ярче, чем если бы дело ограничилось одними общими характеристиками.

Миклухо-Маклай установил новые принципы отношений между ученым-исследователем и обществом — объектом исследования. Он внес в эти отношения дух полного равенства, естественного взаимного уважения и доверия, а затем и настоящей дружбы, понимания и признания взаимных интересов, взаимопомощи. Для многих поколений путешественников, ученых он является образцом поведения в иноэтническом и инокультурном мире.

Однако эта сторона его отношений с папуасами имела гораздо более широкий общественный и человеческий смысл, который был очень хорошо понят на родине Миклухо-Маклая. В России 70-х годов увлеченно следили за перипетиями новогвинейской эпопеи путешественника, журналы охотно печатали заметки о нем, иногда даже его письма, помещали фотографии. Когда стало известно о бедственном его положении, многие откликнулись на призыв либеральной газеты «Голос» помочь ему материально. Передовая Россия встретила восторженно приезд Миклухо-Маклая в 1882 году. Газеты подробнейшим образом писали о его путешествиях, помещали интервью, оценивая сделанное им как великий подвиг. Миклухо-Маклай получал приветственные адреса и телеграммы из разных концов страны, его избрали почетным членом ученых обществ, на время он стал самой живой темой дня. Независимо от увлечения им люди мыслящие и передовые особенное внимание обратили на характер его отношений с папуасами, увидев в них пример того, как вообще должны строиться отношения между народами, между людьми разного цвета кожи, разных культур и уровней развития. Прекрасно сказал об этом Л. Н. Толстой (см. письмо его в начале книги). Много раз позднее Лев Николаевич вспоминал о Миклухо-Маклае с нежностью и исключительным уважением, например, однажды, когда прочитал в газетах о действиях англичан в Африке: «Все это ужасно... Почему же людям, живущим христианской жизнью, не пойти просто, как Миклухо-Маклай, жить к ним, а нужно торговать, спаивать, убивать».

Нашлись публицисты, которые громко сказали о том, что опыт общения Миклухо-Маклая с «дикими» имеет громадное значение для опровержения идей о «низших» и «высших» расах, для утверждения принципов равенства всех рас, наконец, для справедливого разрешения национального вопроса в самой России, где немало еще так называемых инородцев бесправны и угнетены: следует «изучить мир инородцев и дикарей, способствовать здоровому взгляду на жизнь этой чуждой для цивилизации среды, рассеять предрассудки и установить правильное к ней отношение». Судя по газетным глухим отголоскам, во время публичных выступлений

Миклухо-Маклая раздавались голоса и тех, кто не сочувствовал его взглядам. В одном из выступлений в Петербурге он прямо сказал: в некоторых местах Океании «убить черного — все равно что собаку... Я держал пистолет не против черных, а против белых, оскорблявших черного».

Реакционеры припомнили ему эти слова, как и вообще его позицию в отношении к угнетенным и бедным. В 1882 году враги еще молчали, но они постарались рассчитаться с путешественником позднее, способствуя провалу его проекта русского поселения в Океании и создавая завесу молчания вокруг него в самые тяжелые дни его жизни в Петербурге зимой — весной 1888 года.

Тогда в России лишь немногие знали, что замечательный эксперимент, осуществленный Миклухо-Маклаем на берегу залива Астролябии, в результате которого он стал близким и верным другом папуасов, уже не удовлетворял самого ученого, перешедшего на позиции активного борца за независимость народа Новой Гвинеи, за установление справедливых отношений с народами Океании в масштабах международных.

Покидая свой берег в 1872 году, Миклухо-Маклай знал, что отныне он связан с людьми, провожавшими его ударами барумов, факелами и шествиями, самым тесным образом: он понял, что не может допустить, чтобы на этот берег высадились однажды работорговцы, увозившие людей силой или обманом на плантации Квинсленда, чтобы здесь началась торговля спиртным или оружием, чтобы у папуасов за бесценок скупали, то есть просто отнимали, их землю и т. д. За время плавания по Океании он насмотрелся и наслушался такого, что навсегда убедило его в невозможности мириться со злом. Одной из целей своей общественной деятельности он поставил открытое разоблачение зла, чинимого колонизаторами на островах Океании, привлечение внимания широкой общественности, требование к властям обуздания разбойных действий, соблюдения законов. Его голос звучал громко и авторитетно — в Австралии и Англии с ним не могли не считаться: с ним вступали в диалог министры, губернаторы, военные, отдельные его требования вынуждены были выполнять...

В деятельности Миклухо-Маклая в защиту островитян, в его планах было немало утопического: он и сам понимал, что успешно противостоять силам колониализма в его условиях очень трудно. Тем не менее Миклухо-Маклай не прекращал своей борьбы до самого последнего дня и продолжал верить в правое дело. В его гуманистической программе можно особо выделить два важных пункта. Во-первых, он настойчиво и громко требовал, привлекая на свою сторону множество людей, введения для населения островов Океании законов и норм, принятых повсюду в «цивилизованном» обществе, с тем чтобы положить конец «людокрадству» и бесчеловечному обращению с островитянами и чтобы уберечь их от разлагающего влияния этой самой «цивилизации», которая приносит только алкоголь, огнестрельное оружие, нищету, новые болезни, падение нравственности и т. д. Во-вторых, Миклухо-Маклай выработал особый план для своего берега. Нельзя без чувства восхищения следить за тем, как пытался он внедрить этот план в жизнь. С полным правом и высоким достоинством он начал выступать всюду от лица папуасов Берега Маклая, как их полномочный представитель и «покровитель». Так уж получилось, что этот сравнительно небольшой клочок далекой от всех центров земли, с населением в несколько тысяч человек, оказался для него не-

обычайно дорогим: близость к нему он завоевал и выстрадал долгими месяцами жизни сначала на мысе Гарагасси, потом на мысе Бугарлом, в тесном соседстве с папуасами. Ему было нелегко: колонизаторы пытались опровергнуть его право представлять этот берег, пытались даже бросить тень на него (германские дипломаты изображали его представителем британских интересов); правительственные учреждения его собственной страны отказались помогать ему; ему пришлось одно время вести борьбу сразу против двух великих колониальных держав — Англии и Германии.

Миклухо-Маклай создал проект Папуасского союза, который должен был явиться политическим объединением нового типа: изолированные до сих пор, нередко враждующие общины составили бы одно целое — с Большим советом во главе: избранные в Совет от разных деревень влиятельные пожилые мужчины — «тамо боро» обсуждали и решали бы общие дела. Экспортная торговля, развитие плантаций кокосовых орехов, сахара, кофе, устройство небольших предприятий обеспечили бы повышение жизненного уровня народа и окупили расходы на строительство дорог, мостов, создание удобных пристаней, основание начальных школ. В перспективе Маклай видел на своем Берегу центр тропического земледелия, выгодное развитие экономических связей с Австралией, установление дружелюбных отношений с «белыми» странами.

Идеи великого гуманиста опережали время. Понадобились многие десятилетия активной народной борьбы, коренные преобразования в мире, приведшие к распаду всей колониальной системы, чтобы в новых исторических условиях возникло независимое государство Папуа Новая Гвинея. 15 сентября 1975 года в Порту Морсби — там, где когда-то Миклухо-Маклай провел несколько недель в резиденции Дж. Чалмерса, — был поднят черно-красный флаг с золотой райской птицей и пятью звездами Южного Креста...

За четыре года до этого события, ставшего поворотной вехой в истории народа Новой Гвинеи, советское научно-исследовательское судно «Дмитрий Менделеев» бросило якорь в бухте Порт Константин, прямо против мыса Бугарлом, где стояла хижина Миклухо-Маклая во второй его приезд.

Автору этих строк посчастливилось быть в составе этнографического отряда, который сошел на Берег Маклая спустя сто лет после первой высадки здесь русского путешественника. Что изменилось за эти сто лет в жизни папуасов? Какие они теперь, потомки Туя, Саула, Лялу? Помнят ли они Маклая? На эти и другие вопросы мы должны были получить ответы, опираясь и на материалы, собранные нашим великим предшественником, и на новейшие методы современной науки.

...Толпа папуасов встречает нас на берегу, и первые слова, которые они слышат от белых людей, никогда здесь не бывавших, — на их языке: «Мы — тамо русс», «Мы из страны Маклая», «Мы приехали посетить вас»...

Сразу становится ясным, что имя Маклая для них значит очень много. Позднее самый старый житель деревни — Таног расскажет нам предание о том, как один из его предков, по имени Тойя (то есть Туй), первым познакомился с Маклаем, и как потом все они дружили с ним. Несколько папуасов среднего возраста — точно в таких костюмах и с такими украшениями, как описывал путешественник, с луками, стрелами и копьями в руках, разыграют перед нами сцену первой встречи с Маклаем: роль Маклая исполнит капитан корабля; он высадится на шлюпке

и пойдет в гору к деревне, а вооруженные папуасы выскочат ему навстречу и, пораженные его видом, станут требовать, угрожая оружием, чтобы он повернул назад, а он будет продолжать идти и дойдет до самой деревни, и здесь его встретит толпа, которая с криками рассыплется, а потом мы все выйдем на высокий берег — мыс Бугарлом, и отсюда откроется неописуемо красивый вид на океан, и нам станут рассказывать, как Маклай привез быка (так и будут говорить — «бик»), и он убежал и его не могли поймать... Тому же Таногу мы будем показывать портреты жителей берега, нарисованные сто лет назад Маклаем, и он опознает лицо молодого папуаса. «Асел», — скажет он, и это имя совпадет с надписью, сделанной рукою Маклая... И много раз имя Маклая будет повторяться в самых разных ситуациях, и наше пребывание в деревне закончится великолепным праздником на обширной площади: под удары барума вереница мужчин, одетых в традиционные наряды, с буль-ра и губо-губо, с пучками цветных листьев и ярких птичьих перьев за поясами и браслетами, с раскрашенными лицами и телами, с ручными барабанами в руках — точно такими же, какие привез в Россию Миклухо-Маклай,— выйдет, станет в круг и под пение и удары окамов начнет пляску. И пение и пляска будут совершенно такими, как их описывал Маклай, только мы сможем заснять все это на киноленту, и записать на магнитофон, и запечатлеть в десятках фотографий...

Все дни, проведенные в деревне, мы работали, то есть наблюдали и наблюдали, подобно Маклаю, описывали, фотографировали, задавали сотни вопросов, вступали в беседы, понуждали папуасов к рассказам... Постепенно открывалась перед нами картина сегодняшней жизни деревни Бонгу (деревни Горенду и Гумбу не сохранились, а в более отдаленные деревни мы не попали). На каждом шагу мы «узнавали» знакомые черты быта, обнаруживали хорошо известные нам предметы, сталкивались с тем, что многократно, точно и подробно описывал Миклухо-Маклай: табиры, гребни, украшения, музыкальные инструменты из трубок бамбука, ядер кокосового ореха, бутылочной тыквы, женские юбки из волокон, сумки у мужчин, коробочки для бетеля, чашечки для питья кеу, луки и стрелы, деревянные скульптуры — «телумы», маски и разные ритуальные доски; много раз описанная Миклухо-Маклаем привычка папуасов носить с собою для обогрева и раскуривания сигарет тлеющие поленья; манера женщин носить тяжелые сумки с перехваченными через лоб лямками; как и сто лет назад, создание плантаций путем вырубки и выжигания площадок в лесу с последующей тщательной ручной обработкой почвы; те же самые лодки-долбленки с балансирами, только крашенные теперь в современную краску. И многое, многое другое... Казалось моментами, что мы в музее на открытом воздухе, воссоздающем эпоху Маклая.

В действительности, конечно, за сто лет произошло немало перемен. По-другому выглядит деревня: хижины подняты на сваи, они бо́льших размеров, с окнами, с бамбуковым полом, с верандами. Появились жилища нового типа — лавчонки, церковь, сараи для просушки копры... В повседневный обиход вошли железные орудия — топоры, мотыги, ножи, решетки для костра. Повседневная одежда теперь — приобретенные в лавке рубашки и шорты у мужчин, платья и юбки у женщин. Вообще в быту множество покупных предметов, вплоть до велосипедов и транзисторных приемников. Разумеется, денег у бонгуанцев мало — они вы-

ручают их главным образом от продажи копры. Есть начальная школа, и молодежь получает элементарные знания. С папуасами можно теперь поговорить на пиджин-инглиш (язык-посредник, распространенный на Новой Гвинее), а с некоторыми и на английском. Перемены видны и в хозяйстве, и в домашней жизни. Уже больше нельзя говорить о замкнутом в себе Береге Маклая — мир для папуасов расширился...

Если кратко охарактеризовать Бонгу, каким мы увидели его в 1971 году, то наиболее бросилось в глаза причудливое переплетение старого, традиционного, первобытного (описанного Маклаем) с новым, свидетельствующим о неостановимом, но очень сложном и трудном процессе современного экономического и социального развития.

Сто лет назад к папуасам явился человек во всех отношениях для них необыкновенный. У него была белая кожа: согласно мифологии новогвинейцев белизна была признаком далеких предков, — тех, кто когда-то пришел с Луны или кто после смерти пребывал в мире, недоступном живым. «Человек с Луны» — эта характеристика Маклая была подсказана папуасам мифологическими историями об их первопредках. В этом смысле она не была ни случайной, ни выдуманной. Белый человек, как очень скоро обнаружилось, обладал множеством вещей, которых папуасы никогда не видели, и среди них оказались предметы, орудия, очень полезные: ножи и гвозди из неведомого и очень прочного материала, стекло и т. п. И здесь снова на помощь папуасам пришли их мифы, в которых рассказывалось, что все необходимые и новые предметы жизни — орудия труда, лодки, музыкальные инструменты и т. п. — были когда-то принесены, изобретены или похищены где-то героями-предками. В науке о первобытном обществе таких персонажей принято называть культурными героями. В глазах папуасов Маклай был подлинным культурным героем, который не только владел многими ценными предметами, но и принес их для общего пользования. Наконец, с точки зрения обитателей берега залива Астролябии, белый человек обладал могущественными способностями: излечивать больных, без труда добывать огонь, стрелять из чудесного оружия и т. д.; они верили, что Маклай, если захочет, может поджечь море, вызвать землетрясение, остановить дождь и многое другое. Всё это были качества, свойственные только великим мифологическим персонажам.

Отсюда становятся понятными некоторые особенности в отношении папуасов к Маклаю: вначале его боялись, но и уважали; в его необыкновенные способности верили, но и остерегались прибегать к их помощи; взгляда его глаз не выдерживали и либо отворачивались, либо даже отходили; женщинам и детям было категорически запрещено видеть его (подобно тому как им вообще не разрешалось общаться с персонажами и предметами «иного» мира); мужчины прибегали к разным уловкам, чтобы испытать его силы и возможности.

Таким образом, имя «каарам тамо» — «человек с Луны» выражало осознание папуасами сущности и происхождения явившегося к ним белого человека. Они, естественно, думали, что Россия — это название Луны на языке Маклая. Расспрашивая о жизни в России, то есть на Луне, они исходили из подсказанных их мифологией представлений, согласно которым жизнь там подобна жизни на земле, но многое там «наоборот».

«Каарам тамо» нельзя приравнивать к божеству. У папуасов не

было еще сложившейся системы религиозных представлений о богах, о поклонении им и т. д. Предметами их культов были предки, обитатели мира умерших, мифологические герои, «хозяева» природы.

Отношение к Маклаю осложнялось тем, что многое в нем для папуасов не совпадало с их мифологическими знаниями и даже противоречило этим последним. Они видели в Маклае человека, одновременно и необыкновенного, из «иного» мира, и подобного им. Эту вторую сторону Маклая они определили словами «тамо билен» — «человек хороший» и постепенно всё больше привыкали и привязывались к нему как к хорошему человеку. Кроме того, его стали звать тамо боро боро. На берегу залива Астролябии люди еще не знали разделения на имущих и неимущих, на тех, у кого в руках власть, и кто бесправен. Во всех общественных делах они опирались на нормы и правила традиции, при этом решающий голос имели тамо боро — пожилые мужчины и старики, собиравшиеся время от времени обсуждать разные вопросы. Именно тамо боро решили просить Маклая остаться у них навсегда и стать полноправным членом их общин. Наименование Маклая «тамо боро боро» означало признание его исключительного авторитета.

Со временем папуасы поняли, что белые люди — пришельцы не с Луны, а с каких-то дальних земель. Маклай был первым, кто попытался рассеять их миф об исключительности белого человека, кто предупредил их об опасностях, грозящих со стороны белых, и дал советы, как от этих опасностей уберечься. Десятилетия общения с белыми — представителями колониальной администрации, торговцами, миссионерами, туристами, учеными — не изгладили из исторической памяти папуасов образ Маклая, но в их сознании Маклай утратил черты мифологического персонажа, «человека с Луны», а на первый план выступили качества «хорошего человека», верного друга, с открытым сердцем, с неудержимым желанием быть им полезным, помочь в ожидавшей их тяжкой борьбе за свободу.

Память папуасов о Маклае теперь перестает поддерживаться одной лишь устной легендой. Несколько лет назад в Маданге — административном центре того округа, куда входит Бонгу, были изданы в переводе на английский язык новогвинейские дневники Миклухо-Маклая. Наборщики-папуасы готовили книгу к печати. Ее экземпляры попали и в Бонгу: участники захода «Дмитрия Менделеева» в Порт Константин в 1977 году видели книжку в руках местного учителя — тоже бонгуанца...

В этой книге собрана лишь малая, хотя и очень характерная, часть сочинений Миклухо-Маклая. Центральное место занимают дневники путешествий. Подобно другим мореплавателям и путешественникам, Миклухо-Маклай считал дневники наилучшей формой закрепления и передачи впечатлений, новых сведений и знаний. Над подготовкой дневников для печати он работал исключительно внимательно и много. Ему не удалось завершить в полной мере этого дела, но главную часть он успел выполнить. В мировой литературе путешествий дневники Миклухо-Маклая занимают почетное место: богатство содержания, полнота, точность, детальность (при отсутствии излишних подробностей), прямота суждений и правдивость отличают их. Особая ценность дневников 1871—1872 годов состоит в

том, что они с предельной достоверностью отразили труднейший процесс вхождения Миклухо-Маклая в первобытный мир, запечатлели его беспримерный эксперимент по «завоеванию» этого мира без намека на применение какого бы то ни было оружия, кроме терпения, дружелюбия, гуманного отношения. Эти качества делают дневники Миклухо-Маклая явлением мировой литературы и общественной мысли.

Большое значение Миклухо-Маклай придавал предварительным отчетам о своих путешествиях, в которых делился первыми итогами, обобщениями и наблюдениями. Эти отчеты он нередко писал не только для русских, но и иностранных журналов по-немецки, по-английски и по-французски. Благодаря им ученая общественность всего мира узнавала о его делах.

Миклухо-Маклай вел обширную и оживленную переписку — с родными, друзьями, учеными, политическими деятелями. Далеко не все его письма дошли до нас, но те, что сохранились, раскрывают нам облик Миклухо-Маклая. Публикуемые в книге отрывки позволяют отчетливо представить нам его позиции в жизни, черты его характера, взгляды по многим вопросам, отношение к людям, требования, которые он предъявлял к самому себе. Миклухо-Маклай везде и всюду оставался самим собой — стойким ученым, гуманистом, последовательным противником зла, человеком высоких принципов и истинным демократом.

Полностью труды Миклухо-Маклая изданы в собрании сочинений в пяти томах (шести книгах) Академией наук СССР в 1950—1954 годах. Тексты для настоящего издания взяты из соответствующих томов собрания сочинений, за исключением случаев, которые специально оговорены в примечаниях.

Б. Н. Путилов

Желающих более подробно ознакомиться с жизнью и деятельностью Миклухо-Маклая отсылаем к книгам о нем: Бутинов Н. А. Н. Н. Миклухо-Маклай — великий русский ученый-гуманист. К 100-летию его первой экспедиции на Новую Гвинею. Л., 1971; Бутинов Н. А. Путь к Берегу Маклая. Хабаровск, 1975; На Берегу Маклая (Этнографические очерки). М., 1975; Путилов Б. Н. Николай Николаевич Миклухо-Маклай. Страницы биографии. М., 1981.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Залив Астролябии назван так французским мореплавателем Дюмон-Дюрвилем по имени своего корабля: в 1827 году во время кругосветного путешествия он первым описал этот залив, не высаживаясь, однако, на берег.

2. Миклухо-Маклай нанял двух слуг на о-ве Уполу (архипелаг Самоа) — шведа, бывшего матроса китоловного судна, и юношу-полинезийца с острова Ниуе.

3. Папуасские лодки выдалбливались из цельных древесных стволов разной величины и обычно имели балансир и небольшую платформу посредине. Миклухо-Маклай в дальнейшем описывает разные их виды.

4. Кротоны — кустарниковые растения семейства молочайных.

5. Coleus — род кустарников семейства губоцветных, клубни некоторых видов съедобны.

6. Панданусы — невысокие деревья с длинными жесткими листьями и многочисленными корнями-подпорками. Циновки из листьев пандануса использовались папуасами в качестве парусов; из листьев дерева делали также юбки. Плоды пандануса едят в сыром или тушеном виде. Хлебные деревья папуасы разводили обычно в деревне (местное название — «боли»), плоды ели вареными или печеными.

7. Piper betel — вид перца, листья которого употребляются для жевания бетеля (см. примеч. 18).

8. Казуар — птица из отряда безкилевых, на Берегу Маклая была редкой.

9. Элефантиазис — слоновая болезнь, при которой чаще всего имеет место громадное увеличение объема и значительная деформация ноги.

10. Psoriasis — очень распространенная на Берегу Маклая болезнь (передававшаяся по наследству), при которой поражалась кожа всего тела.

11. Командир корвета «Витязь» впоследствии сообщал в рапорте: «Местность, избранная им (то есть Миклухо-Маклаем) для жилья, по общему нашему убеждению, неудобная: в случае крайности ему отрезаны все пути для отступления, и она имеет все данные для развития лихорадки. Переночевавший одну только ночь в доме Маклая инженер-механик... получил лихорадку перемежающуюся... и болен по сие время; слуга швед остался там уже пораженный ли-

хорадкой, и сам г. Маклай уже ощущал припадки лихорадки. Через пять дней по уходе корвета лихорадка начала развиваться в команде корвета. Кроме этих губительных обстоятельств для г. Маклая, он не может из своего жилья усмотреть ни одного проходящего корабля, и, обратно, ни один корабль, проходя мимо, никогда не будет в состоянии рассмотреть местопребывание европейца и флаг, который я ему устроил на мачте».

12. Canarium commune — дерево семейства бурсеровых, дает съедобные орехи и горючую смолу, которая употребляется папуасами для факелов (дерево на языке Бонгу — кенгар).

13. Среди этих последних писем сохранилось: «Милая, дорогая мать и сестра! Я у моей цели. Остаюсь на год в Новой Гвинее. Труда будет много, но надеюсь на успех. До свидания и не забывайте».

С этого времени связь Миклухо-Маклая с родными и близкими прерывается до февраля 1873 года, когда он сможет послать первые письма из Тернате, куда прибудет на клипере «Изумруд».

14. Табу — полинезийское слово, принятое в науке для обозначения запретов у первобытных народов на различные действия, слова, предметы и т. д. Как убедился Миклухо-Маклай, различные запреты были известны и папуасам его Берега, хотя он так и не смог узнать слова, которыми они здесь обозначались.

15. Барла — помост возле хижины, 1—1,5 метра высоты, место отдыха и трапезы мужчин; также — бамбуковая скамья вдоль стены внутри хижины, служащая для сна. Миклухо-Маклай называет барлой также некоторые хижины, что, по-видимому, неточно.

16. Лори — вид попугая.

17. Коки — птица из семейства райских птиц.

18. Жевание бетеля — одно из постоянных занятий папуасов-мужчин. Сначала они разжевывают орех арековой пальмы, затем кладут в рот с помощью специальной отточенной кости немного извести и добавляют листья бетеля. Все это мужчины носят при себе в бамбуковой коробке или калебасе (сосуде из тыквы). От постоянного жевания бетеля чернеют зубы.

19. Сигнальный барабан (на языке Бонгу — барум) — важнейший инструмент папуасов для передачи информации на далекие расстояния. Видом он напоминает лодку или огромную рыбу: передняя часть его обработана в форме носа лодки или рыбьей головы и часто украшена резьбой. Существует язык сигналов, который знают все члены общины и соседние деревни; с помощью таких сигналов сообщается о всех типовых событиях текущей жизни. Хорошие барумы слышны на 5—6 морских миль. Барумы употребляются также в ходе обрядов для их регулирования и могут сопровождать пение и пляски.

20. Таро — растение семейства аронниковых, утолщенные корни идут в пищу (на языке Бонгу — бау). Таро — главный продукт питания папуасов примерно с марта по август, его едят вареным и печеным, смешивая с наскобленной мякотью кокосового ореха. Отдельный плод может весить до 20 килограммов.

21. Artocarpus incisa – вид хлебного дерева (см. примеч. 6).

22. Calcispongia — известковые губки.

23. Сагю — браслеты, которые плетутся из древесной коры и травы и искусно украшаются мелкими раковинами. За сагю обычно затыкаются ветки пестролистных растений и разные предметы.

24. Эвапорометр — прибор для наблюдений над испарением воды.

25. «...я целиком погрузился в созерцание роскошных таинственно фантастических окрестностей» *(нем.)*.

26. Пение, которое описывает здесь Миклухо-Маклай, несомненно, являлось хоровым сопровождением мужских ритуальных плясок, которые во время обрядов могли длиться бóльшую часть ночи.

27. Позже Миклухо-Маклай заметит, что «излюбленная поза папуасов — это сиденье на корточках... Часами сидят они в такой позе, не вставая даже тогда, когда они могли бы лечь или принять более спокойное, по нашим понятиям, положение».

28. Страх перед стрижкой волос объясняется характерными для первобытных народов представлениями, согласно которым тот, кто получает какую-нибудь частицу человеческого тела, платья, принадлежащих предметов и т. п., способен нанести вред их владельцу и даже вызвать смерть.

29. Мужские дома в обществах, подобных папуасскому, играли роль клубов, где мужчины обсуждали важные дела и просто отдыхали. В мужских домах также хранились предметы, предназначенные для ритуалов (маски, украшения, музыкальные инструменты и др.). В отличие от обычных хижин мужские дома украшались резными фигурами и различными изображениями. Доступ женщинам был в них полностью запрещен. В них могли спать гости из других деревень. Миклухо-Маклай обозначает словом «буамрамра» как мужские дома, так и одиночные мужские хижины, не имевшие ритуального характера.

30. Табиры — деревянные блюда различных размеров (самые большие — свыше полуметра в поперечнике), вырезаемые из цельных кусков дерева с помощью каменных и костяных инструментов, круглой и овальной формы, покрытые черной краской, с резными и окрашенными в белый или бурый цвет изображениями и орнаментом.

31. Тапа — у полинезийцев материя, изготовлявшаяся из луба. Как установил Миклухо-Маклай, папуасы также владели искусством изготовления тапы, хотя и гораздо более примитивной и грубой.

32. Фальшфейер — тонкостенная гильза, набитая медленно горящим составом, употреблявшаяся как фейерверк, для освещения местности и сигналов.

33. Hibiscus — растение из семейства мальвовых (китайская роза), рассаживалось возле хижин, красными цветами его пользовались для ритуальных и праздничных украшений, ими также украшали предназначенных для обрядовой жертвы свиней и собак.

34. Оним — магическое, колдовское средство или действие, способное наслать беду или, напротив, предохранить от нее. Вера в оним отражает слабость первобытного человека перед силами при-

роды и незнание им реальных причин многих явлений природы и жизни. В своих трудах Миклухо-Маклай приводил множество примеров «слепой веры в оним, который может заставить дождь не литься, ветер перестать дуть, растения гибнуть; оним, служащий причиной болезни и смерти людей, а также, в других случаях, предохраняющий людей от опасности измены, предоставляющий им хороший улов, хороший прием в соседней деревне или любезности девушек и женщин. Все может сделать оним — только следует добыть настоящий, а если желание не исполнилось, то оним был не тот, или же дан не тем, кто мог его дать, или сам дававший не захотел дать настоящий. Бездействие онима поэтому нисколько не уменьшает веры в него!»

35. Гун сплетался из нких, по-разному окрашенных шнуров. Мужчины носили в нем коробки для жевания бетеля, ножи и другие инструменты, раковины, бамбуковые баночки с красками, чашечки для питья кеу и многое другое.

36. Окам — ручной барабан, изготовлялся путем выжигания древесного ствола, при этом верхняя часть затягивалась шкурой ящерицы или крокодила, а нижняя оставалась открытой. Внешняя поверхность окама полировалась, окрашивалась и покрывалась резьбой. Особенно тщательно украшалась ручка барабана. К ней могли привешивать волокна растений, ветки с орехами и т. д. Окам был обязательной принадлежностью мужских плясок, причем не только выполнял роль аккомпанемента, но пляшущие играли им, делая различные фигуры танца. Мастера окама могли извлекать из него звуки разнообразного тембра.

37. Как показали позднейшие исследования этнографов, население папуасской деревни делилось на кланы, каждый из которых группировался в нескольких хижинах вокруг одной площадки: это соответствовало нормам общинно-родового строя. У каждого клана был свой мужской дом. То обстоятельство, что Миклухо-Маклая заставили обойти «все сараи», говорит, что каждый клан счел нужным пригласить его к себе. Естественно, что в этих встречах участвовали только мужчины.

Согласно описаниям и рисункам Миклухо-Маклая хижины в папуасских деревнях стояли прямо на земле. С конца XIX — начала XX века стали распространяться постройки на сваях и хижины строились более просторные. Однако многие мужские дома оставались стоять на земле.

38. Телумы («идолы») — деревянные, реже глиняные, изображения человеческих фигур, мужских и женских, часто с фантастическими деталями и преувеличениями, с добавлениями звериных частей тела и т. д. По-видимому, телумы считались изображениями родовых и мифологических предков и, возможно, других персонажей папуасской мифологии. Некоторые телумы играли какую-то роль в ритуалах.

39. Традиционные погребальные обычаи папуасов предусматривали, что примерно через год после похорон нижнюю челюсть отделяли от головы, очищали и заботливо сохраняли, череп же бросали где-нибудь в деревне. Такие челюсти могли носить в сумках или в виде браслета на руке. Возможно, что верили в их особенную силу.

40. Аусь — тростниковое растение, одно из любимых в рацио-

не папуасов, приготовлялось вареным или пеклось на углях завернутым в листья.

41. Piper methysticum — перечное кустарниковое растение, из которого приготовляли кеу: листья, стебли и особенно корни жевались (корни предварительно разрыхлялись камнями), чаще всего это поручалось молодым людям; «набрав полный рот, они работали зубами, как настоящими жерновами... Если кто-нибудь уставал раньше, чем масса была достаточно размягчена, то он выплевывал ее себе на руку, скатывал из нее комок и передавал другому, чтобы тот довел жевание до конца... Один тамо делает тем временем аппарат для фильтрования кеу, состоящий из двух скорлуп кокосового ореха, из которых верхняя образует воронку, а нижняя, бо́льшая, служит резервуаром. Вместо фильтра кладут над отверстием немного мелко истертой травы...». Размягченную массу сплевывают в скорлупу, добавляют воды и, профильтровав, получают горький, ароматный опьяняющий напиток.

42. Кеу аналогичен полинезийской каве. Употребление кеу у папуасов до Миклухо-Маклая не было известно ученым.

43. Таль — на языке Бонгу — дом.

44. Унан — на языке Бонгу обозначает траву вида Imperata.

45. Маб — местное название кускуса, мелкого сумчатого животного. Папуасы считали мясо маба лакомым кушаньем.

46. Аян — местное название ямса: травянистое растение, дающее утолщенные корни, богатые крахмалом; в период с августа по январь вареный аян составляет главную пищу папуасов.

47. Буам — местное название саго. На Берегу Маклая саговых пальм было сравнительно немного, и буам считался лакомством, его ели в торжественных случаях.

48. Трубы из длинного бамбука назывались «ай-кабрай» (кабрай — название попугая, отличающегося резким криком), они принадлежали к числу тех ритуальных инструментов, которые было запрещено видеть женщинам и детям.

49. Свистульки из ядра кокосового ореха назывались «монки-ай», они также относились к запретным для женщин и детей. Запрет, видимо, был связан с употреблением этих (и других) инструментов во время обрядов встреч и проводов предков и мифологических персонажей.

50. Орлан — плод дерева типа ореха. Из перебродившей мякоти и ядер делают кислый соус, который примешивают к пище.

51. Пиршества «ай» того типа, какой описывает Миклухо-Маклай, представляли собою заключительный этап межобщинного празднества, одной из важных целей которого было поддержать традиционное общение между дружественными деревнями. Судя по тому, как был включен в праздничную процедуру Маклай, он — в сознании папуасов — также представлял дружественную общину «русс».

52. Гамба — скорлупа кокосового ореха, служащая чашкой или тарелкой. Чтобы приготовить гамбу (или вообще расколоть орех), опытной рукой наносят удар продолговатым камнем так,

что получаются ровные края. Размер гамбы определяется как величиной ореха, так и тем, в каком месте его наносится удар.

53. Среди этих «других» инструментов мог быть илоль-ай — труба из выдолбленной бутылочной тыквы, служащая резонатором. Миклухо-Маклай нигде не говорит о «лоб-лоб-ай» — гуделках, одном из самых важных и секретных инструментов папуасов, который представлял собою деревянную пластинку, напоминающую нож, привязанную за шнур к бамбуковой палке; при вращении пластинка, разрезая воздух, производила воющий звук. Считалось, что это голос предка.

54. «Мулум» — секретный и важнейший обряд, подробности которого Миклухо-Маклай так и не смог узнать. Его проходила вся мужская часть населения. Это обряд инициации, или посвящения, состоящий из целого ряда сложных действий и обучений, в результате которого молодые люди становились полноправными членами мужских коллективов.

55. Вынос — балансир.

56. Corvus senex — ворон серый.

57. Юр — острога для ловли рыбы, со многими наконечниками из твердого дерева, с древком из бамбука (чтобы не тонула в воде).

58. Бау — таро (см. примеч. 20).

59. Дюг — казуар (см. примеч. 8).

60. Камера-луцида — (правильно люцида) — прибор, облегчающий срисовывание предметов.

61. Идейный шрифт — в современной науке этот тип письма, известный первобытному обществу, принято называть рисуночным идеографическим письмом.

62. Кенгар — см. выше примеч. 12.

63. Флейты этого типа носили название «тюмбин», и на них не распространялись запреты, принятые для инструментов «ай».

64. Katzenjammer — похмелье *(нем.)*.

65. Диглан — шип растения.

66. Маласи. Для папуасов, как и вообще для первобытного общества, характерно довольно четкое деление на половозрастные классы. Словом «маласи» Миклухо-Маклай называет вторую возрастную категорию (юноши), которая еще не пользуется всеми правами тамо — взрослых мужчин, имеет свои обязанности и свои отличительные внешние приметы (в украшениях, например).

67. Tincturae opii — настойка опия, болеутоляющее средство.

68. Папуасы Берега Маклая, видимо, умели добывать огонь путем трения, но из-за трудности этой процедуры предпочитали иметь огонь всегда под рукой. Это характерно и для других первобытных обществ.

69. Buceros — птица-носорог (на языке Бонгу — наренг).

70. Маски — важнейший вид ритуальных предметов у папуа-

сов. Изображение человеческих лиц в них соединяется с звериными мотивами и фантастическими элементами. Во время обрядов, связанных с культом умерших и мифологических предков, участники их надевали маски на головы, как бы превращаясь в персонажей мифологии. Искусство масок в некоторых районах Новой Гвинеи находилось на очень высоком уровне.

71. Centropus — наземная, или шпорцевая, кукушка, бегающая по земле подобно курам.

72. Caeamus — ротанг, род лианообразных пальм; на концах их листьев есть острые колючки. Ротанг служил для изготовления разных креплений, оснастки лодок и т. д.

73. Maleus — птица из семейства «сорных кур».

74. Tumuli — на языке Бонгу — кочки.

75. Тиболь — новогвинейский древесный кенгуру (на языке Бонгу).

76. Каинда — местное название одного из видов ямса.

77. Сари — то же, что губо-губо: сложное плетение из растительных волокон, мелких и крупных раковин, в виде треугольника, подвешенное на груди. Во время пляски его держали в зубах.

78. Qui dort dine — французская пословица: кто спит, тот обедает; спящий хлеба не просит.

79. А вот как описывает эту же встречу один из офицеров «Изумруда»: «После трудного перехода по неизвестным водам, усеянным коралловыми рифами и банками, плохо означенными на старых картах, мы не без внутреннего волнения приближались к бухте Астролябии. Жив Маклай или нет? Большинство уже давно исключило Маклая из списка живых, так как в одной из австралийских газет несколько времени тому назад было напечатано, что в Астролябию заходило одно купеческое судно, нашедшее в живых только Вильсона; но тем не менее все были страшно взволнованы и ждали чего-то необыкновенного. Находясь в 3 или 4 милях от порта «Вел. кн. Константин», мы направили все трубы и бинокли на берег, высматривали на нем дом и искали какие-нибудь признаки наших отшельников. Наконец один из офицеров заметил русский коммерческий флаг, развевающийся между ветвями громадных дерев, и пришел в такое волнение от своего открытия, что едва мог сообщить об этом командиру.

Мы знали, что «Витязь» оставил флаг Маклаю, а потому его присутствие ясно говорило, что кто-нибудь из оставшихся жив. Клипер прибавил ходу, и мы увидели дом; видели, как отвалили две пироги, идущие к нам навстречу. Пока еще трудно было разобрать, кто на них находился, но, постепенно сближаясь, мы различили какого-то европейца, который вскоре оказался, ко всеобщей радости, мнимоумершим Маклаем.

Сцена встречи была самая торжественная; трудно передать ее впечатление. Разукрашенные оружием и головными уборами гребцы чинно сидели на своих местах в пироге, а между ними на возвышении помещался худой и обросший Маклай в истрепанном и поношенном костюме, в соломенной шляпе. Клипер остановился и, выпуская с грохотом излишний пар, послал по вантам команду,

которая вместе со стоявшими на мостике офицерами дружным и многократным «ура» приветствовала нашего смелого исследователя Новой Гвинеи. Лица всех сияли счастьем и радостью; только папуасы, испуганные шумом машины, криком и маханьем шляп, составляли исключение, удивляясь этой новой картине.

По выходе Маклая на клипер не было конца рукопожатиям, поздравлениям и разным вопросам. Вообще суматоха была немалая, и разговор, как обыкновенно при встречах, вращался на пустяках и мелочах. Маклай сильно изменился за время 15-месячного отшельничества от сильных пароксизмов лихорадки, всякого рода лишений и трудных работ. Во фланелевой рубахе, гамашах (штиблеты для экскурсий), с кинжалом и револьвером за поясом, с сумкой через плечо, наполненной разными лохмотьями для мены и покупки пищи, он был настоящим Робинзоном Крузо.

Дикари относились к Маклаю с большим доверием и, постоянно почти произнося «Маклай», спрашивали у него совета и разъяснений. Свободно и бегло говоря по-астролябски, Маклай немедленно отвечал на все их расспросы.

Слуга его, Вильсон, прохворал почти все время пребывания на Новой Гвинее. Маклай окружил его всевозможною заботливостью и, будучи сам на краю могилы, спас ему жизнь. К приходу «Изумруда» у него оставалось всего 20 гран хинина...»

80. Ф. Р. Остен-Сакен в конце 60 — начале 70-х годов принимал активное участие в деятельности Русского географического общества, был его секретарем, много способствовал поддержке со стороны РГО планов путешествия Миклухо-Маклая и публикации его сообщений в «Известиях РГО», затем ушел из РГО и служил в Министерстве иностранных дел, где продолжал поддерживать связи с Миклухо-Маклаем. Его можно считать одним из близких друзей и единомышленников путешественника.

81. Мать Миклухо-Маклая после смерти мужа в 1857 году осталась с пятью детьми. О ней вспоминают как о женщине, соединявшей необыкновенную мягкость, доброту и сердечность с громадной силой воли, выдержкой и умом. В девические годы она была знакома с некоторыми членами кружка Герцена — Огарева. «Маленькая, худенькая, болезненная женщина... она всегда и всем готова была помочь как могла, себя же ограничивала во всем».

Екатерина Семеновна надолго пережила сына.

82. Ольга была на семь лет моложе Николая Николаевича. Из воспоминаний ее родственника: «Умная и талантливая, она получила прекрасное образование, владела иностранными языками, посещала Высшие женские курсы и прекрасно рисовала... Она помогала матери, давая уроки рисования и языков. Среди близких ее знакомых были такие люди, как И. С. Тургенев и семья Герцена, с дочерью которого, Натальей, она была особенно дружна».

83. Володя — брат Николая Николаевича, окончил Морской кадетский корпус, позднее участвовал в русско-турецкой войне, некоторое время плавал в торговом флоте, затем вернулся в военно-морской, в русско-японской войне 1904—1905 годов командовал броненосцем «Адмирал Ушаков», смело вел бой с двумя японскими крейсерами в знаменитом Цусимском сражении; когда корабль был подбит, приказал затопить его и всем прыгать за борт, сам погиб в волнах...

84. Миша — брат Н. Н., самый младший в семье и в конце 70-х, в 80-е годы самый близкий Николаю Николаевичу (см. ниже отрывки писем к нему). Миклухо-Маклай будет делиться с ним своими планами, будет стараться привлечь его к своим делам на Новой Гвинее и т. д. Михаил Николаевич станет горным инженером, опубликует несколько научных работ, но главным делом своей жизни он будет считать собирание и сохранение материалов, относящихся к деятельности его старшего брата. Благодаря усилиям М. Н. основная часть литературного наследия Николая Николаевича и множество сведений о нем ныне сохранены и находятся в архивах Академии наук и Географического общества в Ленинграде.

85. ...Приезжал за мною в Японию. Владимир Николаевич служил в это время на Дальнем Востоке. Н. Н. планировал поездку в Японию и оттуда — возвращение в Россию через Сибирь.

86. Мещерский Александр Александрович — самый близкий и верный друг Миклухо-Маклая. Их дружба началась, видимо, еще в гимназии, затем оба учились в Йенском университете, хотя и на разных факультетах, жили вместе и очень нуждались (из одного письма 1868 года: «Более недели у меня нет ни гроша. Мещерский тоже в том же положении»). По окончании университета Мещерский служил секретарем отделения статистики Русского географического общества, много занимался изучением русских народных промыслов, издал в соавторстве большую книгу об этом, затем оставил службу и жил преимущественно во Франции и Италии, был близок с И. С. Тургеневым и Натальей Александровной Герцен. Во время путешествий Миклухо-Маклая был его неизменным доверенным лицом в Европе, выполнял множество больших и мелких поручений и главное — заботился о том, чтобы найти для друга денежную поддержку. Потомок старинного княжеского рода, Мещерский сам не имел средств. Миклухо-Маклай в письмах называет его: «мой старый товарищ и друг», «верный друг мой», «самый дорогой мой друг»...

87. Плавание на «Изумруде» было долгим. Корабль останавливался в Тернате (Молуккские острова), а затем направился на север. Воспользовавшись недельной стоянкой в Маниле, Миклухо-Маклай совершил поездку на остров Люсон (Филиппины), где несколько дней провел среди негритосов, жил в шалаше из пальмовых листьев и в результате наблюдений пришел к выводу о родстве негритосов с папуасами. Об этом он написал специальную заметку, напечатанную в «Известиях РГО». После Манилы «Изумруд» заходил в Гонконг, затем в Сингапур и, наконец, в середине мая пришел в Батавию (остров Ява). Здесь Миклухо-Маклай оставил клипер, предполагая пожить на Яве, чтобы привести в порядок и приготовить к печати материалы путешествия и приготовиться к новому. Климат в самой Батавии оказался чрезвычайно нездоровым, и Миклухо-Маклай принял приглашение генерал-губернатора Нидерландской Индии Лаудона пожить в его доме в Бюйтензорге, километрах в 50 от Батавии, высоко в горах. «Я осмотрел и выбрал самые простые и отдельные комнаты в совершенно отдельном павильоне... сижу дома целый день, забрал много книг из батавской библиотеки и наслаждаюсь тишиною... воздухом, а главное — полною беззаботностью... Подчас я чувствую себя крайне, до полной апатии усталым...»

Как показывают письма, в Бюйтензорге Миклухо-Маклай много работал, написал ряд статей (для английских, немецких, голландских и русских изданий), но болезни продолжали его мучить.

88. Серамцы — жители индонезийского о-ва Серам.

89. Макассар — город и порт на о-ве Сулавеси. Миклухо-Маклай останавливался здесь на пути в Папуа-Ковиай в декабре 1874 года и познакомился, в частности, здесь с известным итальянским путешественником и ученым О. Бекари, с которым они подружились.

90. Прау (падуакан) — на языке малайцев обозначает большое торговое судно.

91. Via — через, прямым путем.

92. Номадная жизнь — то есть жизнь кочевников.

93. Радья, капитан — в данном случае это название местных племенных вождей и начальников.

94. Ваойсирау — правильнее «вуоусирау», горное папуасское племя.

95. Голландские резиденты. Обширный регион, охватывающий большое количество островов и западный берег Новой Гвинеи, в те времена являлся колонией Нидерландов и носил название Нидерландской Ост-Индии. Колониальную власть на местах представляли так называемые резиденты.

96. Султан Тидора. Острова Тернате и Тидор (из группы Молуккских о-вов), входившие также в состав нидерландских колоний, управлялись султанами, которые пользовались относительной самостоятельностью и бесконтрольно хозяйничали в близлежащих районах.

97. Иохор — в современном написании Джохор, княжество на юге полуострова. Иохор-Бару (Джохор-Бару) — столица.

98. Этнографическая наука высоко оценила результаты работ Миклухо-Маклая на Малаккском полуострове в изучении малоизвестных народов. Согласно современным данным не вполне подтвердились предположения ученого о скором вымирании или о полном поглощении племен, которых он изучал. Небольшие группы их сейчас насчитывают более 50 тысяч человек. Семанги, например, продолжают жить во многом так, как описывал сто лет назад путешественник, — кочуя по лесам и лишь сооружая временные навесы из пальмовых листьев. Относительно сенои и других говорят, что их жизнь испытала немало воздействий новой культуры.

99. Согласно договору со шкипером шхуны, направлявшейся на острова Западной Микронезии и Меланезии с товарами, Миклухо-Маклай мог частично менять маршрут, а после распродажи груза определять его полностью. Плавание продолжалось более трех месяцев, за это время Миклухо-Маклай побывал на островах Яп и Палау (Микронезия), островах Адмиралтейства, где продолжал антропологические и этнографические исследования и завязал дружеские отношения со многими туземными общинами. Одновременно он стал свидетелем бесчестной эксплуатации жителей островов со сто-

роны тредеров (торговых агентов) и шкиперов судов, обмана, жестокого обращения и т. д.

100. Мыс этот на языке Бонгу назывался Бугарлом.

101. Особенность дневника Второго путешествия на Берег Маклая состоит в том, что вместо систематических, каждодневных записей в нем преобладают рассказы об экскурсиях, о каких-то событиях и происшествиях, об отношениях с папуасами, часто не имеющие точной календарной привязки.

102. Билен — хорошие, борле — плохие.

103. Гамбор — корзина для переноски и хранения умершего.

104. Губ — листовые влагалища пальмы.

105. Calophilum inophilum — вечнозеленое дерево.

106. Английское название высшего представителя Великобритании в Западной Океании.

107. Английское название специального уполномоченного, представителя властей. Х. Ромилли, посланный для обследования районов Новой Гвинеи, посетил Берег Маклая в 1881 году, в официальном отчете рассказал, что без помощи знаков и слов, данных ему Миклухо-Маклаем, он не смог бы совершенно вступить в контакт с папуасами.

108. Миклухо-Маклай оставил залив Астролябии 10 ноября 1877 года на шхуне «Flower of Iarrow». После более чем двухмесячного плавания он совершенно больным прибыл в Сингапур. Где-то в пути его встретил итальянский ученый — ботаник О. Беккари, — который по возвращении в Европу написал письмо А. Мещерскому, в котором впервые так откровенно нарисовал катастрофическое состояние, в каком увидел своего друга: «Еще в первое мое путешествие (имеется в виду 1875 год) я застал его в весьма неудовлетворительном физическом и нравственном состоянии, но теперь его почти нельзя было узнать. Известие о полном почти разорении его семейства нанесло сильный удар его организму, уже истощенному всякого рода утомлениями, непрерывными лишениями и климатом тех стран, в которых он жил и которые он при всем том тщательно исследовал. Он страдает от этого тем более, что все его коллекции, антропологические и другие, рисунки его, заметки — словом, все плоды его разысканий, хранящиеся в значительном числе ящиков, находятся в руках нескольких банкиров и купцов, которым он должен был оставить все свои научные сокровища в обеспечение уплаты по нескольким займам, без которых он не мог бы осуществить предначертанного им себе обширного плана изысканий. Таким образом, он находится в плену — не имеет никаких средств возвратиться в Европу, лишен всех своих научных принадлежностей и не может более надеяться ни на какую помощь со стороны своего семейства. Опасаюсь, что при таких условиях он проживет недолго: физические и нравственные силы его окончательно не выдержат бремени безвыходного, самого трагического и ужасного положения... Необходимо сделать все, что только можно, для спасения его вовремя, чтоб сохранить науке такого человека и такие труды, а родине его — честь считать его в числе своих сынов...» Письмо полностью было опубликовано в газете «Голос»,

и сразу же развернулась кампания по организации помощи Миклухо-Маклаю. Очень скоро ему было отослано 4500 рублей.

109. Сэр Артур Гордон в те годы был призван осуществлять британскую колониальную политику в Океании. О нем говорили, что он не был сторонником крайних мер и старался привлекать на свою сторону людей умеренных взглядов.

А. Гордон, видимо, понял, что в лице Миклухо-Маклая он имеет дело с серьезной общественной силой, игнорировать которую нельзя. Поэтому он переправил письмо ученого в Лондон министру колоний и сопроводил его некоторыми сочувственными замечаниями. Он также ответил Миклухо-Маклаю, обещав ему в скором времени подготовить распоряжение о запрете торговли оружием и алкоголем (это распоряжение, однако, так и не появилось). В письме к путешественнику А. Гордон приглашал его приехать в Новую Зеландию, выражая готовность выслушать его информацию и советы. Поездка, однако, по разным причинам не состоялась. Весной 1881 года Миклухо-Маклаю удалось добиться того, что А. Гордон предотвратил экспедицию белых колонизаторов из Новой Зеландии на Берег Маклая, — они собирались поселиться там.

110. Dolce far niente — состояние сонного полузабытья, сладостное безделье *(итал.)*.

111. Плавание Миклухо-Маклая растянулось более чем на 13 месяцев. Оно началось с посещения Новой Каледонии, затем продолжалось с заходами на острова Лойэлти, Новые Гебриды, группу Банк, Санта-Крус, Адмиралтейства, Новая Ирландия, Тробриандские, Соломоновы. На одном из островов архипелага Луизиады Миклухо-Маклай сошел со шхуны, чтобы дождаться здесь парохода, которым он мог бы попасть на Новую Гвинею. Вещи он оставил на шхуне, которая должна была доставить их в Сидней. Однако следы шхуны затем были потеряны, по слухам, шкипер ее умер, и Миклухо-Маклай получил лишь очень малую часть своего багажа. На пароходе «Элленгован», принадлежавшем миссионерскому обществу, Миклухо-Маклай познакомился с Дж. Чалмерсом, известным всей Океании миссионером. Чалмерс руководил миссией на южном берегу Новой Гвинеи, хорошо знал этот край, сам занимался этнографическими изучениями. С его помощью Миклухо-Маклай успел неплохо познакомиться с жизнью многих деревень южного побережья, собрать значительный антропологический и этнографический материал. Он побывал также на небольших островах Торресова пролива. В мае 1880 года он начал плавание вдоль восточного берега Австралии с заходами в ряд портов — Сомерсет, Куктаун, Таунсвиль.

С середины мая начался новый этап его путешествия — внутрь Австралии, на юге провинции Квинсленд. Он посетил здесь ряд городов, занимался анатомическими исследованиями в Брисбейне, подолгу жил на фермах крупных скотоводов. Одну из главных целей своих он видел в изучении аборигенов Австралии, он хотел проникнуть в их поселения и познакомиться с их образом жизни, однако австралийские колонизаторы воспрепятствовали этому.

В январе 1881 года он вернулся в Сидней.

112. В конце 1881 года Миклухо-Маклай принимает решение вернуться на время в Россию. Ему удается получить разрешение воспользоваться любым из возвращающихся в Балтику русских судов. В своих письмах в Географическое общество он объясняет

деловые цели своего возвращения: главная из них состоит в подготовке к изданию итогов его двенадцатилетних путешествий; для этого ему требуются года два спокойной жизни в Европе и минимальные средства; он рассчитывает на содействие РГО в решении этих жизненно важных для него проблем. К этому времени число публикаций работ и разных заметок Миклухо-Маклая на русском и иностранных языках превысило сотню. Он стал известен ученому миру не только как неутомимый путешественник, но и как крупнейший специалист по проблемам Океании и ее населения.

Миклухо-Маклай с горечью должен был признать, что постоянно жить в России ему уже не придется: «После 11-летнего пребывания под тропиками мое здоровье положительно принуждает меня избежать переселения в холодный климат». Местом постоянного пребывания он избирает Сидней — и потому, что он по климату наиболее подходит к его «весьма шаткому здоровью», и потому, что в Сиднее ему удалось создать Биологическую станцию, которая представляет много удобств для постоянной научной работы, и по близости к основному полю исследования — Океании, и потому, наконец, что отсюда удобнее всего действовать в защиту народов Океании от колонизаторов и пытаться осуществить планы создания Папуасского союза...

Одна из главных забот Миклухо-Маклая — найти возможность погасить накопившиеся долги и получить субсидию, которая позволила бы ему спокойно заниматься наукой...

На клипере «Вестник» Миклухо-Маклай прибыл из Сиднея в Сингапур, здесь некоторое время был пассажиром фрегата «Герцог Эдинбургский», затем перебрался на крейсер «Азия» и доплыл на нем до Александрии и до Генуи, где пересел на броненосец «Петр Великий» и на нем в июне 1882 года прибыл в Кронштадт.

113. Ольга Николаевна умерла в 1881 году от дифтерита. Из письма можно понять, что Ольга очень много работала, чтобы обеспечить материально семью и помочь брату. О ее отношении к делам Николая Николаевича очень выразительно говорят хотя бы следующие строки ее письма Мещерскому 1874 года: «Я была уверена, что Коля благополучно возвратится из своего путешествия, — не знаю почему, но эта уверенность была велика и не обманула меня. Никогда Коля не умрет, прежде чем мы с ним не увидимся и он не передаст другим свое начатое дело. Его работы и труды не пропадут, как никогда не пропадает правое и справедливое дело. Только с такой уверенностью можно жить, иначе наша жизнь была бы настоящей толчеей...»

114. Сергей — старший брат в семье, в годы, когда писалось письмо, служил мировым судьей в Киевской губернии, вел дела по общему имению в Мáлине.

115. Без екивок (экивок) — без уверток.

116. По приезде в Петербург Миклухо-Маклай выступил с рядом публичных лекций, которые имели исключительный успех. Вот отрывок одного из газетных отчетов: «К семи часам вечера зал РГО наполнился изысканной петербургской публикой. Несмотря на впуск по билетам, зал был буквально переполнен, и за неимением мест многим пришлось стоять в проходе и даже в смежной с залой комнате. Ровно в восемь часов вечера П. П. Семенов ввел в залу под руку знаменитого путешественника, при появлении его раздался гром аплодисментов, которые не умолкали в течение нескольких

минут. На кафедру вошел уже украшенный сединами мужчина лет под сорок, невысокий ростом, видимо, не совсем здоровый, но с чрезвычайно энергическим выражением лица, каждая черта которого говорила о редкостном героизме и неутомимости».

Газеты подробно излагали рассказы Миклухо-Маклая и его различные научные наблюдения. По ходу лекций он неоднократно касался вопросов, связанных с колониализмом, с положением коренного населения Океании, и тем самым возбуждал в передовом обществе мысли о судьбе угнетенных малых народов Российской империи.

Интервью с ученым, сообщения о его планах, о содержании будущих крупных трудов, восторженные оценки его деятельности заполняли русскую печать в октябре — ноябре месяцах. Вот характерное высказывание одного журналиста: «Миклухо-Маклай приехал на родину, которая внесет его в число самых доблестных своих сынов».

Художники К. Маковский и А. Корзухин написали портреты путешественника. Л. Н. Толстой посвятил Миклухо-Маклаю целый раздел в своей новой книге «В чем моя вера?». Здесь отношения путешественника с папуасами он представил как образец отношений между людьми разных рас и культур.

Планы Миклухо-Маклая относительно издания его сочинений в России были одобрены, и ему была обещана денежная помощь.

В конце 1882 года Миклухо-Маклай выехал в Европу. Он побывал в Берлине, где участвовал в заседаниях Антропологического общества, заезжал в Париж, где встретился с другом А. Мещерским, посетил тяжелобольного И. С. Тургенева (об этой встрече сохранились воспоминания ученого и заметки самого Тургенева), был в гостях у Натальи Александровны Герцен, зять которой, Г. Моно, известный историк и прогрессивный публицист, написал о нем замечательный очерк, увидевший свет в парижском журнале. Затем Миклухо-Маклай направился в Лондон, где имел встречи с бывшим там в это время А. Гордоном, министром колоний Дерби, а также є общественными деятелями Англии. Речь шла о необходимости сохранить независимость Берега Маклая и благополучие его населения.

В конце февраля Миклухо-Маклай отплыл из Адена на судне, совершавшем рейс до Батавии, где он намеревался пересесть на какой-нибудь корабль до Сиднея. В одном письме с острова Амбоина он писал: «Не был здесь вот уже девять лет... Здесь в тропиках, на островах, так хорошо...»

Между тем планы Миклухо-Маклая изменил счастливый случай: в Батавии он встретил корвет «Скобелев» (так теперь назывался «Витязь», на котором ученый совершил свое первое плавание на Новую Гвинею)... Началось новое, последнее для Миклухо-Маклая, большое путешествие.

117. Перечень семян указывает на то, что Миклухо-Маклай рассчитывал внедрить в хозяйство папуасов многие тропические культуры, которые не только служили бы улучшению их питания, но и могли бы явиться предметом экспорта для будущего. Папуасского союза.

118. Carica papaya — дынное дерево, дает съедобные плоды.

119. Больше Миклухо-Маклаю побывать на своем Берегу не довелось. Находясь в Гонконге, он узнал, что правительство австра-

лийской провинции Квинсленд объявило об аннексии части Новой Гвинеи. Миклухо-Маклай понимал всю опасность этого акта, который угрожал в первую очередь массовым увозом папуасов на плантации и захватом их земель. На пути в Сидней в мае 1883 года Миклухо-Маклай встретил миссионера Чалмерса, и они совместно обратились к министру колоний Дерби с требованием защитить права папуасов на их земли, запретить вывоз их для рабского труда и пресечь продажу спиртных напитков. Спустя три недели Миклухо-Маклай отправил копию этого письма британскому премьер-министру, добавив от себя: «Мы надеемся, что имперское правительство не признает и не поддержит политику насилия, людокрадства и невольничества».

Британское правительство на этот раз не поддержало акции Квинсленда. Захват Новой Гвинеи был временно предотвращен.

В июне 1883 года Миклухо-Маклай вернулся в Сидней.

120. Телеграмма, о которой упоминается в письме, была послана, чтобы пресечь попытку шотландского авантюриста Мак-Ивера высадиться в Порту Константина и захватить плодородные земли папуасов. Благодаря вмешательству Миклухо-Маклая эта разбойная экспедиция не состоялась.

Характерно, что Миклухо-Маклай выступает от имени населения своего Берега, как бы уже объединенного в Папуасский союз.

«Под европейским протекторатом» — означало, что Миклухо-Маклай требовал международного правового признания независимости и гарантий ее для Берега Маклая. Наличие автономии позволило бы ему приступить к практической реализации проекта развития Берега, в том числе — создания Большого совета, устройства новых плантаций, организации школ и т. д.

121. Рита — Маргарита Робертсон, дочь бывшего премьера Нового Южного Уэльса. Миклухо-Маклай познакомился с нею в доме ее отца, с которым он был связан по делам организации Биологической станции. Молодые люди полюбили друг друга, и, когда Миклухо-Маклай уезжал в Россию, он увозил с собою фотографию Маргариты, на которой ее рукой были написаны первые буквы слов, составлявшие фразу (по-английски), предположительно читаемую ныне так: «Только смерть может разлучить нас». Находясь в Европе, он получил от нее письмо с формальным согласием на брак. Однако родственники Маргариты всячески препятствовали этому браку, что, конечно, объяснялось положением Миклухо-Маклая — отсутствием средств, нездоровьем и т. д. Маргарита проявила большую настойчивость и волю и в конце концов добилась согласия. Брак был очень счастливым, Маргарита быстро и легко вошла в круг интересов мужа, помогала ему в переписке и в подготовке к печати текстов на английском языке. В ноябре 1884 года родился сын, через год — второй.

122. 1884 год оказался решающим для судьбы восточной части Новой Гвинеи. Вокруг нее давно уже шла дипломатическая борьба между Англией и Германией. В конце концов обе державы одновременно приступили к аннексионистским действиям и в конце года произошел колониальный раздел: южная часть была захвачена Англией, северо-восточная, куда относился и Берег Маклая, — Германией. Германский посол в Петербурге 15 декабря официально объявляет о «принятии под покровительство германского императора» части Новой Гвинеи. У берегов ее появляется немецкий военный корабль, германский флаг поднят в Бонгу и на Били-Били,

делаются первые попытки скупить за бесценок у папуасов их земли. Миклухо-Маклай потрясен вероломством германского канцлера Бисмарка, который еще недавно публично заявлял, что необходимо защищать права туземцев от несправедливой эксплуатации. Телеграмма показывает, что Миклухо-Маклай по-прежнему считает себя полномочным представителем независимого Берега.

123. Миклухо-Маклай надеялся, что русское правительство поддержит его протест, а также будет отстаивать его юридические права на Берег. Позднее, воспользовавшись тем, что фактически Берег Маклая оставался еще не занятым колонизаторами, Миклухо-Маклай продолжал попытки обеспечить его автономию. Одновременно с этим он хотел создать там небольшое поселение из соотечественников и единомышленников, просил брата Михаила и нескольких друзей поскорее приехать. Из этих планов ничего не получилось, но ученый не терял надежды на то, что его Берег добьется независимости.

124. В апреле 1886 года Миклухо-Маклай вернулся в Россию — на этот раз с пароходом до Одессы. Он посетил сразу же царскую резиденцию в Крыму и добился встречи с царем. С одной стороны, он хотел убедить Александра III в необходимости отстаивать права на самостоятельность Берега Маклая, с другой — объяснить ему свою цель — устройство русских поселений в одном из пунктов залива Астролябии. Видимо, письмо явилось официальным продолжением беседы. Из письма явствует, что окончательный выбор места поселения еще не был сделан.

125. Программа, разработанная Миклухо-Маклаем, представляла собою утопический план создания где-то в Тихом океане демократической автономной области, которая формально подчинялась бы самодержавному государству и была бы под его защитой, но в то же время была бы свободна от власти полицейски-государственного аппарата, жила бы на началах коллективной общины, с собственным судом и управлением.

126. Специальная комиссия, созданная правительством для рассмотрения проекта Миклухо-Маклая, отвергла его. После дополнительных рассмотрений 9 декабря 1886 года Александр III подписал: «Считать это дело конченным. Миклухо-Маклаю отказать».

127. Миклухо-Маклай выехал в Австралию в марте 1887 года.

128. О последних месяцах жизни Миклухо-Маклая мы узнаем из дневника его жены Маргариты. Денег не было, в условиях очень холодной зимы болезни обострились, Николай Николаевич ужасно страдал от невралгии, приступов ревматизма. В феврале его положили в клинику Вилие под наблюдение знаменитого врача — профессора Боткина. Состояние его менялось, и даже появилась надежда на лучшее, но затем наступило резкое ухудшение, и 14 апреля Миклухо-Маклай скончался. На похоронах его друг В. И. Модестов, кроме всего другого, сказал: «Мы хороним человека, который стяжал себе всемирную славу... самоотверженной преданностью науке и самой редкой энергией. Он открывал неведомые страны, изучал никем не виденные народы. Перед его воображением были открыты постоянно самые широкие горизонты, среди которых могли бы проявиться ум и деятельность человека, и для его железной воли не представлялось ничего невозможного... Мы хороним человека, который прославил наше отечество в самых отдаленных углах земного шара...»

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия 4

Письмо Л. Н. Толстого Н. Н. Миклухо-Маклаю *(25 сентября 1886 г.)* 4

Ответное письмо Н. Н. Миклухо-Маклая *(С.-Петербург, 29 января 1887 г.)* 5

I

Первое пребывание на берегу Маклая в Новой Гвинее *от сент. 1871 г. по дек. 1872 г.* 8

Из статьи «Почему я выбрал Новую Гвинею» *(1871 г.)* . 194

Из письма Ф. Р. Остен-Сакену *(Тернате, Молуккские острова, 4 февраля 1873 г.)* 194

Из статьи «Антропология и этнология меланезийцев» *(1886 г.)* 195

Из статьи «Краткое сообщение о моем пребывании на восточном берегу ос. Новой Гвинеи в 1871—1872 годах» 196

Из письма матери, Екатерине Семеновне *(Тернате, февраль 1873 г.)* 197

Из письма сестре Ольге *(Тернате, февраль 1873 г.)* . . 197

Из письма матери *(Гонконг, апрель 1873 г.)* 198

Из письма другу А. А. Мещерскому *(Гонконг, апрель 1873 г.)* 199

Из письма председателю Русского географического общества вел. кн. Константину Николаевичу *(Гонконг, май 1873 г.)* 199

Из письма другу А. А. Мещерскому *(Бюйтензорг, о-в Ява, июль 1873 г.)* 200

Из письма ему же *(Бюйтензорг, ноябрь 1873 г.)* . . . 200

Из письма ему же. *(Амбоина. Восточная Индонезия, январь 1874 г.)* 200

Из письма ему же *(Гесир, Восточная Индонезия, февраль 1874 г.)* 200

II

Вторая поездка в Новую Гвинею 202

Из сообщения о путешествиях, сделанного в Русском географическом обществе в 1882 г. 211

Из меморандума генерал-губернатору Нидерландской Индии 212

Два путешествия по Малаккскому полуострову 1874—1875 гг. *(Из писем в Русское географическое общество)* 213

Секретарю Русского географического общества *(Бюйтензорг, декабрь 1875 г.)* 221

Из письма другу А. А. Мещерскому *(Тихий океан, март 1876 г.)* 222

Секретарю Русского географического общества *(Тихий океан, шхуна «Sea Bird», май 1876 г.)* 223

Из письма ему же *(3 июля 1876 г. Конфиденциально)* . 223

III

Из дневника второго путешествия на Берег Маклая *(1876—1877 гг.)* 226

Из письма А. А. Мещерскому *(сентябрь, мыс Бугарлом, ноябрь 1877 г., около о-ва Агомес)* 250

Из статьи о втором пребывании на Берегу Маклая *(1877 г.)* 253
Из сообщения о путешествиях, сделанного в Русском географическом обществе в 1882 г. 254
Из письма вице-председателю Русского географического общества П. П. Семенову *(Сингапур, январь 1878 г.)* 256
Из письма другу Ф. Р. Остен-Сакену *(Сингапур, апрель 1878 г.)* 256
Из письма сестре Ольге *(Сидней, август 1878 г.)* . . . 257
Из письма сэру Артуру Гордону, британскому верховному комиссару в западной части Тихого океана *(Сидней, январь 1879 г.)* 258
Из письма П. П. Семенову *(Сидней, 13 февраля 1879 г.)* 259

IV

Из дневника путешествия на острова Меланезии в 1879 г. 262
Из письма великому князю Николаю Михайловичу *(Сидней, июнь 1881 г.)* 278
Из письма брату Михаилу *(на пути в Россию, фрегат «Герцог Эдинбургский», апрель 1882 г.)* 280
Из письма ему же *(крейсер «Азия», Александрия, июнь 1882 г.)* 280
Из письма вице-председателю Русского географического общества П. П. Семенову *(крейсер «Азия», Александрия, июль 1882 г.)* 281
Из письма Ф. Р. Остен-Сакену *(конфиденциально, крейсер «Азия», Александрия, июль 1882 г.)* 282
Из письма ему же *(броненосный корабль «Петр Великий». Шербург. 15/27 августа 1882 г.)* 282
Из интервью корреспонденту газеты «Новости и Биржевая газета» *(С.-Петербург, сентябрь 1882 г.)* . . . 283
Из выступления в Географическом обществе *(1 октября 1882 г.)* 284
Из выступления там же 8 октября 284

V

Третье посещение Берега Маклая *(1883 г.)* 286
Из письма лорду Дерби, статс-секретарю колоний *(Сидней, октябрь 1883 г.)* 296
Телеграмма гофмаршалу, князю В. С. Оболенскому *(Сидней, ноябрь 1883 г.)* 296
Из письма брату Михаилу *(Сидней, ноябрь 1883 г.)* . . 297
Из письма адмиралу Вильсону *(Австралия, март 1884 г.)* 297
Из письма английскому знакомому Масгребу *(Австралия, март 1884 г.)* 297
Телеграмма канцлеру Бисмарку *(Мельбурн, январь 1885 г.)* 297
Из письма министру иностранных дел России Н. К. Гирсу *(Мельбурн, январь 1885 г.)* 297
Из письма императору Александру III *(С.-Петербург, июль 1886 г.)* 298
Из письма министру иностранных дел Н. К. Гирсу *(С.-Петербург, август 1886 г.)* 298
Письмо в редакцию петербургских газет *(С.-Петербург, февраль 1887 г.)* 299
Из письма брату Сергею *(С.-Петербург, март 1887 г.)* 299

Из письма Наталии Александровне Герцен(?). *(По пути в Австралию, пароход «Неккар», апрель—май 1887 г.)* 300
Из письма неизвестному лицу *(май 1887 г.)* 300
Из письма брату Михаилу *(С.-Петербург, сентябрь 1887 г.)* 301
Из письма ему же *(январь, 1888 г.)* 301
Профессору-антропологу А. П. Богданову *(С.-Петербург, клиника Вилие, 15 марта 1888 г.)* 302

Послесловие. Б. Н. Путилов 303

Примечания 318

ИБ № 3053

ЧЕЛОВЕК С ЛУНЫ

Редактор **Г. Быкова**
Художник **В. Карасев**
Художественный редактор **К. Фадин**
Технический редактор **Н. Носова**
Корректоры **А. Долидзе, В. Назарова**

Сдано в набор 03.03.82. Подписано в печать 09.09.82. А03371. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 17,64. Учетно-изд. л. 19,4. Тираж 100 000 экз. Цена 70 коп. Заказ 174.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

70 коп.

Великий русский путешественник Николай Николаевич Миклухо-Маклай родился 17 июля 1846 года, умер 14 апреля 1888 года.

Его жизнь, полная замечательных дел, больших испытаний, драматических событий, сохраняет для нас и сейчас, спустя столетие, жгучий интерес. О таких людях, как Миклухо-Маклай, А. П. Чехов говорил: «Их идейность, благородное честолюбие, имеющее в основе честь родины и науки, их упорство, никакими лишениями, опасностями и искушениями личного счастья, непобедимое стремление к раз намеченной цели, богатство их знаний и трудолюбие, привычка к зною, к голоду, к тоске по родине, фанатическая вера в... цивилизацию и в науку делают их в глазах народа подвижниками, олицетворяющими высшую нравственную силу...»

О Миклухо-Маклае написано множество книг, статей, очерков. Но лучше всего о своих путешествиях написал он сам в своих путевых дневниках, отчетах, письмах.